

Министерство национальной политики Республики Коми
Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

К.Ф. ЖАКОВ:
ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА

Коллективная монография

Сыктывкар

2018 г.

УДК 821.511.132-3: 140.8 (092)
ББК 83.3: 87.3 (2 Рос.Ком)

К.Ф. ЖАКОВ: ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА. Коллективная монография.
Сыктывкар, 2018. 309 с.

ISBN 978-5-906394-41-5

Редакционная коллегия:

Т.Л. Кузнецова (отв. редактор), Н.В. Горинова (отв. секретарь),
Е.В. Ельцова, А.В. Малева, Л.Е. Сурнина.
Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Рецензенты:

доктор философии, преподаватель Института восточных языков и культур
INALCO Эва Тулуз, Президент ADEFO (Ассоциация финно-угорских
исследований) (Франция, г. Париж).

доктор филологии, профессор, зав. департаментом Русистики и
славистики Латвийского университета Л.В. Спроге (г. Рига).

В работе рассмотрено творческое наследие Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926), коми писателя, получившего известность в России начала XX в., философа, создавшего оригинальную философскую систему, исследователя, изучавшего этнографию финно-угорских народов. Выявлена роль К.Ф. Жакова в развитии культуры народа коми. В основе книги – доклады, прозвучавшие во время работы Международного симпозиума «К.Ф. Жаков: жизнь и творчество» (г. Сыктывкар, 19-21 мая 2016 г.), организованного и проведенного сектором литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар) при поддержке Министерства национальной политики Республики Коми.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержатся данные, не подлежащие открытой публикации.

При перепечатке материалов ссылка на данное издание обязательна.

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2018.

© Коллектив авторов, 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Авторский коллектив	8
1. К. Жаков – художник слова	11
1.1. Синтетический дискурс К. Жакова: этнография, литература, философия	11
1.2. Поэтика автобиографического жанра в пермских литературах начала XX в. (К. Жаков, К. Митрей, И. Мосшег)	26
1.3. Путешествие в пространстве культуры. Эпическая основа философско-художественного стиля творчества К.Ф. Жакова	42
1.4. Поэма «Биармия» в переводе Яниса Райниса (1923 – 1928)	50
1.5. Художественно-мифологический концепт МУЖЧИНА в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия»	60
1.6. Некоторые наблюдения над переводом на коми язык произведения К.Ф. Жакова «Биармия»	67
1.7. Проза К.Ф. Жакова в контексте натурфилософской традиции	74
1.8. Письма коми ученых Юрьё Вихманну как историко-литературный источник (К. Жаков, В. Налимов, В. Лыткин и др.)	82
2. К. Жаков как философ	92
2.1. «Кто ищет, вынужден блуждать»: замыслы и результаты философских исканий К. Жакова.....	92
2.2. Философия религии К.Ф. Жакова	104

2.3.	Религиозный модернизм начала XX в. и философия К. Жакова	113
1.11.	Каллистрат Жаков – профессор Психоневрологического Института и педагог Черняевских общеобразовательных курсов	122
3.	К. Жаков и этнография	148
3.1.	Пионеры коми этнографии и роль К. Жакова в изучении этнографии народа коми	148
3.2.	Творчество К.Ф. Жакова как опыт построения синтетической модели культурно-национальной идентичности народа коми (зырян)	153
3.3.	П. Сорокин и К. Жаков о проблеме перехода коми народа (зырян) от традиционного общества к современности	161
3.4.	Роль этнического бессознательного в творчестве поэтов Урало-Поволжья начала XX в.	170
3.5.	К вопросу об отношении К. Жакова к проблеме малочисленных народов: политика имперской унификации в отношении северного региона в XIX – начале XX в.	178
4.	Рецепция творческого наследия К. Жакова	186
4.1.	Публикации К.Ф. Жакова в журнальной периодике (1901 – 1918 гг.)	186
4.2.	К.Ф. Жаков в Венгрии (что известно венграм о коми писателе и философе: информация о жизни и творчестве, переводы произведений)	194
4.3.	Концептуализация творчества К.Ф. Жакова в русскоязычном газетном дискурсе Республики Коми	202
4.4.	К вопросу изучения автобиографического романа К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» на уроках литературы	208

4.5.	Сказки К.Ф. Жакова как основа занятий по развитию миропонимания детей дошкольного и младшего школьного возрастов	215
5.	Формирование традиций К. Жакова в коми литературе	220
5.1.	К проблеме подключения произведений К. Жакова к национальной словесности (на примере литературной трансплантации рассказа «Атаман Шыпича»)	220
5.2.	К.Ф. Жаков в судьбе и творчестве В.Т. Чисталева	228
5.3.	Особенности художественного осмысления действительности К.Ф. Жаковым и новейшая коми проза	237
5.4.	Мироощущение К.Ф. Жакова в контексте современной коми поэзии	247
5.5.	Традиции К. Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» (Поэма о Храмах)	258
6.	Наследие К. Жакова в фондах музеев	267
6.1.	История формирования фонда К. Жакова в Литературном музее И.А. Куратова (к 150-летию со дня рождения коми писателя и ученого К.Ф. Жакова)	267
6.2.	Личный фонд К.Ф. Жакова в Музее истории просвещения Коми края	274
6.3.	История формирования коллекции К.Ф. Жакова в Национальной библиотеке Республики Коми	280
	Приложения	285
1.	Российские потомки Каллистрата Жакова	285
2.	Из литературно-критического наследия К. Жакова	288
	К.Ф. Жаков «Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества»	289

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866-1926) – крупнейший коми писатель, получивший известность в России начала XX в., творчество которого высоко ценили такие признанные художники слова, как М. Горький, А. Блок, В. Брюсов, Л. Андреев и др., философ, подвергший критике все существующие философские системы и создавший оригинальную, получившую название «лимитизм».

Великий художник слова, мыслитель, К.Ф. Жаков близок нашей драматичной современности; мироотношение героев его художественных произведений, основные положения его учения созрели в лоне времени конца века – начала века. И, думается, должно выразить отношение современника к его творческому наследию. Осмысление творческого наследия К.Ф. Жакова в период другого порубежья позволит точнее и тоньше ощутить особенности его мироотношения и мировоззрения. Труды К.Ф. Жакова, его художественное творчество востребованы современным обществом. Именно это обстоятельство актуализирует результаты работы научного форума – Международного симпозиума «К.Ф. Жаков: жизнь и творчество» (Сыктывкар, 19-21 мая 2016 г.) –, организованного и проведенного сектором литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар) и способствует оформлению их в цельную форму монографического характера. Данная работа – одна из попыток современной науки (несомненно, впитавшей опыт исследований предыдущих лет) осмыслить многогранное творчество К. Жакова, многие годы пребывавшего под запретом. Изучение творческого наследия К.Ф. Жакова как феномена культуры, выработки взгляда, имеющего основой современные методологические положения науки, на концептуальные воззрения К.Ф. Жакова имеет важное значение для духовной жизни современного общества, которое переживает непростой период переосмысления. В концептуальной основе данной работы – мысль о личности неординарной, одаренной, напряженная интеллектуальная жизнь которой была связана не только с исследованием закономерностей развития природы и общества, но и с глубокими раздумьями о судьбах

немногочисленных народов. Его напряженные интеллектуальные и художественные поиски открывают глубокий мир, терзаемый неразрешимыми противоречиями. И, следует отметить, эта очень непростая духовная жизнь становится ближе и понятней на рубеже других веков.

Необходимость комплексного исследования, целостного осмысления феномена К.Ф. Жакова, его личности в социокультурном контексте, особенностей мировоззренческих взглядов ученого, философского осмысления им действительности и художественного постижения жизни актуализирует настоящее исследование. На наш взгляд, выявление особенностей рецепции творческого наследия К.Ф. Жакова коррелирует и со многими сторонами жизни и деятельности современного общества. Изучение специфики рецепции не только позволяет осветить многие аспекты культуры, но и выявить органичную связь творчества великого К.Ф. Жакова с современностью, подчеркнуть актуальность многих его идей. Пусть результаты исследований, изложенные в данной работе, послужат ответом на горькие слова самого Каллистрата Фалалеевича Жакова, включенные в текст автобиографического романа «Сквозь строй жизни» (1914): «Я хочу помочь зырянам, но не имею никаких средств на это...»

Татьяна Кузнецова,
к. филол.н., зав. сектором литературоведения ИЯЛИ
Коми НЦ УрО РАН

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Предисловие – к.филол.н. **Кузнецова Т.Л.** (г. Сыктывкар);

Синтетический дискурс К. Жакова: этнография, литература, философия – д.филол.н. **Орлицкий Ю.Б.** (г. Москва);

Поэтика автобиографического жанра в пермских литературах начала XX в. (К. Жаков, К. Митрей, И. Мосшег) – д.филол.н. **Зуева-Измайлова А.С.** (г. Ижевск);

Путешествие в пространстве культуры. Эпическая основа философско-художественного стиля творчества К.Ф. Жакова – к.культурологии **Котылев А.Ю.** (г. Сыктывкар);

Поэма «Биармия» в переводе Яниса Райниса (1923-1928) – д. философии **Ковальчук С.Н.** (г. Рига);

Художественно-мифологический концепт МУЖЧИНА в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия» – к.филол.н. **Немирова Н.В.** (Сыктывкар);

Некоторые наблюдения над переводом на коми язык произведения К.Ф. Жакова «Биармия» – к.филол.н. **Остапова Е.В.** (г. Сыктывкар);

Проза К.Ф. Жакова в контексте натурфилософской традиции – к.филол.н. **Зиявадинова О.С.** (г. Сыктывкар);

Письма коми ученых Юрьё Вихманну как историко-литературный источник (К. Жаков, В. Налимов, В. Лыткин и др.) – д.филол.н. **Зуева-Измайлова А.С.** (г. Ижевск);

«Кто ищет, вынужден блуждать»: замыслы и результаты философских исканий К. Жакова – д. философии **Ковальчук С.Н.** (г. Рига);

Философия религии К.Ф. Жакова – д.философ.н. **Муравьев В.В.** (г. Сыктывкар);

Религиозный модернизм начала XX в. и философия К. Жакова – **Лисовская Г.К.** (г. Сыктывкар);

Каллистрат Жаков – профессор Психоневрологического Института и педагог Чернышевских общеобразовательных курсов – к.социол.н. **Ломоносова М.В.** (г. Санкт-Петербург);

Пионеры коми этнографии и роль К. Жакова в изучении этнографии народа коми – д.и.н. **Шабает Ю.П.** (г. Сыктывкар);

Творчество К.Ф. Жакова как опыт построения синтетической модели культурно-национальной идентичности народа коми (зырян) – к.культурологии **Мелехина М.Б.** (г. Ухта);

П. Сорокин и К. Жаков о проблеме перехода коми народа (зырян) от традиционного общества к современности – к.и.н. **Кузиванова О.Ю.** (г. Сыктывкар);

Роль этнического бессознательного в творчестве поэтов Урало-Поволжья начала XX в. – д.филол.н. **Родионов В.Г.** (г. Чебоксары);

К вопросу об отношении К. Жакова к проблеме малочисленных народов: политика имперской унификации в отношении северного региона в XIX – начале XX вв. – д.и.н. **Гагиева А.К.** (г. Сыктывкар);

Публикации К.Ф. Жакова в журнальной периодике (1901-1918 гг.) – к.филол.н. **Рыжова Е.А.** (г. Сыктывкар);

К.Ф. Жаков в Венгрии (что известно венграм о коми писателе и философе: информация о жизни и творчестве, переводы произведений) – д. философии **Ракин Н.А.** (г. Сыктывкар);

Концептуализация творчества К.Ф. Жакова в русскоязычном газетном дискурсе Республики Коми – **Исакова А.А.** (г. Сыктывкар);

К вопросу изучения автобиографического романа К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» на уроках литературы – **Сурнина Л.Е.** (г. Сыктывкар);

Сказки К.Ф. Жакова как основа занятий по развитию миропонимания детей дошкольного и младшего школьного возрастов – **Ануфриева Л.А.** (г. Сыктывкар);

К проблеме подключения произведений К. Жакова к национальной словесности (на примере литературной трансплантации рассказа «Атаман Шыпича») – к.пед.н. **Лимерова В.А.** (г. Сыктывкар);

К.Ф. Жаков в судьбе и творчестве В.Т. Чисталева – к.филол.н.
Ельцова Е.В. (г. Сыктывкар);

Особенности художественного осмысления действительности
К.Ф. Жаковым и новейшая коми проза – к.филол.н. **Кузнецова Т.Л.**
(г. Сыктывкар);

Мироощущение К.Ф. Жакова в контексте современной коми
поэзии – к.филол.н. **Малева А.В.** (г. Сыктывкар);

Традиции К. Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь
поэма» (Поэма о Храмах) – к.филол.н. **Горина Н.В.**
(г. Сыктывкар);

История формирования фонда К. Жакова в Литературном музее
И.А. Куратова (к 150-летию со дня рождения коми писателя и
ученого К.Ф. Жакова) – **Холопова Д.Г.** (г. Сыктывкар);

Личный фонд К.Ф. Жакова в Музее истории просвещения Коми
края – д.культурологии **Бурлыкина М.И.** (г. Сыктывкар);

История формирования коллекции К.Ф. Жакова в Национальной
библиотеке Республики Коми – **Нефедова Е.Г.** (г. Сыктывкар);

Приложение – Российские потомки Каллистрата Жакова –
Артеев А.Б. (г. Сыктывкар);

Приложение – Из литературно-критического наследия К. Жакова
– подготовка текста к публикации и предисловие. – д.филол.н.
Орлицкий Ю.Б. (г. Москва).

1. К. Жаков – художник слова

1.1. Синтетический дискурс К. Жакова: этнография, литература, философия

Начну с парадоксального утверждения: в своей синтетичности К. Жаков типичен для своего времени. Для России рубежа XIX–XX вв. – впрочем, как и для всей остальной Европы этого времени – соединение разных талантов в лице одной крупной личности – почти закон, начиная с гениев конца уходящего века: например, властителей дум Ницше, который был философом, поэтом, прозаиком и композитором или Вагнера – композитора, поэта, теоретика искусства.

Я назвал именно эти два имени, потому что во многом вслед им пробуют свои силы – и чаще всего успешно – гении российского Серебряного века: Волошин – поэт, художник, критик; Белый – поэт, прозаик, философ, филолог, Маяковский – поэт и художник, Пастернак – поэт и композитор, Малевич – художник, поэт, теоретик искусства, Кандинский – художник, поэт, теоретик, Чюрленис – художник и композитор ... список можно продолжать практически бесконечно. В этом же ряду, безусловно, оказывается и Каллистрат Жаков – поэт, прозаик, критик, этнограф, философ.

Известно, что свои первые статьи молодой Жаков публиковал в этнографических изданиях, причем это было и собственно описание нравов и обычаев своего народа, и экономические обзоры, и фольклорные исследования, и исторические экскурсы – в общем, этнография в самом широком понимании. Поэтому не случайно очень скоро из документальных очерков жизни народа происходят художественно-мифологические произведения: сказки, рассказы, стихотворения, пролагающие путь к авторскому эпосу «Биармия». Как справедливо писала Е. Созина, «религиозно-философские и научно-художественные поиски Жакова носили синкретический характер. В художественных произведениях это проявлялось в объединении начал разных родов и жанров: этнографизм, внедрявшийся в литературу со времен «натуральной школы»,

преломлялся у Жакова через среду напряженного лирико-философского повествования, так что жанровые границы его рассказов, очерков, легенд и сказок теряли привычную четкость и чаще всего не могут быть отнесены к тем или иным «чистым» жанровым формам» [18, с. 139].

Параллельно идет становление Жакова как оригинального философа, создателя оригинальной философской системы – сначала как критика мыслителей прошлого и современности (Платона, Канта, Ницше, Виндельбанда), а потом – как автора собственной концепции, вобравшей в себя идеи и методы многих предшественников.

Тогда же, в первые десятилетия 1900-х гг., Каллистрат Фалалеевич пробует свои силы в других областях гуманитарного творчества: литературной критике, публицистике, педагогике, логике, постоянно печатает статьи о властителях умов: Ницше, Толстом, Достоевском, Чехове, Гамсуне, активно преподает и выступает с публичными лекциями.

Очевидно, все эти роды творческой деятельности были необходимы Жакову прежде всего для выработки особого философского языка – общедоступного, выразительного, ориентированного на постоянный диалог с собеседником и читателем. Особенно это стало ясно в период лимитизма, когда из-под пера поэта-философа выходят многочисленные беседы – как написанные им самим, так и записанные учениками. Некоторые из этих произведений имеют драматургическую (диалоговую), некоторые – стихотворную форму, что было необычно даже для культуры привыкшего ко всему Серебряного века.

При этом очень важно, что синтетическая установка была характерна для Жакова буквально с первых самостоятельных шагов. Именно поэтому нельзя рассматривать его творческий путь как последовательную смену дискурсов; скорее, имеет смысл говорить о постоянном накапливании все новых и новых способов говорения/писания и соответствующих им языковых и художественных средств.

Как известно, первыми опубликованными произведениями Жакова были опубликованные в 1901 г. этнографические статьи «Этнологический очерк зырян» («Живая старина») и «Языческое мирозерцание зырян» («Научное обозрение»). Напомним начало второй из них: «Кто путешествовал по берегам рек – Выми, Пожега, Вишеры (притоков Вычегды) – и видел сосновые дремучие леса и белый ягель у корней сумрачных деревьев,

«дикую розу» (шиповник) на полянах и морошку в беспредельных болотах, кто слушал однообразный шум многоводных лесных потоков, бродя по еле заметным тропинкам в больших «волоках», где деревни являются редкими оазисами, кто все это видел и вдумался в величие и простоту этой природы и власть ее над человеческим воображением, тот придет к заключению, что народ, живущий здесь, должен до сих пор держаться политеизма, верования, сущность которого в олицетворении великих явлений природы.

Если же путешественник обратил внимание на короткое лето с частыми неурожаями, на долгую зиму с глубокими сугробами снега, с яркими звездами на далеком, холодном небе, на синие сумерки пред утренней и вечерней зарей, на пурпурное солнце над белыми холмами (восходящее на юге и тотчас же заходящее), на таинственную тишину в бесконечных лесах, где в морозном воздухе раздается только стук дятла зимою и пение клеста и шура раннею весною, – то он добавит к своему заключению, что воображение жителей этого края должно быть поражено таинственной, спокойной, суровой природой и полно своеобразного грубого мистицизма и недоверия к природе и человеку.

...

Дремучий лес окружает зырян. Этому лесу они не знают конца. По свойству первобытного человека – все уподобить себе, олицетворить, – одухотворить, – этот лес стал для него живым существом, могучим, таинственным, грозным (шум леса в непогоду, эхо в нем в тихое время наводили дикаря на мысль, что лес – существо живое).

Прошли столетия, когда это грозное существо разделилось в уме некультурного человека на два существа, на лес, полный чудес и тайн, и на сурового хозяина в нем, бога лесов» [10, с. 68-70].

Мы видим, что здесь, как и во всем этом раннем этнографическом очерке Жакова, элемент художественности чрезвычайно значим, самоценен, и в то же время – непосредственно «работает» на создание научного описания; нетрудно понять, почему позднее этнографическое начало без труда растворяется в прозе писателя.

В 1904 г. появляется в печати первое философское исследование автора – «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания», а в следующем – сказка «Гулень на небе» и книга «На Север в поисках за Памом Бур-

Мортом», на которой хотелось бы остановиться особо. По сути дела, это – первая художественная книга начинающего автора, в которой он сразу же продемонстрировал принципиальную многосоставность своего дара.

«На Север в поисках за Памом Бур-Мортом» – первая синтетическая книга: открывают ее «Несколько слов от автора», сразу же определяющие особенность будущей книги. По признанию автора, в нее он собирается включить «поиски свои и свои впечатления о севере великом» [5, с. 4] (этими словами Жаков подчеркивает документальный характер своих наблюдений, ставших основой первых рассказов книги) и следующие за ними «сказания о мудром Паме», о котором повествователь узнает «от одного пастуха»; наконец «Думы и песни» самого Пама Бур-Морта: четыре больших стихотворения, написанных от лица эпического героя.

При этом уже на полутора страницах лаконичного авторского вступления находится место для красочного лирического описания северной природы; однако в нем не упомянут еще один важный композиционный элемент книги – «Тетрадь неизвестного поэта», якобы найденная повествователем и включающая несколько лирических стихотворений и один рассказ – «отклик великого Бур-Морта».

Их появление в книге предвосхищается помещением между рассказов первой части стихотворной «Думы», написанной от лица повествователя. Наконец, произведения Пама предваряются появлением голоса пастуха, сначала поющего песни, в том числе и о герое, а затем рассказывающего легенду о нем.

Таким образом, складывается уникальная композиция книги, по ходу которой несколько раз сменяется повествователь и характер повествования: с лирического на эпическое и обратно. Это можно было бы объяснить недостаточной опытностью Жакова-прозаика, если бы такая прихотливая смена не вписывалась в общую установку писателя, постоянно меняющего модус своего повествования.

Подобная многослойность характерна и для ранних критических* и историко-философских статей Жакова. Так, в статье о «Братьях Карамазовых» большое место занимают философские и богословские размышления автора, а, читая работу о Гамсуне, трудно отказаться от мысли, что Жаков и

---

* О критических статьях Жакова также: с. 35-49; 6. С 235-236.

здесь в первую очередь писал о себе, о своей собственной судьбе и судьбе своего народа:

«В стране, где скалы возвышаются над скалами; где дремучие боры причудливо расположились по горам, пересекаемые ущелиями и пропастями, где реки богаты водопадами, а берег моря украшен фиордами, – в такой стране должны были развиваться поэзия сказки, поэзия чудес природы, великих одиноких личностей, поэзия любви к красотам Мира, доходящей до религиозного экстаза, противоречий героев с толпой, кончающихся трагедией, гибелью сверхчеловека.

Долгие зимние ночи, озаренные яркоблещущими звездами севера и таинственным полярным сиянием, бурная весна, короткое лето с белыми ночами – все это вместе взятое, при упрямстве и прямолинейности северных характеров – дало любопытную литературу, все более и более привлекающую внимание остальной Европы» [3, с. 5].

Напомню, что его работы в этом жанре посвящены, кроме Гамсуна, наиболее знаковым фигурам русской литературы начала XX в.: Достоевскому, Толстому, Чехову, Леониду Андрееву, а также эстетическим и философским проблемам, волновавшим современников поэта – например, соотношению аполлонического и дионисийского (вполне в духе Вяч. Иванова).

Особняком стоит среди критики и эссеистики Жакова его небольшая вступительная заметка к книге стихов Моисея Скороходова 1916 г., автора двух стихотворных книг. В силу ее небольшого объема приведем ее целиком; тем более, что, как и в случае с Гамсуном, речь здесь идет в первую очередь о самом Жакове и его собственном понимании современного литературного творчества и его актуальных задач:

«Для чего пишутся предисловия к стихам? Для того, чтобы высказать то впечатление, которое они произвели, выразить ту идею, которая заключается в творениях поэта, чаще всего неизвестная ему самому. Поэт не знает своей идеи, и в этом его счастье и душевный покой.

Вот сейчас предо мною стихи молодого поэта Моисея Скороходова. Сквозь его строчки я вижу одинокого, страдающего человека, который ищет дорогу к самому себе и не находит. Он разговаривает с рекою, солнцем, луною и со всей природой. Отдалившись от людей, он инстинктивно ищет, сам того не ведая, друга в природе, любящая мать природа ему отвечает, и поэт жив душою. Но вот он входит в город, и уныние и полное одиночество охватывают его.

«Привычно дерзки сеть улыбок
И блеск усталой наготы,
И воздух здесь развратно зыбок
Восторгом чувственной мечты», –

говорит он в стихотворении «В кафе». Долше он поживет в городе, и не то еще увидит. Он будет увядать душой и телом, сам того не ведая, отчего. Я от души желаю, дабы Моисей Скороходов дальше нарисовал нам, что испытает он в городе. Тем поможет он нам развить «третью литературу», которой у нас нет: не литературу лубочную, не литературу «интеллигентскую», а «третью», выражающую, как увядает, как борется свежий человек, попавший в центр культуры. По нашему мнению, это – литература грядущего, писательство о гибели и торжестве первобытного человека, вступившего в смертельную борьбу с ложными сторонами культуры» [7, с.3-4].

Однако для собственной поэзии Жаков, в отличие от Скороходова, выбирает не традиционный силлабо-тонический стих, а новаторскую для своего времени форму свободного стиха, как нельзя лучше подходящую для его натурфилософский и мифологической лирики начала XX в. и как нельзя лучше воплощающую общий синтетический вектор его творчества в целом:

«Впервые проснулся я в волнах океана...
Тысяча тысяч тысячелетий прошло с тех пор,
И в тумане вижу я то время...
Тогда я был моллюском и плавал
У берегов теперешнего Индокитая.
На спине у меня был известковый панцирь,
И не боялся я врагов.

Долго я плавал одинокий в зеленых волнах
Под жаркими лучами солнца,
Игравшего в брызгах океана Бисером и жемчугом.

Напоследок встретил подругу жизни –
Моллюска под прозрачным зеленым панцирем.
Страсть загорелась в жизненной влаге моей,
И хотел уже овладеть я ею,
Как сильный удар морского рака
Оглушил меня надолго, и много лет я
Дремал в лучезарной природе!..

...

И долго я спал, дети мои...
И что делал Отец мой без меня,
Не знаю, но помню, что потом
Родился я человеком.
Я был сын знаменитого Парменида,
Который удивил мир своим остроумием,
Я знал славные времена
Человечества.
Нет, не бывать таким временам,
Когда философы бодро ходили по городам,
Входили в портики храмов
И вслух истину возвещали!
Знатные граждане и гордые тираны
Приглашали их в свои светлые палаты,
Украшенные колоннами, и угощали их,
Одетых в красные и белые хитоны,
Нектаром и амброзией, а они,
Вдохновенные, лучезарную истину
Впервые людям открывали...
А слова их были равны мыслям,
Мысли – поступкам» [5, с. 160; 162-163].

Обращение к технике свободного стиха, позволяющей без ущерба вместить прозаический строй речи и уйти от традиционных поэтизмов, дает Жакову возможность и в рамках поэтической речи осуществить синтез стихотворного и прозаического, художественного и философского начал.

Кстати, в этом смысле стихотворения Жакова можно назвать одной из первых в русской традиции параллелей к свободным стихам Уолта Уитмена, более или менее точные переводы которых, выполненные К. Бальмонтом и К. Чуковским, появляются на русском языке чуть позже [12, с. 258]; интересно, что П. Сорокин в 1912 г. посвятил американскому поэту восторженную статью «Бард жизни» [19]. Интересно, что эта статья была опубликована в журнале, само название которого показывает, как актуальна была жаковская синтетичность для того времени – «Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни».

Интересно, что этот же тип стиха Жаков использует и для передачи в своих очерках и рассказах народных песен коми, следуя в этом за подстрочниками, приведенными в книге Г.С. Лыткина 1889 г. [19].

Еще одна форма синтеза, активно используемая Жаковым в его этнографической и художественной прозе – прозиметрия, то есть соединение в рамках одного произведения или сверхтекстового единства книги прозы и стиха [16, с. 411-431]. В этом смысле характерно прозаическое завершение последней «песни» Пама, заключающее и всю книгу 1905 г.:

«Весь город собрался на берег посмотреть на великое чудо, – этим чудом был я. Сам царь Сиамский вышел на балкон и с великим удивлением глядел на меня.

Мне жаль стало людей, и прослезился я,
И тихо, и с грустью заиграл я
На лире многозвучной.

В звуках я выражал
Вечность жизни духа;
Эти звуки говорили,
Что нет конца светлой вселенной.

Запел я о красотах иных миров,
Вдали лежащих от земли,
Да не поняли бы меня люди: им неизвестно,
Кто живет за млечным путем.

Как шум водопада, звон ручьев
Шелест листьев утренней порою,
Как пение собора пернатых
В тропических лесах
И лепет синего моря
В час вечернего заката –
Доносилась до людей моя игра.

И дальше продолжал путь свой,
Грустя о своем одиночестве.

Когда удалился я,
Народы устроили празднества
По случаю появления Будды...

Я шел до Гималайских гор
И сел на них отдыхать.
Посмотрел на восток и увидал комету.

«За мною она идет,
Чтобы уйти мне с земли на иные миры,
Кончилась сказка жизни моей
На этой планете.

Бесконечен же мой путь впереди,
Ибо я странник не одной Земли,
А всей Вселенной...» [5, с. 164-165].

В годы изгнания Жаков вновь возвращается к поэзии, и опять к «синтетическому» по своей природе верлибру, позволяющему объединить разные типы дискурса: на этот раз собственно художественный, философский и проповеднический:

ГИМН ТВОРЦУ

День Господень наступит вскоре.
Увижу я свет великий, в мире загробном,
в областях нематериальных.
День прекрасный настанет вскоре...
Свергну я тяжелое тело мое
И ненасытные инстинкты
Сбудется то, что предчувствовал я,
в юности глядя на таинственное небо.
День Господень наступит вскоре.
Я люблю тебя, люблю свет
Великий мироздания [2, с. 4].

Это стихотворение Жакова опубликовано его последователями в книге 1926 г. «Гимны» в одном ряду с молитвами и «думами», написанные еще одной чрезвычайно востребованной русским Серебряным веком (а равно и литературой европейского модернизма в целом) синтетической новой формой – прозаической миниатюрой [16, с. 220-281]; напомним, что к ней часто обращался также Николай Рерих.

Другой текст из книги 1926 г. «Гимн Северу» начинается так: «О, Север мой прекрасный! Вновь вижу сквозь прозрачный кристалл воображения твои пышные леса, пармы древние. Вот на горах, покрытых снегами, сосны поднимают свои кудрявые головы в лучах зари Востока. Едем мы с отцом лесной дорогой. Снег сыплется на голову...» [2, с. 9]. В этом лирическом фрагменте нетрудно заметить и метризацию отдельных предложений (первого и четвертого; они совпадают, соответственно, с трехстопным ямбом и четырехстопным хореем); подобные

«случайные» метры [20], отсылающие читателя к стиховой традиции, нетрудно заметить и в других прозаических произведениях Жакова. Недаром Жаков нередко называл некоторые свои сочинения в прозе «поэмами».

Еще одна распространенная жанровая форма в творчестве Жакова – легенды и сказки. Причем, если сначала они вполне соответствуют традиционным литературным канонам этой формы (некоторые из них даже признаны любителями фэнтези!), постепенно в них нарастает количество публицистических и философских мотивов. Не случайно в 1920-е гг. автор подписывает их «сказки профессора Жакова» (в таллиннских газетах 1921 г., например).

Нередко Жаков, как уже говорилось, прибегает в своей прозе к диалогической форме повествования. В связи с этим можно вспомнить, как высоко ценил писатель классика этой формы – Платона, мировому значению которого он посвятил специальную работу, в частности, утверждал: «Философия Платона имеет великое эстетическое значение. Хотя сам Платон специально не занимался эстетикой, но содержание его великого идеализма и форма изложения полны прекрасного» [6, с. 18]. Характерно, что еще раньше Жаков рассматривал творчество античного философа под углом зрения литературы и литературной теории: «Область идей – вещей – Платона для нас область образов действительных вещей, лишенных материи, тяжести, прозы... Философия Платона нам может показать, что мир вымысла не тождественен с миром реальным, в нем нет несовершенства, бесхарактерности, нетипичности, отсутствия единства, потому что поэзия – это угол зрения, единая художественная перспектива, объект в стереоскопе, синтезированный из плоских картин действительности» [8, с. 154-155].

Можно сказать, что в своих диалогах (в первую очередь, в беседах Гараморта) Жаков сознательно использует платоновскую «форму изложения», подразумевающую продуктивный синтез философии и литературы, при этом дополняя его элементами проповеди и публицистики. Характерные примеры этого – поздние сказки Жакова «Красный замок», «Темная ночь» и «После зимнего солнцеворота».

Последняя построена как разговор мудреца Гараморта (по сути дела, самого философа Жакова) с учениками:

«Раз к Гараморту пришли друзья его и спросили:

– Что несет на своих крыльях невидимая птица – новый год?

Скажи нам об этом, человек, над каждым. Случалось все и всегда.

– Я виноват перед вами тем, друзья мои, что существую я, – ответил Гараморт. Но мудрецы ошибались, гадая о грядущем, как же безумный может знать об этом? Могу ли я сквозь шапку-невидимку еще не бывшее? Впрочем, скажу я мечты свои, дабы посмеялись вы, а я утешусь радости смеха вашего» [11. Е.х. 721. Л. 147].

В «Красном замке» диалог ведут два старика из соседних деревень Каликаритти и Пилигрим, а в «Темной ночи» в функции всезнающего мудреца выступает безымянный старик:

« – Вот, – сказал старик, – Марс ушел с Земли, и война прекратится.

– А как же коммунисты-большевики? Они продолжают убивать людей.

– Да, – ответил старик, – Но душа их уже мертва, живет только тело. Идея убита. Вот увидите, что нельзя жить на земле, не трудясь, ибо труд – сущность вещей. Мало трудясь, мы будем Ленины, они думали. И ошиблись. «Мы насильственно изменим инстинкты людей, как например инстинкт собственника». И не удастся, потому кровь льется, а инстинкты не изменяются» [11. Е.х. 721. Л. 58].

Соответственно, и в собственно философских работах Жакова постоянно возникают художественные образы. Вспомним начало предпоследней главы четвертой, главной части «Лимитизма» – «Думы и указания Гараморта»:

«Отцы и братия! Земля опустошена. Реки обмелели. Леса исчезают. Воздух и почва земная потрясены громом пушек. Народы теряют религии, веру отцов. Расшатывается уклад жизни. Национальные государства поглощаются ненасытным интернационалом. Так опустошается земля и душа человека. Печаль поселилась на земле. А враги человечества мечтают построить города из драгоценных камней, отнятых хитростью у народов.

...

Одумайтесь, народы! Нет рая для вас на земле. Оставьте лжеучения, отвергните социальные утопии, восстановите свой уклад, веру отцов. Созидайте наши опальные государства. Лимитизм – путеводная звезда. Потом украсьте создание ваше мифами великими народов и вырастет дерево у вас, дерево жизни. Под тенью его укроются ваши потомки, и восстановится былая краса земли, величие гор, рек и лесов... и душа обогатится верою, надеждою, любовью. И тогда ощутим мы Бога Великого» [4, с. 97].

Начинается же «Введение к лимитизму» автобиографическим пассажем, на первый взгляд абсолютно неуместным в философском трактате, но заставляющем вспомнить еще одну книгу Жакова – его автобиографическое повествование «Сквозь строй жизни»:

«О дух предков! Скажи нам, что есть лимитизм? А вот слушай. Ты в 1889 г. занимался, будучи учеником реального училища, изучением Канта. От него узнал, что сущность вещей непознаваема. Бытие нам неведомо. А ты только для бытия и жил. Тогда ты от тоски принял яд, но не умер. В 1897 г. купец Смирнов купил тебе в Вологде, где ты голодал, занимаясь древними языками, книгу Хандрикова: «Дифференциальное исчисление и интегральное». Там ты узнал, что все дело в отыскании предела. Таким путем можно вычислять объем тел. Это тебя удивило чрезвычайно.

В 1898 г. ты был студентом в Киеве и снова читал Канта. Познать ничего нельзя тот доказывал. А ты думал, может быть, с какой-либо вероятностью можно познать бытие. В 1901 г. ты рассуждал: наши ощущения и понятия только переменная величина, а б ы т и е предел. Это было первое положение... лимитизма. В 1904 г. ты издал книгу: «Теория переменного и предела в гносеологии в истории познания». Эту книгу никто не понял. Только резчик Фалалей, отец твой, уважал ее. Он всем зырянам эту книгу показывал, но никто не мог понять, о чем там говорится. Тогда он книгу нежно погладил рукой и положил в ящик, говоря: «ежели никто не понимает, значит, книга умная» [4, с. 69].

Интересно посмотреть, как поэтическое описание природы плавно перерастает у Жакова в изложение философской системы – например, в его лекции «Утро, полдень и вечер в жизни человека»:

«Утро. Заря занимается. Алеет восток. Утренняя звезда, первенец дня, сияет вдали над лесами. Луна в ущербе. Серп ее бледный утопает в синеве и золоте просыпающегося дня. Восходит день из своего потенциала. Возможное становится действительным.

Человек родился, и крикнул он: «А-а...». Это необходимо для дыхания его. Но и смысл другой тут есть. Попав нечаянно в новый мир, он сказал: «О, Бог мой, где ты?» Он отделился телом от лона матери и духом отделился от лона мировой души. Астральную область покинул он, вооружился начатками телесного организма» [9, с. 497].

В другом фрагменте этой лекции лирическое повествование о красотах окружающего мира преобразуется в проповедь:

«О юность прекрасная, о дни золотые! Зачем вы быстро пролетели? Как свежи были краски на лице природы. Как ручей шумел певуче, лепетал и плакал. И таинственные жуки плавали по поверхности вод. Как величава была река, конь вороной, бег таинственный; как прекрасна светло-золотистая заря и ярко блистающая утренняя звезда. Как дивен был лик луны, то желтый на горизонте, то серебристый в зените своем. Как сладки были звуки свирели пастуха, и как миловидна была с сахарными устами дочь его. О, зачем ушли вы из мира действительности в мир возможный!

И сновидения были прекрасны. Во сне летать учился юный человек, и научился. Огромные коровы снились ему в страшных снах, когда болела головка. Мир волшебный, горницы сказки – детство золотое. Ели и сосны шептали беспрерывно о чудесных сказках. И это звучало таинственно и загадочно.

Блажен ты, человек, если детство твое проходило в лесу дремучем, по берегам ручьев и рек великих, с горбом стеклянным, несущих воды свои к далекому морю. Блажен ты, сын мой, и ты, дочь сердца моего, если дышал ты смолистым воздухом в юные годы, если пелись песни народные, великие над колыбелью твоей, если рассказывали сказки тебе о лесных богах и бабе-яге с костяной ногой, об Иване-царевиче, о жар-птице.

Как внимательно слушаешь ты сказки. Пальчиком утираешь веки глаз, чтобы не уснуть до конца сказки, и все-таки засыпаешь ты раньше, нежели Иван-царевич женился на Елене Прекрасной. В тебе, юный человек, зреет эстетическая категория, когда слушаешь ты эти сказки. Эти сказки, как факт реальный в области прекрасного, будят в потенциалах души твоей новые образы.

Еще счастливее ты, если при тебе говорят, что на земле был Сын Божий, что люди убили его, что Он, Сын Божий, отдал жизнь свою за людей. Когда слушаешь об этом, в тебе развивается любовь к Богу, хотя ты и не знаешь, где Он и что Он, да и кто это может знать – Первооснову Бытия. Учись молиться с детства. Люби храмы родины своей. Это сила нации твоей, залог единства ее» [9, с. 499-500].

Самым активным образом использует Жаков в своей синтетической прозе еще одно средство создания стихоподобия – версеизацию речи, то есть перестройку ее строфики по модели библейского стиха [15]. Вот пример версейного «гимна» Жакова 1921 г. «Христос воскрес!»:

«Когда Христос родился, звезда пришла с Востока, и волхвы видели это. В наши дни теософия, Богопознание идет с Востока. Когда Христа распнули, солнце померкло.

Так оно было.

Еще египетские жрецы (за 5000 лет до Рождества Христова) знали тайну мировую, знали высшие планы бытия и бессмертие души. Через мифы постигали они все это. Затем книга тайн была закрыта.

Развилось внешнее знание природы (философия науки).

Христос принес снова тайну неба и высшее разумение бытия.

После его смерти тайна ушла от людей. До сих пор сокровенная книга о высших планах закрыта. За это время развились в Европе науки о природе.

Солнце померкло после крестной смерти Христа.

Но он воскрес.

Когда постигнем мы тайну воскресения, сокровенные стороны мира вновь откроются, и мы постигнем душою и бессмертие души, и нравственные законы, и Творца миров.

Это будет скоро.

И мы говорим:

Христос воскрес!

Ты увидишь сразу все пороки свои и всю безнравственность жизни своей.

И умрет в нас ветхий Адам, и воскреснет тайное, высшее, сокровенное, воскреснет Христос.

И это сбудется.

Богопознание придет к нам, Христа ощутим мы в сердце своем.

И слезы радости и умиления потекут, и тоска смертная покинет нас, облечемся в новые одежды брачные.

Христос воскрес!» [17].

По этому же принципу построен и трактат «Пути обновления жизни», где используется также нумерация строф – дополнительная отсылка к библейскому тексту, ориентация на который у Жакова очевидна.

...В «Лимитизме» Жаков, рассуждая о различиях художников и ученых, писал: «Ученые? Они нужны и полезны. Они изучают частности. Но нет у них молнии, пересекающей мир и озаряющей глубины вещей. Мрак ночной остается при наличности всех книг ученых мужей» [4, с. 98]. Для себя он с первых же сочинений выбрал путь синтеза обеих начал: его поэзия и проза всегда ориентированы не только на фантазию, но и на строгое знание, а в науке – прежде всего, в философии –

он, вслед за Платоном, всегда стремится не выпускать из рук той самой божественной молнии, «пересекающей мир и озаряющей глубины вещей».

Литература

1. Ефименко В.П. Литературная критика в творчестве К.Ф.Жакова // Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012. С. 235-238.
2. Жаков К.Ф. Гимны. Рига, 1926.
3. Жаков К.Ф. Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Гамсун К. У врат царства. СПб., 1909. С.5-18.
4. Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философии и религии. Рига, 1929.
5. Жаков К.Ф. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб., 1905.
6. Жаков К.Ф. Платон и его значение в истории философской мысли // Виндельбанд В. Платон. СПб., 1909. С. 5-20.
7. Жаков К.Ф. Предисловие // Скороходов М. Песня первая. Стихи. Пг., 1916. С. 3-4.
8. Жаков К.Ф. Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб., 1909.
9. Жаков К.Ф. Утро, полдень и вечер в жизни человека // Жаков К.Ф. Утверждение истины. Сыктывкар, 2012. С. 497-512.
10. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян. Научное обозрение. СПб., 1901, № 3. С. 68-84.
11. ЛГИА, фонд 1826, оп. 1, е.х. 721. Л. 147.
12. Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776-1975. М.: Наука, 1977.
13. Лисовская Г.К. Жанры литературно-философской критики в творчестве К.Ф. Жакова // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. 2007. Вып. 65. С. 35-49.
14. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 157-220.
15. Орлицкий Ю.Б. Версе как структурный библеизм // Journal of comparative studies. № 3 (32). The Jewish text in European culture – III. Daugavpils, 2013. P. 40-59.
16. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., Изд-во РГГУ, 2002.
17. Последние известия (Ревель). 1921, 27 марта.
18. Созина Е.К. Специфика художественности Каллистрата Жакова // Уральский филологический вестник. 2014. № 1. Русская классика: динамика художественных систем. С. 138-151.
19. Сорокин П. Бард жизни // Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1912. № 2. Стлб. 105-130.
20. Холшевников В.Е. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В. Стихovedение и поэтика. Л., 1991. С. 75-84.

1.2. Поэтика автобиографического жанра в пермских литературах начала XX в. (К. Митрей, К. Жаков, И. Мосшег)

Литературы пермских народов – удмуртская, коми (зырянская и пермяцкая) – художественно близкие явления, и они нуждаются в теоретическом осмыслении: изучении их типологических сходжений и различий.

О целесообразности выявления общих литературных закономерностей, которым подчинены и литературы народов, достаточно активно пишет современное литературоведение.

Своим творчеством Кедр Митрей (1892-1949), Каллистрат Жаков (1866-1926), Игнатий Мосшег (1880-1965) представляют национальное искусство Удмуртии и Коми (зырян и пермяков) начала XX в., дооктябрьский период становления удмуртской и коми (зырянской и пермяцкой) литератур, начальный период формирования их жанровых систем. Автобиографическая повесть «Дитя больного века» (1911-1913), автобиографический роман «Сквозь строй жизни» (1912-1914), увидевшие свет практически одновременно, – особые явления национальной духовной жизни, вошли в историю литературы, жизни общества не только как документы времени, но и как своего рода «эгодокументы». Являясь первооткрывателями автобиографической жанровой формы, Кедр Митрей и К. Жаков достаточно ярко выразили потребность человека определить свое место в изменяющемся мире начала XX в. [2, с. 23-32]. К этому списку примыкает и автобиографическая повесть коми-пермяка И. Мосшега «В восточном чертовом котле» (1924), написанная, по мнению В. Пахоруковой, «под впечатлением автобиографического произведения К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» [7, с. 81] и обнаруженная в архивах Финляндии коми ученым А. Туркиным. Переведенная им же с финского на коми язык, в 1992 г. повесть вернулась на свою родину и восполнила «белые пятна» финно-угорских литератур.

Актуален жанровый принцип анализа произведений, поскольку жанровая структура организует жизненный материал и позволяет сформировать представление о концепции мира и человека, мере таланта писателей, чьи факты жизни, творческое наследие долгие годы были недостижимы из-за «информационной блокады».

Произведения Кедр Митрея, К. Жакова, И. Мосшега, созданные в период становления национальных литератур, в силу объективных социально-культурных условий вписываются в контекст русской классической литературной традиции и мировой литературы, что также требует научной разработки.

Анализ произведений писателей – удмурта Кедр Митрея, коми-зырянина К. Жакова, коми-пермяка И. Мосшега – заложивших основы межкультурных связей, интернациональных отношений между народами, в рамках одной парадигмы, исследование поэтики автобиографического жанра в национальных литературах в сопоставительном аспекте весьма актуальны и для настоящего времени, требующего глубокого, всестороннего изучения истории и культуры родственных народов во имя сохранения и развития этноса, упрочения культурного диалога.

Творчество удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого писателей на протяжении десятилетий было «закрыто» для читателя, не являлось предметом серьезного теоретического анализа, не получало позитивных оценок со стороны литературной критики. Лишь, начиная с 60-х гг. XX в., появился ряд работ, исследующих жизнь и творчество удмуртского писателя Кедр Митрея (З.А. Богомоловой, З. Веселой, П.К. Поздеева, А.С. Зуевой, С.Т. Арекеевой, В.Л. Шибанова, А.Г. Шкляева). Только на рубеже 1980–90-х гг. появились публикации позитивного характера, посвященные творчеству К. Жакова, А.И. Туркина, А.К. Микушева, В.Н. Демина, В.А. Латышевой, В.А. Лимеровой, Г.К. Лисовской, которые и «пробили брешь в стене, возведенной вокруг личности Жакова» (И.Л. Жеребцов). Особо следует выделить работы коми литературоведов – Т.Л. Кузнецовой, представившей монографический анализ романа К. Жакова «Сквозь строй жизни», и А.И. Туркина, В.В. Пахоруковой, вписавших И. Мосшега в духовное культурное пространство пермских народов, поскольку их проблематика близка теме нашей работы. Именно в исследованиях этих ученых рождается мысль о типологическом сходстве произведений К. Жакова, Кедр Митрея, И. Мосшега, что и позволяет сопоставить повести «Дитя больного века», «В восточном чертовом котле» и роман «Сквозь строй жизни». Как на фоне творчества К. Жакова мы заново открываем русскоязычные произведения удмуртских авторов, так в контексте творчества первых удмуртских писателей видна органичность творческих поисков самого К. Жакова для пермских литератур. Это наводит на мысль о «зеркальности»

произведений. В данной статье впервые предпринята попытка рассмотреть поэтику автобиографического жанра через призму типологического единства и индивидуальных особенностей трех автобиографических произведений писателей пермских народов.

Обращение Кедр Митрея к дневниковой жанровой форме – процесс двусторонний: с одной стороны, это сознательный учет «прототипа» и воспроизведение признаков первичного жанра – дневника, с другой стороны, трансформация его возможностей, обусловленная эстетическим намерением автора представить строящуюся жизнь и настроения автобиографического героя, представителя удмуртской интеллигенции начала века. Именно этим замыслом и определяется своеобразие процесса моделирования образа времени-пространства. В художественном тексте повести «Дитя больного века» все стремится стать мотивированным; каждый элемент имеет значение организующей доминанты.

Заглавие «Дитя больного века» (строки поэтессы XIX в. Ю.В. Жадовской), являясь смысловой перспективой художественного пространства повести, эксплицитно разворачивается в тексте и служит метафорой, символически представляющей время и настроение автобиографического героя, указывает на связь биографического и исторического времени.

Осознание героем себя началось с начала учебы в церковно-приходской школе в 1899 г. С этого момента повествование приобретает субъективный характер. События предшествующего периода возводятся на основе устных рассказов старожил с. Игра – места рождения Кедр Митрея. Автор сменяет периодичность записей, их датировку. С каждой из дат соотносится событие или ряд событий из жизни героя.

Характер повествования определяется авторским замыслом. Кедр Митрей поставил перед собой цель: воспроизвести жизненные события в хронологической последовательности с момента рождения 16 сентября 1896 г. до увольнения из семинарии за религиозные взгляды 28 ноября 1911 г. Автобиография имеет «открытый» финал, охватывает ограниченный период жизни автобиографического героя до момента ее написания автором произведения. Символически финал повести: «Повесть кончена моя, но вместе с этим не кончена моя жизнь: она длится!». И это так. Наследие Кедр Митрея живо в памяти потомков, которые с честью и достоинством продолжают воплощать память великого писателя в наши дни.

Кедра Митрею были знакомы традиции русской биографической прозы. К созданию образа учебного заведения – сюжетной доминанты – последовательно обращались Н.Г. Гарин-Михайловский («Детство Темы»); К.И. Чуковский («Серебряный герб»); Л.А. Чарская («Записки гимназистки»). Свою автобиографическую повесть Кедра Митрей написал, испытывая особое влияние народнической литературы, «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского. Вслед за русским бытописателем Кедра Митрей воссоздает атмосферу, царящую в Зуринском церковно-приходском училище и Казанской духовной семинарии, представляет реалистические картины жизни учащихся.

Автобиография всегда создается в свете глубинной внутренней мысли, отражающей взгляд писателя на самого себя, поэтому она изначально заключает идею исповеди.

Идея исповеди у Кедра Митрея возникает не в качестве составляющей религиозного опыта. Исповедальная доминанта текста служит показателем его искренности, «подлинности». В ходе создания произведения, отразившего процесс личностного становления и роста человека, художественным ориентиром Кедра Митрей избирает автобиографические тексты исповедального характера: «Исповедь» Жан Жака Руссо, «Исповедь» Л. Толстого, прозаические произведения М. Лермонтова. Факт знакомства с ними указывается в тексте повести. Автобиографический герой ссылается на создателей образцов исповедального слова, цитирует их и в этом находит поддержку своей формирующейся жизненной позиции.

Автобиографическое повествование демонстрирует, как меняется герой. И происходит это постоянно. Вот как об этом пишет автор: «Только Усков, бывший товарищ по двухклассному училищу, был близким человеком. Жили с ним дружно. Часто ходили вместе по городу. Понемногу свыклись с учениками нашего класса, с некоторыми из них у меня сложились довольно-таки дружеские отношения. Следовательно, в Ускове я больше не нуждался. Неожиданно для самого себя стал глядеть на него косо, сердито, злобно». И таких контрастных изменений в личности героя мы можем увидеть на протяжении всего повествования немало. Что это? Непоследовательность действий? Неуравновешенность характера? Неустойчивость психики? Трудно ответить на этот вопрос. И сам герой порой теряется от того, что с ним происходит. Можно лишь предположить, что так шло формирование личности, имеющей на все собственное суждение.

Сознание героя Кедр Митрея – сознание необщительного в силу ментальных и субъективных особенностей человека: «Я как человек необщительный долгое время не мог сойтись ни с кем». Выбор исповедальной жанровой формы автором, на наш взгляд, обусловлен как одиночеством Д. Корепанова, так и стремлением его преодолеть. Как следствие, в произведении наблюдается попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования. Начинаящий удмуртский прозаик учится у М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, перенимает от них приемы психологической характеристики героев. Кедр Митрей стремится уже не просто рассказать о событиях, но запечатлеть те индивидуальные переживания, которые ими вызваны и, подобно русским писателям, дать психологическую мотивировку действиям героя, в некоторых случаях сделать попытку изобразить душевную борьбу и смуту. Исповедальное начало проявляется в стремлении героя к самоанализу и самоизобличению. Он достаточно прямолинеен в оценке своих родителей. Себя обвиняет в лживости, злопамятности, раздражительности, неумении управлять собой, кощунственном отношении к религиозным верованиям других людей, равнодушию, неумении строить добропорядочные отношения с одноклассниками. Герой «беспощадно выставляет наружу собственные слабости и пороки» (М.Ю. Лермонтов), искренно признается во многих неблагоприятных с нравственной точки зрения поступках. Исповедь – конструктивная сюжетная форма, позволяющая обратиться к прошлому героя, показать его небольшой жизненный опыт, соединить два временных пласта, а также монологические и диалогические начала. От абстрактных рассуждений герой приходит к постижению тайн религиозности, духовной жизни родного удмуртского народа, к пониманию того, как «легко обмануть простой, темный, несведущий народ, не имеющий никакой еще опоры в уме против обманщиков-надувателей», и, как следствие, к мысли об обязательности его просвещения. Исповедь-покаяние героя Кедр Митрея реализует установку на реалистическое воспроизведение становящегося характера человека переходной эпохи.

«Я тут весь, каков есть» (Кедр Митрей) – в этом так называемом «автобиографическом пакте» (Ф. Лежен) заключена установка на достоверность. В то же время Д. Корепанов осознает, что искренний тон повествования не исключает некоего искажения не только проводимых в произведении фактов, но и ослабления степени эмоционального состояния

героя в прошлом, определенную дистанцию между внутренним состоянием героя и автором, заново переживающим свою жизнь.

Если в привычном для нас понимании особенностей жанра автобиографической повести герой максимально приближен к автору, но при этом писателем всегда допускается художественный вымысел и домысел, то в книге Кедр Митрея этого нет. Есть лишь хроника исповеди и жизни реально жившего человека. Именно поэтому исследователи нередко определяют жанр произведения как автобиографическая повесть-дневник. Автору не пришлось менять ни имени, ни фамилии героя, потому что перед нами жизнь и судьба самого Кедр Митрея.

«Сквозь строй жизни» К. Жакова – лирический монолог, также содержащий исповедальное начало. Автобиографизм творчества – принцип, объединяющий рассказы и автобиографический роман, – позволил К. Жакову преломить в неавтобиографических по характеру произведениях факты своей биографии. Рассказы писателя, разграничиваемые им (примечательно название его ранней книги «Из жизни и фантазии»), а впоследствии и исследователями его творчества на реальные и сказочные, не всегда состоят в прямой диалогической связи, порой они литературно и стилистически разноплановы согласно их природе, но по общей семантической направленности примыкают к одной наджанровой матрице – жанру художественной биографии.

Имя главного героя романа «Сквозь строй жизни», Гараморта, наполнено мифологическим смыслом и напоминает имена персонажей из других произведений Жакова – Пама Бур-Морта, Мичаморта, Войморта – искателей истины, мудрецов и скитальцев. Многим героям рассказов, не удовлетворенных действительностью, одиноким, странникам, гонимым по дорогам жизни в поисках мечты, идеала, условия жизни кажутся «узким горлышком бутылки» («Удалец и музыкант Иван Васильевич»). Устремленный к пределу, мечтающий о гармонии с миром, писатель наделял этой душевной способностью и своих героев. За героями большинства произведений малой прозы – сам К. Жаков со своим стремлением разрешить вечный конфликт между несовершенным и совершенным, реальным и идеальным, темным и светлым, система его философских взглядов и представлений. И автобиографический роман «Сквозь строй жизни» – это исповедь человека, испытывающего драматические противоречия современности, это мысли и сомнения сильной личности, ищущей гармонию в себе и в мире.

Автобиографический герой – сложная личность с высоким уровнем внутренней организации. Есть основание говорить о культурном времени-пространстве бытия героя произведения, которое отличается повышенной интертекстуальностью. Автобиографический герой постоянно проводит аналогии между событиями своей жизни, собой и значимыми для него героями других текстов. Осознавая себя «лишним человеком», а свое положение в пространстве промежуточным («между молотом и наковальней»), размышляя о сильных людях, которые погибали и падали прежде времени», автор вспоминает Печорина, Рудина, Нежданова, Дон Кихота. Авторская оценка выражается не прямо, а на основе образных параллелей и представлений, центром притяжения которых является автобиографический герой и восприятие им действительного мира. Имена персонажей фольклорных произведений, мифологических и литературных героев переполняют текст. «Точечные цитаты» обретают метафорическое значение. Фауст, Одиссей, Робинзон, дон Кихот – знаковые образы – выступают в романе доминантными, обретают символический смысл, позволяют понять авторскую концепцию личности. Благодаря образам, связанным с «чужими» текстами, К. Жаков придает своему герою особую романтическую, лирическую окрашенность. Аллюзии и цитаты определяют эмоциональную тональность произведения, имеющего ярко выраженный лирический характер.

Роман, как и другая его проза, несет на себе отпечаток несомненного влияния поэтической, стихотворной традиции» [6, с. 33]. К. Жакова, как представителя коми, отличают свойственное этому народу эмоциональность и чувствительность. Влиянием лирики можно объяснить деление объемного прозаического целого на небольшие соразмерные главы, сопровождаемые эпиграфами. Архитоническое членение текста в данном случае можно рассматривать как своеобразный прием не только автобиографической прозы, но и лиризации повествования. В лирических монологах автора – лирического героя – встречается обилие метрических фрагментов. В результате сознательного членения прозаического текста на речевые отрезки, «дробность» которых служит способом «порционирования» смысла, проявляется своеобразный ритмический рисунок. Проза преобразуется под пером Жакова-лирика, Жакова-поэта в стих. Основными приемами ритмизации являются инверсии, анафоры, эпифоры, звуковые и словесные

повторы. Экспрессию тексту придают причудливые метафоры, рожденные безудержной фантазией К.Ф. Жакова, междометия, фигуры поэтического синтаксиса: восклицания и умолчания. Можно привести аналогии с ритмизированной прозой «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, стихотворениями в прозе И.С. Тургенева, А.М. Горького, поэзией символистов начала XX в. Использование К. Жаковым элементов стихотворной речи, приемов ее организации есть процесс сознательный, продиктованный не только авторскими намерениями, но и литературной традицией, с которой коми писатель, имеющий филологическое образование, был хорошо знаком, что подтверждается фактами биографии писателя, отраженными в его произведении, его широким обращениям к «чужим» текстам (Гомер, Шекспир, Ариосто, Ершов, Некрасов, Брюсов, Горький и др.).

Философский смысл произведения составляет основу его внутреннего лирического сюжета, поскольку именно философствование как способ познания и отражения действительности для коми мыслителя есть проявление «поэзии высшего рода». Сам К. Жаков указывал на близость художника (в поэзии) и философа, поскольку они «неизбежно субъективны в восприятии и изображении мира». Философские искания этого универсального человека совпали с поисками духовности, гармонии бытия и смысла западноевропейских и русских философов: Ф. Ницше, Н. Бердяева, В. Соловьева. Именно идеями Ф. Ницше определяется своеобразие решения К. Жаковым проблемы героя. С одной стороны, писателю чуждо неприятие немецким философом действительности, он называет это «эстетическим пессимизмом». С другой стороны, подобно Ницше, К. Жаков полон дум об идеальном человеке, свободном от пороков цивилизации. В основе его творчества лежит идея сильной личности, преодолевающей все преграды. Внутренняя борьба определяется несовершенством мира и человека, осознанием возможности преодоления себя, преобразования собственного характера и окружающей природы, непрерывным исканием духовности с помощью творчества.

В плане воплощения концепции романтической личности роман К. Жакова типологически связан с ранним романтическим творчеством А.М. Горького. В раскрытии характера героя во многом присутствует эстетический опыт фольклора. К. Жаков сам признается, что сказочное начало определяется народным характером восприятия действительности. «Пишу я сказки, ибо я из народа, живущего мифологией...». Коми писателю свойственно широкое использование образов героев национального

фольклора, зырянского и русского. Отголоски богатырских легенд, зырянских, русских, восточных преданий ощущаются с первых страниц романа, пронизанного сказочными мотивами и образами (Йиркап, катающийся на золотых лыжах, великан Ягморт, Идна-батыр, великий Тутой, отважный Янтамыр – герои удмуртских народных сказаний, по характеру близкие героям коми эпоса). К. Жаков на протяжении всего повествования стремится воплотить свой замысел: влить в форму действительную жизнь. Перед нами инициальный путь юноши, который становится Человеком, проходит все главные этапы возмужания.

Сказочный сюжет для автора есть своего рода архетипическая модель. Изгнание порчи в бане – это укрепление не столько физического, сколько душевного здоровья автобиографического героя, обретение гармонии с людьми и миром природы. Испытание знаниями, мотив наказания сына отцу, уход из дома, путешествие героя по дорогам жизни, мотив подъема на гору, на высокую стену, герой на перепутье трех дорог есть трансформированные этапы сказочного сюжета. Автобиографический герой ассоциирует себя со сказочным героем, былинным богатырем. Мы можем наблюдать многократные проявления эффекта перевоплощения его в героя сказок и былин. Мотив «добычи богатырского орудия» трансформируется в романе в «мотив добычи знаний», которые помогли изменить к лучшему жизнь не только личную, но и народа, привести человека к более прогрессивным условиям существования. Он обращается к народной теме в связи с развитием философского, нравственно-этического конфликта в сознании героя. Преодолевая разрушительное, уводящее от людей начало, автобиографический герой приходит к постижению смысла: служить «детям Пармы».

В своем творчестве К. Жаков стремится постичь основы народной жизни, его национального характера. В автобиографическом романе, как и в реалистических, бытовых рассказах («Жизнь Фалалея», «Охотник Максим», «Старик Матвей», «Удалец и музыкант Степан Васильевич» и др.), автор раскрывается читателю человеком, знающим жизнь крестьянства не понаслышке. В этом смысле народность творчества Н.В. Гоголя и Н.А. Некрасова – ориентир для национального писателя. Общее между ними проявляется в стремлении запечатлеть картины народной жизни, трудовые будни и праздники. Образ ярмарки в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя, в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить

хорошо» (гл. «Сельская ярмонка»), отражающий здоровое нравственное начало народа, его оптимизм, создается с помощью цветописи и звукописи. Образ «великой ярмарки» у К. Жакова создан в традициях русских писателей (гл. «Ярмарка в Усть-Сысольске») и может рассматриваться в романе как своеобразный прием семантической композиции. Но если лирический герой Н.А. Некрасова, повествователь у Н.В. Гоголя лишь прониклись народным духом, постигли стихийное начало народного характера, взглянули на народное гуляние как бы со стороны, герой К. Жакова – его неотъемлемая часть. В контексте романа «Сквозь строй жизни» звуки земли – звуки неба – смысловая антитеза, позволяющая получить представление о положении героя в пространстве между небом и землей. В границах автобиографического жанра коми писателю важно было раскрыть мир, близкий автобиографическому герою, сосредоточенному, в первую очередь, на своем восприятии жизни простого человека, в котором природное начало побеждает искусственное, цивилизованное, свойственное современному миру людей. В связи с чем образ прошлого для писателя предстает в философском аспекте, имеет определенные мифологические истоки. Детство есть утраченный человеком рай, идеальное прошлое человечества в целом. Сосновые леса Ипатьдора для автобиографического героя – «источник жизни и силы». Опыт сопоставления романа коми писателя с автобиографическими повестями о детстве Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского позволяет думать об общности их воззрений на проблему взаимоотношений человека и среды, ее формирующей роли, негативного влияния цивилизованного пространства. В рамках романного повествования коми-писатель создал яркие реалистические типы коми-крестьян, молодых и умудренных жизнью героев, в которых «отчетливо виден коми национальный характер, стойкий, мудрый, мужественный, гордый» [5, с. 6]. В раскрытии характера героя во многом присутствует эстетический опыт фольклора.

Рассматриваемое произведение – результат творческих исканий коми писателя, филолога – генетически и типологически сближается с мифологическими, фольклорными, религиозно-художественными образованиями. Данный подход предлагает взгляд на произведение К. Жакова в рамках новой, расширенной жанровой системы координат, позволяет говорить об актуализации в литературе древних жанров (их архетипов, канонов), а также об их обновлении. В произведении синтези-

руются элементы хождения, научного путешествия, исповеди, проповеди.

«Быть лектором научных доктрин и свободным проповедником высшей истины, основанной не на авторитетах, а на созерцании законов Вселенной...» – осознанная автобиографическим героем-путешественником, ученым и гуманистом земная миссия. Церковная проповедь как речевой жанр является структурной и смысловой составляющей автобиографического повествования. Традиционно тематика проповедей ограничена религиозной сферой и актуальными нравственными вопросами. Но наряду с пояснением основных положений христианской доктрины, в проповедях выяснялась роль и значение пастыря, указывался путь спасения души человека, содержались мысли о духовном прозрении людей, разъяснялись духовные истины. Роман К. Жакова на содержательном уровне синтезирует вышеуказанные темы, являясь своеобразной проповедью, подкрепленной фактами биографии автора, осмыслением обретенного за полвека жизни опыта. В лирических монологах проявляется стремление писателя дать читателям представление о негативном жизненном опыте, об умении человека с детства осознавать, что противоречия, которые рождают раздвоение личности, и есть та движущая сила, которая ведет человека к истине, что необходимость поиска жизненной цели, места в пространстве и времени есть обязательное условие рождения гармоничной личности.

Исповедальный пафос, драматическая несовместимость с обстоятельствами «на путях искания самого себя», отмеченными литературоведами при анализе романа К. Жакова «Сквозь строй жизни», во многом характерны и для повести коми-пермяка И. Мосшега «В восточном чертовом котле». Хронология событий жизни автобиографического героя, пребывающего в разных социальных ролях – школьника, семинариста, учителя, солдата, офицера, пленного, – составляют сюжет повести. Он изобразил события империалистической и гражданской войн с точки зрения солдата, «варившегося» в том самом «горьком (смоляном) котле» войны, причем в самых горячих точках и в антагонистических лагерях: «В течение с пяти с половиной лет судьба бросала меня то в Азию, то в Европу в чине солдата и

офицера царской армии и армии Керенского, на фронте был у белых и красных, в германском плену и большевистской тюрьме, пока совершенно измотанный и обессиленный не стал эмигрантом Финляндии». Описывая события европейского масштаба на протяжении 30 лет (до 20 октября 1920 г.), автобиографический герой остается в душе мирным человеком. Исповедальность его связана с включением размышлений о времени и о себе, «безграмотном, неразвитом российском крестьянине, доверчивом, как ребенок, которым любое правительство распоряжалось по своему усмотрению».

Светлый и грустный тон повествования соответствует в основном выражению главной мечты, главной думы героя – о просвещении, культуре народа, и связан он с мирными страницами повести. Что бы ни попадало в поле зрения автора в его военных походах – «удивительная двигающаяся песчаная пустыня», «утопающий в зелени, словно в сказочной стране, Ташкент», «летние туркестанские вечера – прекрасные и счастливые мгновения жизни», «вороватые тарантулы», «гордые скорпионы, глупые верблюды» – все окрашено эмоциональным отношением повествователя, его наблюдательностью и любознательностью. Тяжелые военные испытания не сломали душевной силы автобиографического героя, его лиризма, поэтичности, ощущения неразрывной связи с природой как проявления неизбывной жизни на земле. Глазами труженика видит он картины мирной жизни восточных народов, но в нем пробуждается борец, гражданин, когда он ощущает трагедию войны, ее разрушающие последствия. В описании Омска – «грязные улицы», «здесь и там в глаза бросались остатки разрушенных домов, откуда торчали одни столбы с петлями для дверей». В своих размышлениях-монологах он обнаруживает ответственность за все происходящее на земле, всем сердцем воспринимает чужую боль людей, не по своей воле оказавшихся в зоне боевых действий. Война угрожает первоосновам человеческого бытия: самой жизни людей, их труду, творчеству, отношениям с природой, продолжению рода – всем связям, выражающим родовую особенность человека как «совокупности общественных отношений» (К. Маркс). В годы военных лихолетий ускорился процесс социального сближения разных народов, разных слоев общества, обогащаясь пацифистическим содержанием.

Игнатий Мосшег изображает события Империалистической и гражданской войн не с точки зрения большевика или белогвардейца, а с позиции рядового человека, солдата, варившегося в том самом «восточном чертовом котле». Он неоднократно будет узнавать (иногда испытывать на себе) силу и слабость белых и красных, содрогаться от темных дел (читай: безжалостных, бесчеловечных) и тех и других, так как сам познает «безжалостную большевистскую тюрьму», становится свидетелем проявления «жестокости офицеров-монархистов, которые расстреливали всех пленных». Меняется и тон повествования: прямооценочное слово становится главной формой выражения авторской позиции («Нас, мобилизованных, отправили в Сибирь изучать военное искусство в отвратительных вагонах для скота»); синтаксис изобилует модальными глаголами, выражающими категорию состояния («Мне было тоскливо»); исповедальность переходит в хронологизацию событий военных лет («Нас, пленных, увозили в Германию через Лемберг, Брест-Литовск, Варшаву, Познань, Штеттин, Штралшунд на остров Рюген»). В воспоминаниях героя война представлена как хроника событий (германский плен, эпизоды гражданской войны) и имеет фрагментарный характер в повествовательном тексте.

Время в повести соответствует периоду жизни героя с детских лет до совершеннолетия, до 20 октября 1920 г., а пространство охватывает разные точки России, Германии, Эстонии, Латвии. В повествование мощно врывается поток жизни с многообразием историко-бытовых реалий, социальных коллизий. В горниле I Мировой и гражданской войн автобиографический герой проходит школу духовного и социального возмужания. И. Мосшег словно помнит слова К. Жакова о том, что «история не только во времени, но и в пространстве, расположена концентрическими кругами». Для автобиографического героя эпицентром является родная деревня Дурево, расположенная недалеко от реки Косы, куда возвращается с учебы, с Империалистической войны после ранения, из германского плена, и каждый раз возвращение героя домой воспринимается либо как счастливое начало свершения желаний (стать хорошим учителем для односельчан), либо как этап преодоления испытаний, трудностей, восстановления сил.

Именно здесь он прошел обряд инициации – «посвящения юношей, которые по достижению зрелости должны пройти через испытания, чтобы стать полнокровными членами коллектива взрослых охотников» [4, с. 13]. Именно здесь он обрел чувство родины, национальное самосознание.

Жизненная траектория автобиографического героя укладывается в оппозицию «свое-чужое» и реализуется в традиционной схеме: ДОМ (микромир) – ДОРОГА (промежуточное пространство) – БОЛЬШОЙ МИР (макромир). Дом является одной из значимых смысловых доминант в системе пространственно-временных отношений. Он призван олицетворять гармоничное, идеальное. Портретные характеристики родных, друзей, детали интерьера, пейзажа выступают как прием психологической характеристики героя. Мальчишеские игры и разборки, романтика деревенского бытия, сцены пастушества, сенокоса, учеба в Бирской учительской семинарии, где он получил образование, обрел друзей из русских, мари, татар, удмуртов, чувашей, башкир, мордвинов, где пронес через сердце «радости, печали молодости». Именно учеба в башкирском г. Бирске, находящемся в тысячах километров от родной деревни Дурево, стала «самым счастливым временем» в жизни героя. Таковы реалии тяжелого и одновременного радостного детства, отрочества, юности. Они помогли выковать характер сильный и стойкий для последующей борьбы со «свинцовыми мерзостями жизни» (М. Горький).

Можно сделать выводы относительно жанровой специфики первых автобиографических форм в пермских литературах начала XX в., их типологических сходжениях и различиях.

1. Ощущение неустойчивости мира в обществе начала XX в. стимулирует рост социального и национального самосознания, связанный с процессами самопознания личности, открытием «Я» и определением его места в изменяющемся мире, что побуждает различных по национальности писателей, Кедр Митрея, К.Ф. Жакова и И.Н. Мосшега, обратиться к автобиографическому жанру, который наиболее адекватно отражает процесс духовно-нравственного развития личности, прожитую жизнь как целое, придает эмпирическому существованию оформленность и связность.

2. Жанровое оформление произведений определяется не только объективными особенностями развития пермских литератур, но и субъективными причинами. Актуализация жанра дневника обусловлена мировосприятием 19-летнего Кедр Митрея, который, используя приемы художественного оформления дневникового текста, представляет процесс формирования начальных жизненных установок автора. 50-летний К. Жаков обращается к романному жанру с лирической доминантой в основе, в границах которого разрешает нравственно-философский конфликт, подводит жизненные итоги. 41-летний И. Мосшег, волею судеб оказавшийся в эмиграции в Финляндии, пишет «о времени и о себе» на финском языке, явно ориентируясь на западного читателя, о чем свидетельствует и название книги «В восточном чертовом котле». Это разновидность эмигрантской литературы...

3. Проблема моделирования мира и человека решается в границах преобладающего в творчестве каждого писателя способа отражения действительности: если Кедр Митрей тяготеет к реализму, у К. Жакова ключевую роль играет романтический метод, усложненный неоромантическими и символическими тенденциями XX в. Повествование И. Мосшега тяготеет к литературе факта, это фиксирующий реализм.

4. В плане хронотопа в исследуемых произведениях особую роль играет жанр путешествия, что определяет их архитектонику, сходство сюжетной организации, своеобразие авторских концепций личности. Если для Кедр Митрея путешествие символизирует поиск молодым представителем удмуртской творческой интеллигенции, просветителем, этнографом, гуманистом своего места в региональном пространстве, то для ученого и мыслителя К. Жакова, в силу его полифункциональности, путешествие расширяется до границ всего мира, Вселенной и определяется его научными и философскими представлениями. В хронотопе И. Мосшега объединены Восток и Запад в эпоху военных катаклизмов начала XX в. через призму пацифистических идей и общечеловеческих ценностей.

5. Важную роль в произведениях играют мифологизм и пантеизм, базирующиеся на национальных архетипах. Если у Кедр Митрея на первый план выходят «первичные», т.е. язычески-архаичные мифы, то у К.Ф. Жакова – это синтез

«первичных» и «вторичных» мифов, объединяющих в себе весь спектр культурных мифов, начиная от античности и заканчивая «серебряным» веком. В книге И. Мосшега «В восточном чертовом котле», переведенном на коми язык, национальный колорит, фольклорные традиции весьма ощутимы. Используя фольклорное наследие, испытывая благотворное влияние русской и мировой литературы, писатели пермских народов закладывают новую поэтику, новые литературные традиции, связанные с разработкой реалистической концепции мира и человека.

Литература

1. Измайлова А.С., Маратканова С.С. Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX в. (Кедра Митрей, К. Жаков) // Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012.
2. Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып. 269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 23-32.
3. Лисовская Г.К. К.Ф. Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: сб. статей. Сыктывкар, 2000.
4. Мелетинский Е. Герой волшебной сказки. М., 1958.
5. Микушев А.К. К.Ф. Жаков и фольклор // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып. 269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 6-11.
6. Орлицкий Ю.Б. Стихи и проза К.Ф. Жакова в контексте художественных поисков русской культуры начала XX в. // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 55). С. 28-34.
7. Пахорукова В.В. Наследие Игнатия Мосшега в духовной культуре пермских народов // V Международный конгресс финно-угорских писателей. Август, 1998. Сборник докладов и выступлений. Сыктывкар, 1999.
8. Туркин А.И. Писатель и ученый Игнатий Мосшег // Парма. 1993. № 3-4.

1.3. Путешествие в пространстве культуры. Эпическая основа философско-художественного стиля творчества К.Ф. Жакова

Проникновение в творческую систему каждого оригинального автора значимо для каждого, кто имеет намерение постигнуть его аутентичный внутренний мир, а не модернизировать его в угоду своим современным представлениям. Само деление творческого наследия такого своеобразного мыслителя, как К.Ф. Жаков, между представителями разных научных дисциплин, очевидно, искажает мировоззренческое поле этого автора, накладывая на него привычные схемы и отработанные клише. Выявление общих основ всего творчества мыслителя позволяет представить его как целое, а не набор разнородных и разножанровых отрывков.

1. Неоромантическая ориентированность творчества К.Ф. Жакова

Взаимосвязь К.Ф. Жакова с культурой неоромантизма выражается не только тем, что она осуществляется в соответствующий период, но и внутренним его строем, содержанием, образно-сюжетным рядом, характерными мотивами. Не менее значима сама жизненная среда, подтолкнувшая коми юношу к «выходу» из родного края на всероссийское поприще. Не случайной представляется логика порождения культурой последовательного ряда коми мыслителей, каждый из которых поддерживал представителей следующего поколения: Лыткин – Жаков – Сорокин (и Налимов) – Сидоров (и др.) [9, с. 7]. Неоромантический контент формировал интерес к малым культурам с одной стороны, поддерживая развитие самосознания представителей этих образований, с другой стороны. Сам ряд интеллектуальных сфер, которыми увлекся создатель лимитизма: религиоведение, философия, этнология, языковедение, фольклористика, был актуален именно в неоромантический период, и связан с поисками этнокультурной идентичности представителями многих народов. Игнорирование границы между интеллектуальной деятельностью и художественным творчеством, характерное для многих произведений К.Ф. Жакова, тоже было сформировано общим романтическим мировоззрением, искавшего синтеза мистического, рационального и эстетического.

Одним из универсальных путей поиска национального синтеза в романтической культуре становится поиск и создание эпоса. Эпическая форма в древности и средневековье представляла самосознание элиты, обозначая конечную границу мифического синкретизма и возвышаясь над безличностным и бесконечным пространством фольклора. Эпический герой персонифицировал мироотношение не столько народа, сколько его верхушки. Деятели романтической культуры поневоле должны были ощущать себя носителями «высшего начала», до которого не было почти никакого дела представителям народного большинства. Сами поиски, погруженные в глубины этнической культуры эпических сюжетов, конструирования на их основе (или сочинения) последовательного сказания, создавали новых героев, героев самого романтизма, героев культур трансформируемых и воссоздаваемых романтизмом. Есть все основания причислять к ним и Каллистрата Фалалеевича Жакова.

2. Особенности эпических предпочтений в творчестве К.Ф. Жакова

Эпос, как архетипический вид культуры, достаточно ограничен по своим формальным возможностям. Как писал Х.Л. Борхес: первый универсальный сюжет – герои осаждают город, второй – они бесконечно путешествуют, третий посвящен влюбленной паре. По собственным заметкам К.Ф. Жакова, в сферу его творческих интересов входили такие традиционные эпосы, как Илиада, Одиссея, Махабхарата, Калевала [4, с. 53, 126, 184]. Надо сразу отметить, что если первые три из них архаичны, то четвертый довольно поздний. Именно он дает один из поводов некоему кругу современных ученых говорить о сконструированности эпосов вообще. Но, именно этот эпос – финно-угорский, чего не следует забывать при исследовании мировоззрения К.Ф. Жакова. В гомеровском эпосе этот писатель явно отдает предпочтение второму тексту – Одиссее. Это может быть связано с миролюбческими предпочтениями мыслителя, подтверждаемыми тем, что он никогда в своих произведениях не изображал войну. Сам писатель отождествил себя не с Ахиллом, а с Одиссеем, не столько с воином, сколько со странником [4, с. 118]. Странническая отождествленность сохраняется у писателя во многих других его произведениях.

Конечно, она представляет собой стержень сюжета его автобиографии «Сквозь строй жизни» [4]. Изображая себя ребенком, К.Ф. Жаков уже описывает странствие, побудительным мотивом которого служит жажда познания. Она гонит его, заставляя преодолевать многие препятствия, она предполагает бесконечные перемещения по стране. Она переходит в какой-то момент в желание обучать других, призванных обрести опыт процесса познания. В отличие от героя-воина, входящего, как правило, в эпическое братство, герой-странник изначально одинок. Одинокость связана с потерей родины, с утратой образа жизни предков, с отсутствием единомышленников, с неверием в свое социокультурное окружение. Одинокость связана у Жакова с лейтмотивом страдания. Само название автобиографии отсылает к известному виду наказания (и даже казни) в царской армии. В жаковском представлении своей жизни есть, соответственно, четко выраженная антисистемность. С другой стороны, она имеет библейскую основу: во многих знаниях многие печали. Уже поэтому можно с большой уверенностью отвергнуть гипотезу П.Ф. Лимерова, говорящего о некой «зырянской эзотерике» К.Ф. Жакова. Эзотерика в лимитизме, конечно, есть, но не «зырянская» (то есть «языческая»), а христианско-платоновско-экуменическая [3]. Опираясь на античную (философскую) и христианскую (теологическую) традиции, Жаков пытается соединить их с другими религиями и философиями мира. Одиноким путем мыслителя-странника пролегает через произвольно избираемые им пути-культуры, каждый из которых подтверждает что-то в его теориях. Как, например, идея близости японского и зырянского языков подтверждала теорию особой роли коми-зырян в мировой истории будущего. Следует помнить, что быстрый восход японской нации произвел в то время ошеломляющее впечатление на многих россиян.

Надо понимать, что эпический странник не персонифицирует свой народ, как прямой его представитель, поскольку изгнан им [7]. Отношение К.Ф. Жакова к коми-зырянам противоречиво. С одной стороны, он пытается наладить их выход в будущее, но, с другой, – поражается их порокам. Зыряне имеют право на будущее лишь в космологическом плане, в плане разработанной мыслителем космической теории возрастающего циклизма. Круговорот вещей должен привести к превращению солнца в новую землю, на которой «молодые народы» обретут свою

высшую судьбу. Характерно, что, представляя свой этнический мир, Жаков выступает в роли маргинала – игрока на гармошке, что соответствует позиции музыканта-сказителя в эпосе. В дальнейшем сказитель берет верх над музыкантом. Игровые вывертыши становятся более актуальными в словесном плане. Автор создает некий баланс между неслышимыми никому (кроме него самого) проигрышами, и ритмизированными по их плану высказываниями. В результате образуется особый ритмизированный стиль текста, который выявляется не только в философско-художественных текстах Жакова, но даже в официальных документах, им написанных.

«Убедился я на протяжении моей жизни, что угро-финская нация не удовлетворится ни идеализмом кантовского типа, ни либерализмом, а потребует нечто большее; и, конечно, каждая нация должна иметь свою философию и религию, если она стремится к долголетию на земле» [6, с. 28].

Путешествие предсказуемо принимает форму плавания в поздней работе мыслителя [2]. Меняя имена, вступая в диалоги с философами разных эпох, превращаясь в героев произведений своих собеседников, он не признает границ, которые снимаются движением волны. Перемещаясь от места к месту, писатель игнорирует время, что является одним из основных признаков, как мифа, так и эпоса. Пространство античной и средневековой философии лежит в зоне свободного доступа, разделенное лишь именами своих создателей. К каждому из них он навевается свободно, принужденно беседуя о собственных проблемах познания мира, навязывая им свою интерпретацию мироздания. Но на то он и свободный неоромантический мыслитель, использующий эпическую форму лишь как средство ее преодоления. Игнорируя временные рамки и условно признавая пространственные, он отрицает современность, взывая к будущему и ссылаясь на прошлое. Что может быть более модернистично? Многократно игнорируемое время представляется в произведениях К.Ф. Жакова как круговорот, циклическая модель, универсальный выверт. Временная трансляция используется писателем в качестве измерения / оценки / замера собственного существования, неравного собственно ни одной из предлагаемых моделей. Современное время, утратившее идентичность, нуждается в преобразовании эпичностью. Это, в свою очередь, происходит только через личностное творческое преобразование.

В крупных масштабных произведениях К.Ф. Жакова редко встречаются бытовые описания. Это тоже соответствует специфике эпического текста. Пространства имеют чаще всего конкретные обозначения, но за именами определенных мест не стоит никаких социокультурных особенностей, за исключением тех, которые в данный момент интересуют самого мыслителя. Движение автора в геокультурном пространстве есть лишь повод для его космического путешествия вне времен и пространств. Фактически Жаков путешественник, провидец и пророк знает лишь одно пространство – общечеловеческую культуру. Она открыта ему вне национальных и этнических границ, он свободно обращается к любому периоду ее развития, свободно соотносит любые ее части.

3. Жаковский литературный эпос

Страннический тип эпического героизма предполагает выбор определенных социокультурных ролей. В молодости К.Ф. Жаков видит себя скорее музыкантом, играющем на сельской гармошке, получившей широкое распространение в Коми крае в конце XIX в. В автобиографических произведениях есть эпизод расставания путешествующего писателя со своим играющим «я». В более зрелом возрасте мыслитель соотносит себя со сказителем, учителем, беседующим на равных с мудрецами любых стран и времен, разносящим по миру свое учение.

Образы музыканта и сказителя были объединены мыслителем воедино в его эпосе «Биармия» [1], основанного на рассказах скандинавских саг о плаваниях на восток, в финно-угорские земли. Интересно, что сказания о Биармии практически проигнорировал Э. Лённрот, для которого отгораживание от Швеции было не менее значимым, чем от России. Однако для отечественных финно-угров не все обстояло так просто. В начале XX в. Биармия становится для немногочисленных финно-угорских интеллектуалов России мифической прародиной, страной возникновения их культуры. Это мироощущение было воспринято ведущим коми интеллектуалом того времени К.Ф. Жаковым. Надо сказать, что он был многие годы занят поисками своеобразия коми и близких им народов. Недостаток культурной специфики родного народа его весьма огорчал [5, с. 318, 325, 333] но, признавая этот факт как ученый, он считал вправе противостоять ему в качестве писателя.

Жаков-писатель-сказочник-философ постарался придать родной культуре те качества, которых в ней не нашел ученый. В духе неоромантических поисков, он счел возможным досочинить то, чего родине не достало, и, прежде всего – эпос. Эпические основания культуры считались в романтической традиции несомненным доказательством ее своеобразия. Несколько известных литературных мистификаций XIX в. были связаны с подделкой именно эпического фольклора. Литературной обработке подверг материал «Калевалы» и Лённрот, бывший для Жакова непосредственным примером. Впрочем, Жаков ориентировался на самые разные эпические произведения мировой культуры, как авторские, так и древние. Он не стал мистифицировать читателя мнимой автохтонностью произведения, четко обозначив авторство своей поэмы. Впрочем, чтобы создать мистификацию, нужно было, как минимум, написать текст на коми языке, Жаков же во всем своем творчестве был ориентирован на русскоязычного читателя.

Проблемы исторической идентификации жителей Коми края не в малой степени осложняются тем, что они, по большей части, должны смотреть на себя чужими глазами: все древние исторические источники предлагают взгляд со стороны, взгляд цивилизованных народов с развитым историческим сознанием. Коми такого взгляда не имели до принятия христианства в результате миссии Стефана Пермского. Попытки коми авторов XIX – XX вв. выявить аутентичную дохристианскую историю неизбежно вели к мифологизации прошлого.

Создавая пространство своего эпического мира, К. Жаков сумел сопрячь легендарное, мифическое и (в меньшей степени) историческое. В значительной степени это произошло за счет того, что он не совместил коми землю с легендарной Биармией, но противопоставил их друг другу. Мир родной Пармы оказался по другую сторону той Биармии, которую описывали скандинавские саги. По другую сторону Европы, «старого мира». Новый воображаемый мир должен был придать черты подлинности поискам образцовыми представителями коми народа своей идентичности. Сочетание опоры на культурное наследие своего народа (пусть и в данном случае вымышленное) делает Жакова непосредственным предшественником современного этнофутуризма, обозначая неоромантические корни этого движения.

Любой эпос принципиально героичен. Количество главных героев, как правило, невелико. В большинстве случаев они

являются воинами. Жаковский эпос в этом плане почти не исключение. Главным его героем поэт делает правителя страны – «князя», следуя, скорее, древним традициям.

Впрочем, и здесь Жаков следует принципам своего учения. Парадоксальным образом главный воин эпоса ни с кем не сражается. Из вооруженно-героических подвигов Яура выделяется только один: стрельба из лука. Это, собственно говоря, не сражение и даже не совсем охота, а скорее состязание в ходе сватовства. Скорее всего, Жаков заимствовал этот мотив в индоевропейском эпосе (в чистом виде его можно встретить в «Махабхарате», в трансформированном – в «Одиссее», в сказке «Царевна-лягушка» и т.п.). В иных сюжетах (за пределами подцикла «добывание жены») Яур предстает не воином, а «культурным героем». Так современные ученые именуют тип героизма, связанный с созданием и передачей значимых умений и предметов. Хозяйственная деятельность Яура, несомненно, роднит его с героями «Калевалы» и, прежде всего, с Ильмариненом. Впрочем, ничего сопоставимого с Сампо Яур не создает, просто закладывая основы земледелия и ремесла.

В двух сюжетах Яур предстает как интеллигент. В первом он создает первоначальную письменность, увековечивая ее путем высекания на склонах Урала. Здесь Жаков воплощает стремление коми интеллигентов иметь свою азбуку, независимую от письменности, созданной Стефаном Пермским. Второй сюжет (замыкающий поэму) представляет Яура автором истории деяний его жены Райды. Фактически Жаков делает князя еще одним автором своей поэмы (кроме себя и Комиморта, от имени которого, собственно, и ведется повествование). Подобная многократная отсылка от одного автора к другому характерна для современной постмодернистской организации текста, но коми писатель может считаться одним из первых разработчиков идеи многоликости автора.

Вторым по значению героем поэмы является музыкант Вэрморт, представитель «мистического» или «магического» героизма. Собственно, Вэрморт в поэме – «автор всех побед», он обеспечивает проход героев в Биармию и их уход оттуда с невестой Яура. При нападении врагов на родную Парму, Вэрморт усыпляет их своей музыкой. Оцепеневшие от звучания его домры (Жаков почему-то использует украинское название струнного инструмента), враги засыпают в своих лодках, уносящих их обратно, к началу пути.

Два героя «Биармии» Яур и Вэрморт представляют собой основные черты авторского, жаковского миропредставления: мистическую связь со своей землей, веру в единство космоса (где природное и культурное неразделимо в цикличном движении), пацифизм, веру в силу творчества, тягу к странствиям. Эпический стиль мышления активно влияет на другие стороны творчества мыслителя, придавая им характерный колорит.

Литература

1. Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.
2. Жаков К.Ф. Древняя философия в сказках // Жаков К.Ф. Утверждение истины: (рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми). Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты «Коми му», 2012. С. 135-194.
3. Жаков К.Ф. Промысел Божий. Провидение в природе и жизни // Жаков К.Ф. Утверждение истины: (рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми). Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты «Коми му», 2012. С. 349-370.
4. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996.
5. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. С. 314-353.
6. Жеребцов И.Л. «Пути мысли и жизни». Очерк жизни и деятельности К.Ф. Жакова // Жаков К.Ф. Утверждение истины: (рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми). Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты «Коми му», 2012. С. 9-34.
7. Котылев А.Ю. Маски Жакова: социокультурные роли интеллектуала переходной эпохи // Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей Всероссийской научной конференции (19-21 октября 2011, г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН). С. 253-258.
8. Котылев А.Ю. Титаны переходной эпохи: сравнительно-культурологический анализ автобиографий К.Ф. Жакова и П.А. Сорокина // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2005. С. 108-167.
9. Котылев А.Ю. Этнокультурная идентификация коми интеллектуала XIX в. Жизнь и творчество Г.С. Лыткина // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал № 4 (18) / 2015. С. 6-17.

1.4. Поэма К. Жакова «Биармия» в переводе Яниса Райниса

Каллистрат Жаков и Янис Райнис почти ровесники, они могли встретиться на просторах огромной Российской империи и в независимой Латвии, но личной встрече не суждено было состояться. Но, помимо воли, их сблизила, незримо соединила реальная и мифологическая Биармия. Да, Биармия, как было принято в историографии XIX в. отождествлять скандинавский топоним Бьярмия с древнерусским топонимом Пермь Великая.

Жаков в Лифляндии

Впервые сын Биармии – Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926)* ступил на территорию Лифляндской губернии 11-12 февраля 1913 г. Его – профессора Психоневрологического института Санкт-Петербурга, писателя, поэта, публициста, путешественника, этнографа, философа, наконец, «зырянского Фауста», как его именовали приязненно относившиеся к нему коллеги, – пригласило Валкское латышское Общество взаимной помощи. Городок Валк (ныне Valka, Валка) и ныне располагается на границе с Эстонией. Свою лепту в прием столичного гостя внесли местные ценители литературных и философских новинок. Ответственность за гостя взял на себя местный просветитель, издатель газеты «Каави» (Kāwi; 1910–1913) Янис Адамович Рауска (Jānis Rauska; 1873–1967)** . К тому

---

* Основные публикации автора, посвященные К.Ф. Жакову: Ковальчук С.Н. Взыскупя Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX в. – сер. XX в.). Рига, 1998. С. 100-114; Она же. Kalistrat Žakovs: «Pasaule ir vienota, un patiesība ir viena.» Par limitisma filozofiju un tās autoru // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. (A.) 1999. 53 sēj. № 4/5/6. (603/604/605). С. 74-78. Ipp.; Она же. К.Ф. Жаков, А.К. Приеде // Покровское кладбище. Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004. С. 193-195; Она же. К. Žakova Rīgas arhīvs // Reliģiski-filozofiski raksti. Rīga, 2005. № 9. С. 78-99. Ipp.; Она же. Путь извилистый земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава. 2008. № 1/2. С. 128-156; Она же. Рижское окружение Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Войны, революции и общество. М., 2008. Вып. 5. С. 185-210; Она же. Латвия в жизни Каллистрата Жакова // АРТ.Сыктывкар, 2011. № 3. С. 108-131; Она же. Биармия – место встречи К. Жакова и Я. Райниса // Арт. Сыктывкар, 2016. С. 128-138.

** Янис Рауска отличался многими талантами, получив скромное образование, учился всю жизнь, стал общественный деятелем, хорошим фотографом, книгоиздателем и организатором книжной торговли. Специалист Валкского краеведческого музея Лигита Друбина написала статью о нем: *Drubiņa L. Ar Jāņa Rauskas vārdu // Darba Karogs. 1989. № 3.*

же известно, что в Психоневрологическом институте обучалось немалое число небогатой молодежи из Лифляндской губернии, вероятно, кто-то из студентов принес в Валк весть о любимом профессоре. Поводом для приглашения послужили изданные к тому времени в Петербурге философские и литературные произведения Жакова.

В объявлении, помещенном на страницах газеты, напечатано, что приглашенный К. Жаков, профессор философии, лектор по красноречию Петербургского Психоневрологического института, предложит слушателям два доклада «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке: о границах естествознания». В газетных отчетах, посвященных лекциям столичного гостя, отмечалась необыкновенная эрудиция и магнетическое воздействие на аудиторию. В 1914 г. издательство Я. Рауска выпустило в Валке отдельным изданием прочитанные лекции, предложенные читателям в свободном, но корректном изложении переводчика «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке»: *Žakovs K.F. Kas ir filosofija? Dievs dabā un cilvēkā. Valka, 1914.* В 1914 г. лекции, прочитанные в Валке в феврале 1913 г., были перепечатаны в рижской ежедневной политической и литературной газете «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) в № 166 за 23.07–5.08.

Жаков вторично побывал в Валке 4 и 5 апреля 1915 г., читал лекции «Духовная культура Германии и русская философия». Я. Рауска в это время был демобилизован в действующую армию, его газета закрылась, но подробные отчеты о выступлениях Жакова были опубликованы в рижских газетах: «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) № 97, 104, в № 69 политической и литературной газете «Latvija» (Латвия). Можно предположить, что именно в этот приезд в Валку в зале, наполненном притягательной силой ума и личного обаяния лектора, состоялась роковая (судьбоносная) встреча немолодого профессора с привлекательной недавней гимназисткой Алидой Каролиной Приеде (Priede; 1893–1941), родившейся в зажиточной крестьянской семье. Вскоре, словно находясь под гипнотическим внушением, Алида послушалась родителей, приехала в столицу, осенью 1916 г. оказалась среди студентов Психоневрологического института. Алида-Каролина, натура цельная и сильная, целеустремленная, ворвалась в привычное течение семейной жизни Жакова, неотвратимо, неизбежно изменив его и свою судьбу.

1916 г. – создание «Биармии»

Эпическая поэма «Биармия» – зырянское сказание о древних богах – была написана Жаковым в 1916 г. на русском языке в Петрограде. Поэтическое творение подвело своеобразный итог многолетних изысканий Жакова как ученого-фольклориста, решившегося на реконструкцию мировоззрения древних коми-зырян. «Биармия», пусть и не изданная, с годами обрела смысл, ценность для народа коми, сравнимую с ценностью эпосов «Калевала», «Лачплесис».

Что такое Биармия? Это мифическая страна, упоминавшаяся в сагах древних скандинавов (викингов) IX–XIII вв. Скандинавский термин «*Biarmaland*» или «*Biarmia*» возник, вероятно, на этой же основе и обозначал не какую-то локальную территорию, а обширный регион Северо-Востока Европы, населенный родственными финно-угорскими племенами. Поэма «Биармия» стала реконструкцией древнего северного эпоса, точнее – эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам, проживающим на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, – обозначенной в поэме как Биармия. Жаков был глубоко убежден в предназначении созданной поэмы, видел в ней подлинный эпос коми народа, поскольку как настоящий ученый-фольклорист годами по крупицам накапливал и восстанавливал собранный во время полевых экспедиционных практик в Коми крае фольклорный материал, сравнивал находки с фольклором родственных финно-угорских народов.

Нелишне напомнить, что с 1900 г. К. Жаков постоянно участвовал в экспедициях в северных областях России, в которых собирал научный материал. В 1901 г. за этнологический очерк о зырянах получил большую серебряную медаль Русского географического общества. В экспедициях черпал вдохновение для литературных произведений. Путешествуя по верхней Печоре в 700 верстах от Усть-Сысольска, записывал этнографический материал (песни, сказки, описывал особенности семейного уклада), и неожиданно к нему пришло осознание того, что «язык – это душа народа, язык – своеобразное выражение его переживаний, его логики, его психологии, его понимания красоты и добра. Язык – это бессознательное, стихийное и органическое проявление душевной жизни народа, и для каждого народа язык – его

величайшее сокровище. Долг каждой нации сохранить свой язык и охранять чужой и свято относиться не только к своему, но и к чужому языку современных культурных народов и к языку народов, не попавших в светлый круг этих культурных наций» [2, с. 208].

И академик А.А. Шахматов, и член-корреспондент Петербургской Академии наук В.И. Срезневский, знавшие и ценившие публикации Жакова по этнографии, в последующие годы настоятельно советовали участвовать в научных экспедициях, «звали на великое поле этнографии и финской лингвистики», поскольку число профессионалов-филологов из коми-зырян в то время было непростительно мало. Но Гараморт в экспедициях ощущал в себе неослабевающую раздвоенность: «Иногда ясно я вижу трагедию мою и причины моего одиночества. Вкусы и привычки мои – первобытного человека. Кто может ужиться со мной из горожан и промышленников? Пишу я сказки, ибо я из народа, живущего мифологией, кому же нужна этнография! Нужно описывать современную жизнь языком современного народа. Как жить среди профессионалов? Слишком рано родился я для „новых” народов и слишком поздно для „старых”» [2, с. 197].

Можно предположить, что под воздействием экспедиций и влиянием этнографического материала Жаков писал: «Человечество без религии не обойдется. Но необходим иной язык религии, иные формы церкви» [1, с. 82]. Поэтому «Биармия» была задумана ее создателем для выполнения одной из функций лимитивной философии: прочно обосновать новое видение религии, т.н. «иррелигиозной религии», способной «заменить религию прошлого», прояснить эволюционные процессы Вселенной. Автор «Биармии», как представитель Серебряного века русской литературы, уловил потребность поиска новых форм религиозности, что было характерно для творческой интеллигенции России конца XIX – начала XX столетия.

Да, цивилизация неумолимо наступала на небольшие этносы в конце XIX и начале XX столетия, неумолимо подминала духовное своеобычие культур – это явственно видел Жаков в экспедициях в северных областях России. Ученый опасался за неспособность коми сохранить в полноте неповторимые оттенки национального мироощущения и мировосприятия, поэтому и продемонстрировал своему народу в «Биармии» забытую

языческую веру – полную величия, достоинства и красоты [3]. Гараморт глубоко переживал драматически противоречивое сочетание официальной православности и глубоко укорененного язычества в сознании вотяков, мордвы, иньвенских пермяков, зырян. В романе «Сквозь строй жизни» (С-Пб., 1912) он писал, что с грустью покидал иньвенских пермяков «и с новой надеждой отправился к вотякам, чтобы помолиться в их лесах богу Инмару, светлородому богу неба и матери солнца, помолиться и другим великим стихиям. <...> Но и у них немало грустил, изучал их трагическую историю. Видя, как <...> притесняют их языческую веру, полную величия» [2, с. 170, 217]. На страницах романа северным народам отводилась мессианская роль спасителей цивилизации, при условии, что «дряхлающая Европа» сумеет их «услышать». При этом себя самого Жаков считал первым голосом «первобытных» северных народов, призванным сообщить о них Европе.

Бурные исторические перемены принес 1917 г. и в жизнь российской империи и в жизнь Гараморта: отречение от престола императора Николая II, Февральская революция, крутые перемены в политической жизни России в октябре того же года, гражданская война, наконец, закрытие Психоневрологического института. Вскоре добровольный приезд в Лифляндию обернулся эмиграцией и вынужденным проживанием попеременно в Валке, Валге, Пскове, Юрьеве, наконец, в Риге.

К сожалению, затруднительно детально восстановить события жизни К. Жакова в 1917 г., как и ответить на вопрос: почему книгоиздатель вновь обратился к публикации текстов Жакова. Возможно, философ вновь читал лекции в знакомом Валке, поскольку книгоиздатель Я.А. Рауска выпустил отдельным изданием лекцию: Жаков К. Лимитизм: 1-я лекция. Валк, 1917.

Янис Райнис – переводчик «Биармии»

У двух поэтов несхожие судьбы. Янис Райнис (Jānis Pliekšāns, псевдоним – Rainis; 1865-1929) – латышский поэт, драматург, переводчик, журналист, руководитель театра, политик получил прекрасное гимназическое образование, с 1884 по 1888 гг. учился в Петербургском университете на юридическом факультете, который окончил со степенью кандидата права. Потом занимался юридической практикой, был

редактором одной из самых популярных латышских газет «Dienas Lapa» (Ежедневный листок). За социал-демократические убеждения в середине 1897 г. был коротко заключен в тюрьму, вскоре выслан на полтора года в Псков, затем отправлен подальше от родных мест в городок Слободской Вятской губернии, где безвыездно жил с 1 июля 1899 до мая 1903 г. В далеком крае сложился первый поэтический сборник Райниса «Tālas noskaņas zilā vakarā» (Далекие отзвуки синим вечером), который увидел свет в 1903 г. За спиной Райниса с 1897 г. нерушимой скалой стояла его супруга Аспазия (Elza Pliekšāne; 1865–1943) – талантливая поэтесса, драматург, писательница, переводчик, политик. Она часто навещала супруга в ссылке в Вятской губернии и, значит, стала сопричастна Биармии.

С годами Райнис обрел славу мастера слова не только в оригинальных произведениях. Поэт нес в себе тонкий дар проникать «в виноградное мясо» мировой поэзии и адекватно излагать эти шедевры на латышском языке. Первым опытом переводчика стал «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Свобода владения многими европейскими языками (современными и классическими) позволили перевести «Фауста» И.В. Гете. В ссылке неустанно продолжал кропотливо шлифовать свой талант и впервые для латышского читателя перевел произведения У. Шекспира, Г. Гейне, Г. Ибсена, Ф. Шиллера, Р. Гамерлинга.

Через два с половиной года после возвращения в Ригу осенью 1905 г. Райнис с Аспазией на 15 лет уедут в вынужденную ссылку в Швейцарию.

1920-е гг.

Райнис возвратился из Швейцарии в независимую Латвию в апреле 1920 г. Для него начался интенсивный период жизни как политического, театрального деятеля: Райнис был депутатом латвийского парламента трех созывов, с 1921 по 1925 гг. руководил Национальным театром, в декабре 1926 г. стал министром образования Латвии. В свободные минуты писал, занимался переводами.

Жаков летом 1920 г. после нескольких лет скитаний решил предложить свои знания в Риге в Высшей школе Латвии*.

---

* До 28 марта 1923 г. Латвийский университет именовался Высшей школой.

16 июля 1920 г. была прочитана пробная лекция «Лимитизм». Увы, лекция не произвела должного впечатления. Наступила глухая тишина – высшее учебное заведение не давало ответа.

Что же в философских воззрениях лектора вызывало недоверие и настороженность со стороны руководства университета в Эстонии, затем и в Латвии? В новом университете в Риге успешно читали лекции по праву, истории, медицине, литературе российские эмигранты. Возможно, не последнюю роль сыграла его личная драма – сложность отношений с молодой спутницей жизни, оторванность от родины, да и неспособность Жакова приспособиваться, вживаться в новые жизненные условия, уловить требования совершенно новой академической среды и соответствовать этим требованиям. Да, зырянский самородок потерпел неудачу в Латвийском университете. Друзья, почитатели его научных и писательских дарований постарались в сентябре 1920 г. хоть в какой-то мере морально, психологически сгладить ситуацию. Преданный друг Эмилий Гросвальд (1875–после 1940), с которым познакомились во Пскове, поддержал дорогого учителя, собрал инициативную группу для создания и регистрации в соответствующих инстанциях «Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā» (Общество лимитивной философии в Латвии). Был намечен обширный план работы. Увы, реально общество начало действовать только на рубеже 1922–1923 гг., когда Гросвальд и члены общества приложили усилия в организации постоянных лекций Жакова, проходившие в Старой Риге на улице Торня, дом 4. Более того, нашлась и возможность через бюро множительных работ Владимира Яковлевича Упесслея (Upesleja; 1885–1939) распечатывать лекции как отдельные небольшие работы. И это стало статьей хоть умеренного, но дохода. Кстати, сколько лекций было размножено в этом бюро, установить теперь уже затруднительно. Отдельные лекции печатались и на латышском*. Статьи Жакова в это время стали появляться в латышской прессе. В Указателе латвийской прессы – «Gintera radītājs» – содержится список статей Жакова за 1924-

---

* В издательстве «Limes» в 1924 г. вышла лекция «Kurp mūs ved zinātnes» (Куда ведет нас наука) и «Kas ir patiesība» (Что есть истина?), в 1925 г. – «Nacionālisms kā cilvēces kultūras faktors» (Национализм как фактор человеческой культуры), в 1926 г. «Dvēseles nemirstība» (Бессмертие души).

1925 г. на латышском языке, опубликованных в газетах «Latvijas Sargs» (Латвийский защитник), «Latvijas kareivis» (Латвийский солдат), «Strādnieku avīze» (Рабочая газета). Регулярные лекционные курсы Жакова, организованные Обществом лимитивной философии в Латвии (Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā), проходили с февраля 1923 г. по декабрь 1925 г.

Пока Э. Гросвальд и члены «Общества лимитивной философии в Латвии» думали об организации на постоянной основе лекций философа, его большой поклонник Эрнест Эрнестович Барон (Barons; 1889–1968?) с конца осени 1921 г. перехватил инициативу. Барон проведаль о безуспешных начинаниях по пропаганде идей лимитизма со стороны Общества Гросвальда и пошел в решительную «атаку» за Жакова. Обходительный Эрнест Эрнестович проявил сочувствие к бедственному положению Гараморта и при жесткой конкуренции сумел-таки устроить его в Рижский английский педагогический колледж, входивший в ведение Министерства образования Латвии. Увы, благие намерения Барона в декабре 1921 г. нарушил уставший от жизни и неизлечимо больной Гараморт: ему было трудно читать школьникам новый предмет по мировой литературе и в первую очередь английской. В феврале 1922 г. Э. Барон официально создал «Limitiskās Filosofijas Akadēmiju» (Академию лимитивной философии). Предложенные популярные лекции профессора Жакова по философским и естественнонаучным темам, увы, слушателей не нашли.

Надо отдать должное Барону – человеку небескорыстному, с чертами авантюриста, за то, что сумел издать в 1924 г. журнал с вычурным названием «Lāčplēsis limitists» (Лачплесис лимитист), Лачплесис сторонник философских воззрений Жакова!* Эрнест Эрнестович действительно постарался – Жаков был представлен в этом издании как философ, сказочник, поэт. Сам же Барон выступил в роли интерпретатора философских идей профессора. Приглашение участвовать в издании принял академик В.М. Бехтерев, приславший из Петрограда статью «Влияние мышления на поведение животных». Янис Райнис перевел 6 частей поэмы Жакова «Биармия». Аспазия и Виктор

---

* Лачплесис – буквальный перевод – разрывающий медведя, – главный герой одноименного латышского эпоса «Lāčplēsis», воссозданного Андреем Пумпурсом (Andrejs Pumpurs). Эпос создавался на протяжении 15 лет кропотливой работы на основе народных преданий. Эпос впервые опубликован в 1888 г.

Элитис обогатили издание своей поэзией, репродукции картин художника В. Авотиня украсили журнал. Увы, творческих усилий, денежных запасов Эрнеста Барона хватило на издание только единственного номера журнала.

Жаков – Райнис – Рига

Каллистрат Жаков и Янис Райнис могли встретиться на просторах огромной Российской империи и в независимой Латвии, но личной встрече не суждено было состояться. Об этом свидетельствует дневник латышского поэта за 1920-1929 г., опубликованный в 25 томе 30-томного собрания сочинений: J.Rainis. *Kopotī raksti. Dienasgrāmata. 1920-1929. 25 sējums. Rīga, 1986.* Собрание сочинений Райниса было подготовлено издательством «Zinātne» (Наука).

Подробные дневниковые записи Яниса Райниса совсем немного приоткрывают завесу истории перевода «Биармии». В 25 томе на странице 129 читаем запись, сделанную 22 февраля 1923 г.: «пришел лимитист Барон, чтобы переводить “Биармию”». До 9 сентября Райнис не приступал к работе, но все же внял настоятельной просьбе Э. Барона, который обещал выплатить гонорар за перевод фрагментов поэмы. Но уже с 9 по 11 сентября Райнис перевел 200 строк жаковской поэмы. Более в дневниковых записях за осень 1923 г. ничего не записано о работе над переводом. Несколько записей свидетельствуют о настойчивых, даже навязчивых визитах Э. Барона. 13 декабря Райнис получил макет обложки журнала «Lācplēsis limitists». 2 января 1924 г. Барон нанес визит Райнису, советовался о порядке размещения в журнале стихотворений, перевода «Биармии». 11 февраля Райнис получил корректуру. В дневнике на странице 192 за 15 февраля 1924 латышский поэт написал, что «читал 512 строк перевода поэмы». Это количество строк вместило перевод на латышский язык I–VI частей «Биармии». Последняя запись в дневнике, в которой упоминается Барон, относится к 27 мая 1924 г.: в тот день приходил Барон и горячо обещал заплатить за перевод гонорар. В дневниках Райниса более нет никаких упоминаний о Бароне, «Биармии».

Жаковская эпическая поэма всколыхнула в Райнисе воспоминания о годах ссылки в далеком холодном краю, он даже намеревался написать воспоминания о ссылке в Вятской губернии. Своим переводом Райнис, несомненно, отдавал дань

уважения Жакову как фольклористу, как собирателю эпоса зырян, оценил его научный и поэтический труд по бережному сохранению народной культуры. Знаменательно, что на протяжении жизни латышский поэт проявлял неподдельный интерес к этнографии, традициям латышского народа. В середине 1880-х годов Райнис стал соучастником сборника «Материалы по этнографии латышского племени в Витебской губернии» (СПб., 1890), составителем и редактором которой был Эдуард Александрович Вольтер (Eduard Volter; 1856–1941) – российский лингвист, этнограф, фольклорист, археолог. В предисловии Вольтер благодарил Райниса за оказанное внимание к его труду, называя его по русской традиции – Иван Христофорович Плекшан*. Райнис, возглавив в декабре 1926 г. министерство образования Латвии, в апреле 1927 г. подписал указ о создании Хранилища латышского фольклора, ставшего уникальным научно-исследовательским центром.

Жаков-поэт и Райнис-переводчик так и не встретились в Риге. Латышские литературоведы, знатоки биографии Райниса категорически отрицают какое-либо знакомство Райниса с Жаковым. Бирута Гудрике – известный в Латвии специалист по творчеству Райниса в статье «Vai jauns Raiņa draugs?» (Новый друг Райниса?) на страницах газеты «Literatūra un māksla» (Литература и искусство) за 8 сентября 1973 г. развеяла миф о дружбе поэтов, но подтвердила заинтересованность поэта в переводе на латышский язык поэмы «Биармия» и факт знакомства в феврале 1923 г. Райниса с Э. Бароном.

В 1925 г. Райнис написал короткое предисловие ко второму изданию поэтического сборника «Дальние отзвуки синего вечера», созданного в ссылке в далекой Биармии в Слободском. В предисловии он не назвал имя Жакова, просто написал *поэт «Биармии»*, выразив ему признательность за поэтически сильные образы, всколыхнувшие, явственно оживившие впечатления дивной красоты суровой природы [4]. В 1928 г. Райнис почему-то вернулся к переводу «Биармии», дополнил перевод еще двумя частями. Дополненный перевод поэмы в 1980 г. вошел в 8-й том собрания сочинений Яниса Райниса.

Если Жаков и Райнис так и не встретились в Риге, то Алида Каролина Приеде, судя по воспоминаниям ее младшей дочери

---

* Переиздание книги было осуществлено в Москве в 2011 г. в издательстве «Книга по Требованию».

Мары Приеде, поддерживала отношения с вдовой Райниса и неоднократно навещала с детьми Аспазию.

Прошли годы. Земля Биармии помнит латышского поэта Райниса и его супругу Аспазию. В Слободском работает мемориальный музей, неподалеку от которого установлен памятный камень.

Литература

1. Жаков К.Ф. Принципы эволюции в гносеологии, метафизике и морали. С-Пб., 1906.
2. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1993.
3. Лимеров П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности К. Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1 (21). 2015. С. 110–116.
4. Rainis J. Dzīve un darbi. Biogrāfija un kopoti raksti. Rīga, A. Gulbja apgāds, 1925. 226. lpp.

1.5. Художественно-мифологический концепт МУЖЧИНА в поэме К.Ф. Жакова «Биармия»

Художественно-мифологические концепты, значимые для текстового пространства коми литературного эпоса К.Ф. Жакова, близки к концептам художественным, но отличаются от них своей спецификой: «Художественный концепт как единица сознания писателя много сложнее и значимее образа как средства выражения авторской картины мира. Художественный образ может выступать репрезентантом концепта в произведении, воплощая основные его компоненты, – как правило, понятийно-образный, эмоциональный» – подчеркивает Т.И. Васильева [2].

И.А. Тарасова предлагает следующую структуру художественного концепта: предметный слой; понятийный слой; идейно-тематический, образный слой; символический слой; эмоционально-оценочный слой [11, с. 53-65]; при этом подчеркивается необходимость анализа «строения и специфики индивидуальных художественных концептов» [11, с.139].

На наш взгляд, художественный и художественно-мифологический концепты следует рассматривать как часть концептосферы анализируемого текста и как часть индивидуальной картины мира творческой личности с учетом диффузии концептов и концептосфер в тексте. Кроме того, для анализа каждого художественного текста, по-видимому, необходимо выявление контекстной модели текста и той роли, которую играет концепт в вымышленном художественном (или художественно-мифологическом) пространстве. Необходимо исследовать в анализируемом концепте компоненты интертекстуальности и диффузии (взаимопроникновения концептов) в пределах анализируемого текста.

Рассмотрим особенности художественно-мифологического концепта МУЖЧИНА в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия».

«Биармия» (1916) – одно из интереснейших произведений К.Ф. Жакова, «в котором причудливо переплетены историко-психологические, эпико-героические и фольклорно-фантастические пласты коми национального сознания» [3, с. 56] и, добавим, философско-эстетические воззрения автора. Художественно-мифологическое пространство коми литературного эпоса К.Ф. Жакова «Биармия» следует рассматривать через призму созданной им философии лимитизма, под которой понимается «система формул, содержание которых 1) система наук, 2) система философий и 3) система религий» [5, с. 97]. «Лимитизм, – по утверждению К.Ф. Жакова, – признает семь граней бытия»: «отношения пространственные, временные, материальные, душевные, разумного, прекрасного, доброго» [5, с. 97]. Философская теория К.Ф. Жакова создается с целью усовершенствования мира, поэтому одной из главных ее частей являются проблемы воспитания. К.Ф. Жаков в статье «О воспитании» подчеркивал значение мифов в процессе воспитания: «Законы эстетики раскроются при изучении мифов, сказок, поэм» [6, с. 11]; «Эстетическое имеет свою законность. Прекрасный образ имеет бесконечное значение, вызывает бесконечные размышления и переживания. Законность эстетического выражается формулой $\infty = 1$ » [6, с. 6]. Таким образом, формула эстетического может быть применена для иллюстрации множественности интерпретации художественного и художественно-мифологического контекста.

В «Биармии» К.Ф. Жакова, по мнению В.Н. Демина, представлено «три уровня жизни, воспринимаемые древним человеком: первый – уровень Мироздания, в котором господствует великий Ен, второй – межличностных отношений; третий – мир природы» [3, с. 255]. Уровни коми литературного эпоса – это, по сути, контекстная модель данного произведения.

Уровень «межличностных отношений» в зеркале лингво-когнитивного анализа представлен концептосферой человека, в состав которой включается художественно-мифологический концепт МУЖЧИНА, структурирующийся субконцептами. Фабула произведения: путешествие в Биармию Яура и его товарищей; похищение Райды; свадьба Яура и Райды; рождение Югьдморта, похищение Югьдморта Йомой-бабой; добрые дела для Джеджим-пармы Яура, Ошпи Лыадорса и Вэрморта; победа над князем Ногульским; рассказ Вэрморта Югьдмарту о «вещей происхождении»; путешествие Югьдморта «в страны дальние востока»; пир «в красной юрте Того-Лого»; рождение Майбыра; возвращение Югьдморта и его победа над «племенем роч», напавшим на Биармию; появление кометы как предвестницы беды; болезнь Райды, ее предсказания и смерть; завещание Яура, – отражая течение линейного времени коми литературного эпоса, показывает, что основную роль в развитии сюжета играют образы лиц мужского пола.

Анализируемый концепт представлен и на «уровне Мироздания»; эта особенность проявляется в транслируемом К.Ф. Жаковым космогоническом мифе о Ене и Оксоле (Омоле). Антропоморфизм образов, составляющих концептосферу фауны (см., образ месяца-пастыря: «Ясный месяц – пастырь неба – / Выгоняет бык-корову, / Радугу, с полей небесных / К водопою на озера» [4, с. 50]), отражает репрезентацию данного концепта на уровне «мира природы».

Для объективации концепта МУЖЧИНА в коми литературном эпосе «Биармия» характерны следующие лингвистические и лингвостилистические особенности:

1. Имя концепта МУЖЧИНА не встречается в контексте эпоса.

2. Имена мужских образов имеют аффиксоиды, заимствованные из коми языка. Например, аффиксоид – морт в переводе с коми языка – ‘человек’ [1, с. 398] представлен в антропониме Комиморт. Образ Комиморта организует контекст «Биармии»: именно «волшебник и чернокнижник Комиморт»... «рассказы-

вает легенду о князе Яуре», – подчеркивает В.Н. Демин [3, с.249]: «И войдешь в избушку эту – / Старец у стола там пишет, Были, небыли – все знает... / Обратись со словом к старцу: / «Комиморт, старик безгрешный! / Сказочник ты несравненный!.. / Покажи ты мне рубины / Древних сказок, песнопений...» [4, с. 29].

Антропоним Вэрморт, первая часть имени которого является коми наименованием леса [1, с. 121]. Вэрморт наделен способностью песнопения, он, по определению В.А. Латышевой, «кудесник, волшебник, заклинатель, предсказатель» [7, с. 104]: «И Вэрморт ... запел он, заиграл он / Песни новые – заклатья» [4, 114].

Мифоним Ягморт («боровой человек») восходит к коми мифологии: в коми мифологии, по характеристике Н.Д. Конакова, – это великан, похожий на дикого зверя, похищающий скот и людей (однажды Яг Морт похитил красавицу Райду, убил ее; люди выследили его и сумели расправиться с ним) [12, с. 410]. В контексте эпоса К. Жакова изменяется прежде всего общая оценка персонажа: «...Витязь я из гор Тиманских, / Великан Ягморт из Джеджим, / Сын лесов и светлой тундры» [4, с. 44]. Ягморт «защищал страну родную», «избивая вражьи силы супостатов»: «Приходили, приплывали / Из-за моря иноземцы, / Те варяги, издалека; / Грабили они кумирни...» [4, с. 44]. Таким образом, в литературном эпосе К. Жакова Яг Морт входит в систему положительных персонажей: он защищает «страну родную» от «супостатов»; его голова показывает путь в Биармию главным героям эпоса.

Югид в переводе с коми языка «светлый» [1, с. 775] является частью имени сына Яура и Райды Югидморта: «Будет он великим, дивным, / Сын ваш, Югидморт, чудесный» [4, с. 44].

Этимология имени Ошпи определена В.А. Латышевой, которая отмечает, что Ошпи (Медведя сын) [7, с. 111]: «Сильный Ошпи Лыадорса / Мудрое промолвил слово: “Я скую соху народу, / Пусть он пашет сталью чистой / И новины поднимает”» [5, с. 107].

3. В контексте эпоса использованы лексемы, обозначающие лиц мужского пола на основании: 1) возраста персонажа: а) молодость (например, мальчик): «На руках у Йомы мальчик» [4, с. 106]; б) старость (старик, старикашка): «“Мы того не знаем вовсе”, – / Старики сказали разом» [4, с. 116]; «И пастух за ними плелся – / Старикашка с тонкой плетью» [4, с. 96]; 2)

социального статуса персонажа (например, князь, царь): «Яур, князь рыжебородый» [4, с. 84]; «Царь Оксор ее там встретит, / На том острове блаженном» [4, с. 185]; 3) признаков, указывающих на внешний облик персонажа (рыжебородый, сильный и др.): «Яур, князь рыжебородый» [4, с. 84]; 4) признаков, указывающих на психологические характеристики персонажа (например, мудрый): «Так ответил мудрый Ошпи / Богатырь широкоплечий» [4, с. 40].

4. Субконцепты, составляющие концепт МУЖЧИНА, получают характеристику в составе различных тропов и фигур – эпитетов – «Богатырь широкоплечий» [4, с.40]; сравнений: «Обнял сына, обливаясь, / Как ребенок, безудержно / С дочерью Оксора вместе / Сладкими слезами» [4, с. 175]; метафор: например, о создании идеографического письма Яуром К.Ф. Жаков пишет: «Проведу черту на камне – / Человека означает / Та черта, а круг на камне – / Солнца лик небесно-светлый. / Плоская черта – то мать / Всех живущих, ширь земная. / Полукруг – то свод небесный, / Острый угол – лес дремучий, / Две черты совместно значат / Речку светлую вдоль леса. / Жизни быт изображу я / На скалах, травой обросших, / Лишаем и мхом болотным» [4, с. 111]. А также о создании им пас-календаря: «Яур, князь рыжебородый, / Тут придумал на дощечках / Дни считать и годы также / По зарубкам, отмечая / По краям дощечек мягких» [4, с. 112]. И хотя коми пас-календарь, описанный К.Ф. Жаковым, не имеет характерной детализации, свойственной этому предмету (ср., например, описание П.И. Савваитова: «Пас-календарь есть вершков около четырех в длину шестигранная палочка, в середине утолщенная и разделенная вырезкой на две равные части. Ребра этой палочки представляются зубчатыми, потому что на них сделаны вырезки; против некоторых вырезок на всех сторонах этой палочки вырезаны особенные знаки. Число вырезок на ребрах – 365 указывает на число дней невисокосного года <...>» [10]), однако само упоминание о нем имеет важное культурологическое значение.

Итак, первый обязательный признак художественно-мифологического концепта – интертекстуальность, его опора на мифологию. Второй признак художественно-мифологического концепта – диффузия концептов, относящихся к разным уровням эпоса. Художественно-мифологическая картина мира коми литературного эпоса К.Ф. Жакова «Биармия» представлена диффузией разнообразных концептосфер человека, пространст-

ва, времени, цвета и др., объективированных взаимопроникновением концептов, включенных в эти концептосферы.

Рассмотрим эти признаки на примере концепта МУЖЧИНА, вербализованного в анализируемом произведении.

Интертекстуальность «Биармии» К.Ф. Жакова следует рассматривать через призму мифологичности и мифологизма.

Мифологичность – одна из особенностей анализируемого литературного эпоса, проявляющаяся в том, что автор, оттолкнувшись «от фольклорного источника», полностью преобразует его [9, с. 24]. Таким образом создается образ Ягморта. Мифологизм проявляется в репрезентации космогонического мифа: «Колыхалися туманы / В пустоте безвидной, темной» [4, с. 127]; «Енмар-Бог тут появился / И сказал он слово правды: / “Как же быть и что мне делать / В пустоте безвидной, мрачной? / Мир создать бы надлежало...”» [4, с. 127]; «Злой Оксоль тут показался, / Енмару сказал он слово: / “Младший брат я, старый Енмар. / Братом был я изначально / И родным тебе, Бог древний”» [4, с. 127].

Концепт МУЖЧИНА связан с концептом МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: А.Ф. Лосев среди признаков мифологического времени называет «неоднородный, то растянутый, то уплотненный характер» [8, с. 33]. Так, например, К.Ф. Жаков подробно рассказывает о путешествии в Биармию Яур-князя и его товарищей и похищении Райды, но подобная детализация отсутствует при описании совместной их счастливой жизни. Эта особенность проявляется и в создаваемых автором основных мужских образах, которые в контексте «Биармии» К.Ф. Жакова символичны.

Таким образом, основными особенностями концепта МУЖЧИНА являются символичность, мифологичность и мифологизм, антропоморфизм.

Итак, в дополнение к выделяемым исследователями «слоям», «компонентам» структуры художественного (художественно-мифологического) концепта следует добавить, по крайней мере, два – интертекстуальность и диффузию концептов в структуре художественного (художественно-мифологического) текста. Факультативный для художественного концепта компонент интертекстуальность обязателен для художественно-мифологического концепта.

Литература

1. Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 811 с.
2. Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Антология художественных концептов русской литературы XX века. М., 2013. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks338210#ТОС_IDAGCMLD
3. Демин В.Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург, 1997. 316 с.
4. Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993. 313 с.
5. Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философий и религий. Рига, 1929. 226 с.
6. Жаков К.Ф. О воспитании. Юрьев: Изд. Кружка латыш. офицеро-слушателей лекций проф. К.Ф. Жакова в Юрьеве, 1917 (Типолитография Э. Бергмана). 16 с.
7. Латышева В.А. Поэма К. Жакова «Биармия» // Латышева В.А. Певец зырянского края. Сыктывкар, 2005. С. 89-124.
8. Посев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
9. Микушев А.К. Коми «Калевала» (Об одном неизвестном финно-угорском эпосе и его создателе Каллистрате Жакове) // Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993. С. 5-25.
10. Савваитов П.И. О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаномъ (Труды I-го археологического съезда в Москве) // Коми пасы как символы URL: <http://foto11.com/komi/docs/komipas.htm>
11. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. 2-е изд. М., 2012. 196 с.
12. Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми. М.: ДиК; Сыктывкар, 1999. 479 с.

1.6. Некоторые наблюдения над переводом на коми язык произведения К.Ф. Жакова «Биармия»

Литературным фактом 1993 г. стал выход в свет книги, значение которой для коми культуры трудно переоценить – произведение «Биармия» К. Жакова на русском языке и его перевод на коми язык [2]. Произведение, в идеализированном ключе повествующее о начале мира народа коми, нашло своего читателя в конце XX в. и стало для него подобно глотку свежего воздуха. «В годы советской власти на протяжении почти 70 лет имя К.Ф. Жакова было вычеркнуто из живого употребления, произведения запрещены на его родине» [5, с. 5]. «Биармия», написанная на русском языке и мастерски переведенная современным коми поэтом М. Елькиным на коми язык, стала настоящим откровением для коми читателя. Сразу после публикации произведение на коми языке включено в школьные хрестоматии по коми литературе, в школьную и вузовскую программы курса «История коми литературы». О творческой среде, царившей в кругу коми писателей начала 1990-х гг., воодушевившей поэта обратиться к переводу нового и значимого для коми культуры произведения, говорится в воспоминаниях самого переводчика М.А. Елькина:

«Это было в 1991 году. В коми литературу стали возвращаться забытые имена: Питирим Сорокин, Каллистрат Жаков. Главным редактором журнала «Войвыв кодзув» в то время был Егор Васильевич Рочев, и в среде писателей велись разговоры о том, что надо бы начать издавать этих авторов, дать коми людям возможность познакомиться с их произведениями. И я слышал, что у Альберта Егоровича Ванеева есть рукописная книга – «Биармия» Каллистрата Жакова. Прочитал в редакции. Егор Васильевич спросил меня, интересное ли произведение. Я ответил, что интересное. Очень богатое элементами фольклора, фантазией. Своеобразной философией. И я думаю, если его написать на коми, перевести, было бы лучше, потому что, хотя и написано по-русски, чувствуется мышление коми человека. Егор Васильевич воодушевил меня попробовать перевести несколько частей. Попробовал, прочитал старшим товарищам, они хорошо оценили, начали печатать. Произведение непростое, в нем много мыслей. Каллистрат Жаков – со многих сторон развитая личность: и философ, и писатель, и ученый. Стремился охватить жизнь

коми целиком. Откуда коми человек появился, каков корень его жизни? Это все автор стремился раскрыть в «Биармии». Еще такая мысль, что не нужно человеку жить только пропитанием. Не нужно отказываться от своих богов, своей веры. Старое и новое нужно держать в себе, вновь обратиться лицом к Богу. Бога он видел не каким-то дедом, который сидит на облаке, а как совесть человека, внутреннее богатство, нравственность...» (Из дипломной работы А. Полугрудова, научный руководитель В.В. Пахорукова, 1998 г. Перевод с коми мой: Е.О.). Данное интервью примечательно точными наблюдениями художественно-мировоззренческого плана и в наши дни.

В числе первых критиков перевода были В.А. Латышева и А.Е. Ванеев. Оценка В.А. Латышевой кратка и красноречива: «М. Елькин ошеломил хорошим переводом на коми язык поэмы К. Жакова "Биармия"» [4, с. 102].

А.Е. Ванеев дает переводу более полную характеристику в № 9 журнала «Войвыв кодзув» за 2001 г. В дальнейшем статья издана в трехтомнике избранных трудов поэта и ученого. Считаю нужным привести отрывок данной работы:

«Образы «пурпур песен» и «изумруд сказаний» нельзя перевести буквально, дословно. Если бы было так переведено, то коми произведение не получилось бы, все эти «пурпуры» и «изумруды», «рубины» и «халцедоны» М. Елькин заменил «драгоценными камнями». И очень хорошо сделал. Скажем, монолог Райды о своем детстве дан в жанре лирической песни, и так хорошо получилось, словно его по-коми писали, а не переводным произведением.

В переводе на коми язык есть также места, где вместо четырех строк Жакова М. Елькин делает три, или даже две строки. Но из-за этого я не стану корить переводчика. В большинстве случаев такие сокращения не портят произведение, а добавляют художественную силу, добавляют темпа действию. Но в переводе поэмы действительно имеются «облегчающие моменты»: вместо «ягель-нитши» (ягель-мох) можно и должно было сказано «яла-нитшь», вместо «море» – «саридз». Вместо «самоеды» – «яранъяс» (так коми называли ненцев раньше, да и теперь).

И все же, мне очень по сердцу интонация переведенной Елькиным поэмы: и понятно, и вместе с тем не отступил от поэзии. Я поздравляю своего младшего товарища с получением Государственной премии РК и желаю ему в дальнейшем твердой поступи» [1, с. 245–246].

Итак, А.Е. Ванеев отмечает в переводе краткость, динамичность и поэтичность. Мы соглашаемся с ним и приводим свои наблюдения, связанные с переводом имени одного из основных персонажей поэмы – Вэрморта, хранителя древнего знания, воспевающего мир и счастье. Его пение и игра на домре обладают волшебным даром усыпления и пробуждения людей, сопровождают почти все события, описанные в произведении, охватывая прошлое и настоящее. В целом произведение К.Ф. Жакова, подобно народному эпосу, строится из песен. А.Ю. Котылев весьма убедительно раскрывает принцип матрешки в структуре «Биармии» [3, с. 316–321]. Значительная роль при этом отведена образу Вэрморта. Особого внимания, по нашему мнению, требует рассмотрение структуры имени данного героя. Для наглядности мы приводим сравнительно-сопоставительный материал в виде таблицы. В правом столбце приведены цитаты из оригинала, в левом – цитата из перевода с дословным обратным переводом в скобках:

«Посреди – Вэрморт из Ыба, [*] Он игрок на чудной домбре» (33)	«Ыбысь со Вөрморт тшөтш накод, Кывтö, сигудöкнас ворсö» (193) (Из Ыба вот Вөрморт также с ними, Плывет, играет на сигудке)
«И запел Вэрморт чудесный» (35)	«Тэ Вөрмортлысь кывзы сюся Гректöм мөвпяся шань сылан» (195) (Ты внимательно слушай Вөрморта С безгрешными мыслями хорошую песню)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (35)	«Тэ, Вөрморт, бур сылысь-ворсысь» (195) (Ты, Вэрморт, хороший певец-игрок)
«Посредине – тун- волшебник, Чаровник и сердцеведец, Музыкант Вэрморт прекрасный» (38.)	«И Вөрморт тшөтш накод пыжас, Ыджыд сяма сылысь-ворсысь» (197) (И Вэрморт также с ними в лодке, С большим умением певец-игрок)
Ты, Вэрморт, игрок великий » (42)	«И Вөрморт оз кольччы, кывтö, Ыджыд сяма сылысь-ворсысь» (201) (И Вэрморт не отстает, плывет С большим умением певец-игрок)

* В данном случае сохраняется написание слова в соответствии с оригиналом.

«И Вэрморт, игрок великий , Струн оленьих волнователь, Песнопевец несравненный» (46)	«И Вөрморт тшөтш пыжас накөд, Ордас сигудөксө күтө, Ыджыд сяма сьылысь-ворсысь» (204) (И Вэрморт также в лодке с ними, При себе держит сигудэк, Большого умения певец-игрок)
«И Вэрморт, игрок великий » (47, 51)	«... Вөрморт, бур сьылысь» (205) (Вэрморт, хороший певец)
«Ой, Вэрморт, чревоещатель» (49)	«Ой, Вөрмортöй, кывзы менö» (205) (Ой, Вэрмортмой, слушай меня)
«Заклинатель знаменитый Чаровник тот прозорливый Песнопевец древней Перми Он запел, Вэрморт великий» (49)	«И Вөрморт эз нюжмась дырсö – Кинас сигудөк струная Ловзьöдис да сьывны босьтчис» (207) (И Вэрморт не медлил долго – Рукой струны сигудка Оживил и начал петь)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (51)	«И Вөрморт тшөтш, сьылысь-ворсысь» (208) (И Вэрморт также, певец-игрок)
«И Вэрморт из песнопевцев, Домбры ветхой волнователь» (54)	«И Вөрморт тшөтш накөд кывтö, Ыджыд сяма сьылысь-ворсысь» (210) (И Вэрморт также с ними плывет, Большого умения певец-игрок)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (56)	«И Вөрморт оз кольчы наысь» (212) (И Вэрморт не отстает от них)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (57)	«И Вөрморт тшөтш весьöпöрис» (212) (И Вэрморт тоже оцепенел)
«И запел Вэрморт великий» (57)	«Сийö вөрзьöдис – и ловзис Сигудөкыс сылөн кыын...» (213) (Он тронул – и ожил Сигудэк в его руках)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (58)	«И Вөрморт тшөтш, сьылысь-ворсысь» (215) (И Вэрморт также, певец-игрок)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (60)	«И Вөрморт, бур сьылысь-ворсысь» (215) (И Вэрморт, хороший певец-игрок)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (64)	«И Вөрморт тшөтш» (218) (И Вэрморт также)
«Вновь запел Вэрморт- кудесник» (65)	«Сэк Вөрмортлөн лолыс бара Öзйис – сигудөк струная Сийö вөрзьöдис, а сэссия Сьывны сьёлөмянык босьтчис» (219) (Тогда Вэрморта душа снова Загорелась – сигудка струны Он тронул, а затем Петь от сердца взялся)

«И Вэрморт, кудесник славный» (67)	«Юргö-лэбö Эжва весьтти Мыла гор – Вөрморт, дерт, сэни Ворсö сигудöкнас пыжын» (220)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (69)	«И Вөрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь» (222)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (70)	«И Вөрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь» (224)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (73)	«И Вөрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь» (225)
«А Вэрморт, пророк великий» (80)	И Вөрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь (244)
«Заиграл Вэрморт чудесный» (80)	«Вөрморт, бур сьылысь» (244) (Вэрморт, хороший певец)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (80)	–
«Так он пел, Вэрморт-кудесник» (83)	«Тадз Вөрморт сэн сьылис-ворсис» (245) (Так Вэрморт там пел-играл)
«И запел Вэрморт-кудесник» (84)	–
«А Вэрморт всех удивляет Звоном домбры величавой» (87)	–
«Вдохновенно свыше пел он» (89)	«Юргис парма весьтын гора Биа сьыланкыв Вөрмортлөн» (248) (Звучала над пармой громко Огненная песня Вэрморта)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (90)	«И Вөрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь» (250) (И Вэрморт также, певец-игрок)
«Ты, Вэрморт, игрок великий » (91)	«И Вөрморт, бур сьылысь-ворсысь» (250) (И Вэрморт, хороший певец-игрок)

Из примеров видно, что в оригинале имя Вэрморта почти каждый раз уточняется приложением: «*Вэрморт, игрок великий*», «*Вэрморт, кудесник славный*», «*Вэрморт-кудесник*», «*Вэрморт-волшебник*», «*Вэрморт-песнопевец*», «*тун-старик*». Много раз встречаются тавтологические конструкции, в которых первое слово коми «Тун» со значением «*пророк, волшебник, колдун*», а второе слово русское с таким же либо близким значением «*тун-кудесник*» либо «*тун-волшебник*».

Приложение выражено перифразами, так, наиболее часто (больше сорока), встречается перифраза «*игрок великий*», а

отдельно эпитет «*великий*» встречается более 45 раз. Также 22 раза герой назван *Кудесником*, 15 раз *Туном*, 7 раз *Волшебником*. Кроме этого, впереди или после имени Вэрморт стоят субстантивированные эпитеты-перифразы «*заклинатель, приворожник, обаятель, чаровник, пророк, чародей, чревоуцатель*». В целом подобная лексика подчеркивает в образе Вэрморта его пророческий дар, умение управлять таинственными силами природы и человека в пользу самого человека. Это действие совершается подобно древнему обряду, Вэрморт сам творец этого обряда.

Много раз встречающиеся с именем Вэрморт перифразы образуют своеобразные формульные конструкции, и, как мы увидели, их несколько. Называние их, озвучивание, каждый раз словно оживляет в памяти устойчивый, знакомый образ, обновляет энергию этого образа. В то же время, устойчивые словосочетания оказывают на читателя психологическое воздействие, возможно, подобное воздействию на слушателя народного эпоса. Уточнение, расширение образа Вэрморта устойчивыми для данного текста перифразами, эпитетами способствуют организации особого ритма текста произведения: местами медлительного, местами словно топчущегося на месте, местами убыстряющегося и т.д. Таким образом, ритм непосредственно участвует в развитии сюжета произведения.

В переводе Вөрморт также оценивается с помощью перифраз и эпитетов, хотя их частотность отличается от оригинала. Больше всего, 24 раза, используется приложение «*сьылысь-ворсысь*» (певец-игрок), также часто имя усложнено словосочетаниями «*бур сьылысь-ворсысь*» (хороший певец-игрок) и «*ыджыд сяма сьылысь-ворсысь*» (*Большого умения певец-игрок*), соответственно 11 раз и 8 раз. 13 раз персонаж назван Туном в сочетаниях «Тун-Вөрморт», «Тун-волшебник», «Вөрморт-тун». Красиво, по Жакову, звучит сочетание «Джеджим парма вёрса колип» (Джеджим пармы лесной жаворонок/соловей). Но более всего имя *Вөрморт* встречается одиноко, без оценки. Краткость, безоценочность, объективность имени экономит время высказывания, добавляет действию темпа.

В связи с нашими наблюдениями уместно обратиться к одной из основных загадок «Биармии» К. Жакова, загадке жанра:

поэма либо литературный эпос (книжная форма эпоса). В названии книги 1993 г. составителем А.К. Микушевым написано «Биармия: *Коми литературный эпос*». А.Е. Ванеев, В.И. Мартынов и В.А. Латышева в основном используют термин *поэма*, хотя иногда в одной и той же статье встречаются оба термина, словно подразумевая под литературным эпосом высшую ступень жанра поэмы.

Приведенные выше наблюдения над структурой образа имени Вэрморта в оригинале и переводе нас ведут к следующему предположению: «Биармия» на русском языке более тяготеет к жанру литературного эпоса (термин, конечно же, в известной доле условен), «Биармия» на коми языке – современная поэма.

Литература

1. Ванеев А.Е. К. Жаковлӧн «Биармия» поэма // Ванеев А.Е. Бӧрйӧм гижӧдъяс. Т.3. – Литература йылысь гижӧдъяс, очеркъяс, висътыяс, ёрта сёрнияс, казътылӧмъяс. Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. 221–246 л.б.
2. Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос / Сост., предисл., комментарии А.К. Микушева. Пер. с коми М.А. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
3. Котылев А.Ю. Музыкальная игра как тема, мотив и метафора в произведениях К.Ф. Жакова // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. С.316–321. (Труды Национ. музея Республики Коми; Вып. 3).
4. Латышева В.А. Тӧдтӧм на коми кывбур тэчысьяс йылысь // Коми литература историясь: Учеб.пособие / Сыктывкарский университет. Сыктывкар, 1995. 102 л.б.
5. Микушев А.К. Коми «Калевала» // Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос / Сост., предисл., комментарии А.К. Микушева. Пер. с коми М.А. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

1.7. Проза К.Ф. Жакова в контексте натурфилософской традиции

Высшие достижения словесного искусства актуальны во все времена, эти произведения не утрачивают своего смысла, проявляя в каждую последующую эпоху новые качества за счет приращения смысла путем взаимодействия с культурно-эстетическими, философскими концепциями. Таким вневременным, потенциально неисчерпаемым, современным является творчество К.Ф. Жакова.

Каждая экономическая формация, каждая историческая эпоха вносили в процесс взаимодействия человека и природы существенные коррективы, которые незамедлительно сказывались на натурфилософских концепциях, решаемых писателем в соответствии с характером мировоззрения в целом, с эстетическими и этическими взглядами в частности. На материале прозы К. Жакова хорошо видно, насколько автор обогатил ее, продемонстрировав уникальность создаваемых им художественных миров, – благодаря национальной ментальности, «генетической» памяти в осмыслении и воплощении чувства природы, актуализировал вопросы, связанные с судьбой культур, с сохранением их национальной самоидентификации. Натурфилософская традиция воплощена в художественном мире писателя как часть национальной культуры, накопленный опыт народа на пути постижения истины. Натурфилософский аспект рассмотрения в прозе К. Жакова связан с ценностными ориентациями человека, и имеет выход к проблемам философии, экологии, нравственности, вопросам самоопределения личности в мире социокультурного пространства, ее приобщения к национально-культурным традициям, обогащенным общечеловеческим содержанием, и формированием на этой основе приоритетных установок в эпоху надвигающейся цивилизации; он напрямую связан с формированием экологически корректного пространства, осознанием универсальности нравственных и эстетических ценностей социума.

В сказке «Жизнь Пама Бур-Морта» (1905) автор воспроизводит языческую, дохристианскую стихию, в которой человек находится в гармонии с космосом. Природа и мир человека живут в добром согласии, в гармоническом единстве. Натурфилософская концепция произведения восходит к древним восточным учениям об изначально присущей миру гармонии: «Друзья детства – звери и птицы – его провожали.

Бурый медведь, косматый житель леса, вышел на берег, лось с огромными рогами, робкий заяц выскочил из-за куста. На берег вышли они испить воды из прозрачной реки и глазами провожали волхва, плывущего на волнах к широкому устью реки.

Деревья шумели прощальным приветом, и черный ворон, летя к востоку, гортанными звуками предвещал желанный конец дальнему плаванию, а звонкий ручей, текущий с песчаного холма навстречу Паму, служил счастливой приметой в далеком пути...» [2, с. 429-430]. Герой повествования странствует, путешествует по свету, пытаясь постичь мудрость, пытаясь найти человека, который бы объяснил, нарисовал ему «картину неба и земли». Произведение пронизывает тема пути, мотив странствия, ухода и возвращения; странствуя по миру, Пам видит много рек, гор, лесов, любит красоту вселенной. Это странствие – поиск, который представляет собой испытания, это путь героя, проходящего ряд инициаций, прежде чем добиться своей цели, в пути он встречает помощников и наставников, которые задают ему «направление» движения; герой повествования ищет возможность реализовать свой идеал в деятельном, созидательном труде на лоне природы, он находится в процессе осознания своего места в современной цивилизации, в поиске дороги к себе. Мифологема пути предстает в произведении как странствие не только физическое, но и духовное. Так, герой оказывается в хижине старца, мудреца, который дает ему совет: «...Нет ничего лучше Его, нет ничего краше Его. Оно в тебе. Ты голос его слышишь. Слушай Его всегда, и насытится твоя душа гармонией Его слов...Он в тебе, но не весь – так на своде небесном не все звезды для тебя сияют...Но все же видишь солнце на небе и к нему стремись, постоянно стремись, постоянно гляди на небо, тогда поймешь, что живешь ты в небе... Часть люби, часть, потому что ты – часть прекрасного целого!.. Ты в лоне Его живешь всегда!» [2, с. 429-433].

Вернувшись домой после долгих странствий на родную землю, Пам Бурморт стал целителем душ и тел: травами лечил от болезней, утешал словами приходящих к нему людей: «...в часы досуга глядел он на утреннюю и вечернюю зарю, на восходящее солнце, на нежный свет луны, слушал пение клеста и шум ручья, и спокойно было на сердце у него; он говорил:

– Что есть, то за этими красками и звуками обитает. Счастье и страдание – звуки мировой гармонии, всеобъемлющей души, единой и вечной. Спокоен тот, кто слушает мир. Мир слушает

того, кого мысли согласны с течением вещей и событий мира. Я на небе. Я вечен, только покровы мои переменны. Я мировая душа. Бодрствую иногда, порой дремлю я. Вся красота в мыслях моих. Мысли мои – думы праматери звезд и планет. Благословен вечноживущий [2, с. 434]. Пам Бурморт прожил долгую и светлую жизнь, познал самого себя и «Природу Великую».

В осмыслении природы К.Ф. Жаковым отразились, вероятно, пантеистические мотивы прозы начала XX в., которые выражали мысль о единой сущности бытия, о близости человека к естественной среде, и в связи с этим идеализировали патриархальную жизнь, противопоставляя ее современности. Возможно, что под нею мыслилось нечто, схожее с теорией Вл. Соловьева: прорыв сквозь хаос бытия к мистической Мировой душе. Вл. Соловьев не мыслил природу без божественного начала. В статье «Красота в природе» (1899) он утверждал, что идеальный мир – это одухотворенный мир, одухотворенная природа посредством идеи Божьей, Духа. Истинная красота, в его терминологии, – высший разум, Дух.

Пам Бурморт, герой повествования К.Ф. Жакова, в результате странствия-поиска приобщается к тайнам гармонии, принимает свою жизнь и жизнь окружающей природы как единство, осознает, что природа и человечество существуют в едином движении и приобщены к идее Духа. Человек включен в движение вселенной, вечности, в непрерывный жизненный процесс.

Герой повествования «Эжол» (1905) разыскивает прекрасного, чудесного сказочника Дмитрия, он мчится на своей рыжей лошадке через дремучие леса и, глядя на высокие сосны, величавую красоту дивного леса, слыша шум ветвей, начинает ощущать дыхание вечности, соприкасается с какой-то глубокой тайной жизни через общение с дикой природой: «Высокие сосны стоят на дороге.

Тихо качаются их вершины. Шум ветвей, кажется, заключает в себе таинственное сказание ветра. В нем читаю я историю богов, оставивших страну, но некогда обитавших в этом лесу; на этом небе, чуть видном в вышине через древесные ветви, ходили они, подобные людям, только ростом больше и прекраснее станом, по этому белому ягелю, что хрустит сейчас под ногами лошадки. О, как прозрачно в этом древнем священном бору! Далеко, далеко видать между колоннами-соснами» [2, с.194].

Стремление к архаике, первозданному состоянию природы, дикий, суровый пейзаж, нетронутый, первобытный лес – это состояние мира в его начале, сама природа, словно огромный храм; это своеобразный «космический» по охвату пейзаж, в нем в гармонии сливается окружающий мир, воссоздается грандиозный масштаб мироздания. Природное пространство и природное время обладают статусом идеальности, поэтому пространство можно охарактеризовать как открытое, разомкнутое по вертикали и горизонтали (устремленное вдаль,вширь, ввысь), свободное, подвижное, динамичное и одновременно вечное, цельное, гармоничное, логичное; время – как циклическое, связанное с круговращением в природе, цельное, неделимое.

Философ-идеалист Артур Шопенгауэр, книга которого «Мир как воля и представление» была переведена на русский язык в 1880 г. в Петербурге, и в 1900, в Москве, утверждал, что бесконечная огромность мира, пространства, времени, вселенной заставляет наше сознание обнимать прошедшие и грядущие тысячелетия и бесчисленные миры, в которых мы теряемся. Он писал: «Красота природы манит к созерцанию и к чистому познанию, в котором субъект и предмет, его привлекающий, находятся вне потока времени и всяких других отношений» [6, с. 212].

В момент общения с природой жаковский герой – рассказчик способен увидеть в мгновенном – вечное, почувствовать, как движется мироздание, и тем самым ощутить свою сопричастность целому. В эти минуты герой осознает себя частью вселенной, воплощенной в образе тишины и бесшумно текущего времени, которые рождают ощущение мировой гармонии. Образ природы К.Ф. Жакова по сути своей достаточно близок к тому, что именовалось в литературе данной эпохи «космическим сознанием» и было присуще многим художникам начала XX в. (И. Бунину, А. Блоку, Л. Андрееву и др.). Это философская рефлексия человеческого сознания и самосознания, поскольку именно человек есть «центр всеобщего сознания природы» (Вл. Соловьев). Космизм выдвигает идею гармонического единства всего сущего, рассматривает человека и природу как цельное творческое существо, мир понимается как законченное, прекрасное, упорядоченное целое, где все элементы бытия связаны в едином мыслящем организме, человек выступает неотъемлемой частью всеобщего космического процесса, в котором сплетены и через который проходят многообразные космические связи и силы.

В рассказе «Бегство северных Богов» (1911) писатель рисует картину уничтожения северной природы, в работе «Этнологический очерк зырян» исследователь размышляет о разрушении гармонии между человеком и природой, которое ведет к вырождению, измельчанию народа. Проблема человек-природа-цивилизация осмысливается автором и в рассказе «На Богословский завод» (1906), в нем рисуется картина уничтожения пармы: «Мерные удары раздались в молчаливом бору. Звери проснулись в своих норах, птицы вылетели со своих насиженных гнезд. Чаще и чаще слышны удары, острые пилы визжат, и падают с шумом вековые сосны, березы широковетвистые и сумрачные ели. Сучья летят со стоном и свистом, на куски разбиваются мощные стволы сосен и елей.

Учащаются удары, все громче визжат беспощадные пилы в сотнях опытных рук. Режут, режут лесных гигантов, только подрубленные пни красноречиво говорят, сколь стары, сколь могучи были эти прекрасные сосны, росшие свободно на широких песчаных холмах...» [2, с. 269]. Фрагмент заканчивается своеобразным пророчеством: «...Голеют, голеют непроходимые, дремучие уральские горы...

Высокие пармы обнажились...

Что-то будет дальше? О, бедный север! Беспощадный рок истребляет твое последнее и единственное богатство – твои пышные леса...

Замерзнете и погибнете вы, милые дети печального севера!» [2, с. 269].

Повествователь, рассуждая о судьбах дровосеков, замечает, как «безжалостны к мужикам железные законы жизни корыстолюбия». Мотив уничтожения пармы неразумными действиями человека, связанный с эсхатологическими чувствами автора в финале, становится символом зыбкости, хаотичности мира, его неустойчивости. Картина мира здесь мифологизируется, создается особое напряжение мысли, которое выражается в эсхатологических авторских предчувствиях, пронизывающих природоописание. К. Жаков предчувствует увеличение пропасти между человеком и окружающим его миром, разрушение гармонии человеческих отношений и гармонии в природе; идейно-образная композиция произведения направлена против необдуманного вмешательства в мир природы. Не переделывать мир, не разрушать, а сохранять, беречь и передавать от поколения к поколению

духовно-нравственные ценности и, прежде всего, природу – в этом состоит одна из кардинальных, важнейших идей произведения.

На заре технизированного века, надвигающегося оскудения и истребления природы, безжалостно уничтожаемой человеком, К.Ф. Жаков, – один из первых коми писателей, наделенных тем, что можно назвать «экологическим сознанием», – предупреждает не об одной лишь опасности, которую несет с собой нарушение экологического равновесия. Вырубая прекрасный лес, человек отрицает одновременно и природу, и культуру, и работу предшествующих поколений, разрывая с ними связь, лишаясь, подобно дереву, питавших его корней.

Цивилизация, которая уничтожает природу, ведет, по мнению К.Ф. Жакова, к духовному оскудению народа (рассказ «Бегство северных богов»). От цивилизации бегут люди, которые раньше «жили, как короли, в дремучих лесах, управляя своими стадами» (рассказ «Джак и Качаморт»). Герой рассказа «Холуницкий завод» (1906) Аркадий Лесков – крестьянин, живший в ладу с природой, становится рабочим. Тема города и деревни, цивилизации и патриархальности – основная в произведении. Рассказ построен на противопоставлении двух форм жизни. Автор использует в качестве сквозного приема сопоставление природного и «машинного» образных рядов, снижение одной формы жизни и идеализации другой, использует поэтику контрастов. Целью подобного изложения является стремление К.Ф. Жакова защитить идею единства человека и природы, ведущую свое начало из языческой эпохи, стремление предостеречь людей от разрушения и отчуждения от естественного мира. Образы пролетарской поэзии – железа, огня, завода, – символизируют технологический век, новую «железную» эру и представляют переосмысленную пролетарскими идеологами систему ценностей, ориентированную не на «живое», а на «мертвое». Герой повествования пытается разобраться, что несет человеку цивилизация. «Царство железа» воспринимается им как нечто мертвое, ужасное, герою не понятна социальная суть общества: «Друзья, не здесь бы нам следовало жить, в этом сумраке железа! На берегах светлых рек, у прозрачного ручья легче дышит грудь человека и мечты его свободнее текут... О, други! Туда бы нам толпою; вы прикованы к мертвым телам и гаснет жизнь в ваших жилах, и не знаете вы, как красивы поля, как

могуч смолистый воздух сосновой дубравы...Какой ужас там! Доменные печи стояли как великаны под мрачными сводами, они изрыгали невыносимый жар из палящего зева... Как духи бесплотные, как тени в аду, ходили между ними рабочие в белых рубахах...» [2, с. 286, 289]

Душа героя, его духовный мир заполнены природой, поэтому он, оторванный от нее, лишается своего величия. Писатель подчеркивает нравственную чистоту и высоту северного, природного человека, рассматривает проблему «естественного человека» в философском, общечеловеческом и нравственном аспекте, показывает, что выпадение человека из природного единства делает его либо нравственно уродливым, либо совершенно несчастным. Уход из общественно-социального мира в мир первобытной, первозданной природы, есть попытка восстановления априорных связей, возвращение героя в конце рассказа в родную деревню, к земле, к истокам, корням можно рассматривать как преодоление разрыва между человеком и естественным миром, соединение с ним. Ощущение органичности мира – человека и Вселенной – выражается в воспеании природного величия.

К.Ф. Жаков понимает в природе высшую целесообразность и в духе учения Ж.Ж. Руссо [5, с. 617], Л.Н. Толстого [4, с. 153-155], пророчит человеку нравственное очищение вдали от ущербной цивилизации. Отделение и отчуждение от космоса, от божественной природы, образование «второй» природы, чуждой естественному миру, мыслится в творчестве отечественного космизма как «утрата рая» [1, с. 45]. «Обретение рая», по Н.Бердяеву, – это возврат человека космосу, космоса – человеку.

Противопоставление мира естественного миру цивилизации, их взаимоотношения – в центре внимания в рассказе «Парма Степан» (1910). К.Ф. Жаков тонко уловил состояние человека, слившегося с природой, находящегося с ней в гармонии. В зеленом мире, «древнем раю», вдали от людей, в покое, в гармонии с самим собой и окружающим миром жил старик Бурморт, считавший себя «частичкой», «песчинкой» всемогущей природы, со своей единственной дочерью Зарниныл. Она тоже является частицей зеленоголосога мира, в ее облике присутствуют черты реальной земной девушки и сказочной феи. Девушка понимает язык птиц и животных и показана не просто на фоне природы, а как ее часть [3]. При всей неповторимости

рассмотренных произведений К.Ф. Жакова их объединяет стремление воплотить величественный образ самоценной природы, раскрыть ее универсальный закон, обеспечивающий вечность жизни. Идея круговорота как гармонического миропорядка полисемантически раскрывается в них. Она реализуется в натурфилософских текстах, проявляясь как концептуально-организующее начало в природных описаниях. Природный мир в изображении автора упорядочен, цикличен и гармоничен, все в нем взаимосвязано и взаимообусловлено, находится в движении.

На развитие художественной натурфилософии писателя повлияли достижения русской философской мысли рубежа XIX–XX вв., идеи космизма (И. Киреевский, Вл. Соловьев, Н. Федоров, П. Флоренский, Н. Лосский), научные открытия начала века (к течению русского космизма были близки К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский). Заслугой К. Жакова было осознание единства и целостности природы, взаимосвязи ее явлений, диалектики ее развития, понимание связи человека с природой.

Литература

1. Бердяев Н. Философия свободного духа. М: Книга, 1994. 607 с.
2. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 461 с.
3. Зиявадинова О.С. Гармония Севера в художественном творчестве К.Ф. Жакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (15) 2012. С. 59-61.
4. Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Толстого. М. - Л.: Наука, 1966. 333 с.
5. Руссо Ж.Ж. Прогулки одинокого мечтателя. Избр. В 3-т. М.: ГИХЛ, 1961. Т.2. 768 с.
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление М.: Изд-во кн. склада Д.П. Ефимова, 1900. 672 с.

1.8. Письма коми ученых Юрьё Вихманну как историко-литературный источник (К. Жаков, В. Налимов, В. Лыткин)

В статье представлена переписка коми ученых с выдающимся финским ученым, одним из первых исследователей пермских языков и культур в европейском масштабе – Юрьё Вихманном (1868-1932). В 1891-1892 и 1894 гг. он совершил первую поездку к удмуртам, собрал огромный языковой, фольклорный, этнографический материал, который лег в основу его фундаментальных научных и популяризаторских трудов. После открытия «удмуртской темы» он взялся за изучение коми языка и духовной культуры.

В 1901-1902 гг. Ю. Вихманн совершил поездку в Коми край, собрал древние образцы коми письменности, богатый фольклорный материал, коми диалекты. В своем отчете за 1903 г. он с удовлетворением отмечал: «Собранные мною среди зырян материалы следующие: пять больших и три малых словаря, из которых первые относятся к диалектам Удоры, Средней Вычегды, (Усть-Сысольск), Сысолы, Лузы и пермяцкому, а последние к диалектам Печоры, Летки и нижней Вычегды, и заметки – грамматика шести диалектов (Удоры, Средней Вычегды, Печоры, Сысолы, Лузы и пермяцкого» [3, с. 50]. Его фольклорные и лингвистические труды, особенно «Зырянский словарь» [5], который был составлен на полевых материалах Вихманна, обработаны и изданы в 1942 г. в Хельсинки финским академиком Т.Е. Уотилой.

Находясь в научной командировке на коми земле, он писал письма своим друзьям и знакомым. Они были подготовлены к изданию внучкой Иреной Вихманн, сотрудницей Финно-угорского общества в Хельсинки в 1987 г. В книге «Путевые заметки. Письма и дневники Юрьё Вихманна и Юлии Вихманн об их исследовательских поездках 1891-1906 гг.». Письма из Коми края помещены в разделе «У зырян».

Первое письмо из Вологды датировано 4.10.1901 г. В нем Вихманн сообщал, что одну неделю он провел в Петербурге, работая в библиотеке и архивах. В Петербурге же он встретился с лектором Г. Лыткиным, родом из Усть-Сысольска, кроме этого, сам Г. Лыткин написал им о предстоящем прибытии зарубежного ученого, что очень обрадовало Ю. Вихманна, т.к. он уже мог рассчитывать на своих заочных знакомых. Две недели он смог

позаниматься в архивах г. Москвы. Здесь ему посчастливилось послушать в Лютеранской церкви службу, проходившую на финском языке (такие службы бывают четыре-пять раз в году), на ней присутствовало пятьдесят-семьдесят финских ремесленников и финнов, обучающихся русскому языку. В Вологде, получив разрешение местного священника, предварительно предоставив ему письмо Имперского Археологического комитета из Петербурга, Ю. Вихманн снял копии надписи на священных книгах, отдельные предложения из Библии на коми языке, с различных старых книг на коми языке времен Стефана Пермского. Из-за темной бумаги фотокопии сделать не удалось. Но все требуемые материалы были ему предоставлены, что его очень воодушевило, т.к. обещало удачу на других пунктах следования.

Второе письмо, датированное 23.10.1901 г., было уже из Усть-Сысольска, куда ученый прибыл 19 октября. По пути в Усть-Сысольск Ю. Вихманн смог посетить Устюг. Здесь очень дружелюбный священник разрешил обследовать церкви, где было много книг, представлявших агиографический интерес. Устюг оказался Вихманну довольно большим городом (одиннадцать тысяч жителей), расположенным на очень красивом месте; Котлас, по сравнению с ним, напоминал ему деревню, но благодаря строящейся железной дороге превращался в город. Далее его путь до Усть-Сысольска проходил через Яренск (на колесном пароходе), Усть-Вымь (на лошади). Более подробно Ю. Вихманн описывал свое пребывание в Усть-Сысольске. Город насчитывал пять тысяч жителей, почти все они коми по национальности, мелкие чиновники, довольно хорошо понимают по-русски и могут говорить на нем. Хозяйка, у которой остановился исследователь, посещала местную женскую школу, но говорила по-русски с грубыми ошибками. Жили здесь также и русские. Большею частью чиновники: два врача, судья, начальник полиции др. На улице, в общественных местах говорили по-коми. В Усть-Сысольске у Вихманна много друзей. Это, прежде всего, Забоев (с ним при помощи рекомендательного письма познакомил Г. Лыткин из Петербурга), коми по национальности, служит чиновником в окружном учреждении, две его сестры преподают в женской гимназии. В последних письмах из Усть-Сысольска от 10 октября, 28 ноября, 12 декабря 1902 г. ученый сообщает о своей работе с информатором, поляком по национальности, учителем народной школы А.А. Цембером, о

котором Ю. Вихманн пишет: «Он, конечно, не гений, но довольно цивилизованный и чистоплотный человек». Упоминает Вихманн также о своих визитах к директору народной школы, окружному врачу, председателю крестьянского совета. В одном из писем мы находим описание ярмарки, куда приезжали коми со всего Усть-Сысольского уезда и Архангельской губернии.

Таким образом, обобщая содержание писем Ю. Вихманна о Коми крае, мы можем сказать, что они воссоздают историческую, социокультурную обстановку того времени, а также процесс интенсивного труда ученого в Коми крае. Во всех местах своего следования финский профессор находил радушный прием, всемерное содействие в его собирательской исследовательской работе.

В свою очередь, коми информанты и будущие ученые писали вслед за ним письма в Финляндию, высылали обещанные материалы, которые могли бы быть полезными в научных изысканиях финского ученого, ставших для многих из них другом и консультантом. Они хранятся в Архиве Финского литературного общества в Хельсинки. В 1989 г., во время частного визита по приглашению Каарины Сала (Лампениус) – директора архива, – нами обнаружены и впервые опубликованы письма К. Жакова, Н. Казакова, П. Налимова, Л. Васильевой, А. Забоевой, Л. Рума, В. Лыткина из Будапешта и Москвы (на финском и венгерском языках). Вот некоторые из них.

К.Ф. Жаков (1866-1926) – выдающийся коми философ, писатель, фольклорист, этнограф, лингвист, общественный деятель начала XX в.

Родился в с. Давпон близ Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар) в многодетной семье. Одиннадцатый ребенок резчика по дереву Фалалея, К.Ф. Жаков уже в годы учебы в Усть-Сысольском уездном училище проявил хорошие способности, особенно в математике. Но только в 1896 г., в 30 лет, сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в университет. А перед этим были годы скитаний и учебы – учеба в учительской семинарии г. Тотьма, работа на Холуницком заводе, служба волостным писарем в Корткеросе, снова учеба – сначала в реальном училище в Вологде, а затем в Петербургском лесном институте, пострижение в монахи и жизнь послушника в Заозерской пустыни, четыре долгих года безвыездного проживания под наблюдением полиции в Вологде и постоянная работа по самоусовершенствованию – изучение высшей математики, древних языков, философии.

Учеба в Киевском университете сначала на физико-математическом, а затем на историко-филологическом факультетах открыли перед Жаковым возможность изучать духовную культуру своего народа. Он собирает в коми крае фольклорный материал, изучает этнографию. Когда в 1899 г. К.Ф. Жаков переводится на третий курс историко-филологического факультета Петербургского университета, он уже серьезно занимается изучением жизни и быта коми. В 1901 г. К. Жаков заканчивает Петербургский университет, он становится приват-доцентом Петербургского университета, преподает также на Черняевских курсах. В 1908 г. академик В.М. Бехтерев приглашает К.Ф. Жакова на кафедру логики во вновь созданный Психоневрологический институт. В 1911 г. он становится профессором этого института и работает здесь вплоть до его закрытия в 1917 г. Именно в эти годы происходит его становление как философа, литератора, общественного деятеля. Он общается со знаменитыми людьми своего времени – академиком В.М. Бехтеревым, философом Н.О. Лосским, писателями А.М. Горьким, Л.Н. Андреевым, фольклористом И.Н. Ждановым, лингвистом И.А. Бодуэн-де-Куртене, увлекается философией Ф. Ницше, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева. К.Ф. Жаков дебютировал как поэт в 1905 г. стихотворными «Песнями Пама Бур-Морта», которые вошли в «Зеленый сборник стихов и прозы». На этот сборник положительно откликнулись А.А. Блок и В.Я. Брюсов, отметив связь лирики К.Ф. Жакова с философской поэзией. В это же время К.Ф. Жаков начинает писать прозаические произведения, на которые обращает внимание М. Горький и положительно их оценивает. Роман «Сквозь строй жизни» – вершина творчества писателя.

По инициативе профессора И.А. Бодуэна-де-Куртене К.Ф. Жаков был рекомендован для стажировки в Гельсингфорский (ныне Хельсинкский) университет. В своем письме великому лингвисту К.Ф. Жаков писал: «Гельсингфорский университет для меня так же будет необходим для финской лингвистики, как Киевский и Петербургский были нужны для уяснения принципов исследования явлений народной словесности и народной психологии». В деле сохранились документы, представленные для ходатайства прикомандирования в Гельсингфорский университет: а) автобиография; б) реферат в объеме 9 листов с изложением основных задач изучения финно-угорских племен; в) печатные работы (три публикации; г) устные рефераты (14 докладов и сообщений). В статье «Каллистрат

Фаллалеевич Жаков» профессор А.И. Туркин пишет о том, что «... не располагаем материалами о том, как проходила стажировка К. Жакова в Финляндии» [4, с. 11]. Обнаруженные нами письма К.Ф. Жакова Ю. Вихманну проливают свет на этот этап жизни коми исследователя.

В советское время труды К.Ф. Жакова долгое время находились под запретом, а на его имени лежало клеймо «буржуазного философа и писателя». Подлинное открытие талантливого писателя, философа, лингвиста началось в 60-е гг. XX в., благодаря трудам коми исследователей А.К. Микушева, А.И. Туркина, В.Н. Демина, В.В. Пахоруковой, В.А. Латышевой, позднее – Т.Л. Кузнецовой, Г.К. Лисовской и др.

Ю. Вихманн был одним из первых исследователей и популяризаторов языка и культуры коми. Он разработал методику изучения северного народного эпоса, первым обратил внимание на произведения И.А. Куратова, ознакомился с его рукописями и в своем «Кратком отчете о поездке к зырянам...» опубликовал два стихотворения Куратова на коми, немецком и финском языках. Не случайно финский ученый в 1901 г. перед поездкой в Коми край упорно искал встречи с К.Ф. Жаковым в Петербурге. На основании дневника Ю. Вихманна можно судить о том, что такая встреча состоялась, и финский ученый получил от К.Ф. Жакова ряд полезных рекомендаций. Об этом свидетельствует письмо К.Ф. Жакова от 3.03.1902 г., направленное им в г. Усть-Сысольск Вологодской губернии Его Высочайшему Господину Юрию Вихманну, приезжему ученому из Гельсингфорса: «Многоуважаемый господин Вихманн, Вы сейчас в той местности, которую я люблю всем сердцем моим, всей душой моей. Желая Вам, чтобы Вы нашли в ней то, что Вы ищете – чудес старой минувшей жизни древних финнов и дивных ниже культурных влияний иных народов и стран на жизнь наших предков. Славный и многоуважаемый ученый, пусть дремучие леса и реки родины моей и племя Коми дадут пищу уму и сердцу Вашему.

Я об Вас писал известной своими заслугами учительнице села Вильгорт Феоктисте Ивановне Забоевой – она окажет Вам свое содействие. О себе могу сказать я, многоуважаемый коллега, что день и ночь думаю о Гельсингфорсе: этот город – мой Иерусалим, в нем найду я свое спасение.

Очень бы мне хотелось знать Ваше имя и Отчество и если Вы почтите меня своим ответом, то не сообразоволяйте ли сообщить об этом.

Искренне уважающий Вас и преданный К. Жаков. Если Вам понадобятся какие-либо услуги со стороны местных жителей, то обратитесь, пожалуйста, к моим родственникам, живущим в деревне Давпон села Вильгорта.

Мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Покровская ул., д.8, кв. 13».

Между двумя учеными завязалась переписка. Она оказалась полезной для обеих сторон. Следующее письмо финскому ученому написано коми писателем 1 мая 1902 г. За это время К.Ф. Жакову посчастливилось побывать в Финляндии, куда он давно стремился, чтобы совершенствовать свои знания в области языкознания. С большим удовлетворением пишет он о положительных результатах своей командировки к финским ученым и, планирует новую, уже к российским финно-уграм.

«Многоуважаемый Георгий Емельянович, сердечно благодарю Вас за Ваше доброе письмо, на которое давно собираюсь я откликнуться. Полтора месяца тому назад был я, наконец, в обетованной земле своей – в Гельсингфорсе и вернулся оттуда полный самых разнообразных чувств и мыслей. Ознакомившись хотя в кратких чертах с высоким состоянием финской лингвистики, я особенно живо и ясно сознаю неподготовленность и, что всего грустнее, полную невозможность серьезно изучить данный вопрос в теперешних условиях моей жизни. Все время думаю о том, как попасть в Гельсингфорс на более продолжительное время, чтобы серьезно поучиться у ваших лингвистов. За свое коротенькое пребывание там, благодаря доброте и вниманию профессора Осипа Андреевича Микколя, я успел познакомиться со знаменитым профессором Сятялу и получил от него несколько весьма для меня ценных указаний; познакомился также с господином К. Кроном, и с большею пользой для себя с ним беседовал.

Благодаря любезности и сочувственному отношению ваших ученых, в особенности многоуважаемого профессора Микколя, я имею теперь довольно много финских книг и с большим оживлением и продуктивностью работаю в финнологии.

На лето поеду в Пермскую губернию для этнографических и лингвистических изысканий и вот очень просил бы Вас, добрейший Георгий Емельянович, не напишете ли мне, где Вы намерены там изучать, ибо из письма Вашего я вижу, что Вы тоже к тем краям приближаетесь, и очень важно было бы для меня, чтобы мои скромные работы в данном случае могли быть

дополнением к вашим трудам. Я наметил ехать в Чердынский уезд и намереваюсь заняться там собиранием лингвистического, этнографического и антропологического материала.

Не откажитесь, Георгий Емельянович, сделать мне ваши указания относительно более полной и продуктивной эксплуатации моих намерений.

Сердечно жму вашу руку и остаюсь всегда преданный и глубокоуважающий Ваш К. Жаков. Адрес: село Баки Костромской губернии Варнавинского уезда. К.Ф. Жакову».

Действительно, К.Ф. Жаков совершил этнографические экспедиции не только по зырянскому краю, но и к коми-пермякам, удмуртам, мордве, на Север и Дальний Восток (Екатеринбург, Омск, Красноярск, Чита, Харбин, Владивосток), в Японию. Масштаб для оценки явлений другого этнического мира – родина, выступающая в качестве внутреннего центра путешествия, по которой тоскует герой, осознавая в чужих странах, как сильна его любовь к родному народу. Ритуалы, моления удмуртов погружают его в античную стихию, «в старые давние времена Агамемнона и Клитемнестры, Ахиллеса, Аякса и Диомеда». Наблюдая жизнь мордвы, приходит к выводу, что это «могучий народ», но «культура больше здесь навредила, чем на севере и востоке». К.Ф. Жаков – философ, социолог стремится осмыслить как проблему цивилизованного и естественного, патриархального, так и проблему Востока и Запада, актуальную во все времена. И опыт общения с финскими коллегами, несомненно, сыграл в этом положительную роль.

Судя по тому, что письма К.Ф. Жакова не затерялись, а хранятся в личном архиве Ю. Вихманна более ста лет, следует полагать, что финский ученый достойно оценил ум, талант, самобытность коми писателя и ученого, поддерживал с ним дружескую переписку. Можно предполагать, что они не раз встречались, и последняя встреча состоялась в 1916 г., во время второй поездки К.Ф. Жакова в Финляндию. В краткой хронике жизни и творчества К.Ф. Жакова отмечено, что в 1916 г. в Финляндии закончена «поэма севера» «Биармия». Этот период жизни никем не описан и ждет своих исследователей.

Василий Петрович Налимов (1879-1938) – известный коми ученый, этнограф, будущий профессор МГУ – тоже вел переписку с финским ученым и просветителем Ю. Вихманном. В Финском литературном архиве нами обнаружено его единственное письмо от 27 мая 1903 г.

«Милостивый Государь! В журнале «Этнографическое обозрение» 1903 года, Книга 1, стр. 157 я прочел небольшую заметку о Ваших трудах по изучению зырянского наречия. Будучи сам природным зырянцем и интересуясь всем, что касается моего родного народа, я хотел бы обратиться к Вам с просьбой: не будете ли добры прислать на мое имя Ваши словари и сказки, если можно и подробный отчет о Вашей поездке, напечатанной в Journal de la Soc. finno-oug. XXI, 3. Я уверен, что Ваши солидные труды принесут мне громадную пользу, так как я чувствую еще себя неопытным научным исследователем на этом пути и лишь впервые выступаю.

В этом году я сделал несколько докладов в этнографическом обществе на тему:

1. Некоторые черты языческого мирозерцания зырян.
2. Легенды о Паме Шипиче.
3. Мор и икота у зырян.
4. Верования зырян на происхождение болезней и способы их врачевания.

Доклады эти печатаются, и как только выйдут в свет, я сочту долгом послать Вам, как лицу, интересующемуся зырянским вопросом. Мой адрес до 20 августа: г. Усть-Сысольск Вологодской губернии, село Вильгорт. После 20 августа: Москва, Девичье поле, Клиника Базановой. Василию Петровичу Налимову. Уважающий Вас Налимов. 27 мая 1903 года».

Многолетняя дружба связывала финского профессора с коми ученым и поэтом В.И. Лыткиным (1895-1981). Будучи на стажировке в Финляндии, он познакомился с новыми научными теориями и концепциями в области финно-угристики, тщательно изучил труды Ю. Вихманна, который стал его научным наставником и духовным отцом.

Свое первое письмо В.И. Лыткин пишет из Будапешта, куда он прибыл в качестве стажера, в апреле 1927 г. Письмо написано на венгерском языке.

«Дорогой профессор, спешу сообщить Вам, что я благополучно добрался до Будапешта. 10 дней был в Берлине, поэтому прибыл сюда несколько дней тому назад. Благодаря госпоже N^{emeth} получил место в колледже (общежитии – А. И.) Это очень удобно для изучения венгерского языка. Я всегда среди венгров. За проживание заплатил 8 филлеров. Посещаю уроки венгерского языка. Языку обучают посредством перевода. Буду жить здесь, наверно, 4 месяца. Потом, вероятно, в середине июля поеду в Финляндию. С приветом, В. Лыткин».

Письмо № 2 от 30 апреля 1927 г.

«Здравствуйте, господин профессор!

Из газеты «Uusi Suomi» («Новая Финляндия») узнал, что Финно-угорское общество выделило мне стипендию для изучения коми-зырянских диалектов. Я ждал об этом официального сообщения, но до сих пор не получил. Поэтому захотел написать профессору. В самом ли деле Финно-угорское общество выделило мне стипендию и в каком размере? Эти деньги я бы хотел получить в Будапеште, т.к. стипендию за январь в Москве я получил только в апреле. А стипендия за февраль придет, наверно, только в мае (из России за границу много денег высылать нельзя – есть такой закон). Кроме того, выиграл в Москве исследовательский грант, но пока я за границей до середины августа.

В середине июня хочу приехать в Финляндию на 1 месяц закрепить финский язык, т.к. многое уже подзабыл. Хочу встретиться с господином профессором, но от госпожи N^oemeth узнал, что Вы сейчас на даче. Мне нужен от профессора документ о том, что я обучался в Хельсинкском университете на финно-угорском отделении (этот документ просят в Москве).

Еще мне хотелось бы поговорить с профессором об одной научной проблеме: «История конечных гласных звуков в пермских языках». Много времени потерял на изучение пермских слов с суффиксом «S». Но результатами не доволен.

В общезнании Этвеш живу хорошо. Потихоньку осваиваю венгерский язык. В университете посещаю лекции профессора Гомбоца, иногда – лекции профессора Синнай. Но в основном изучаю венгерский язык и финно-угорскую научную литературу, которой нет в Москве и которую нельзя взять с собой (кое-что куплю, если будут деньги). Узнал, что одна моя статья скоро выйдет в Финляндии, но не знаю, в каком номере и журнале Финно-угорского общества «Aikakaus kirja». Мне важно это знать.

С горячим приветом – Лыткин».

Письмо № 3 от 2 апреля 1928 г. (Москва).

«Уважаемый профессор!

До сих пор я не смог найти «Коми-русский словарь» Шахова. Поэтому Вам ничего не писал. Везде искал эту книгу и только сегодня раздобыл несколько экземпляров. Один экземпляр вышлю вам. Книгу Цембера «Коми мойдан и сыланкывъяс» не могу выслать, ее нет в Москве. Думаю в Усть-Сысольске, где я буду летом, в библиотеке найдется несколько запасных экземпляров, один вышлю Вам.

Далее на финском я затрудняюсь писать, перехожу на венгерский. В Москве мне хорошо. Нашел здесь венгерских друзей, имею иногда возможность практиковаться в языке. А финских друзей пока нет. Сейчас занимаюсь коми-зырянской древней письменностью. Осенью начал писать диссертацию. Ее тема: «Конечные гласные в пермских языках». В Институте языкознания я буду работать еще 2-3 года, поэтому за это время я должен завершить работу.

В Коми край поеду в середине мая. В Москву вернусь в конце сентября. За это время я на несколько недель хотел бы съездить в Удмуртию, потому что удмуртский язык надо знать.

Постараюсь как-нибудь издать зырянский словарь. Но не знаю, получится или нет. Сам обнищал, Коми правительство тоже не располагает деньгами.

Большой привет профессору и его семье.

С горячим приветом – В.И. Лыткин» [2].

Письма коми ученых дают богатый материал, касающийся различных сторон их жизнедеятельности, воссоздают живой образ человека, связанного с миром финно-угорской науки. «Жизнь – это не те дни, которые прожиты, а те, которые запомнены» (Габриэль Гарсиа Маркес).

Литература

1. Измайлова А. Жаков К.Ф. и финно-угорское общество в Хельсинки // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 128-132. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55).
2. Копии писем Лыткина В.И. с венгерского и финского языков переведены Кантеле Симо – магистрантом Хельсинского университета.
3. Туркин А. Вихманн Ю. – исследователь коми диалектов // Пермистика – 2: Вихманн и пермская филология: Сб.ст. Ижевск, Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО АН СССР, 1991. С. 45-52.
4. Туркин А. Каллистрат Фаллалеевич Жаков // Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990.
5. Wichmann Y. Syrjanischer Wortschatz nebst Hauptzugen der Formenlehre. Helsinki, 1942. 486 s.

2. К. Жаков как философ

2.1. «Кто ищет, вынужден блуждать»: замыслы и результаты философских исканий К. Жакова

Гараморта по сей день критикуют языковеды, литературоведы, философы, но он не перестает оставаться Каллистратом Жаковым, добровольно взявшим на себя бремя – быть самим собой.

Деятельность Жакова на поприще философских исканий предпочитаю делить на два периода: петербургский и прибалтийский. Первая философская публикация Жакова «Материя с точки зрения теории познания» т.н. петербургского периода жизни датируется 1901 г. Перечислим и другие публикации: «Теория переменного и предела в гносеологии» (1904), «Понятие предела в математике (с точки зрения логики)» (1905), «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» (1906), «Логика (с эволюционной точки зрения)» (1912), «Основы эволюционной теории познания (лимитизм)» (1912). «Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии» (1915) – последняя известная публикации петербургского периода.

Подчеркну, предпочитаю ссылаться на прижизненные публикации и хранящиеся в рижском архиве. Если внимательно вчитаться в публикации Жакова, можно увидеть, что он хорошо знал переводы на русский работ по философии, математике, логике, психологии, экономике, но, скорее всего, недостаточно знал научную литературу на оригинальных языках. В так называемый Петербургский период, несмотря на активность ученого, его желание войти в академическую философскую среду неизменно встречал отпор, поскольку соответствующий факультет на рубеже XIX и XX столетий служил своеобразным оплотом критической философии Иммануила Канта. Научный

тон на факультете задавал проф. А.И. Введенский, который философских работ Жакова категорически не принимал*.

В своих публикациях Гараморт ратовал за создание современной философии, которую не принимал вне глубинного постижения внутренних свойств человека, без прочной опоры на современное естественнонаучное знание, но не принимал без связи с философски осмысленной математикой, от которой в полной мере зависят физика, астрономия, поскольку математические функции и гармонии оказываются конечным способом бытия вещей. «История так называемых точных наук показывает, что наше знание всегда было и теперь есть приблизительное. Оно некоторое переменная величина, приближающаяся к какому-то пределу. Чем ближе оно подойдет к своему пределу, тем меньше, вероятно, будет противоречий и неясностей между разными научными дисциплинами». Математическая теория предела должна быть важнейшим отделом логики, имеющей целью понять и усовершенствовать технику человеческого мышления и научные приемы исследования природы и духа. В гносеологии и в философских дисциплинах теория предела может оказать свои услуги. Исторический рост человеческого познания есть переменная величина, несомненно, стремящаяся к некоторому пределу. Жизнь мира в этом смысле есть созидающаяся гармония между микрокосмосом (познающим субъектом) и макрокосмосом (бытием вообще)» [3, с. 15].

При создании философии лимитизма или же философии предела, или малой величины Гараморт использовал один из разделов математического анализа. Выстраивая доказательный ряд «переменного и предела», Жаков, уставший от частых осуждений, разносов и неприятия его идей, текстов от коллег-философов, было пренебрег неписанными правилами научных дискуссий, т.е. отказался в публикациях вести спор со своими идейными противниками – в ответ на их тезисы выдвигать свои логично и строго аргументированными антитезисы, отказался от

---

* В 1935 г. в Риге вышел в свет 12 том Латвийского энциклопедического словаря, в котором профессор философии ЛУ Паул Юревич (Jurevičs; 1891–1981) поместил короткую статью о лимитизме, особо выделив в философских работах Жакова метафоричность языка, который щедро используется, явно ущемляя строгость изложения и силу доказательств. *Limitisms // Latvijas Konversācijas vārdnīca. Rīga, 1935. XII. sēj. 23560.–23561. lpp.* С выводами проф. Юревича солидарна и современная российская исследовательница неокантианства Нина Дмитриева. См.: Дмитриева Н. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М., 2007. с. 249–251.

ссылок на труды своих предшественников и здравствующих коллег. Он претендовал на независимость и свободу от стесняющих полет мысли его – Жакова – традиций. Предпочитал сжато выдавать авторскую интерпретацию какого-нибудь автора, убеждая читателя в аутентичности, корректности трактовки, подводя к мысли о том, что вся логика развития историко-философского процесса (!) неумолимо подчинена одной цели – подтвердить философию бесконечно малой величины, философию лимитизма Жакова.

Несомненно, идея о бесконечно малом была в кругу вопросов познания с античности со времени Левкиппа, Демокрита Абдерского в связи с идеей о неделимых атомах. Архимед использовал бесконечно малое число для исчисления площади фигур и объема тел. Вновь понятие о бесконечно малом числе математики припомнили в XVI в., когда задались вопросом разбиения исследуемой фигуры на бесконечно малые сечения. В XVII в. начался путь алгебраизации исчисления бесконечно малых, когда независимо друг от друга философы и математики Рене Декарт и Готфрид Вильгельм Лейбниц пришли к открытию дифференциального и интегрального исчисления, заложив основу математического анализа.

Подчеркнем, понятие «бесконечно малой величины и величины интенсивной были развиты в их фундаментальном значении как теоретико-познавательный принцип» еще самим Кантом. Именно Кант «от своих предшественников, Галилея и Лейбница» позаимствовал «понятие бесконечно малой величины как интенсивной величины», и дал свою интерпретацию [7, с. 71, 72]. Современник Жакова основатель Марбургской школы неокантианства Герман Коген (Cohen; 1842–1918) математическое познание вообще и метод исчисления бесконечно малых величин возвел на уровень идеала в бесконечном процессе познания и становления бытия. Что ж, желая быть оригинальным, Гараморт не принимал ни кантианства, ни неокантианства, ни в русском, ни в немецком варианте*.

На российской философской почве первое, что вспоминается в связи с «переменным и пределом», так это московская философско-математическая школа, имевшая влияние на рубеже XIX и XX столетий. Во главе ее стоял профессор математики Н.В. Бугаев, который развил идеи эволюционной

---

* Справедливости ради отметим, что основные философские работы Когена на русский до революции не переводились. См.: Коген Г. Теория опыта Канта. М., 2012.

монадологии, опираясь на создателя дифференциального и интегрального исчисления Лейбница, определял математику как теорию функций, и связывал с ней соответствующее описание мира. Жаков прошел мимо идей московской философско-математической школы и трудов проф. Бугаева: «Эволюционная монадология», «О свободе воли», «Математика и научно-философское мирозозерцание». Жаков в силу своей начитанности знал, но прошел мимо Николая Александровича Васильева – родоначальника неклассической логики, он критиковал его идеи (а сколько логик будет создано в XX столетии: квантовая логика, паранепротиворечивая логика, символическая и др.). Ставка Жаковым была сделана на индуктивную логику и тех философов, математиков, экономистов, которые развивали ее логику. В их числе Френсис Бэкон, Исаак Ньютон, Джордж Буль, Михаил Владиславлев, Эрнест Шредер и Уильям Джевонс. Кстати, от идей Джевонса исходил британец Карл Поппер – основоположник критического рационализма.

В публикации 1912 г. «Основы эволюционной теории познания (лимитизм)» Каллистрат Фалалеевич признал, что у лимитизма есть предшественники, и что сам Жаков не один на поле философской брани! Философию лимитизма стал именовать как синтез философских воззрений Гегеля и эволюционистских идей Г. Спенсера, А. Бергсона, Е. Дюринга и Р. Авенариуса. Философия – вероятное знание о вещах в себе, приближающееся к достоверности и к полноте. В построении философской системы применимы не только принципы дифференциального исчисления, но теорема Я. Бернулли в вопросе о приближении вероятности к достоверности [2, с. 99, 106].

Философия бесконечно малой величины Жакова, возвестившая о принципиальной возможности синтеза всех наук, философий, религий, была нацелена на радикальное преобразование философии, на принципиальный отказ от сведения разнообразия современных знаний к принципам предыдущих философских систем [1, с. 36]. Казалось, что после таких заявлений философская интенция, интеллектуальный багаж направится в сторону создания философии природы или же в направлении эволюционной эпистемологии. Но нет!

Убедительный тон первых работ Жакова, казалось, был сродни уверенности еще одного критика философии Канта – Ганса Рейхенбаха (Reichenbach; 1891–1953), философа, стоявшего у истоков логического позитивизма. Рейхенбах опублико-

вал в 1931 г. книгу «Цели и пути современной философии природы» (Ziele und Wege der heutigen Naturphilosophie). В ней он осмысливал цель философии природы, которая виделась в решении ряда фундаментальных теоретико-познавательных вопросов, вышедших на передний план современности: «Ее путь принципиально иной, чем путь традиционной философии. Ибо она хочет решить теоретико-познавательные проблемы не посредством абстрактных спекуляций, не посредством погружения в чистое мышление, не посредством анализа разума, как это было свойственно всем прежним философам – она полагает скорее, что сможет решить свои проблемы только в тесной взаимосвязи с естественно-научными и математическими исследованиями»*.

Если Рейхенбах оказался последовательным противником спекулятивно ориентированных философских систем, настаивал на том, чтобы философия стремилась к адекватному истолкованию достижений новейшего естествознания и установлению на этой основе понятия объективной истины, Жаков, напротив, искушения философских спекуляций не избежал – на поверку оказался правоверным традиционалистом: будто внутренне противился всякого рода отвлеченным метафизическим системам, но сам упорно ратовал за создание всеединой, «вселенской совершенной гипотезы», и намеренно уклонялся от осознания того, что и его вариант универсальной метафизики время неминуемо состарит.

В 1915 г. вышло в свет программное жаковское философское произведение «Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии». Погружаясь в семантику слова «гипотеза», найдем ему множество значений – предположение, допущение, догадка, домысел, мнение, предположение. «Наше знание – всегда вероятная гипотеза, идущая к достоверности», – утверждал Жаков [1, с.16]. Да, знание порой мучительно движется от одной гипотезы к другой на пути к достоверности, и этот факт был верно осмыслен Жаковым, но его интенция по созданию «вселенской совершенной гипотезы» оказалась сродни фаустовскому возгласу: «Остановись, мгновенье!».

---

* Цитата по: Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie: angeborene Erkenntnisstrukturen im Kontext von Biologie, Psychologie, Linguistik, Philosophie und Wissenschaftstheorie. Stuttgart, 2002. S. 9. (Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998.)

Как-то на второй план отходил, отодвигался важнейший вопрос о том, в какой мере, насколько математика или естествознание могут поставлять совершенно надежное знание о мире? Между прочим, на аналогичный вопрос А. Эйнштейн, которого Жаков критиковал, в свое время ответил однозначно: понятия и принципы, лежащие в основе теории, являются свободными изобретениями человеческого духа, они не могут быть обоснованы ни ссылками на природу человеческого духа, ни каким-либо априорным способом. В той степени, в какой предложения математики относятся к действительности, они не надежны, в той степени, в какой они надежны, они не относятся к действительности [8, s. 493]. Ведь человеческое знание гипотетично.

В указанной работе 1915 г. философ выдвинул программные тезисы: «Лимитизм открывает все новые горизонты», поскольку лимитизм – методологическая философия. Предназначение философии бесконечно малой величины многогранно. Прежде всего – это теория познания, суть элементы которого «бессознательное психическое, сознательно психическое (ощущения и представления, ассоциации их и осложнения), логическое (законы логики, методы наблюдения и гипотеза)». Основы мироздания возможно познать посредством этих элементов. Ведь мир, таково убеждение мыслителя, принципиально познаваем. В познании нет мистического начала, а есть только бессознательное, к коему относятся пространство, время, привычки*.

---

* Несомненно, человеческая пытливость двигает знание к пределу, к пределу как углубленному познанию сути вещей, процессов в окружающем нас мире – к примеру, успехи в генной инженерии, успехи и неуспехи Большого андронного коллайдера в Женеве, который позволил «заглянуть» в недоступную ранее область энергий и получить научные результаты, накладывающие ограничения на ряд теоретических моделей.

Развитие науки принципиально расширяет познания человека, за постижением определенного научного предела таится следующий предел, требующий постижения. В рамках классической механики есть свои реальные ограничения, понадобилась квантовая механика.

Наука в XX столетии стремительно развивалась, но нерешенных проблем, положим, в современной физике огромное количество. Напомним некоторые из них: турбулентность, происхождение жизни, холдинг белка, квантовая теория гравитации, гипотеза Римана, темная материя и темная энергия. Одни носят теоретический характер – существующие теории не могут объяснить наблюдаемые явления или экспериментальные результаты, другие вызывают к проведению экспериментов, которые затруднительно провести на данном этапе развития науки.

«Во-вторых, лимитизм – есть метод изучения истории философии. Он открывает тесную связь между науками и философией. Философская система, с точки зрения лимитизма, есть только логический перевод научного содержания данного времени». Понятно, что философия каждой эпохи представлялась Жакову как переменная величина. Напротив, философия лимитизма не рассматривалась ее создателем как переменная величина. Главное в историко-философском процессе – смена принципов, основных категорий. Так, материя положена в основу философских построений, у Протагора – психическое, у Сократа и Платона – логическое, «скептики после Аристотеля» обратили взоры на гипотетическое. Подобным образом, разбирая философские системы, он подошел к идеям современных ему мыслителей, приходя к радикальному заключению – «лимитизм познал, что все категории в смысле реальности равноценны, это – грани мира. Эти категории не разделены и не слиянны. Не разделены потому, что покоятся в одном первопотенциале, не слиянны потому, что одна категория не переводима на другую, а законы их только гомологичны. Следовательно, лимитизм предвидит возможность изложения истории идей с точки зрения биологии (физиологии), потому что рефлексыв нервной системы гомологичны законам психической и логической жизни».

Да, порой сбиваясь, Жаков называет грани мира факторами или категориями бытия. Это, может быть, и не суть важно. Принципиально иное – рассмотрение граней мира в единстве, поскольку отдельный их анализ способен породить «безнадежный принцип относительности в физике», сформулированный А. Эйнштейном. В этом Гараморт был убежден!

В-третьих, философия лимитизма или философия малой величины еще есть и мировоззрение. Лимитизм претендовал на то, чтобы указывать человеку цели его деятельности. «Нравственное – самое важное, за ним разум и прекрасное, и уже ниже их – психическое и материальное. Следовательно, указывается цель и направление воспитанию человечества». Отсюда же, по разумению Жакова, «вытекает, что космополитизм (а нравственное и разум космополитичны) выше национализма (индивидуально и племенно психического). Лимитизм ведет нас к нравственному союзу всех народов. С его точки зрения должны быть пересмотрены социологические и экономические проблемы». Космополитизм лимитизма – это по сути христианское «нет ни эллина ни иудея».

Надо признать, что автором философии лимитизма в программных тезисах было заявлено многое. Так, предполагалось создание некой мета-математики, пра-математики, способной объединить все математики, все грани бытия и даже все религии. Возможности математического знания представлялись беспредельными, неограниченными: математика от осмысления граней внешнего бытия, его количественных соотношений – пространства, времени, материи, должна проявить свое высокое предназначение, обратившись к «просчету» качественных граней бытия. Как известно, Кант утверждал, что «наука лишь тогда достигает совершенства, когда породнится с математикой». В этом утверждении, несомненно, содержалась доля истины, но одновременно указание на ограниченность – торжество цифры ввести во все науки и сферы деятельности человека, увы, пока не удалось. Жаков чаял создать «алгебру эстетики», «алгебру этики». Да, математика проникла в психологию, логику, этику. Ну, а как познать, выразить в математических формулах, знаках человеческую душу – эту целостность, данную каждому от Всевышнего? Как составить формулу прекрасного в эстетике? Какими знаками выразить понятие доброго в этике?

Научные интересы, да и жизненные перипетии Гараморта, после написания работы «Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии» увели его к решению иных задач, к сожалению, так и не были переосмыслены ни социологические, ни экономические проблемы человечества, не была выработана «истинная методология всех наук без смешения категорий», так и не была создана эволюционная теория познания.

Не могу не подчеркнуть следующую мысль: деятельность Жакова на поприще философии и литературы связаны воедино. Большинство из его произведений с трудом умещается в рамках одного жанра. Для Жакова характерно свободное слияние элементов разных жанровых и родовых форм и даже различных сфер художественного творчества (литературы и фольклора). Думается, что в желании строить философскую систему в тесной связи с математикой, естественными науками, он руководствовался не интеллектуальной интуицией ученого, а преимущественно чутьем писателя и поэта.

Вспомним итоговую черту философии лимитизма из книги «Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии», ее автор

утверждал, что лимитизм в силу своей универсальности предназначался для прочного обоснования нового видения религии, т.н. «иррелигиозной религии», способной «заменить религию прошлого», прояснить эволюционные процессы Вселенной. Думается, на идею «иррелигиозной религии» его подвинуло, вдохновило увиденное в экспедициях противоречивое, с драматической тональностью, сочетание официальной православности с глубоко укорененным в сознании народов Севера (вотяков, мордвы, иньвенских пермяков, зырян) язычеством.

В 1906 г. Жаков писал: «Человечество без религии не обойдется. Но необходим иной язык религии, иные формы церкви» [4, с. 82]. В 1912 г. в работе утверждал: «Бог познаваем с приближающейся к истине точностью» [2, с. 98]. А в романе «Сквозь строй жизни» размышлял о том, что «мир идет все к высшим и высшим ценностям, следовательно, первопотенциал его благ и пралогичен». Последнее положение основное в эволюционной религии, которую намеревался распространять. И далее настаивал: «Какая красота! Мое религиозное чувство, которое безмерно согласуется с порядком динамики великого Космоса! Наука и религиозное чувство достигает высшей гармонии. Здесь основание иконостаса, который хочу построить я из идей “Бог в природе и в человеке”» [5, с. 236]. Пантеистический заряд последнего утверждения игнорировал традиционное православие. Понятие религиозной веры сравнивалась с дифференциалом, стремящимся стать Абсолютом. Храм, в котором молился Жаков, был нерукотворен – это вся Вселенная. Звездное небо заменяло ему иконы. Богом стал Потенциал мира. Взаимоотношения Бога и мира виделись ему динамичными, насыщенными, неисчерпаемыми. И, наконец, во всеуслышание объявил о наступлении эпохи «новой, эволюционной, иррелигиозной религии».

Наступил 1916 г. В год 50-летия К. Жаков создал зырянскую Калевалу – поэму «Биармия», сказание о древних богах коми-зырян. Жаков был глубоко убежден в предназначении поэмы, видел в ней подлинный эпос коми народа, восстановленный им по крупицам фольклорных материалов, не только собранных самим во время полевых экспедиционных практик в Коми крае, но и принятых из фольклора родственных народов. Думается, что поэма была задумана ее создателем обоснования нового

видения религии, т. н. «иррелигиозной религии», способной показать коми мортам их языческую веру, полную величия, достоинства и красоты [6, с. 110-116]. Величественная поэма «Биармия» предопределила дальнейший ход неорелигиозных исканий Жакова и завершила Петербургский период его жизни.

С конца мая 1917 г. начался период 9-летних скитаний: Валка, Валга, Юрьев, Псков, Рига^{*}. В эти годы было уже не до науки, надо было просто физически выживать. Из всего того, что было заявлено в 1915 г., только одно направление – обоснование нового видения религии, т. н. «иррелигиозной религии», занимало Жакова.

В рижской архивной коллекции работ Жакова сохранился «Символ веры лимитизма», написанный в Валге 10 апреля 1920 г. по аналогии с главной православной молитвой «Символом веры». В рижском архиве сохранились и «Правила жизни по лимитизму». В опубликованной рижской лекции 1924 г. «Научно-философское доказательство бытия божия» он соединял рассуждения о лимитизме с заповедями блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа известной из Евангелия от Матфея. Осмелился Гараморт составить и «Катехизис лимитизма», иначе, официальный вероисповедальный документ, наставление с основными положениями учения^{**}.

Вне всякого сомнения, обстановка в обществе лимитивной философии Латвии, с помощью которого он в 1923 г. начал читать лекции, была далека от безропотного подчинения авторитету Жакова. Прошел первый порыв увлеченности Жаковым и его лимитизмом, кто-то перестал посещать его лекции. Увы, ощущался некий налет сектанства – в лекциях не было места для дискуссий, доктрина лимитизма фактически принималась на веру.

---

* См. об этом периоде жизни Жакова: *Kovaļčuka S. K. Žakova Rīgas arhīvs // Reliģiski-filozofiski raksti. Rīga, 2005. №. 9. с. 78–99. lpp.*; *Ковальчук С.* Путь извилистый земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава. 2008. № 1/2. с. 128–156. *Она же.* Рижское окружение Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Войны, революции и общество. М., 2008. Вып. 5. с. 185–210; *Она же.* Латвия в жизни Каллистрата Жакова // Арт. Сыктывкар, 2011. №. 3. с. 108–131; *Она же.* Биармия – место встречи К. Жакова и Я. Райниса // Арт. Сыктывкар, 2016. с. 128–138.

** См.: *Жаков К.Ф.* Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929. с. 89. Глава XIX. Как преподавать лимитизм?

Слушатель лекций Федор Буцен, кстати, член Синода Латвийской Православной церкви, посещавший иногда лекции, просил принципиальной ясности по вопросу о новизне лимитизма в сравнении с философскими системами Декарта, Лейбница, Гегеля и Канта. Уставший от жизни Жаков был не в силах ответить, просил Дагмару Гросвальд написать настойчивому просителю вразумительное разъяснение. В октябре 1923 г. писал Эмилию Гросвальду, просил читать книги по естественным наукам и продумывать примеры для подкрепления доктрины, составлять хрестоматию лимитизма*. В ноябре 1925 г. он в письме отчаянно писал: «из лимитизма решительно ничего не выходит».

Идеи Жакова к тому же начали активно «примерять на себя» латвийские теософские, антропософские общества**, приходили на его лекции активисты латвийского Рериховского общества.

Когда-то в романе «Сквозь строй жизни» Гараморт писал: «Моя страсть к стихам перешла в другую страсть – к сказкам». В Риге он доступно и доходчиво писал сказки о философии, примером тому служит «Древняя философия в сказках», лекция-рассказ «Как создаются философские системы» (Рига, 1923). Поэтому автору этих строк иногда хочется уподобить его философские построения чудесной сказке, наполненной математическими формулами, знаками с особым, только Жакову и его единомышленникам, ведомым смыслом. Ведь и сам он себя ощущал «маленьким героем большой сказки мира».

При всей спорности итогов философии лимитизма, возвестившего о принципиальной возможности синтеза всех наук, философий, религий, в нем содержалось рациональное научное зерно, которое по объективным и субъективным

---

* Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 727. Оп. 1. Д. 727. Л. 34–35, 72–73.

** Идеи Жакова в Латвии старались использовать теософы из кружка имени Елены Блаватской. Широко использовали идеи Жакова сторонники антропософа Рудольфа Штейнера, которые создали Латвийское парапсихологическое общество, которое с 1926 г. выпускало журнал «Zvani» (Колокола). Один из членов общества Рудольф Кригер опубликовал ряд статей, в которых доказывал, что работа Жакова «Лимитизм», выпущенная в Валке в 1917 г., является образцом продолжения идей Р. Штейнера. Кригер писал об этом в номерах журнала за 1927–28 гг.

причинам полноценно не смогло взойти. А что касается экстравагантной формы изложения, которая была избрана автором лимитизма, думается, это был своего рода протест. То был протест сына северного народа, зырянина Каллистрата Жакова, против привычных установлений европейской мудрости и учености, коим его вынуждали следовать, установлений, к коим он жаждал прикоснуться и коих одновременно опасался. Сыну необъятных северных просторов даровал Всевышний таланты и способности, его влекла ученость, добыть которую можно было только в городе. Но хладные бездушные камни, суета, многолюдье только порождали одиночество: «Живя в большом городе, чувствую себя, как на пустынном острове». Умножая познания, он умножал вселенскую скорбь внутри себя. Отчаянно горевал за свой тогда еще неученый народ, предполагая, что в «первобытных народах» хранится недюжинный источник грядущей жизни. «Мы выше унижения людского, не боимся того, что станем посмешищем капризных жителей культурных народов. Первобытные народы узнают силу свою и противопоставят книжной учености <...> живую мудрость и знание природы и, повинувшись только нравственному закону и не теряя здоровья своей действенной природы, поднимутся дальше по пути совершенствования и уничтожат аристократизм культурных народов» [5, с. 76, 284, 285].

Да, цивилизация в конце XIX и начале XX столетия неумолимо наступала на зырян, иньвенских пермяков, вотяков, мордву, неуклонно подминала духовное своеобычие национальных культур. Жаков с печалью всматривался в отнюдь не радужную перспективу для коренных народов российского Севера – противостоять напору грядущих перемен, сохранить во всей полноте неповторимые оттенки национального мироощущения и мировосприятия. Плата за научно-технический прогресс и приобщение к многовековому опыту цивилизации представлялась философу непомерно высокой – утрата языка, традиционного уклада жизни, обесценивание национальных духовных ценностей и культуры.

Литература

1. Жаков К.Ф. Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии. Пг., 1915.
2. Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб., 1912.
3. Жаков К.Ф. Понятие предела в математике. С точки зрения логики. СПб., 1905.
4. Жаков К.Ф. Принципы эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб., 1906.
5. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1993.
6. Лимеров П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности К. Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1 (21). 2015. С. 110-116
7. Пома А. Критическая философия Германа Когена. М., 2012.
8. Einstein A. Bemerkungen zu den in diesem Bande vereinigten Arbeiten / Schlipp Paul Artur (Hrsg.), Albert Einstein als Philosoph und Naturforscher, Braunschweig. 1979.

2.2. Философия религии К.Ф. Жакова

Соотношение религии, философии и науки – одна из центральных проблем философии К.Ф. Жакова. Размышляя о ней, мыслитель развивал концепцию единства указанных подсистем духовной культуры. Эта идея была одним из принципов лимитизма. В эпоху древних цивилизаций религиозные комплексы, философские системы, протонаучные исследования были единым духовным образованием. В античном мире сложилась независимая от религии светская философия. В Новое время произошло разделение философии и естественных наук. Что имел в виду Жаков, рассуждая о возврате к утраченному синкретизму? Попытаемся выявить содержание его концепции единства религии, философии и науки, определить, в чем видел коми философ основания их интеграции.

Период становления лимитизма был временем существования философии, религии и сциентизма как особенных, в чем-то противоречивших друг другу форм мировоззрения. Религия и философия различались по способу обоснования принципов, лежавших в основе суждений о мире и

месте в нем человека. Религиозные идеологии, богословие строились согласно аксиоматическому методу. При этом аксиома реального существования священных сил не подвергалась сомнению, должна была быть принятой на веру. Священное фундаментально, невидимо, изначально, оно понималось как первая причина, абсолютная ценность и высшая власть. Ведущим направлением мировоззренческих размышлений в России времен К.Ф. Жакова была теология – учение о богах (греч. Theos – боги, logos – слово). Ею занимались образованные последователи тех или иных религий с целью интерпретации священных текстов, разрешения вновь возникавших вопросов, утверждения приоритетов и оправдания определенной религиозной картины мира в спорах с иноверцами.

Аксиомы веры – очевидные истины, не требовавшие доказательств. Из них выводились положения, применявшиеся соответственно имевшимся проблемам. Базовые концепты письменных религий содержались в священных текстах, переданных людям богами. Совершенные боги не способны совершать несовершенные поступки, обманывать читателей священных писаний. Поэтому изложенные в них базовые религиозные идеи не могли быть ложными.

Считалось, что принципы философии относились к знанию, их выдвижение предполагало указание достаточных оснований истинности, рациональных аргументов и умозаключений. Философское мировоззрение было доказательным, основывалось на результатах исторического развития культуры, было призвано системно представлять мир на уровне сущностей.

Философия – порождение религии. Самостоятельная светская философия возникла в Древней Греции VI–V вв. до н.э. В древних цивилизациях Месопотамии, Египта, Персии, Индии, Китая философия осталась в рамках религии. Средневековая философия развивалась в рамках христианской, мусульманской, иудейской религий, индуизма и буддизма, хотя христианские и мусульманские богословы использовали идеи, методы и термины античной философии, особенно Платона, Аристотеля и Сенеки. Особое значение в этот период имела логика. Изучение форм и законов мышления, способов построения доказательств и опровержений было компонентом богословского образования. Ранние христианские богословы открыто пренебрегали логикой. Тертуллиан утверждал, что воскресение Сына Божия несомненно, так как оно было невозможным. Средневековый теолог

Фома Аквинский искал пути установления гармонии веры и разума, считал, что существуют доказательства существования Бога, такие же убедительные, как доказательства теорем в геометрии.

Самостоятельная светская философия возродилась в Новое время. Все же проблема существования священной субстанции привлекала внимание великих мыслителей этого периода. Теологию и философию объединяло присутствие аксиологических компонентов, они включали в себя оценку значимости содержания воззрений, определение ценностей человеческого существования и путей их достижения. Поскольку содержание религиозных и философских учений соотносилось с интересами тех или иных социальных групп, они отчасти оказывались за рамками строго научных подходов. Их спецификой являлось отсутствие прямого подтверждения эмпирическими данными.

Философия религии продолжала оставаться особой сферой философского знания. Д. Юм в явном виде представил и сегодня принимаемую многими позицию религиозного агностицизма: ограниченность нашего разума не позволяет определенно решить вопрос о реальном существовании богов. Критика чистого разума привела И. Канта к концепции фидеизма: исследуя мировоззренческие проблемы, разум впадает в неразрешимые противоречия. Одинаково убедительно можно доказать, что душа вечна или смертна, Бог есть или его нет. Поэтому в решении этих фундаментальных проблем разум должен уступить место вере.

«Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека» – такими словами Жан-Жак Руссо начал свой знаменитый трактат о воспитании [5, с. 24]. Идея деизма заключалась в том, что Бог создал мир, но в его последующее развитие не вмешивается. Следствием такого подхода было учение о естественной религии. Частные религии будут заменены универсальной – признающей Бога Творцом. Все разнообразные религии хороши, если люди в них надлежащим образом служат Богу, считал Руссо.

Мыслители Нового времени развивали идеи веротерпимости, религиозной толерантности. Дж. Локк сформулировал принцип свободы совести, вошедший в конституции светских государств. Религиозные убеждения были объявлены частным делом граждан: соблюдал ли некто пятницу с последователем ислама, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, во всех этих поступках не было ничего, что могло сделать его худшим подданным.

В трудах французских просветителей XVIII в. выражены принципы атеистической философии, отрицавшей реальное существование сверхъестественных начал мира. Д. Дидро писал: «Религия Иисуса Христа, возведенная невеждами, создала первых христиан. Та же религия, проповедуемая учеными и профессорами, создает ныне только неверующих» [2, с. 269].

На рубеже XVI–XVII вв. единое теоретическое знание разделилось на два направления – собственно философию и науку. Наука стала особым видом познавательной деятельности, направленной на получение систематического, упорядоченного, обоснованного, объективно – истинного знания о сущности предмета изучения. Критериями научности считались объективность, беспристрастность исследования, доказательность, проверяемость результатов познавательной деятельности, системность знаний и познание сущности исследуемых объектов.

Критическое отношение к религиозным учениям как неверифицируемым пережиткам пройденной стадии развития общественного сознания сложилось в позитивистской философии. О. Конт выявил три стадии исторического развития духовной культуры: теологическую, метафизическую и позитивную. В эпоху позитивного мышления критерием истинности любого утверждения стала верификация, его проверяемость опытным путем. Поскольку религиозные догматы не подтверждаются данными эмпирического познания, они – досадные заблуждения. Позитивисты воспринимали религию как подлежащее устранению препятствие на пути политического, научного и нравственного прогресса общества. Б. Рассел писал: «Возможно, что человечество уже стоит на пороге золотого века; но если это так, то сначала необходимо убить дракона, охраняющего вход, дракон этот – религия» [4, с. 131].

В марксистской философии основное внимание было уделено изучению причин формирования религиозных идеологий. Главным фактор их существования – неспособность значительных масс населения справиться с разрушительным действием природных сил и социальных групп, присваивавших результаты чужих усилий.

В философии прагматизма отношение к религиозности как атавистическому пережитку прошедшей стадии развития человеческого сознания было признано ошибкой. У. Джеймс исследовал религиозность как определенный вид отношения к миру в форме эмоциональной уверенности в существовании

высших сил. Этому религиозному переживанию подчинены рациональные и волевые элементы сознания. Для религиозного опыта и практических потребностей религии достаточно веры в то, что существует некая высшая сила. Эта сила отлична от сознательного «я», превосходит его. Если религиозные идеи имеют ценность для действительной жизни человека, то с точки зрения практической они истинны в меру своей пригодности. Одним индивидам выгоден научный опыт, другим полезен религиозный. Когда человек поступает согласно своим убеждениям, никто не сможет ему доказать, что он ошибается.

Религия не есть пережиток прошлого. Разные типы мировоззрения сосуществуют в одну и ту же историческую эпоху. В каждый момент человек выбирает наиболее удовлетворяющий его род отношения к миру, забывая или отстраняя от себя другие возможные отношения. Прагматизм сохранял право на веру в эпоху развития науки. Если сверхъестественный мир и возможность внутреннего единения с божеством реально существуют, то надо установить не просто допущение религиозности, а необходимость ее.

В 1927 г. была опубликована работа З. Фрейда «Будущее одной иллюзии». Ее название недвусмысленно раскрывало отношение основоположника психоанализа к религиозным учениям: «они все – иллюзии, доказательств им нет, никого нельзя заставить считать их истинными, верить в них» [6, с. 120]. Религиозность – инфантильный реликт, закрепленный в аффективной зависимости, который приводит к ограниченности мышления. Как полагал Фрейд, люди в будущем станут относиться к вере в сверхъестественное так, как взрослые к собственной наивной детской вере в Санта Клауса. Он и считал религию общечеловеческим аналогом детского навязчивого невроза, пережитком первобытной тотемной эпохи, когда культура наделяла священностью нормы взаимодействия, охранявшие социум от разрушительной мощи бессознательных влечений. Хотя сам Фрейд считал себя злейшим врагом религии, он оставлял за каждым право на самостоятельное решение, личный выбор быть религиозным или не быть. Религиозный невроз был неадекватным действительности восприятием человеком своей природы, но отказ от него мог приводить к более серьезному расстройству психики.

Как и Фрейд, швейцарский психолог Карл Густав Юнг считал, что сам факт существования религиозности заложен в бессознательной сфере душевной жизни. Бессознательное

проявляется в религиозных архетипических символах, которые трансперсональны по своей сути, межличностны, коллективны. В отличие от Фрейда, Юнг считал, что конфликт между наукой и религией есть превратное понимание обеих. Как ни называть принцип бытия: богом, материей, энергией, от этого ничего нового не возникает, меняется только символ, обозначающий субстанцию вселенной. Темную энергию, туманность Андромеды, Солнце, земное ядро, неведомые космические силы, способные в один миг уничтожить планету и даже нашу галактику называли материей, дао, брахманом, богом. Сложившееся в течение многих человеческих поколений бессознательное постижение присутствия этих сил породило психическую врожденную установку к взаимодействию со священным [1, с. 31, 33].

Феноменология религии заняла промежуточное положение между сциентизмом и теологией, исходя из признания существования объекта религиозного поклонения – «священного», иного по сравнению с реальными объектами, с которыми человек имеет дело. «Священное» – особая реальность, отличная от естественной. Оно не похоже ни на человеческое, ни на космическое. Священное – это то, что противостоит мирскому. Священное выходит за пределы обычного опыта, его можно выразить только иносказательно, так как язык относится к мирской реальности. Священное, говоря словами И. Канта, есть «вещь в себе», оно – непознаваемая сущность. Священные силы открываются субъекту через явления – иерофании. В их постижении субъект использует метафоры. Верования, ритуалы и институты – не сама религия, а ее внешняя оболочка. Религия же в основе своей должна быть понята как источник всего человеческого существования, как «союз человека с Богом», недоступный сциентистскому познанию.

Религию не надо объяснять, ее надо описывать. Религия – встреча человека со священным. Следует изучать ее так, как она дана сознанию, не выходя за его рамки. Не надо спрашивать, соответствуют ли религиозные идеи действительности. Все, что существует вне религиозного сознания, надо «выключить, взять в скобки». В этом состоит содержание предложенного Э. Гуссерлем принципа феноменологической редукции. Таким образом, феноменология религии позволяет связать научные понятия с повседневностью. Научное познание, религия, художественное творчество, сны – различные, одинаково значимые сферы опыта.

Религиоведы, работающие в рамках феноменологической парадигмы, отказываются от поиска факторов формирования религиозных комплексов за пределами самой религиозной сферы. Их цель – беспристрастные описания, классификации и сравнения явлений религиозного сознания, культа, типов религиозных общностей [8, р. 92–94].

Э. Фромм считал, что любая система взглядов и действий, которая обеспечивает индивидов системой ориентации и объектом преданности, является религией: «под религией я понимаю любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [7, с. 158]. Поэтому между религией и философией нет принципиальной разницы. Собственно религии, философские системы, светские идеологии служат фундаментальной потребности: связать индивида с вселенной, с самим собой и окружающими. Важный вопрос – не в том, религия это или нет, а какой это вид религии – та, что вносит вклад в реализацию человеческих потенциальных возможностей или та, что подавляет их. Э. Фромм, В. Франкл, А. Маслоу предсказывали замену современных авторитарных религий гуманистическими, ведущими каждого по пути личного совершенствования.

Сциентистская интерпретация форм постижения мира человеком представляла науку как высшую форму познания, образец для других способов духовного освоения действительности. Научное знание – единственно истинное, достижения науки должны определять общественный прогресс. При этом наука отождествлялась с естественно-математическим и техническим знанием, признавалось, что социальные науки имеют ограниченное познавательное значение. Позитивные, сциентистские системы мировоззрения и ориентировались на научные требования объективности, беспристрастности, исключения влияния интересов субъекта. Подлинно научное мировоззрение следовало основывать на данных естествознания и исключить ценностные элементы.

Современники К.Ф. Жакова относили лимитизм к позитивным, сциентистским системам, поскольку в его содержание непосредственно включались утверждения из области естественных наук и математики, многочисленные формулы, таблицы и вычисления. Вместе с тем, важными составляющими текстов коми философа являются ценностные высказывания. Лимитизм – не только беспристрастное знание, но и оценки

природной и социальной реальности с позиций родовых признаков и интересов человека. Аксиология занимала важное место в учении Жакова. Вспомним его практический призыв: «Все добрые, соединяйтесь для спасения земли» [3, с. 169].

От религиозной идеологии мировоззрение коми философа отличается способом обоснования выдвигаемых утверждений, они доказываются. На его рассуждения о Боге – Первопричине распространяется действие логического закона достаточного основания. Утверждая существование Бога, К.Ф. Жаков использовал мотивы морального доказательства его бытия: «Отрицать Бога я не хотел. Я видел – это утешение последнее для многих. Зачем же буду отнимать я последнее утешение земли, не дав никому никакой радости. Так думал я. Отрицать бессмертие души? Тогда что же останется нам?» [3, с. 27]. Мыслитель понимал, что религии не устраняют зло и несправедливость, они снижают остроту переживаний их восприятия.

Приведенные соображения показывают, что лимитизм – философское мировоззрение, теоретический синтез наиболее общих взглядов на сущность природы, общества, познания, человека, включавший в себя оценку содержания этих взглядов, определение ценностей человеческого существования и путей их достижения.

Следующее положение состоит в том, что лимитизм-монистическая философия. Его создатель исходил из мысли о существовании различных субординированных видов бытия, особых форм существования материальных предметов, общественных взаимодействий, юридических законов, религиозных, философских, научных идей. Для всех этих видов есть субстанция, определяющий по отношению к остальным модус существования. В лимитизме он именуется «Первозможный». Религия, философия, наука – проявления Первовозможного, его описания средствами разных языков.

Размышляя об этом, мы можем определить место лимитизма в многообразии монистических систем. Представляется, что система Жакова не принадлежит к какой-либо из форм идеализма. Также нет оснований считать ее материалистической. Думается, онтологию лимитизма можно рассматривать как вариант философии всеединства. В этой форме монизма вопрос о том, что первично в отношениях объективной и субъективной реальности, рассматривается как ошибочный, не имеющий основания. Идеальное, психика, так же, как материя

понимаются в философии всеединства как атрибуты, необходимые признаки проявления единой субстанции. Жаков писал: «Из Первовозможного происходят потенциалы космические: чистая любовь, инициатива, разум космический, мировая душа, первоматерия, вечность, бесконечность, а из потенциалов происходят реалы: нравственный, эстетический, разумный, душевный, материальное, временное и пространственное» [3, с. 190].

Анализ рассуждений Жакова показывает, что идеи раннего христианства составляли эпистему его творчества, не всегда явно осознаваемую им парадигму, предпосылочную концепцию. Это проявляется в его онтологии, гносеологии, философии истории и антропологии. Особенно значение такой строй мыслей, раннехристианская эпистема имела для аксиологии лимитизма. Исходя из нее, Жаков определял высшие человеческие ценности: «Цель лимитистов – подниматься в жизни земной на высшие категории, а после смерти тела – на высшие планы бытия. Цель же космическая – приближаться к Отцу, Богу – Первопричине. Бог зовет нас к себе, но не в единственном числе, а вместе с другими, это истина и для жизни земной и для жизни космической» [3, с. 187].

Определив место лимитизма в истории философии, мы обнаруживаем родственные ему философские и религиозно-философские концепции. В восточной мудрости это зороастризм, даосизм, брахманизм и раннее христианство. Наиболее близким лимитизму течением западноевропейской философии был пантеизм, в частности, онтология Спинозы. В отечественной мысли идеи Жакова совместимы с принципами философии всеединства Владимира Соловьева.

В своих размышлениях коими мыслитель руководствовался, исходил из содержания представлений о диалектическом взаимодействии единичного, общего и особенного. Религия, философия, наука имеют общие, особенные и единичные характеристики. Рассуждая об их единстве, мы обращаем внимание на общее. Говоря о различиях – имеем в виду особенное и единичное. Думается, идея духовного интегратизма в философии Жакова не была призывом вернуться к древнему возвышенному синкретизму. Она обусловлена влиянием фундаментальной идеи, концепта мировоззрения Жакова – принципа мирового единства. В конечном счете все едино, все существующее – проявление невидимой, но умопостигаемой основы – Единого Первовозможного.

Литература

1. Аринин Е.И. Психология религии: учеб. пособие для студентов специальности «Религиоведение» / Под ред. Е.И. Аринин, И.Д. Нефедова. Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. 108 с.
2. Дидро Д. Прибавление к «Философским мыслям», или Разные возражения против сочинений различных богословов // Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 266-275.
3. Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929.
4. Рассел Б. Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию? // Б. Рассел. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. С. 414-429.
5. Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 19-593.
6. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 94-142.
7. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 143-221.
8. Livingston, James C. Anatomy of the Sacred. An Introduction to Religion / James C. Livingston. – Second edition. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1993.

2.3. Религиозный модернизм начала XX в. и философия К. Жакова

Конец XIX – начало XX в. в России считается «золотым веком» русской философии. Однако по мнению современных российских историков философии, необходимо различать религиозно-философствующих публицистов и философов как таковых этого периода. Для «трезвого» объективного анализа всего спектра течений этого периода «требуется определиться в вопросе о том, что считать философией. При желании можно относить к философии тексты идеологической публицистики, литературной критики, художественные тексты, богословские сочинения. Но философия как профессиональное занятие предполагает следующую область знаний: 1) онтология, теория познания и логика 2) история философии 3) философия науки». [8, с. 36].

В начале XX в. развивалась т.н. «русская философия» с этико-религиозными вопросами и собственно научная философия. К какому разряду можно отнести философию К.Ф. Жакова? Прежде всего это философ «не по роду

деятельности только, а всем своим существом. А это значит, был человеком раскованной, свободной мысли, мучительно и страстно пробивавшейся к первоисточкам, первоначалам мысли и бытия» [10, с. 265]. Так как в основе философского творчества «великая философская страсть, удивление человека перед самим фактом его бытия, перед загадками познания ... перед вопросом о сущности мира и цели бытия» [9, с. 362], все, кто читал автобиографический роман К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни», понимают, – эти строки можно отнести к коми мыслителю. В его художественном творчестве – «обобщенная система историко-философской символики» [11, с. 14]. «Смысл жизни, сущность Жизни и Природы, возвращение к духовным первоисточникам», такие вопросы решались в прозе К.Ф. Жакова-писателя [11, с. 14]. Толчком к «рождению» К.Ф. Жакова – философа, создателя оригинальной философской системы, как известно, стало потрясение от «встречи» во время учебы в вологодском реальном училище (1887 г.) с философией Канта, которая доказывала невозможность познания сущности вещей – «вещей в себе». Юноша, устремленный к познанию мира (к ноуменальному), не мог ограничиться миром явлений (феноменальным). Он воспринял это как личную трагедию и даже пытался покончить с собой [4, с. 147]. А Белый, размышляя о трудном «усвоении» философии Канта «международным интеллектуальным сообществом», вспоминает высказывание Ф. Ницше: «Мне кажется даже, – писал Ницше, – что лишь на очень немногих людей Кант вообще оказал живое влияние и преобразовал их кровь и соки. Правда, мы повсюду можем прочесть, что деяние этого тихого ученого вызвало революцию во всех областях духовной жизни, но я не могу поверить этому, потому что не вижу этого на людях ... но как скоро Кант начнет оказывать действительное влияние на массы, то скажется в форме разъедающего и раздробляющего скептицизма и релятивизма, и лишь у самых деятельных и благородных умов, его место заступило бы то духовное потрясение и отчаяние во всякой истине» [1, с. 161]. Таков был К.Ф. Жаков, и он испытал духовное потрясение. Однако весь спектр его сложных переживаний не поколебал мощную работу мысли и природную силу духа. В течение 15 лет он разрабатывает свою оригинальную философскую систему, которую называет синтезом всех наук, философий и религий. То, что для некоторых исследователей «сумма наиболее общих взглядов

на сущность природы, общества, познания и человека» [13, с. 276], на самом деле «исследование и обобщение предшествовавшего развития философской мысли», что «является необходимым условием построения философской системы... Философия живет только в своей собственной истории. Предшествующее не отбрасывается последующим, а осуществляется в нем» [12, с. 64]. Предыдущий опыт познания Бесконечного «осуществился» в «оптимистической» эволюционной гносеологии К.Ф. Жакова, в его всеобщем методе научного познания. Мир един и истина одна, и метод поэтому должен быть един, полагает философ, его «формула познания обобщающая» – «всякое знание есть система гипотез, идущих к Бытию как пределу своему» [5, с. 334]. Гносеология лимитизма означает цельное знание о мире реальном, потенциальном и первопотенциальном. С этой философской установкой К.Ф. Жаков принимает участие в деятельности философского общества при Санкт-Петербургском университете (1897–1922). В 1901–1903 гг., затем в 1907–1917 гг. оно стало центром религиозного философского Ренессанса в России.

Духовные искания русской интеллигенции начала XX в., связанные с мировоззренческим кризисом, породили интерес к религиозному сознанию. Проблема «нового религиозного сознания» актуальна для многих деятелей Серебряного века. Варианты моделей преодоления духовного и художественного кризиса через религию даются в работах Н.А. Бердяева, С.И. Булгакова, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и других представителей творческой интеллигенции и религиозных деятелей. Русская религиозно-философская мысль была воодушевлена идеями модернизации христианства. Впервые понятие религиозного (христианского) модернизма оформилось на рубеже XIX – XX вв. в Римско-Католической церкви. В качестве его основной идеи было выдвинуто положение о необходимости эволюции, постоянного изменения конкретных форм христианства [3, с. 55]. Н.А. Бердяев, главный идеолог русского религиозного модернизма, писал: «Я, конечно, модернист, но в том смысле, что признаю возможность творческого процесса в христианстве, возможность новизны» [2, с. 23]. Движение интеллигенции за обновление христианства, связанное с деятельностью Петербургского религиозно-философского общества, имеет огромное историко-культурное

значение. Изучение стенограмм заседаний Общества [14, 15] позволяет ощутить накал страстей, характерный для дискуссий, в которых принимали участие философы, богословы, писатели, и, что самое главное для нас, понять место и роль К.Ф. Жакова в нем. В воспоминаниях одного из членов философского общества И.И. Лапшина он назван видным петербургским ученым, наряду с Дебольским, Лосским и другими участниками философских дискуссий [9. с. 362]. Началось его пребывание в «обществе мудрых» с чтения реферата «Материя с точки зрения теории познания», который вызвал острую дискуссию и возражения [4, с. 266]. В своем автобиографическом романе К.Ф. Жаков так написал об этом: «Результатом этих прений было то, что после на протяжении 10 лет не ставили больше моих рефератов, а возражения моим давали место всегда последнее, ограничивая пятью минутами...» [4, с. 267]. Вот почему К.Ф. Жаков выступал так кратко, тогда как другие члены философского общества «растекались мыслью по древу», соревнуясь друг с другом в красноречии! Чтобы понять взаимоотношения коми ученого с деятелями религиозного возрождения, проанализируем несколько заседаний Общества и несколько проблем, которые поднимались на них. Одной из черт нового религиозного сознания являлось принесение «дионисийского начала» в христианство, отрицание жизненной силы в христианстве, критика церкви. Именно таким пафосом проникнуты доклады В.В. Розанова «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания» 15 октября 1907 г. и «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах его» 21 ноября 1907 г., где он заявлял, что «Евангелие не раздвигается для мира, не принимает его в себя», «Нет смеха в Евангелии», и что христианство – более низкая ступень религиозного сознания. К.Ф. Жаков выступил в защиту христианства, используя как художественную аргументацию, так и философскую.

В своей речи по второму докладу он воспользовался образами из «Потерянного Рая» Мильтона: «Дракон-Люцифер приближается к Эдему. Святая Троица совещается, что делать с ним: убить его, значит, мы не можем морально бороться с ним, если не убить – будет величайшее зло на планете. Тогда Сын сказал Отцу: «Пусть он пройдет, но я приду, пожертвую собой и спасу мир». – Вот метафизика христианства. Отец создал Свободу и страдает за свободу в лице своего сына. Здесь тайна

искупления, тайна христианства. Христианство... делает возможным самое высшее в этом мире: свободу личности, свободу духа. С другой стороны, в истории мира мы видим непрерывное стремление к какой-то цели: пустое пространство, материя, жизнь, человек и наконец... – нравственный человек – Иисус. Высшая стадия возможна потому, что есть низшая, и она несколько их не уничтожает. Она не уничтожает жизнь, а, наоборот, приводит ее в согласие с собой. Поэтому тот, кто стоит на вершине Вселенной, нравственный человек Иисус, не отрицает этой пирамиды, а завершает ее... христианство не отрицает язычество, а только обращено к нравственному идеалу... Человек есть созидающийся бог. Это несомненная истина. Если этого бы не было, то Будда был бы прав, что небытие лучше жизни. Но ведь так как у нас есть жизнь высшая, чем земная, то бытие прекрасно. Итак, исходя из двух точек зрения: философской и моральной, мы приходим к одному и тому же. Вопреки утверждению В.В. Розанова, христианство оказывается не умерщвляющей силой, а самой высшей, самым ценным, самым последним проявлением бытия» [14, с. 182].

К.Ф. Жаков утверждает христианство как «высшую форму духовной эволюции», высшую стадию «восхождения» – в этом оптимизм его философии (в отличие от «пессимистической» философии буддизма). В связи с «безжизненностью» христианства – по мнению сторонников религиозного модернизма, не раз на заседаниях Общества вставала проблема христианского аскетизма, например, в докладах Д.С. Мережковского «О церкви грядущего» (8 ноября 1907 г.) и В.В. Розанова «О христианском аскетизме» (12 марта 1908 г.). В прениях по первому докладу К.Ф. Жаков выступил с замечательным определением аскетизма, он сказал: «Аскетизм – отрешение от плоти – явление отрицательное. – Такова мысль Мережковского. На самом деле аскетизм – собирание природной энергии в одном фокусе человеческого духа... Великие философы были аскетами только для того, что им дано природой, собрать в одну точку» [14, с. 117]. Антинаучность и поверхностность – такую оценку он дал докладу Д.С. Мережковского.

Одним из самых важных для понимания взглядов К.Ф. Жакова на религию стало выступление на заседании Общества от 24 февраля 1909 г. при обсуждении доклада Н.А. Бердяева

«Опыт философского оправдания христианства». Вот отрывок его речи: «Атеисты говорят, что ничего нет, кроме атомов. А, с другой стороны, предлагают все личного Бога. Может быть, и тут нужно преодолеть себя, как-нибудь усвоить понятие сверхличного Бога, как это делал Соловьев. Я знаю, что личный Бог мешает нам тоже быть религиозными. Представление о том, что есть высшая личность, давит мою личность, и я из протеста атеист» [14, с. 510]. Он говорит затем о будущей философии, которая даст окончательную формулу сверхличного Бога, который «нас не будет давить». «Я убежден, что без высшей религии жить нельзя» [14, с. 510]. Это выступление К.Ф. Жакова вызвало гнев В.В. Розанова: «...меня страшно возмутили те условия, которые он диктовал для принятия христианства. Выходит так, что современный интеллигентный человек может принять христианство только при том условии, если из него будет устранена идея личного Бога... В таком случае исчезнет весь специфический вкус и «аромат христианства» [14, с. 515]. К.Ф. Жаков задел самую важную ипостась религиозных исканий «богоискателей» Серебряного века – потребность в личном Боге. Против сверхличного Бога и за «живого личного Бога» выступал религиозный философ Л. Шестов, видя в этом наследие Спинозовской Субстанции [7, с. 49]. В свое время Спиноза считал, что истинное понятие «Бога» извращено попами, и его нужно восстановить. Спиноза отрицал традиционно-религиозного антропоморфного Бога [12, с. 43-44]. Центральная идея его философии – идея Субстанции как причины самой себя [12, с. 40]. Религиозное чувство К.Ф. Жакова также не нуждается в бытии личного Бога. Бог – Первопричина и в философии лимитизма: «Из Первопотенциала как всеобщего начала все происходит, к нему же все и возвращается. Первопотенциал есть то, что в религиях называют Богом, ... лимитизм при помощи понятия Бога... соединяет науки, философии и религии» [5, с. 119]. В таком понимании Высшей сущности он следует за «соборным» развитием человеческой мысли [12, с. 56]. Признание абсолютного первоначала и его познание – цель человеческого Бытия, познание Бога – это познание истины. Восхождение к нему – «это прежде всего всеобщая закономерность развития человеческого познания» [12, с. 61].

Лимитизм одухотворен христианством, оно дает философии К.Ф. Жакова «любовь универсальную и практику жизни» [5, с. 442]. Но это христианство, «очищенное» от личности, которая «давит». В своих поздних лекциях, не рассчитанных на публикацию, он много и жестко пишет о философии «Ветхого Завета», о его жестоком и избирательном Боге. Такое понимание Ветхого Завета было противоположно представлениям многих деятелей «нового религиозного сознания», для них характерна его апологетика. Розанов: «желток яйца – это иудейство, скорлупа раскрашенная – христианство»; об апостоле Павле – «он не смел колебать Ветхого Завета. Дух и смысл потерян и растоптан» (заседание от 21 ноября 1907 г.).

Еще один нюанс для понимания философии К.Ф. Жакова дает его речь в прениях по поводу доклада А.А. Каменской «Теософия и богостроительство» (24 ноября 1909 г.).

А.А. Каменская изучала и пропагандировала теософское учение, набиравшее популярность в России. Теософия, по ее мнению, – вселенский научно-религиозный синтез, примиряющий все религии. К.Ф. Жаков, который всегда поддерживал все новое, новых «работников» в духовных исканиях, особенно тех, которые не встречают понимания современников*, и сейчас благожелательно поддержал оратора.

Первым в прениях выступил Вяч. Иванов. Он сказал: «Я – христианин, и поэтому не член теософской общины» [15, с. 41]. Вторым выступал К.Ф. Жаков. Он поддержал докладчицу в основном пафосе – объединения религий: «Собрать все Церкви в одну, побеждающую эгоизм и ... мы преодолеем и вражду религий и вражду сословий». «Можно вполне надеяться, что теософия найдет у нас почву, и, может быть, нам дано завершить это культурное дело; распространить принцип такой сверхличной религии, сверхличного Бога на все народы и объединить их в одно...» [15, с. 45]. С многочисленными замечаниями-опасениями относительно новой доктрины выступали Д.С. Мережковский («нет ничего опаснее для

---

* А.А. Мейер, один из действительных членов Общества, вспоминал: «Они (теософы и сектанты – Г.Л.) пытались войти в общество, но те и другие скоро поняли, что с ними здесь особенно считаться не склонны» // А.А. Мейер. Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. с. 111.

христианства, чем буддистские переживания, отрицающие «я») [15, с. 49] и Вяч. Иванов («основатели теософии – 2 буддиста, 1 брахманист»). Е.В. Писарева (одна из первых членов теософского общества в России – Г.Л.), сделав пояснения к докладу своей соратницы, опиралась на вдохновенную речь К.Ф. Жакова. Однако у К.Ф. Жакова был один главный вопрос к А.А. Каменской: «Как вы доказываете Бытие Бога?» [15, с. 42]. Если теософия не религиозная доктрина, а синтез науки и религии, то Бытие Бога должно доказываться: «С точки зрения гносеологической еще, говорят, не доказано, что существуют объективные вещи... Мы знаем только свои ощущения, своё я. Если бы оставить так это положение, то как говорить о какой-то церкви, о каком-то знании ... я полагаю, что наши познания должны стремиться к пределу, т.е. к знанию вещей, так как мы знаем только приблизительно...». Гносеологическая проблема в теософии не решена – таково философское возражение К.Ф. Жакова. Председатель заседания теософ К.Д. Кудрявцев, подводя итоги дискуссии, сказал: «К. Жаков сегодня говорил, что теософы должны доказать Бытие Бога, доказать бытие души. Доказать этого нельзя» [15, с. 64]. Доказать Бытие Бога можно, утверждает К.Ф. Жаков. И видит в этом принципиальное отличие своей философии от религиозных доктрин. Его теория познания отвергала мистическое начало, он назвал ее «метаматематикой», а метаматематика – это теория доказательств и первый пример метанауки. К.Ф. Жаков, который был не только философом, но и математиком («Я математик, и излагаю и созидаю все в точных терминах» [4, с. 265]), разработал свою систему доказательств для понимания сущности Бесконечного, исчисление тенденций для понимания бесконечно малого и познание влияния Бесконечного на конечное [5, с. 382].

Итак, К.Ф. Жаков, участвуя в заседаниях Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, придерживался существа религиозно-философских проблем, в полемике с представителями религиозного модернизма избирал философскую, теоретическую точку зрения, которая отражала его эволюционную гносеологию.

Литература

1. Белый А. О Пушкине, Клейсте и недописанном «Дубровском» // Новый мир. 2009. № 11.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 2007.
3. Воронцова И.В. Основополагающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX века) // Вопросы философии. 2010. № 10.
4. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.
5. Жаков К.Ф. Утверждение истины: (Рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми). Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты «Коми му», 2012.
6. Ильин В. Мысль и мера. О влиянии Пушкина на Достоевского // Наше наследие. 2001. № 101.
7. Клайд Д. Спор о религиозной философии. Л. Шестов против В. Соловьева // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сб. статей. Санкт-Петербург, 1975.
8. Корсаков С.Н. Мифы и истины в истории русской философии // Вопросы философии. 2015. № 1.
9. Лапшин И.И. Философия изобретений и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. (Мыслители XX века).
10. Лисовская Г.К. Каллистрат Жаков и Фридрих Ницше // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. Российская Академия наук, Уральское отделение. Ижевск, 2004.
11. Лисовская Г.К. Коми рассказ первой трети XX века (Поэтика жанра). Сыктывкар, 1995. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 365).
12. Мареев С.Н. Э.В. Ильенков. М.: ИКЦ «Март», Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2005.
13. Муравьев В.В. Принцип всеединства в онтологии лимитизма // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (19–21 окт. 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012.
14. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 т. 1907–1917. Т. 1. 1907 – 1909. М.: Русский путь, 2009.
15. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 т. 1907–1917. Т. 2. 1910–1913. М.: Русский путь, 2009.

2.4. Каллистрат Жаков – профессор Психоневрологического Института и педагог Черняевских общеобразовательных курсов

Человеческая память весьма несовершенна, поэтому многие имена известных людей прошлых эпох и их выдающиеся достижения оказываются незаслуженно забытыми, этому зачастую способствует и идеологическая составляющая исторической науки, которая многие «неудобные» события и имена просто предаёт забвению на долгие десятилетия. Но проходит время, и наиболее значимые исторические моменты и вехи биографии исторических личностей, несмотря на длительное замалчивание, вновь обретают свою актуальность, открывая перед современниками замечательные страницы российской истории. Так произошло и с фигурой ученого и педагога начала XX в. – Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926) – первого коми профессора, математика, философа, писателя, поэта, этнографа, лингвиста. Интерес к его педагогической деятельности возник на почве «триумфального возвращения» Питирима Сорокина в историю отечественного гуманитарного знания, который в своем автобиографическом романе упоминал о той значимой роли в его образовании и в формировании стремления к научной деятельности, которую сыграл его земляк – К.Ф. Жаков, оказавший ему значительную помощь и поддержку при поступлении на Черняевские общеобразовательные курсы. Учредителем и руководителем Курсов был друг и коллега Жакова – Черняев Александр Сергеевич (1873-1916).

1. Черняевские общеобразовательные курсы

Черняевские курсы в начале прошлого века представляли собой частное среднее учебное заведение, соединявшее особенности классической и реальной школы. К преподаванию на курсах привлекались профессора петербургских вузов, их лекции не очень сильно отличались от лекций для студентов первых двух курсов университета. На курсах Черняева читали лекции такие известные ученые, как В.М. Бехтерев, С.А. Венгеров, Н.Е. Введенский, И.Ф. Федосеев, К.Ф. Жаков и др. Именно вечерние Черняевские курсы, которые П.А. Сорокин окончил за два года, помогли ему не только подготовиться

к экзаменам за гимназический курс, но и ввели его в научное сообщество, показав новые горизонты развития и самосовершенствования. В разное время на Черняевских курсах обучались: Н.Д. Кондратьев, М.И. Лопухин, Янка Купала, И.И. Садофьев, П.И. Баранов, М.И. Артамонов и многие другие, в будущем – известные политические деятели и люди науки и искусства. Друг и коллега П.А. Сорокина, выдающийся экономист Н.Д. Кондратьев отмечал значимость Черняевских курсов для своего образования и становления.

Начать научное исследование педагогической деятельности А.С. Черняева помогла статья его современника, коллеги и друга – Каллистрата Фалалеевича Жакова «Педагогическая идея А.С. Черняева», опубликованная в биографическом очерке, составленном Никитиным и Кораблевым. К.Ф. Жаков был уверен, что в будущем имя А.С. Черняева займет почетное место в истории русской педагогики, и о нем будут написаны тома, но, к сожалению, в силу идеологических причин этого так и не произошло. Это связано с тем, что революция 1917 г., радикально повлиявшая на все сферы жизни государства и общества, привела к значительным изменениям и в системе образования. А поскольку созданные сразу после прихода к власти большевиков Государственная комиссия по народному просвещению и Народный комиссариат просвещения стали проводить политику коренной перестройки всей системы образования, то Черняевские курсы, потерявшие своего организатора и руководителя еще в 1916 г., не смогли устоять в период бурных преобразований и канули в прошлое. Кроме этого, идеологическая доктрина советской эпохи, согласно которой одним из основных достижений советской власти являлось уничтожение сословно-классовых барьеров в области получения образования и его всеобщая доступность, не позволяла акцентировать внимание на дореволюционных достижениях российской педагогики в этой сфере. Поэтому опыт А.С. Черняева по созданию целой системы образовательных учреждений для представителей всех социальных групп, не имеющих возможность получить классическое образование, но желающих учиться, не вошел в летопись истории отечественной педагогики. Поскольку А.С. Черняев в силу огромной административной занятости и преждевременного ухода из жизни не успел все свои идеи облечь в труды, то сегодня, благодаря воспоминаниям П.А. Сорокина, Н.Д. Кондратьева, К.Ф. Жакова и слушателей Черняевских Курсов, мы имеем возможность приоткрыть забытые страницы российской педагогики.

После смерти Александра Сергеевича Черняева слушателями Петроградских Общеобразовательных Курсов и Реального Училища была избрана Комиссия по увековечению его памяти. С этой целью сразу после его кончины в марте 1916 г. было принято решение издать биографический очерк о нем. Опираясь на воспоминания курсистов и коллег, а также на письменные документы и сведения, полученные от семьи и друзей покойного, слушатели курсов – В. Кораблев и А. Никитин за пять месяцев подготовили к изданию, и уже в декабре, получив разрешение военной цензуры, опубликовали в 1916 г. небольшую книгу «Александр Сергеевич Черняев. Биографический очерк» [8].

И эта работа является единственной в своем роде, которая выявляет вклад А.С. Черняева в становление системы образования и в отечественную педагогику. Его имя было незаслуженно забыто и предано забвению на целый век. Тем не менее, факты из биографии одного из выдающихся социологов прошлого века – Питирима Александровича Сорокина – свидетельствуют о той важной роли, которую сыграли Санкт-Петербургские общеобразовательные курсы в его образовании и становлении как будущего ученого с мировым именем. В своем автобиографическом романе П.А. Сорокин отмечал, что, не имея возможности оплатить обучение в вечерней школе, он решил «использовать возможность бесплатно поступить на Черняевские курсы, одну из лучших школ такого типа» [13, с. 46]. Несмотря на установленную плату за обучение на курсах, некоторые ученики получали стипендию, позволявшую им внести плату за обучение. Возможно, Питирим Сорокин получил такую стипендию, но эта версия требует проверки в исторических архивах (пока не удалось установить, сохранились ли документы Питирима Сорокина в период обучения на Черняевских курсах в архивах). Питирим Сорокин и его друг Николай Кондратьев приступили к обучению на курсах в 1907 г., которые к тому времени уже имели пятилетнюю историю работы.

Как следует из отчета о деятельности курсов, они были открыты 1-го сентября 1902 г. при 8 учащихся в количестве одного класса. Во второй год существования курсов был открыт еще один класс и получено разрешение на расширение программы курсов до курса правительственной гимназии и реальных училищ. В полном составе 4-х классов курсы начали функционировать с 1-го сентября 1904 г., а учебный материал к этому времени был распределен так, что каждый класс курсов соответствовал двум классам средних учебных заведений [10, с. 3].

Стоит особо отметить, что до курсов не существовало заведений, где бы взрослые люди могли получить систематическое среднее образование. Правда, существовали курсы, готовившие учащихся к сдаче различных экзаменов, но они не пользовались особой популярностью, и, вследствие незначительного количества учащихся, учредителям было трудно их поставить на должный уровень и обеспечить финансирование деятельности. Отсутствие четких руководящих принципов и системы преподавания мешало подготовительным курсам заинтересовать учащихся и было причиной того, что не могло собрать идейно заинтересованных работников, специалистов по различным отраслям знания. А.С. Черняеву удалось не только собрать блестящий профессорско-преподавательский состав для чтения отдельных лекций и курсов, но и обеспечить регулярность образовательного процесса.

Каллистрат Фалалеевич Жаков – современник, коллега и друг Александра Сергеевича Черняева – написал статью «Педагогическая идея А.С. Черняева» [3, с. 55-58] и опубликовал ее в указанном выше биографическом очерке. А.С. Черняев в силу огромной административной занятости и преждевременного ухода из жизни не успел все свои идеи облечь в статьи и книги по педагогике, поэтому, благодаря К.Ф. Жакову, мы сегодня имеем возможность приоткрыть забытые страницы отечественной педагогики.

К.Ф. Жаков «Педагогическая идея А.С. Черняева».

«Школа должна исходить из почвы», – говорил нам А.С. Черняев. «Но почва наша не возделана. Мы не знаем истории своей культуры, ни истории философии, ни истории быта. Читается ли где-нибудь в университетах о философии Сковороды, Ломоносова, Славянофилова, Пирогова, Сеченова, Кавелина, Юркевича, Соловьева и других? Нигде. Изучается ли в низших и в средних школах – флора и фауна своего уезда, топография местности, богатства края, этнографические особенности того уголка, где находится та или иная школа? Нет. Во всех школах мы изучаем или древний мир греко-римлян или запад. При таких условиях невозможно ожидать, чтобы школа соответствовала интересам народа, чтобы она воспитывала его.

Наша школа не выросла из почвы, а пересажена на нее. Она копия немецкой школы. И в восточной Сибири, и на севере, и на юге – наша школа всюду одна и та же: она не считается ни с географией, ни с историей. Калмыки ли учатся в ней, или лапландцы, или мордва, или кто-либо другой, ей это чуждо. Нигде учение не идет с почвы, нигде она не развивает ни

самодетельности учеников, ни самосознания народа. Мы себя боимся и презираем и придумали оскорбительное для творчества слово «отсебятина». Наша школа вне жизни и никого не воспитывает, и напрасно пытается дисциплинировать, это ей тоже не удается.

Нечего поэтому удивляться, что в школе нет истинной наглядности преподавания.

Изучается ли в сельских школах геометрия, исходя из способов землемерия окружающих крестьян, изучаются ли местные камни, грибы, травы, насекомые? Нет. Поэтому невозможна и наглядность. Нет школы «национальной» и «провинциальной», а есть школа казенная.

С юных лет создается в русском человеке раскол между его теорией, вынесенной из школы, и практикой жизни.

Вот почему мы видим в жизни нашей такое обилие Рудиных, Тентетниковых, Базаровых, Раскольниковых и Карамазовых.

В литературе и в науке развиваются теории. Это само по себе, а в жизни развивается практика, не руководимая разумом, это само по себе.

С одной стороны, невежественные самородки, самобытники, с другой стороны ученые, которых не знает народ.

Отсюда идет развитие русской интеллигенции, не знающей своей родины, ни своего народа, носящейся модными теориями Запада, отсюда же бесполезность этой интеллигенции для народа, и недоверие народа к интеллигенции. Это явление взаимного непонимания началось как раз с того момента, как пересажена была нам с Запада немецкая школа.

«Национализация» и «провинциализация» школы необходимы, по мысли А.С. Черняева. И об этом часто он говорил мне в беседах на протяжении 12 лет совместной нашей работы на курсах.

Вторая идея, над чем много размышлял А.С. Черняев – это развитие характера.

Одна из причин слабости нашего характера – отсутствие в нем единства и последовательности, разлад в душе между мыслями и чувствами, и склонностями. Русская мысль забита, русская душа загнана западными авторитетами и их адептами. Мы боимся своей религиозности, своей любви к родине, своих склонностей. Мы говорим всегда на основании учебников, написанных на Западе, и отвыкаем что-либо видеть своими глазами и слышать своими ушами. Мы как раз идем в направлении, обратном великому изречению Сократа: «познай самого себя». Мы следуем изречению: «знай все, кроме себя».

Это невольное лицемерие с юных лет создает слабость характера. Необходимо выработать свое философски-религиозное мировоззрение.

Вторая причина слабости характера – материал книжный, который преподносится нам. Русская литература дает нам только образы неудачников, а биографии сильных русских людей мы не изучаем. Необходимо изучать биографии сильных, великих людей.

Третья причина слабости характера русского гражданина – сама школа с ее внешней дисциплиной. Школа наша не терпит сильных личностей, а выбрасывает их за борт. Отсюда необходимо создавать общественные школы и курсы, где нашли бы приют все изгои, между которыми имеются сильные характеры. Также необходимо в школе ввести воспитательную систему, развивающую не только ум, но и волю и чувство. И обучение должно быть основано на логических законах мышления, чтобы знание было не балластом, а орудием личности. Всякую науку можно излагать описательно и логически. Например, географию. Город Сидней на берегу моря. Какие следствия отсюда быть должны? Ученик должен логически воссоздать жизнь города, построенного на берегу моря, и так все прочее. Вся география может быть излагаема логически, как и всякая наука. А это развивает единство личности ученика и его характер.

Но главной своей проблемой считал А.С. Черняев нравственное воспитание юношества. И говорил он нам: «современная педагогика основана на психофизиологии и повествует, как нужно учить людей, но не говорит ничего о том, чему нужно учить людей».

Между тем педагогика должна быть основана на философии как науке о ценностях. Что ценно в человеке и что ценнее всего? К какой отдаленной звезде он должен стремиться? Ради чего мы должны любить человека, что достойно в нем этой любви? Из-за чего мы должны жить во что бы то ни стало и развивать в себе и самообладание, и терпение, и любовь к ближнему, во имя какого нравственного закона? Здесь необходима теория духа, оправдывающая все недостатки нашего существования.

Вот эти мысли занимали чрезвычайно А.С. Черняева и вот почему он так усердно занимался философией. Впрочем, у нас сейчас нет ни места, ни времени развить педагогические взгляды А.С. Черняева. О нем должны быть написаны тома, ибо он займет почетное место в истории русской педагогики.

К. Жаков 27 сентября 1916 г. [3]

2. Психоневрологический Институт

Педагогическая деятельность Каллистрата Жакова неразрывно связана с еще одним образовательным учреждением Санкт-Петербурга начала XX в. – Психоневрологическим Институтом.

И здесь нужно упомянуть о том, что роль Каллистрата Жакова в судьбе и первых научных исканиях Питирима Сорокина не ограничилась только Черняевскими курсами. После сдачи выпускного экзамена в 1909 г. за гимназический курс П.А. Сорокин получил аттестат зрелости, открывший ему дорогу к университетскому образованию. И первым высшим образовательным учреждением, студентом которого был Питирим Сорокин, стал Психоневрологический Институт. Поскольку в эти годы в числе профессоров Института состоял и К.Ф. Жаков, можно предположить, что он также повлиял на то, что Сорокин выбрал именно этот Институт. Тем не менее, следует отметить, что выбор П.А. Сорокина был не случайным. Дело в том, что в начале XX в. самым демократичным высшим учебным заведением считался Психоневрологический институт, созданный по инициативе В.М. Бехтерева и при поддержке Всероссийского съезда по педагогической психологии, проходившего в 1906 г. Изначально предполагалось, что институт будет заниматься исключительно научной деятельностью по изучению человеческого мозга и его функций в здоровом и больном состоянии. При этом, для выполнения научных задач в указанной сфере деятельности при институте планировалось чтение специальных курсов и лекций. В прижизненном, юбилейном издании, посвященном 40-летию профессорской деятельности академика Бехтерева, содержится следующая интересная информация: «Благодаря необыкновенной популярности В.М. Бехтерева и его чрезвычайной энергии ему удалось привлечь поток пожертвований на осуществление этой мысли и устроить в черте города на участке площадью до 30 гектаров целый Медицинский Городок, получивший имя Психоневрологического Института. В десяти громадных корпусах размещались лаборатории, противо-алкогольный институт, нервно-хирургический, педологический, анатомический, клиника душевных и нервных болезней, клиника для эпилептиков и др.» [17, с. 8-9].

Институт открыл свои двери для слушателей в феврале 1908 г. и в глазах широких кругов населения был призван

продолжать дело Лесгафта, его «Вольную школу». И то, что отличало его от других учебных заведений, – отказ от слишком ранней специализации, возможность сознательного выбора факультета, новые методы научного преподавания и полное отсутствие консервативных академических традиций – привлекли в стены Института большое количество молодых юношей и девушек из разных социальных слоев российского общества. Сюда, со всех концов России стали стекаться жаждавшие знаний молодые люди, почему-либо оказавшиеся за бортом высшего образования: принимались не закончившие среднего образования юноши; принимались евреи, не попавшие в трехпроцентную норму; принимались женщины, не допускавшиеся царским правительством к высшему медицинскому образованию. На открытии Института 3-го февраля 1908 г., завершая свою речь, академик Бехтерев произнес: «...вспоминая известные слова великого философа древности «человек, познай самого себя», можно было бы сказать, что нарождающееся учреждение имеет свою задачу «познать человека». «Познать человека!» – какой это высокий девиз, скажем мы, – девиз, который может наполнить сердца любовью там, где стыла кровь в жилах, может оживить человеческую мысль и пробудить надежду там, где она глохла, может зажечь огонь в груди и увлечь на подвиги там, где была одна пассивность и равнодушие. Познать человека в его высших проявлениях ума, чувства и воли, в его идеалах истины, добра и красоты для того, чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого; познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа; познать юношу в его стремлении к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов; познать сердце человека в его порывах любви, чтобы направить эту любовь на все человечество; познать обездоленного бедняка, толкаемого судьбой на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем проповеди улучшения его быта и перевоспитания; познать и изучить душевнобольного, чтобы облегчить его страдания и, где можно, излечить, – не значит ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашей общественной жизни» [1, с. 15-16].

Наплыв слушателей был таким большим, что администрации Института пришлось расширить изначальные рамки и открыть, кроме основного факультета – медицинского с фарма-

цветическим отделением – , еще юридический и педагогический факультеты с естественно-историческим и историко-педагогическим отделениями. Несколько лет спустя Институт насчитывал уже не менее 8000 студентов и по количеству и качеству учебных и вспомогательных программ не уступал правительственным университетам.

В Особом журнале Совета Министров от 21.07.1914 имеется отчет «О состоянии в ведении Министерства Народного Просвещения Психоневрологическом институте» или «О превращении Института из числа научных учреждений в учебное, «противоправительственное» составе преподавателей и учащихся, о предложении закрыть институт и необходимости изменить Устав института» [16]. В этом документе зафиксировано, что в жизни института преимущественное развитие получила не научная сторона его деятельности, отступившая на второй план, а учебная. Таким образом, с первого года своего существования Психоневрологический институт, широко толкуя предоставленное ему право устраивать курсы по предметам, входящим в область психологии и неврологии и сопредельных с ними наук, открыл целый ряд курсов. Эти курсы с течением времени превратились в частное высшее учебное заведение в составе четырех университетских факультетов. Оригинальность читаемых курсов, блестящий профессорско-преподавательский состав, гибкая система обучения, наличие в программе обучения курса социологии (в то время данная дисциплина преподавалась только в Психоневрологическом институте) и сама атмосфера института обусловили выбор П.А. Сорокина. Как он сам позднее написал об этом, «...студенты института казались мне более активными и революционно настроенными. В основном они были, так же, как и я, выходцами из низших, рабоче-крестьянских сословий. Это и определило мой выбор, так что осенью 1909 г. я стал студентом Психоневрологического института» [13, с. 54]. Действительно, в отличие от политически нейтральных академических традиций Университета в институте существовало огромное количество политических объединений. Так, например, в институте официально вели свою деятельность «Кружок им. Н.К. Михайловского», возглавляемый партией социалистов-революционеров, и «Философско-экономический кружок» под руководством социал-демократов. Кроме этого, в институте открыто

действовали среди студентов три революционно настроенные группировки: «народники», «марксисты», «радикал-автономисты». П.А. Сорокин активно включился не только в научную жизнь института, но и в политическую. Даже после поступления в 1910 г. Санкт-Петербургский университет он продолжал участвовать практически во всех политически значимых событиях и мероприятиях, проходивших в Психоневрологическом институте.

В 1912 и 1913 гг. на квартире заведующего студенческими делами Психоневрологического института, профессора К.Ф. Жакова проходили систематические собрания учащейся молодежи из разных учебных заведений столицы для чтения научных лекций и обсуждения политических вопросов, на этих собраниях П.А. Сорокин апробировал свои первые научные доклады. Интересные факты приводит в своей монографии Ю.В. Дойков: «27 октября на квартире профессора К.Ф. Жакова (Малая Разночинская улица, дом № 27/7, кв. 29) полицией были переписаны имена участников неразрешенного собрания молодежи в количестве 40 человек. Как отмечалось в полицейской справке, 11 человек из этих 40 были «довольно скомпрометированы в политическом отношении». Прежде всего, сам К.Ф. Жаков, который еще в 1890 г. привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении. Среди участников собрания были Н.Д. Кондратьев и Е.П. Баратынская (потомственная дворянка, проживающая по адресу: Васильевский остров, 8-я линия, дом 72) <...> Среди «переписанных» — пятеро земляков Сорокина, из них трое крестьяне Вологодской губернии: Куропятников Ф.П., Спилкин А.П., Чукичев Ф.П., а также Худяев В.А., крестьянин Усть-Сысольского уезда и Молодцов В.А., мещанин Усть-Сысольска. (Возможно, Василий Александрович Молодцов известный впоследствии коми ученый и общественный деятель)» [2, с. 79-80].

Научная жизнь в Психоневрологическом институте была не менее насыщенной, чем политическая. В институте читались лекции по естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам: химии, физике, биологии, анатомии, физиологии, логике, философии, социологии, истории, литературе, искусствоведению, праву, социологии и т.д. Преподавали в институте профессора Университета и других ведущих учебных заведений Санкт-Петербурга, как правило, это были специалисты очень

высокого уровня, получившие признание не только в России, но и в мировом научном сообществе. Именно там Сорокин впервые прослушал лекции М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти, Л.И. Петражицкого и В.М. Бехтерева, и именно там эти выдающиеся ученые обратили внимание на подающего большие надежды студента Питирима Сорокина и помогли ему в будущем. После смерти своего учителя М.М. Ковалевского в 1916 г. П.А. Сорокин приступил по приглашению В.М. Бехтерева к чтению курса «Социология» (который вел М.М. Ковалевский) в Психоневрологическом институте и остался там работать до момента высылки из страны в 1922 г.

Эта подробная и детальная информация о Психоневрологическом Институте, его месте в сфере высшего образования и его роли в научном становлении Питирима Сорокина была необходима для того, чтобы попытаться дать объективную оценку педагогической и научной деятельности К.Ф. Жакова – профессора этого Института, поскольку в научной литературе, посвященной творчеству как Сорокина, так и Жакова, информация, раскрывающая масштаб научного и образовательного вклада Института в науку и российскую систему образования начала XX в., практически отсутствует. Завершить этот раздел статьи можно цитатой из научно-информационного сборника, посвященного 40-летию Института: «Характеризуя деятельность Психоневрологического института, «Русский врач» в 1913 г. писал: «В настоящее время название Психоневрологического института, отвечавшее целям и задачам этого учреждения в первые дни его существования, оказывается уже узким; институт теперь уже перерос те широкие сами по себе рамки, в которые заключила его мысль его инициатора. Теперь он представляет не специальное, а универсальное ученое и высшее учебное заведение, и ему больше подходит название, может быть, «Университет», может быть, «Академия», но ни в коем случае не «Институт». То, что существует под этим наименованием, не то, что создавалось в 1907 г. Говоря об Экспериментальном институте по изучению алкоголизма, автор статьи пишет: «он устроен так образцово, ничего подобного мне не приходилось видеть ни в России, ни в Западной Европе». Столь же высокая оценка дается нервной, психиатрической и нейрохирургической клиникам института» [9, с. 4].

Таким образом, Каллистрат Жаков, будучи профессором Психоневрологического Института, принадлежал к профессиональному научному сообществу, находящемуся в авангарде российской и мировой науки. Причем, он сам расценивал свою работу в Институте как величайшее благо. В своем автобиографическом романе «Сквозь строй жизни» он красочно описывает свое состояние до и после встречи с В.М. Бехтеревым: «В пустыне оказался я, и употребив все силы свои, чтобы создать мировоззрение – теорию познания, метафизику, религию, науки <...> И на это ушли все силы, и я умирал, истощенный и бесправный. Мировоззрение, созданное мною, волновало меня: я хотел сообщить его другим и не имел аудитории, ибо университет дал право мне, философу, читать только о зырянском языке... И вот Провидение послало на встречу мне Б-а*. Л-ий** пригласил меня в «Общество нормальной и Патологической психологии» и предложил меня как члена. Я был выбран и прочел лекцию о Соловьеве. В пироговском музее читал я лекции, имевшие в виду познакомить общество с новым учено-учебным заведением, план которого развивал Б-в и члены Психологического общества. Так, длинными путями, приобрел я кафедру и аудиторию...» [5, с. 114]. Очевидно, что Лазурский и Бехтерев, пригласившие Жакова в Психоневрологический Институт в 1908 г., увидели и оценили его научный и педагогический потенциал. Жаков не только согласился и принял предложение, но и включился в активную организационную деятельность в новом учебном заведении, в котором он стал профессором и проработал вплоть до 1917 г.

Прежде, чем описать научную и педагогическую деятельность Каллистрата Жакова в Психоневрологическом Институте,

---

* Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – выдающийся русский психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик. В 1907 г. основал в Санкт-Петербурге Психоневрологический институт – первый в мире научный центр по комплексному изучению человека и научной разработке психологии, психиатрии, неврологии и других научных дисциплин «о человеке», организованный как исследовательское и высшее учебное заведение.

** Лазурский Александр Федорович (1874–1917) – русский врач и психолог. Член и ученый секретарь «Русского общества нормальной и патологической психологии», сыграл значительную роль в создании Психоневрологического института и возглавил в нем кафедру общей психологии.

обратимся к уникальному историческому документу – газетной статье 1916 г. Итак, 1916 г. – Питирим Сорокин, ученик Каллистрата Жакова, становится его полноправным коллегой в Психоневрологическом Институте, и в этом же году в газете «День»* от 12 августа появляется спорная и разгромная статья С. Сумского** – «Жаковцы». Как отмечает Ю.В. Дойков, «...в либеральной петроградской газете «День», в которой печатались и теоретики социал-демократии вроде А.В. Луначарского и Петра Юшкевича [псевдоним – С. Сумский]*** (газета пользовалась популярностью среди студентов), были опубликованы две грубые критические статьи П. Юшкевича. Первая — на работу К.Ф. Жакова «Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии». Юшкевич назвал ее «странный книжкой», невразумительной и варварским языком изложенной» («День». 1916. 7 июля). Вторая – «Жаковцы» («День». 1916. 12 августа) [2, с. 130].

Приведем ее полный текст, который удалось восстановить по сохранившемуся в фондах РНБ номеру этой газеты.

«Жаковцы»

Один молодой студент в разговоре как-то сказал, что он – «жаковец». Я попросил изложить суть этого нового, доселе неизвестного, учения. Студент рассказал, что «жаковцы» – последователи профессора Психоневрологического Института К.Ф. Жакова, что этот профессор – необыкновенно интересный

---

* Ежедневная либерально-буржуазная газета «День» издавалась в Петербурге с 1912 г. После Февральской революции 1917 г. – меньшевистско-ликвидаторского направления. С 30 мая (12 июня) 1917 г. газета «День» – орган меньшевиков. Поддерживала буржуазное Временное правительство, выступала против партии большевиков. К Октябрьской социалистической революции отнеслась враждебно. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г., но некоторое время выходила под др. названиями. Окончательно закрыта за антисоветскую пропаганду в мае 1918 г.

** Каплун (наст. Каплан) Соломон Гитманович (1883-1940) – журналист, публицист, издатель, социал-демократ, меньшевик. Литературный псевдоним – С. Сумский. В эмиграции в Берлине – владелец издательства «Эпоха», выпускавшего в 1923-1925 гг. журнал «Беседа»; позже в Париже. Сотрудник «Социалистического вестника», «Дней», «Голоса России», «Последних новостей».

*** Дойков Ю.В. отмечает, что возможно, что автор статьи не П. Юшкевич, а журналист С.Г. Сумский-Каплун, сотрудничавший в «Днях».

человек, из простых зырян выбившийся в профессора, новый Ломоносов, первоклассный ученый, гениальный художник слова, блестящий стилист, чудесный сказочник. Затем студент принес целый ворох сочинений г. Жакова.

Естественно, что после этих слов нужно было отнестись внимательно к работам г. Жакова. Ведь, оказывается, существует в Петрограде даже целый кружок «жаковцев», притом среди учащейся молодежи, в стенах высшего учебного заведения. Кроме того, говорили, что г. Жаков решал какие-то еще никем нерешенные математические уравнения, сделал открытия по астрономии, доказал сродство японского языка с зырянским, а оттуда – и, вообще, с финской группой языков, читал лекции по философии. Поистине – универсально.

Тот же студент говорил, что вся суть учения г. Жакова изложена в его книге «Сквозь строй жизни». Вы с интересом беретесь за эту книгу. Но с первых же слов начинается ваше ... недоумение, которое в дальнейшем все растет и растет.

Прежде всего – стиль. Конечно, стиль – не всегда человек. Но когда «блестящий стилист» начинает громоздить одно на другое самые высокопарные слова, плохо между собой связанные, часто совершенно непонятно обращается к какому-то «духу мира», с которым держит себя совершенно фамильярно, говорит о неведомом «первопотенциале», рассуждает о мудреных вещах непонятными периодами, образцы которых приводит в своей рецензии в «Дне» П. Юшкевич, – то это в состоянии привести в трепет самого терпимого человека.

Дальше – больше. За таким стилем скрываются необычные претензии г. Жакова.

– О, духе мира, помоги мне написать третью часть моей книги – восклицает в предисловии г. Жаков. – Пусть моя книга – продолжает он несколькими строками далее – будет настольной для гонимых людьми и судьбой, для искателей истины, для тех, кто много плакал на своем веку... и т.д. тянется период на полстраницы.

Но этого мало.

– Не книги мои велики, нет, но жизнь моя велика – заявляет г. Жаков на стр. 22 третьего выпуска «Сквозь строй жизни».

Человек, так благосклонно к себе относящийся, не может, разумеется, на этом остановиться. Он и не останавливается. Можно понять, как оценивает г. Жаков свою жизнь, если о своей книге он говорит:

– О, книга моя, самая сладкая из всех книг сего мира, кроме разве Дон-Кихота Сервантеса и Арабских сказок...(стр. 74).

Вот еще случайные образцы из сотен, из тысяч подобных перлов, разбросанных в книгах г. Жакова:

– Я борюсь за народы севера и юга...(стр. 22). Не исчерпать никому кладезя терпения моего...(стр. 39). Я все отдам миру, рассказывая о жизни своей...(стр. 48).

Но и этого мало г. Жакову. «Так буду же я отныне скромен» – обещает он на стр. 73 и приходит к тому, что высшая скромность заключается в том, чтобы объявить себя пророком, призванным учить мир от лица Бога. И новоявленный пророк нанизывает слова.

– Оживленный словами Его (с большой буквы. С-кий), восстану я снова, начну сначала, и пойду и совершу назначенное...(стр. 39).

Когда человек с серьезным видом говорит чуть ли не о своем воскресении из мертвых, то остается только сокрушенно вздохнуть: такого человека доводами от рассудка не разуверишь. И не стоило бы об этом говорить, если бы во всем этом не было другой стороны, поучительно-печальной, стороны общественно-психологической.

Г. Жаков состоит профессором Психоневрологического Института. Он читает лекции по философии. П. Юшкевич в упомянутой рецензии правильно назвал эту философию совершеннейшей рениксой. Г. Жаков создал свой кружок последователей – «жаковцев». Г. Жаков пользуется большой любовью студентов, и в огромном списке его книг рядом с тем или иным названием часто имеется ремарка – «распродано». Его писания издаются студенческими организациями. Чем же привлекает молодежь г. Жаков?

Вы не найдете ответа на этот вопрос в писаниях г. Жакова. Все они сделаны на один образец. Его научные работы представляют из себя пересказ, пересказ весьма неудачный, наполовину разбавленный отсебятиной, в которой ни логики, ни смысла не найдешь. Это какое-то дикое нагромождение слов. Вот образец:

– Бог существует неизреченным образом, и мы бессмертны, дух проявится снова и снова на той планете, которая произойдет из нашего солнца.

Не думайте, что эти строки вырваны из текста и что в связи с остальным текстом представляют какой-нибудь смысл. Нет! До этих строк г. Жаков говорит о себе, о своих страданиях и несчастьях, после этих строк тоже... о себе и о том, что ему уже перевалило за 47 лет.

Что же касается ненаучных его сочинений, то они немногим отличаются от научных. Непонятный бред в них перемешивается только кусочками автобиографии. Пишет г. Жаков и стихи. Вот образцы:

«Нет! Умереть на родине хочу я,
И час последний провести, тоскуя
О жизни быстрой, скоротечной,
О тайне мира вековечной!»

Или:

«И вспоминаю дни мои в лесах дремучих,
И шум ручья, и стук и звон валов гремучих,
И на полях, и по холмам,
И пенье птиц в болотах топких, по горам».

Весь этот вздор напечатан на стр. 93 и 94 книги «В поисках за Памом Бур-Мортом».

Но странно: во всех произведениях г. Жакова звучит одна струна: он великий, гениальный, лучезарный – не признан, для него «заперто царство Славы».

– Не прослыть мне писателем... Не пригласят меня журналы... Ни газеты не скажут: вот тебе деньги... Разве захудалые провинциальные издания так скажут нам, но от них денег никогда не дождешься, они живут филантропией... (стр. 74).

Г. Жаков все время жалуется на то, как его люди не признавали и не признают, как ученые говорили – пока они будут живыми, не быть г. Жакову профессором. Оскорбленное самолюбие, притом самолюбие гигантское, сочетаемое с необычайным самомнением, образцы которого я уже приводил – все это сквозит в каждой строчке. С каким умилением и как пространно рассказывает г. Жаков о тех случаях, когда его хвалили, одобряли, ценили. Правда, это тщеславие и все невзгоды непризнанного гения окаймлены в фальшивую – по своему существу – рамку смирения и всепрощения; правда, г. Жаков даже восклицает:

– Господи, помоги моим врагам!

Но все это не ослабляет того впечатления, которое остается после прочтения книг г. Жакова. Ясно, что их писало оскорбленное самомнение, не нашедшее общепризнанных путей и решившее из нужды сделать добродетель.

И не являются ли эти нудные, в конце концов, жалобы, сочетаемые с необычайной верой в себя, с возвеличиванием своей личности, тем, что привлекает к г. Жакову юные сердца?

Трудно предположить что-нибудь иное. «Жаковцы», насколько мне известно, совсем юная публика. А человек, находящийся в известном возрасте, в своих мечтах не останавливается на меньшем, чем изменение всего мирового порядка. Для осуществления этих целей он пишет стихи и статьи по вопросам мирового порядка, посылает их в газеты и журналы, а так как там ни стихов, ни статей не печатают, то он винит не свои произведения, а редакции и мир, полный злобы и непонимания. Тут жаковские жалобы и жаковское самомнение встречают самый сочувственный отклик. А, с другой стороны, у молодого студента появляются свои вопросы, свои требования, свои интересы, но он не может прийти с ними к профессору: обыкновенно профессор так суров и недоступен. Г. же Жаков – прост, обходителен, держится по-товарищески со студентами, и к нему тянется молодежь.

Когда критическое чутье еще мало развито, человек не отделяет личности автора от его произведений. И хороший человек становится прекрасным писателем.

Но в этом-то заключается и печальная сторона вопроса.

Если бы дело ограничивалось воздействием г. Жакова только в этой плоскости, так сказать, плоскости субъективной, то мы имели бы один из любопытных курьезов. Но г. Жаков состоит профессором высшего учебного заведения, учит молодежь, пишет книги, молодежью читаемые, издает свои лекции, молодежью зазубриваемые. Не говоря уже о том, какое представление о науке и о философии могут получить ученики г. Жакова, который свои книги ставит выше всех книг мира, кроме Дон-Кихота и Арабских сказок, не говоря уже о том, какую совершенную рениксу приходится студентам проходить, надо еще отметить, какие общественные принципы преподносятся г. Жаковым.

– Странник я и индивидуалист. Зато и терять мне нечего... (стр. 74). Математики заняты, поэты – завлекательны. Остальные между ними. «И все суета сует» – сказал Экклезиаст. Впрочем, что мне до мировых дел, я не являюсь автором их. Я одно знаю, меня ждет страдание, в лучшем случае, отсутствие счастья... (стр. 56).

Все в мире, по мнению г. Жакова, есть вздор и чепуха. Спасителями мира являются первобытные народы, а первый из

них он, зырянин, г. Жаков. И за это не дают г. Жакову «ни прав, ни чинов» (стр. 51). Нужно познавать самого себя и о себе, своей душе, всех настроениях думать и размышлять.

Такого рода обыкновенный, обывательский индивидуализм проповедуется г. Жаковым. И молодежь, которая его слушает, разумеется, мало интересуется его «духом мира», «первопотенциалом», «лимитизмом» и прочей словесностью. Но проповедуемый г. Жаковым отказ от общественной работы, замыкание в круге своих маленьких настроенниц, копание в своих душонках – все это может принести плоды. Наша молодежь и без того страдает от развившегося в известной ее части духа карьеризма, от растущего обывательского индифферентизма и индивидуализма. А здесь этим настроениям дается – худо ли, хорошо ли – идеологическое обоснование.

Нельзя, разумеется, сказать, что и проповедь г. Жаковых создала эти настроения. Но можно сказать, что она эту антиобщественную обывательщину укрепляет и развивает. И вот почему проповедь г. Жакова следует отметить, как бы она и ни казалась смешной [14].

Эта, ранее не известная исследователям творчества Каллистрата Жакова, статья С. Сумского проливает свет прежде всего на педагогическую деятельность профессора Психоневрологического Института. Прочитав эту статью Сумского, невольно возникает вопрос, прав ли и объективен критик? Безусловно, что в статье есть доля истины – действительно, сама личность и произведения Каллистрата Жакова носили во-многом парадоксальный характер. Но насколько объективен был сам критик, высмеивая Жакова и «жаковцев», так как первый – преподает полную «рениксу»*, а вторые слепо ей следуют? И, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся снова не к современным исследованиям творчества и научной деятельности Жакова, а к документальным источникам и свидетельствам его современников – непосредственных очевидцев описываемых событий начала прошлого века. И здесь существенную помощь окажет документ, сохра-

---

* Реникса – ошибочное прочтение русского слова «чепуха», воспринятого как латинское «гепуха». В латинском языке слова «гепуха» отсутствует. «В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» – думал, по-латыни написано». А. П. Чехов, «Три сестры», 1900 г.

нившийся в РГАЛИ – «Статья Пинеса Дмитрия Михайловича* по поводу заметки С. Сумского о профессоре Психоневрологического института К.Ф. Жакове, опубликованной в газете "День" за 12 августа». К сожалению, пока не удалось установить, была ли эта статья опубликована в газете, так как в настоящее время архив газеты временно не доступен для читателей, тем не менее архивная рукописная версия статьи позволяет сделать некоторые выводы о педагогической и научной деятельности Жакова.

Итак, в своей статье Д.М. Пинес категорически не соглашается с мнением С. Сумского и пишет следующее: «Нет необходимости быть непременно «жаковцем» для того, чтобы увидеть, как неправ С. Сумский в своей заметке о личности и произведениях К.Ф. Жакова («День», 12 авг., №220) <...> Вряд ли был среди профессуры молодого ин-та еще кто-нибудь, кто и словом, и всем своим обликом умел бы толкнуть на умственную работу и заставил бы напряженно вдумываться в реальные проблемы философии, так как, это делал Кал.Фал. – И совсем не потому, что аудитория в нем видела непогрешимого ученого или морального водителя, но потому, что сам он был – если не по своим творческим достижениям, то по неустанно беспокойным исканиям – примером того, что можно отвлеченные вопросы науки поставить в центр своей жизни и не отходить от них никогда <...> «Жаковщина» – это болезнь, которою нужно переболеть – говорили в Психоневрологическом Институте. Из студентов пс.н.ин все прошли через «жаковщину», через увлечение его темами, его вопросами...» [15, ф. 391, л. 1-2]. Далее, Пинес описывает ту важную научную и педагогическую роль, которую играл Жаков в Психоневрологическом Институте – будучи не только профессором, но и заведующим студенческими делами. Таким образом, он полностью опровергает точку

---

* Дмитрий Михайлович (Мейер Мейлахович) Пинес (1891-1937) – библиограф, историк литературы, издательский работник; библиотекарь и секретарь (1922–1924) "Вольфилы", один из основных организаторов деятельности Ассоциации в последние три года ее существования. Арестовывался в 1920 г. Вновь арестован в 1933 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 28 июня 1933 г. осужден по ст. ст. 58-10-11 УК РСФСР на 2 года политизолятора. В 1935 г. выслан в Северный край на 2 года. Отбывал наказание в Архангельске. Арестован 6 февраля 1937 г. как «активный эсер», 23 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937 г.

зрения С. Сумского, считая ее необоснованной и крайне субъективной. Дмитрий Пинес – в прошлом и сам был «жаковцем», студентом Психоневрологического Института, а в 1911–1912 учебном году активно работал на семинарах по древней философии под руководством К.Ф. Жакова.

В защиту К.Ф. Жакова выступил и Питирим Сорокин, опубликовавший 15 ноября 1916 г. в архангельском «Северном утре» свое письмо в связи с перепечаткой газетой статьи Сумского «Жаковцы» («Северное утро», 1915 г., 29 августа). «Сорокин писал: «Его (Юшкевича – Ю.Д.) выступление – сплошное издевательство над истиной, справедливостью, человеческой личностью. Как таковое, оно должно быть заклеено». В том же номере газеты было опубликовано письмо 400 студентов в поддержку Жакова» [2, с. 132].

Кроме этого, Сорокин лично обращался по этому вопросу к Максиму Горькому. Ответ М. Горького сохранился в Пушкинском Доме в фонде Питирима Сорокина.

«Уважаемый Питирим Александрович!

Я не могу одобрить тон статьи г. Сумского, но – я знаю книги проф. К.Ф. Жакова и должен согласиться с тою оценкой их, которая дана г. Сумским.

Меня тоже отталкивают книги Жакова отсутствием в них скромности, обязательной для серьезного человека, [и] уважающего себя и свое дело [человека]. Для меня несомненно, что профессор Жаков переоценивает и свое значение в людях и свой литературный дар и что его отношение к себе, выражаемое публично и печатно, не может не влиять на молодежь [очень] вредно в смысле социально-педагогическом. Мы все и без помощи проф. Жакова слишком любим хвастаться нашими дарованиями и слишком рано начинаем [считать с] чувствовать себя безответственными перед обществом.

Я не подпишу протеста против статьи г. Сумского, хотя [и не] мне и неприятен тон его статьи, как я сказал уже» [7, ф. 863, № 10, л. 1].

Для того, чтобы попытаться выяснить, кто же из авторов – современников Жакова – был прав: Сумский или Пинес, Горький или Сорокин, обратимся к еще одному историческому документу – еженедельной студенческой газете «ЛИСТОК СТУДЕНТОВ ПСИХО-НЕВРОЛОГОВ» (см. фото 1). Детальный анализ выпусков

этой газеты за три учебных года с 1911 по 1914 г. показал, что Жаков, действительно, вел активную научную и педагогическую деятельность в стенах Психоневрологического Института. Он читал лекции по философии и теории познания, был руководителем многих студенческих кружков, читал открытые лекции и проводил семинары для всех желающих, занимался студенческими делами в должности заведующего студенческими делами, издавал свои литературные и научные труды. О его популярности среди студенческой аудитории ярко свидетельствует так называемый «бальный» выпуск газеты (2 февраля, 1912 г.), в котором ему посвящены фельетоны, стихи, загадки, а также представлены цитаты из его лекций по философии (см. фото 2).

Отдельного внимания заслуживает работа «Кружка Всемирной Сказки», организатором и руководителем которого был Каллистрат Жаков. У студентов Психоневрологического Института он пользовался особой популярностью. Это связано с тем, что в рамках этого Кружка учащиеся, да и сам Жаков, имели возможность обсудить те темы и проблемы, которые выходили за пределы академических программ. Жаков понимал, что студентам (многие из которых приехали в Санкт-Петербург со всех уголков России) интересно не только получить знания по научным дисциплинам, но и узнать все многообразие мира и культуры, поэтому на занятиях этого кружка студенты делали доклады о сказках, преданиях и народном эпосе тех регионов, откуда они были родом. Так, например, в 1912 г. на одном из заседаний профессор Жаков прочитал доклад на тему «Рассмотрение теории происхождения сказки», а один из студентов выступил с темой «О северной сказке», а на следующем заседании был представлен студенческий доклад «Армянские сказки», причем, если посмотреть на структуру докладов, то в них одна очень важная составляющая – краткая история тех регионов, о сказках которых шла речь. В этом же году на заседаниях кружка Жаков выступил с серией своих докладов-отчетов о путешествии, которое он предпринял совместно с Михаилом Костиным по Сибири и Японии (см. фото 3). В начале XX в. отчеты о путешествиях, путевые заметки и хроники выполняли очень важную информативную, социальную и коммуникационную функцию, выступали в качестве

своеобразного информационного канала, свободного от цензурных ограничений. Безусловно, что студенты Института принимали активное участие в жизни «Кружка Всемирной Сказки», поскольку этот кружок давал им уникальную возможность не только ближе познакомиться друг с другом и культурой других народов, но и преодолеть национальные и религиозные предрассудки.

Как отмечает в своем исследовании Ю.В. Дойков, педагогические инициативы К.Ф. Жакова по организации студенческих кружков своими корнями уходят в 1902 г., когда он у себя на квартире «ежемесячно (последняя суббота каждого месяца) устраивал «литературный кружок»... Здесь бывали: Я. Гордин, Александр Грин, Е. Баратынская, К. Гемп, Я. Назаренко, И. Луцевич (Янка Купала), П. Розит, И. Садофьев, М. Семенко, П. Сорокин, А. Чапыгин, В. Шкловский» [2, с. 28].

Возвращаясь к критической статье С. Сумского, можно с уверенностью сказать, что его статья носит не объективный, а сугубо личный характер, в свою очередь о причинах ее появления можно только лишь предполагать. А историческим фактом остается то, что Каллистрат Жаков был одним из самых популярных профессоров Психоневрологического Института среди студентов, приступивших к обучению в передовом образовательном и научном учреждении начала XX в. Он не только читал научные лекции студентам и помогал решать им множество проблем. Как заведующий студенческими делами, он выполнял важную воспитательную функцию, формируя у студентов мировоззренческие установки и ценности. И, завершая статью, воспользуемся «приемом С. Сумского» и процитируем самого Каллистрата Жакова, показав значимость и актуальность тех ценностей, которые он формировал у студентов посредством своих научных, литературных трудов и педагогической деятельности в Психоневрологическом Институте.

«А тем из северян, кто будет писать повести и рассказы, увлеченный моим примером, скажу я следующее. Прежде всего, нужно учиться. Кончить университет обязательно. Затем принять все меры, если возможно, быть ученым и лектором, ибо это самые независимые люди. Быть просто писателем – тоже

большое несчастье. Между литераторами клевета, зависть, погоня за славой, бедность, гонение, за исключением некоторых счастливых...» [4, с. 127].

«Ведь язык – это душа народа, язык – своеобразное выражение его переживаний, его логики, его психологии, его понимания красоты и добра. Язык – бессознательное, стихийное и органическое проявление душевной жизни народа, и для каждого народа язык его – величайшее сокровище. Долг каждой нации – сохранить свой язык и охранять чужой и свято относиться не только к своему, но и к чужому языку современных культурных народов и к языку народов не попавших в светлый круг этих культурных народов...» [5, с. 90].

«...везде, у всех народов, добродетель почтенна, а пороки – в презрении, не верь никому, чтобы у какого-нибудь племени дело иначе обстояло. Человек везде человек! <...> Чем более приближались мы к берегам Владивостока, тем сильнее возрастала во мне любовь к родине моей, великой России... «Нет страны лучше России и нет народа, более милого, чем русский народ, и нет языка краше русского», – так говорил я себе, и не только себе, но и англичанину, который ехал вместе с нами, высказал я это. Он на меня взглянул, выслушал, и ничего не ответил...» [6, с. 145-147].

«Нет ничего выше правды на земле, и после познания Бога самое великое – служение людям. Я должен быть полезным северянам и всему русскому народу, народу наиболее великому сердцем, но забитому историческими условиями. Боже! Помогите мне и дайте мир земле ...» [5, с. 132].

«Любимое изречение Жакова: «Нет крестьян и дворян на земле – есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле» [11, с. 62].

Литература

1. Бехтерев В.М. Задачи Психо-Неврологического Института. Отдельный оттиск из журнала «Вестник Знания». Санкт-Петербург, 1908. 18 с.
2. Дойков Ю.В. Сорокин Питирим. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889-1922 гг.). Архангельск: Центр документации, 2008.
3. Жаков К.Ф. Педагогическая идея А.С. Черняева // Кораблев В., Никитин А. Александр Сергеевич Черняев. Биографический очерк. Петроград, 1916. С. 55- 58.
4. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. II. Санкт-Петербург, 1912. 134 с.
5. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. I. Санкт-Петербург, 1912. 135 с.
6. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Вып. II. Санкт-Петербург, 1914. 158 с.
7. ИРЛИ. Фонд 863. Архив П.А. Сорокина. Оп. 1. № 10 (Зачеркнуто Ф. I. Оп. 5 № 208). Горький Алексей Максимович. Письмо (неоконченное) его к Сорокину Питириму Александровичу. Б. д. 2 л. Машинописная копия в 2-х экз. Автограф сдан в Институт Мировой Литературы им. А.М. Горького по акту от 23 сентября 1947 г.
8. Кораблев В., Никитин А. Александр Сергеевич Черняев. Биографический очерк. Петроград, 1916. С. 58.
9. Краткая история Института (К 40-летию со дня основания). Составил уч. секретарь О.С. Фридман. Под ред. дир. института, проф. Мясничева В.Н. Ленинград, 1948. 42 с.
10. Краткие сведения о СПб. Общеобразовательных курсах, учрежденных А.С. Черняевым. СПб, 1908. С. 3.
11. Подоров В.М. Очерки по истории Коми (зырян и пермяков). В двух томах. Т. 2. Сыктывкар: КОМИГИЗ, 1933. 278 с.
12. Санкт-Петербургские общеобразовательные курсы. Условия приема и обучения. СПб, 1909. С. 3.
13. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. 304 с.
14. Сумский С. Жаковцы // День. 1916. 12 августа. (Стилистика и орфография – авторские, оставлены без изменений).
15. РГАЛИ. Ф.391, оп. 1, ед. хр. 85. Заголовок: «Пинес Дмитрий Михайлович (1891-1937) – историк литературы. Статья по поводу заметки С. Сумского о профессоре Психоневрологического института Жакове К.Ф., опубликованной в газете «День» за 12 августа». До 1917 г. 8 листов.
16. ЦГИА СПб, Фонд 2265, оп. 1, Д. 906.
17. Д-р З.М. Владимир Михайлович Бехтерев. К 40-летию профессорской деятельности. Ленинград: Издательство ГОС. РЕФЛЕКСОЛ. ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА, 1926. 15 с.

Фотографии

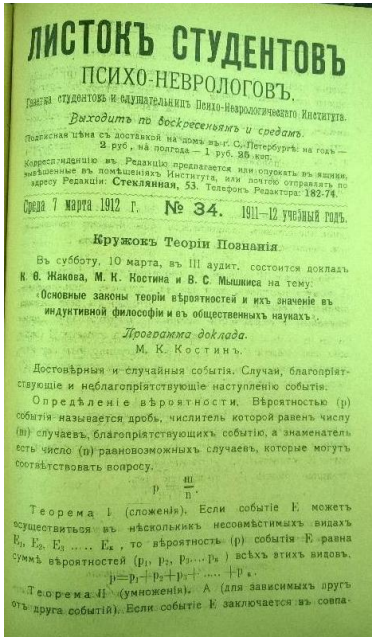

Фото 1. Выпуск газеты «ЛИСТОК СТУДЕНТОВ ПСИХО-НЕВРОЛОГОВ».

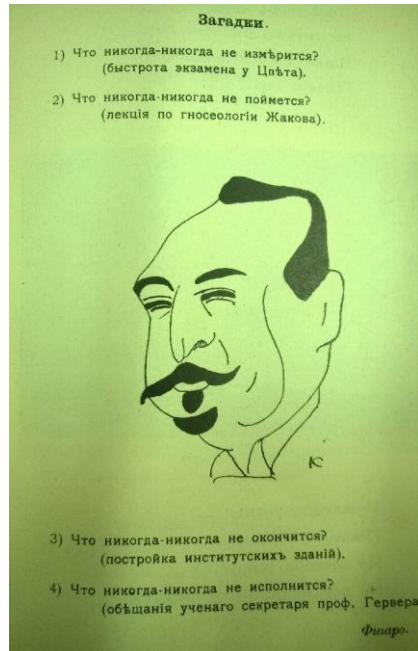

Фото 2. Фрагменты из газеты «ЛИСТОК СТУДЕНТОВ ПСИХО-НЕВРОЛОГОВ» (2 февраля, 1912 г.), связанные с деятельностью Жакова в Психоневрологическом Институте

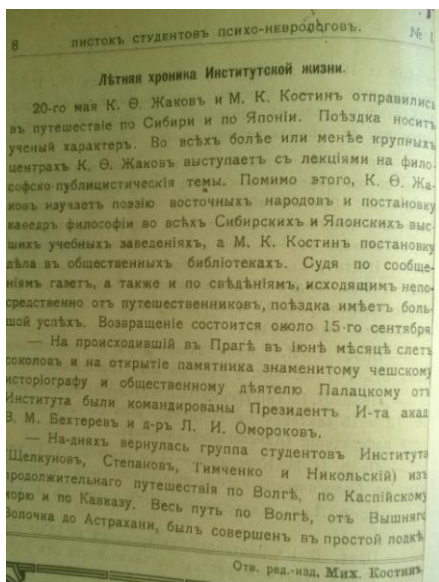
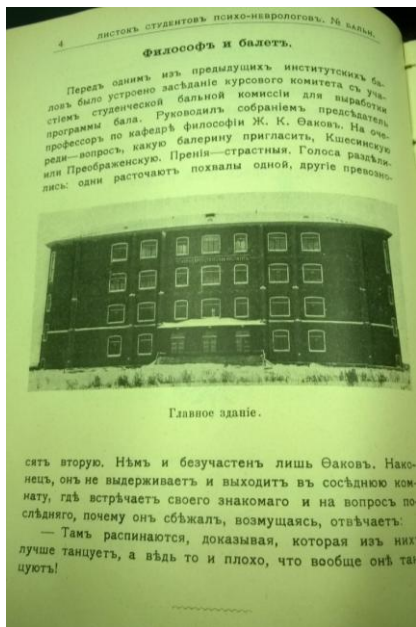
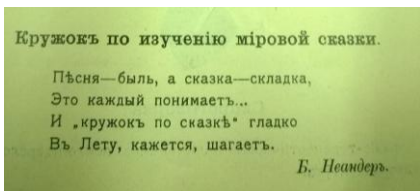

Фото 3. Фрагмент из газеты «ЛИСТОК СТУДЕНТОВ ПСИХО-НЕВРОЛОГОВ» (№1, 9 сентября 1912 г.), связанный с путешествием Жакова

3. К. Жаков и этнография

3.1. Пионеры коми этнографии и роль К. Жакова в изучении этнографии народа коми

Историю этнографического изучения народа коми можно условно разделить на два этапа: этап первоначального накопления материала, который можно считать донаучным, хотя и в это время предпринимались отдельные попытки научного описания истории и культуры коми, и научный этап, продолжающийся до сих пор. Научный этап, на наш взгляд, делится на два периода: период инициативных исследований, во время которого исследования осуществлялись отдельными учеными самостоятельно, и академический период, когда изучение культуры коми стало осуществляться научными коллективами, причем на систематической основе.

Активное привлечение профессиональных исследователей к изучению культуры коми происходит только в начале XX столетия. И именно тогда началось научное осмысление и научное толкование культурных явлений и процессов, которые имели место на территориях проживания коми.

При этом, важно заметить, что для провинциальной России большее значение в деле организации исследований играли губернские научные общества, которые вели большую организационную и исследовательскую работу, а некоторые из них приобретали общероссийское значение и становились очень авторитетными сообществами исследователей. К таковым, несомненно, относились Архангельское общество изучения Русского Севера и Вологодское общество изучения Северного Края. Первое было создано в 1908 г., а второе год спустя.

Архангельское Общество имело сложную разветвленную структуру с рядом отделов. В 1911 г. был создан его Усть-Сысольский отдел. В состав общества входили представители целого ряда российских губерний, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Франции, Норвегии, Германии. Главным печатным

органом Общества был журнал «Известия АОИРС», который начал выходить в свет с мая 1909 г. и продолжал издаваться вплоть до 1919 г. В короткие сроки этот журнал был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России. На страницах «Известий» публиковались многие интересные работы и по этнографии коми [3].

Истоки Вологодского общества восходят к более ранним временам, нежели Архангельского. Начальным этапом развития краеведения в этом регионе считается конец XVII в., когда был составлен «Вологодский летописец». Его почетными членами были председатель исторического общества России Великий князь Николай Михайлович и крупнейшие этнографы этого времени Д.Н. Анучин и Д.К. Зеленин. Действительным членом общества состоял коми ученый К.Ф. Жаков, а членом-корреспондентом другой видный выходец из Коми края – П.А. Сорокин.

Безусловная заслуга в деле организации широкого научного изучения этнографии коми принадлежит В.П. Налимову. Василий Петрович Налимов стал первым профессиональным коми этнографом. Родился он в 1879 г. в деревне Седьяков (ныне входит в состав с. Выльгорт) вблизи от г. Усть-Сысольска (ныне Сыктывкара) в бедной крестьянской семье. Окончив местную земскую школу, В.П. Налимов продолжил обучение на курсах фельдшеров в Усть-Сысольске, после чего решил ехать в Москву, чтобы учиться дальше. В Москве будущий ученый обратил на себя внимание секретаря этнографического отдела Московского губернского общества любителей естественной антропологии и этнографии В.В. Богданова, председателя отдела академика В.Ф. Миллера и президента общества видного русского этнографа Д.Н. Анучина. Оценив наблюдения В.П. Налимова над верованиями, бытом и фольклором коми и увидев в нем будущего способного исследователя, они помогли ему в сдаче экзамена за курс гимназии и в поступлении в Московский университет. Курс учебы В.П. Налимов завершил с дипломом первой степени и сдал экзамен на магистра наук при Казанском университете, где он затем в течение нескольких лет преподавал. Основные научные интересы В.П. Налимова сосредоточились на этнографическом изучении финно-угорских народов.

Наряду с В.П. Налимовым, значительный интерес к культуре родного народа проявили и другие видные представители коми научной интеллигенции, творческий путь которых начался в первые годы XX в. Первым из них был Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926), судьба которого была сложна, но вполне характерна для российского интеллигента первой четверти XX столетия. В 1898–1901 гг. обучался в Петербургском университете и в 1901 г. закончил словесное отделение историко-филологического факультета этого университета. Будучи студентом Петербургского университета, К.Ф. Жаков заинтересовался фольклором и этнографией народа коми. За годы учебы он написал несколько рефератов, с которыми выступал перед студенческой аудиторией. В 1900 г. студент Жаков был командирован Академией наук для сбора этнографического материала среди коми-зырян. На основании данных, собранных в экспедиции, он в октябре этого года выступил на заседании отделения РГО с докладом «Этнологический очерк зырян», за который Обществом ему была присуждена серебряная медаль. В 1901 г. это исследование было опубликовано в журнале «Живая старина». В том же году вышла в свет следующая научная статья К.Ф. Жакова «Языческое мирозерцание зырян». В декабре 1902 г. на заседании отделения этнографии РГО К.Ф. Жаковым был сделан доклад о результатах его поездки к иньвеньским коми-пермякам.

В дальнейшем Жаков работал преподавателем философии и логики, а с 1908 по 1917 гг. преподавал в Петербургском психоневрологическом институте, где в 1911 г. получил звание профессора. В эти годы он отошел от активной научной деятельности и увлекся литературным трудом, главный смысл которого заключался в идеализации прошлого патриархального быта и культуры своего народа. Золотой век истории коми К.Ф. Жаков видел в далеком прошлом, в дохристианские времена жреца Пама, во времена легендарной Биармии, что нашло отражение в ряде его литературных произведений. Первые из этих произведений были опубликованы в начале XX в. Известность получили его очерки «На Север, в поисках за Памом Бурмормом» (1905). Довольно развернутую рецензию на этнографические очерки и рассказы Жакова дал один из крупнейших российских этнографов того времени Д.К. Зеленин («Этнографическое обозрение». 1906. № 3–4).

После октябрьского переворота 1917 г. К.Ф. Жаков уехал из Петрограда в Псков, а в 1919 г. переехал на родину своей жены в Эстонию, где он получил профессорскую кафедру в Тартусском университете. Здесь он сосредоточился, в частности, на дальнейшей разработке своего философского учения – лимитизма. Лимитизм – это оригинальная теория познания, которую К. Жаков стал разрабатывать с начала XX в. Сам Жаков писал, что «лимитизм есть новый метод исследования истории философии и философии истории и всех других наук». Суть теории кратко также можно передать словами автора: любой предмет «есть только сумма моих ощущений», которая «есть переменная величина», а реальность, подлинная суть предмета «есть ее предел, к чему стремится переменная величина моего познания». В конечном итоге «предел» познания связывался К.Ф. Жаковым с идеей Первопотенциала, Творца, Бога. Но, не понятый своими коллегами-профессорами, он вынужден был покинуть Тарту и переехал в Ригу, где жил в крайней бедности и скоро умер. Творческий путь К.Ф. Жакова подробно описан в книге профессора Сыктывкарского университета Л.П. Роцевской [2].

Другим крупнейшим представителем коми интеллигенции начала века, который так же, как и Жаков, занимался этнографией коми, был Питирим Александрович Сорокин. П.А. Сорокин родился в с. Турья Жешартской волости Яренского уезда Вологодской губернии (ныне территория Республики Коми). Пройдя обычный для выходцев из крестьянской среды многоступенчатый путь получения образования, в 1909 г. он поступил в Петербургский психоневрологический институт, из которого перевелся на следующий год на юридический факультет Петербургского университета. Существенную поддержку в получении образования П.А. Сорокину оказал его земляк, к тому времени уже известный ученый и литератор, К.Ф. Жаков. Однако, этнография недолго привлекала внимание Сорокина, хотя его перу и принадлежит серия статей по этнографии коми. В дальнейшем он увлекся социологией и в итоге получил звание профессора в Психоневрологическом институте. Очевидно, что широта взглядов и интересов его наставника Жакова оказали свое влияние на изменение сферы научных интересов молодого исследователя.

В плеяду «пионеров коми этнографии», помимо названных исследователей, нужно также отнести и тех, кто начал свою

научную карьеру уже в советские годы. Среди них, безусловно, выделяются два ученых: А.С. Сидоров и Г.А. Старцев.

Всех вышеназванных исследователей можно считать пионерами коми этнографии, поскольку предыдущие работы либо не носили сугубо этнографического характера (например, труд А. Шегрена), либо были в большей мере краеведческими сочинениями, хотя и основывались на этнографическом материале. Среди пионеров коми этнографии наиболее видными фигурами можно считать В. Налимова, К. Жакова и А. Сидорова, каждый из которых внес существенный вклад не только в формирование источниковедческой и историографической базы коми этнографии, но и в популяризацию народной культуры. При этом К.Ф. Жаков стал первым из этнографов, попытавшихся использовать этнографические материалы не только для популяризации (и идеализации) народной культуры, но и для реконструкции ранних периодов истории Коми края, ранних представлений коми.

Важно заметить также, что в каком-то смысле Жаков стал предтечей одного из самых значительных течений в послевоенной советской литературе – деревенской прозы. Писатели-деревенщики, которые стали крайне популярны в Советском Союзе в 1960–80-е гг. Особо следует подчеркнуть, что в названную эпоху литературное слово имело огромное общественное значение (и влияние) не только в силу того, что электронные СМИ были доступны немногим и плохо развиты, а интернета не существовало, но и в силу того, что именно в толстых литературных журналах публиковались произведения, содержание которых лучше отражало советскую действительность, нежели это делала официальная пропаганда. Показателем роли художественной прозы для культурной жизни страны можно считать и то, что любимой газетой советских интеллектуалов была «Литературная газета». Деревенщики, так же, как и К. Жаков, занимались популяризацией и идеализацией народных традиций. Первым успехом в деле популяризации культурной архаики стала работа Владимира Солоухина «Черные доски (записки начинающего коллекционера)», публикация которой в 1969 г. породила бум общественного интереса к народной эстетике. И этот интерес был вызван не только возникшей модой на старину, но явился и формой культурного протеста. Деревенская проза идеализировала крестьянский быт и народную эстетику и прямо противо-

поставляла некий «золотой век» северного крестьянства образу советской колхозной деревни. Творчество писателей-деревенщиков, как и литературное творчество К.Ф. Жакова, можно считать своеобразным плачем по утраченной гармонии сельской жизни [1]. Именно эти произведения и проповедуемые в них идеи стали впоследствии стимулом к тому, чтобы советские литераторы в национальных республиках превратились в активных сторонников и пропагандистов «этнического ренессанса» конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Литература

1. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004.
2. Роцевская Л.П. Коми ученый К.Ф. Жаков. Сыктывкар, 2003.
3. Рубцова М.А. Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения Русского севера» (1909–1917) // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.

3.2. Творчество К.Ф. Жакова как опыт построения синтетической модели культурно-национальной идентичности народа коми (зырян)

На фоне дезинтеграционных процессов рубежа XIX – XX вв., затронувших как личность отдельного человека, так и такого коллективного субъекта, как нация, глубинная «романтическая тема» российского гуманитарного дискурса, а именно – вопрос о самоидентификации, звучала особенно остро. В исторической науке, философской мысли, художественной литературе и изобразительном искусстве лейтмотивом проводилась идея о том, что «денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим *колодцам* духа и к священным *огням* жизни; ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны» [11, с. 236]. У инородческих народов страны интенсивность культурно-идентификационных процессов также значительно возросла в первые десятилетия XX столетия, что было связано с ментальными установками русского Модерна. Это демонстри-

рует творчество коми философа, ученого, писателя Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926).

Среди направлений творчества, а также и конкретных работ Жакова, на основании интерпретации которых возможно выявить модель культурно-национальной идентичности коми (зырян), выделим следующие: (а) философское учение – теория переменного и предела (лимитизм) [7]; (б) научные исследования – «Этнологический очерк зырян» [10]; (в) литературное наследие: проза – автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни» [9], реалистические рассказы, новеллы; поэзия – стихотворный цикл «Песни и думы Пама-Бурморта» [8], авторский эпос «Биармия» [6].

В идентификационных процессах выделяют три основные стадии. На стадии этнодифференциации происходит осознание особенностей своей общности, различий «своих» и «чужих»: определяется этноним, мифологизируется прошлое, территория, язык, культура, религия. На стадии выработки авто- и гетеростереотипов складывается представление о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности. Третья стадия, состоящая в формулировании национального идеала, объединяя предыдущие, включает в себя не только оценку своего народа, но и представление о его социально-исторических задачах, предназначении, господствующих в его мировоззрении ценностных ориентациях [3, с. 146-166]. Мы полагаем, что Жаков в (а) философском, (б) научном и (в) художественном творчестве осуществил уникальный опыт построения синтетической (многоуровневой) модели культурно-национальной идентичности, объединяющей три вышеназванные идентификационные фазы. Соединяя в одном лице философа, ученого, и художника, декларируя в литературных произведениях и общественной деятельности свое мировоззрение, выраженное в лимитивной философии, Жаков содержательно наполнял когнитивно-семиотическую, ценностную и поведенческую структуры культурно-национальной идентичности своего народа, создавал «зырянский текст».

Следуя логике М.М. Бахтина, подчеркивающего, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом» [1, с. 354], отметим, что «зырянский текст» Жакова выстраивается на границе двух культурных миров: коми-зырянского и русского. Мыслитель совместил в авторской позиции и позицию наблюдателя

культуры, и ее носителя. Будучи коми-зырянским «по крови» и по первичной инкультурации, в литературных произведениях Жаков раскрывает коми тему «изнутри», «с точки зрения самого народа» [13, с. 13]. Обратим внимание на то, художественно заявляя о собственной комиэтничности, он получает возможность сделать это только потому, что сам является не только «коми мортом», но и «кыла мортом». Подчеркнем: труды Жакова интериоризируют идеационные основания интеллектуально-художественного творчества Серебряного века, одним из основных направлений которого стал символизм. Можно предположить, что созданная мыслителем синтетическая модель идентичности была обусловлена использованием культурного кода, подготовленного развитием символизма.

Процесс идентификации выстраивается как установление «Я» автора, а через нее и культуры, к которой он «генетически» принадлежит. Выявление персональной идентификационной стратегии мыслителя, на наш взгляд, возможно через соотнесение характерологических черт его личности и событий жизни с личностью символиста, философа и поэта Андрея Белого. Образ Каллистрата Жакова, созданный в художественной автобиографии «Сквозь строй жизни», сопоставим с образом «раздвоенного» Белого. Так, характеризуя одну из жизненных ситуаций, коми мыслитель обозначает свое положение как нахождение «между двух стульев» [9, с. 196]. «Разрыв» не только является лейтмотивом повествования, но и определяет онтологию и феноменологию персональной идентичности. Его жизненный путь – постоянный поиск своего места в мире. Свидетельством поисков своего «Я» выступает и многогранность научных интересов, представленных исследованиями в области лингвистики, литературоведения, фольклористики, этнографии, логики, педагогики, философии, общей истории и теории искусства, математики, астрономии, антропологии.

Основополагающими для теоретиков русского символизма стали взаимосвязанные понятия «теургии», «жизнетворчества», «личности – творца». Теургия в символизме понимается как творческая реализация человеком божественного начала, или деятельное уподобление себя Богу-Творцу. Как пишет Белый, «творчество ведет нас к богоявлению» [2, с. 97].

«Жизнетворчество», являясь декларируемой символистами целью, подразумевает созидание реальности в соответствии с

предельными идеалами божественных Истины, Добра и Красоты. «Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь», – с этим лозунгом В. Брюсова в разное время солидаризировались и другие представители творческой интеллигенции Серебряного века. Сходным образом излагает свои мысли Жаков: «моя жизнь есть новое творчество, и мое творчество – новая жизнь» [9, с. 33]. Он понимает жизнь как искусство, преображающее действительность.

Символизм видел свою эпоху рубежом, когда необходимо разорвать механический строй жизни, задать культурно-духовную перспективу развития человечества, что возможно сделать только человеку сильному и творческому. В новеллистике Жаков создает образы сильных личностей: это и его дядя – Нялай; и Нешатаев из «Иньвенских былей», и Степан из рассказа «Удалец и музыкант Степан Васильевич»; и Пам из «Жизни Пама Бур-Морта» и др. Подчеркивая, что через творчество дает людям «идею сильной личности, превозмогающей все преграды, любовь к познанию природы и духа, преодоление «трагедии познания» мечтою, своеобразие творчества северянина, творящего «из себя» мир», Жаков и себя позиционирует как сильную личность. Он заявляет, что выступает «первой ласточкой в проявлении себя новых народов» [10, с. 255].

Программная для символизма мысль о последней цели культуры – пересоздании человечества – есть и у Жакова. Дабы преодолеть все «недуги мира», он призывает идти к сверхчеловеку, возделывает этого человека в себе [9, с. 105]. В лимитивной философии был определен вектор «пути» к «богочеловечеству» [7, с. 95]. Центральное понятие философской концепции лимитизма – «Потенциал». Потенциал – это то, что «объединяет, что может быть и пространством, и временем, и энергией, и духом», это «единое – возможность всяческого». Потенциал – «сердце мира Благо»; это – «красота», «воля», «энергия», «вечный порыв творчества» [7]. «Потенциалом» Жаков называет то, что понимали под Великим Первосимволом символисты. Лимитизм – это «здание мировоззрения», позволяющее автору укрыться там «от непогоды жизни, от бури и дождя» [9, с. 255]; это попытка создания «цельного мировоззрения», «арелигиозной религии», о которых рассуждали теоретики символизма. Несмотря на то, что Жаков не называет себя символистом, анализ лимитизма, идеи которого, помимо собственно философских трудов, представлены и в поэзии, и в прозе, позволяет утверждать обратное.

Название автобиографического романа – «Сквозь строй жизни» – также артикулирует намерение автора пробиться сквозь эмпирику и открыть Дух, внеположенный земному бытию. Эти идеи писатель кодирует, говоря о том, что создаст «поэму солнца «Золотой». «Светлозарной» и «огнистой» «поэмой солнца» является автобиография писателя. Солнечные лучи буквально пронизывают произведение: солнце восходит; солнце скатывается с неба; в Устюге – солнце; в Вологде – солнце; в Киеве – мысли о солнце; Чита – город, залитый солнечными лучами. Но «солнце» не только реальное небесное тело, являющееся «декорацией» в чередовании дней и ночей; «солнце» – символ, обозначивший в его жизни «поворотный пункт, солноборот» [9, с. 50]. «Солнечная тема» представлена также в поэтическом творчестве, в теоретических работах, в художественной практике русских символистов. Ярким примером «солнечной темы» в символизме является, например, «аргонавтический миф», одним из создателей которого был Белый.

Основным способом идентификации народа является выработка и усвоение мифов – этногенетических и/или этноисторических. Как полагает В.А. Шнирельман, особую ценность в идентификационных процессах имеет то прошлое, которым можно гордиться без всяких оговорок, когда народ был свободен и независим, в оптимальном варианте имел свою древнюю государственность. Это приводит к понятию золотого века. Древние, «исконные предки», жившие в те далекие времена, выступают как носители «первокультуры», т.е. «чистой» истинной культурной традиции, являются моральным эталоном [14, с. 6]. Миф о происхождении играет интегрирующую роль в создании и поддержании коллективной идентичности. Именно в этом контексте следует рассматривать эпос Жакова – «Биармию».

«Лесной человек»/Жаков, не единожды заявляя о долге перед «лесным народом», словно исполняет свою «миссию». Он осуществляет ее не только посредством распространения «культурного блага» (лимитизма), но и через фиксацию в письменном слове коми сказаний, оберегая их от забвения. Можно предположить, что если бы иначе сложилась судьба самого автора и по-другому стали протекать политические процессы в царской и советской России, «оплотненная» в «Биармии» мифологизированная история коми народа могла бы сыграть заметную роль в культурно-идентификационных процессах – такую же, какую имела «Калевала» Э. Лённрота для формирования финской идентичности.

Каллистрат Жаков – пионер идентификационных исканий своего народа, каким был для России, например, П.Я. Чаадаев. В «Первом философическом письме» русский философ констатирует кризис российской идентичности и, с одной стороны, конструирует одну из разновидностей «негативной» идентичности, а с другой – положительный проект-идеал российской самости. И Жаков также синтетически переплавляет воедино два варианта идентификации: негативный – преимущественно в научных трудах, позитивный (с некоторыми элементами негативного) – в художественном творчестве. Так, например, в «Этнологическом очерке зырян», подвергая критике дикие нравы земляков, коми мыслитель пишет, что «у зырян нет никакого самосознания», «нет ничего стойкого, определенного» в том числе и в общественной жизни [10, с. 334]. Причины такого положения объясняются разными факторами. Создание позитивной культурной идентичности разворачивается в литературном творчестве. Обращает на себя внимание то, что, несмотря на фиксацию многих «недостатков» у коми-зырян начала XX в., в художественных текстах «темную краску» заглушает другая – «светлозарная».

Историософия Жакова представлена в рассуждениях о «новых» и «старых», «юных» и «умирающих» народах. Коми-зыряне кажутся «более юными, чем малороссы или русские» [10, с. 340], они – «дети Пармы», «первобытные дети». Он предупреждает, что следствием истребления «патриархальных, незлобных, «неисторических» народов», к которым относятся и коми-зыряне, является «погибель сердцу земли» [9, с. 39, 57, 150]. Согласно мыслителю, контакты «первобытной» коми культуры с динамичной культурой современности должны закончиться тем же, чем, как предполагал западник А.И. Герцен, закончится встреча-столкновение двух миров – русского и западного, «одного, идущего из леса в историю, другого – из истории в гроб» [5, с. 168]. И в таких обстоятельствах культура коми-зырян приобретает аффирмативную окраску.

Анализируя народную культуру в «Этнологическом очерке зырян», живописуя ее в художественных произведениях, Жаков демонстрирует пример синтетического соединения наукообразного, логического познания с тем познанием, которое определялось славянофилами, как познание высшее, жизненное, так называемое «живое знание». Через очевидное Жаков ведет своего читателя к тому, что постигаемо только сердцем, тем самым не просто документируя свою культуру, не

отражая ее как в зеркале, но создавая ее образ и посредством такого выстраивая идентификационный вектор.

В статье «Национальный вопрос» С.К. Маковский констатировал: «незрелость национального самосознания привела нас к нелепой антитезе»: или Россия – или Европа. Однако «наши крылья – та живая культурная идея, которая еще так плохо понята, идея, соединяющая «Россию и Запад», идея новой России, благоговейной к своим старым корням, потому что они создали ее прошлое и еще питают великую темную душу народа, и – России, устремленной к будущему, приобщившейся к культурному строительству Европы – «нашей второй родины», как говорит Достоевский» [12, с. 134-136]. Этот «окрыленный национализм», согласно мнению Маковского, должен выразиться особенно в области искусства, в так называемом «русском европейце», который чужд как «бессильной «западобоязни», так и бессильному «западничеству». Об этом говорит и М. Волошин: «Да, русский художник тем больше становится русским художником, чем больше сокровищ Запада несет он в своей душе, чем больше воплощается он во француза XVIII в., испанца XVI в. или итальянца – XV-го» [4, с. 270].

Так происходит и в многогранном творчестве Жакова, который раскрывается перед аудиторией еще больше как коми-зырянский писатель (как Homo Nationalis) оттого, что стал, в первую очередь, российским писателем, самобытным представителем русского символизма. Но не только... Коми философ, ученый и писатель Каллистрат Фалалеевич Жаков, следуя выбранной идентификационной стратегии, осуществил опыт построения синтетической модели коми культурно-национальной идентичности. Изучая свой народ в этнографических экспедициях, он документировал те проблемы и «разрывы», которые наличествовали в его культуре, т.е. фиксировал негативную идентичность. Художественно повествуя о коми-зырянах, он, напротив, конструировал позитивную идентичность, делая ее центральной темой формирующегося «зырянского текста», отразившего процесс вхождения культуры коми в мировую и русскую культуру.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. / вступ. ст., сост. А.Л. Казин. М.: Искусство, 1994. 478 с.
3. Волгогонова О.Д., Татаренко И.В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. Т. 10. № 2. С. 146-166.
4. Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с.
5. Герцен А.И. Концы и начала: письмо пятое // А.И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862-1863 гг. / ред. В.П. Волгин. М.: АН СССР, 1959. С.167-172.
6. Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос / сост., предисл., коммент. А.К. Микушева, пер. на коми М.А. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 312 с.
7. Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философии и религии: избранные главы // Арт. 2001. № 3. С. 86-95.
8. Жаков К.Ф. Песни и думы Пама Бур-Морта // Жаков К.Ф. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб.: Типография училища глухонемых, 1905. С. 149-164.
9. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 314-353.
10. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 384 с.
11. Ильин И.А. О национализме // И.А. Ильин. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 233-246.
12. Маковский С.К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. 383 с.
13. Микушев А.К. О Каллистрате Жакове // Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни: роман / Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 4-18.
14. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3-14.

3.3. П. Сорокин и К. Жаков о проблеме перехода коми народа (зырян) от традиционного общества к современности

П. Сорокин и К. Жаков, их судьбы и научное наследие часто становились объектами сравнения в отечественной гуманитарной науке [3, 4, 6]. Исследователи биографий обоих ученых давно отметили схожесть их социального восхождения по статусной лестнице – от деревенских парней до профессорской позиции, что в то время было значительной редкостью для выходцев из среды нерусских народов. Жизненные пути К. Жакова и П. Сорокина пересеклись в Петербурге на почве образования и науки, где они встретились в ролевом взаимодействии как профессор и студент, учитель и ученик. П. Сорокин вместе с К. Жаковым многие годы в Петербурге находились в тесном общении, совершили ряд научных экспедиций в Коми край, во время которых изучали экономику, социальную жизнь и народную культуру местного зырянского населения. Вероятно, во время совместных исследований, а также в товарищеских беседах, на организуемых К. Жаковым вечерах в его доме, проявилась схожесть их взглядов на многие научные и мировоззренческие проблемы. Есть мнение, что лимитизм К. Жакова идейно подтолкнул П. Сорокина к развитию его социально-философской системы – интегрализму [10, с. 42].

К. Жаков вырос в зырянской семье и зырянском окружении, так что русская культура до определенного времени была для него внешней, в детстве он ощущал «племенную границу» между зырянским и русским миром, отличительным маркером которых был язык. П. Сорокин вырос на пограничье русского и зырянского миров, мать его была зырянка, отец русский, из Великого Устюга. С раннего детства П. Сорокин хорошо владел и русским, и коми языком.

По мере взросления, обучения и становления как ученого, К. Жаков все глубже осознавал себя зырянином. Несмотря на то, что все свои труды он создавал на русском языке, у него всегда сохранялось чувство принадлежности к «первобытным народам», и это проявлялось в большей части его творчества. Поэтому, в конечном счете, К. Жаков вошел в историю как коми писатель и философ. У П. Сорокина же зырянская идентичность со временем слабела, а по мере того, как он менял страны и гражданство (с российского на американское), у него были все

основания ощущать себя «гражданином мира». В результате за П. Сорокиным прочно закрепился статус российско-американского ученого-социолога. Разницей в идентичностях мы можем объяснить и остроту восприятия проблем коми народа для К. Жакова и П. Сорокина: все, что относилось к коми народу, для Жакова было не просто близким – в отличие от П. Сорокина, он не отделял себя от зырян и их судьбы.

К. Жаков и П. Сорокин жили во время грандиозных общественных перемен: Россия вступала в эпоху индустриального общества, развивалась промышленность, строились железные дороги, массы крестьян шли на заводы и фабрики, отрываясь от земли и общинных отношений. Культура нового индустриального общества проникала во все сферы, заставляла задумываться ученых и общественных деятелей о путях развития российского общества. Молодой П. Сорокин, будучи студентом Психоневрологического института и затем Санкт-Петербургского университета, изучал труды Н.К. Михайловского, своих учителей – М.М. Ковалевского, Де-Роберти, а также Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. Все эти авторы как социологи были вовлечены в исследование актуальных проблем Нового времени с его специфическими вопросами теории эволюции, научного и общественного прогресса. Проникая в мир социологии, П. Сорокин особенно заинтересовался проблемами социального прогресса, его критериями, вопросами гармонии общественной жизни. Целый ряд статей и рефератов он посвящает этим темам, глубоко в них проникает, и предстает в этот период как сторонник идеи прогрессивного движения общества, разделяющий утверждение: «Прогресс есть эволюция, направленная от того, что люди называют “удшим”, к тому, что люди называют “лучшим”» [8, с.170].

Будучи еще студентом П. Сорокин, пишет свою этнографическую работу «Современные зыряне» (1911), которая явилась результатом его собственных экспедиционных исследований и проблемно перекликалась с «Этнологическим очерком зырян» (1901) К. Жакова. Статья «Современные зыряне», помимо того, что автор в ней описывал традиционную жизнь зырян, их жилище, одежду, еду, имела и другую задачу – показать, как меняется жизнь зырян в переходную эпоху. Отмечая, что «переходная эпоха» у зырян отражается во всем – в строительстве новых домов, в одежде, в поведении, – П. Сорокин высоко оценивал такое качество коми народа, как «особую переимчивость», что, по мнению автора, способствовало усвоению зырянским населением новых образцов жизни.

Широко известна авторская характеристика коми-зырян как «народа даровитого, легко обучающегося грамоте, легко перенимающего то, что ему понравится, и с особой склонностью к практике» [9, с. 247].

Мимоходом замечая, что зыряне «переживают духовный кризис», П. Сорокин уделяет больше внимания тому факту, что «зыряне вступают в эпоху экономического кризиса». Знаки экономического кризиса автор видит, в частности, в падении роли большинства промыслов (охоты, лесного промысла и т.д.), в отсутствии прогресса в технике земледелия. Выходом из этого состояния, по мнению П. Сорокина, был бы переход к более интенсивным формам земледелия или открытия новых видов промыслов, или «и в том, и в другом» [9, с. 248].

Для преодоления трудностей перехода к новым экономическим условиям П. Сорокин перечисляет желательные формы современного экономического развития: интенсивная обработка земли с помощью агрономических знаний, развитие кооперативов, строительство заводов. В заключении своего очерка он делает довольно оптимистический вывод: «Все это, вместе с главным и единственным фактором всякого прогресса – с развитием знаний, поможет довольно легко и безболезненно пережить кризис и создать более высокие и лучшие формы общежития и вообще жизни» [9, с. 249].

Социальный оптимизм, вера в неизбежный прогресс человечества, то, что составляло личностную картину мира молодого П. Сорокина – все это еще не было поколеблено суровыми и жестокими испытаниями революционной эпохи начала XX в., не было перестроено им в соответствии с переосмыслением исторических событий. Иными словами, в 1911 г. молодой П. Сорокин не видел особых трудностей для зырян, чтобы вписаться в современный промышленный мир. Конечно, утверждал он, духовный и экономический кризис у зырян в связи с приходом новой эпохи наступил, но то, что он временный и преодолимый, сомнений у социолога не было.

На склоне лет, в своей автобиографической книге «Долгий путь» ученый вновь вернулся к образу коми-зырянского народа. Здесь коми народ фигурирует не как объект исследования, а как элемент той социально-культурной среды, в которой П. Сорокин вырос. По свидетельствам автора, эта социальная среда была неотделима от природы, люди жили среди первозданных лесов, занимались сельским хозяйством, охотой, рыбной ловлей, сбором ягод. Близость к природе была во всем: в основных занятиях, в жизненных циклах, повторяющих природные циклы,

воплощалась в праздниках, верованиях, эстетической культуре. Особенность краю придавало отсутствие на этих землях когда-либо крепостного права, что развивало, по мысли автора, в народе чувство свободы, инициативу, творчество. По воспоминаниям П. Сорокина, в общественной жизни зырян не было крупных социальных конфликтов, так как не было сильного имущественного расслоения.

Этому социальному состоянию соответствовали культурные нормы и традиции. В «Долгом пути» автор рисует картину полной социальной гармонии, веротерпимости: «На протяжении всей моей жизни среди коми народа я не припомню хотя бы одного случая религиозной нетерпимости или гонений за веру» [7, с.12]. По воспоминаниям П. Сорокина, «коми народ обладал замечательной эстетической культурой, которая обогащала и облагораживала души этих людей» [7, с. 14].

Нетрудно заметить, что П. Сорокин описывает традиционное общество или общину (гемайншафт) по Ф. Теннису (сам П. Сорокин использует этот термин в тексте), с присущими этому обществу ценностью личных и родственных отношений, традиционными обычаями и верованиями, господством религиозных ценностей и главными социальными институтами – семьей, общиной. Можно даже сказать, что эта социокультурная картина скорее вписывается автором в социологический шаблон гемайншафт, настолько автор пунктуально затрагивает значимые характеристики традиционного общества. Между тем, больше ничего не свидетельствует о том, что П. Сорокин рассматривает зырян в состоянии транзита от традиционного общества к современному, скорее образ этого общества в автобиографическом романе окутан романтическим облаком воспоминаний детства, которое всегда видится более идилличным на склоне лет. Современная же цивилизация оценивается автором по отношению к традиционной социокультурной среде как разрушительная, но неизбежная: «Я счастлив, что имел возможность жить и расти в этой природной стихии до того, как ее разрушили индустриализация и урбанизация» [7, с. 10]. Однако Сорокин не проникает в проблему глубже, чем выражение простого сожаления по поводу разрушения деревенской идиллии современностью.

У К. Жакова весь его жизненный опыт, его художественное восприятие зырянской жизни и глубокая психологическая вовлеченность в жизнь этноса способствуют формированию другого, не эволюционного подхода в исследовании коми народа и его судьбы. В «Этнологическом очерке зырян» этот

подход сугубо этнологический, скорее используемый в психологической или в исторической этнологии. Свой очерк К. Жаков сразу же начинает с тех факторов, которые, по его мнению, наложили главный отпечаток на весь психический облик народа – «однолинейность» жизни, редкие поселения вдоль крупных рек, отдаленность края от центров промышленного развития, окруженность его нескончаемыми лесами, суровый климат. Все это, по мысли автора, вырабатывает особенные черты в характере коми народа и определяет «неразвитость», скорее, отсутствие какой-либо общественной жизни. Основные виды занятий – охота, рыболовство, промыслы и сельскохозяйственный труд; ими живут поколения зырян, сменяя друг друга. «Эта жизнь ничего не создает ни в науке, ни в поэзии, ни в промышленности – здесь живет ровный, умный народ, уклонения невозможны...» [1, с. 315]. Но, несмотря на неразвитость общественной жизни, сама жизнь гармонична, поскольку уравнивается своеобразным мистицизмом зырян, «обязанного своим развитием лесу и охоте». Этот мистицизм, считает автор, примиряет народ с «однолинейностью» жизни, являясь основой духовной культуры.

К. Жаков пытается объяснить основные и наиболее яркие характеристики зырянского народа через обращение к природным и географическим факторам, что не соответствует социологической методологии того времени. В обращении к синтезу природы и психологии народа, климата и типа характера, традиционных промыслов и личностных характеристик обнаруживается типичное для исторической этнологии воссоздание «этнической картины мира». Этническая картина мира представляет собой «особым образом структурированное представление о мироздании, характерное для членов того или иного этноса, которое, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре данного народа» [5, с. 58]. Культура, в соответствии с принципами исторической этнологии, в совокупности всех своих элементов вырабатывает адапционно-деятельностную модель этноса, в рамках которой каждый человек чувствует свою психологическую защищенность и адаптируется к изменениям внешней среды.

Именно кризис этой «картины мира» зырян, или духовный кризис, привнесенный промышленным развитием и вторжением индустриальной культуры, приводит, по мнению Жакова, к нарушению гармонии народной жизни и неспособности зырян к

социальной адаптации. Привычное двоеверие, которое присутствовало у старшего поколения, разрушается: «Деды были звероловы, колдуны, мистики, певцы. Внуки – рабочие у лесопромышленников, дровосеки пермских заводов, в их душе мало мистицизма и совсем нет поэзии» [1, с. 347]. Между человеком и природой пропадает гармония, что приводит к потере смысла существования. «Волны, идущие от центра к окраинам, волны промышленности изменили жизнь на севере» [1, с. 347], новые ценности пришли в среду коми народа – богатство и сила, «народ стал материалист», – делает неутешительный вывод К. Жаков. «Что будет далее с зырянами, когда у них поредеют леса, упадет охота, обмелеют реки, рыбы, напуганные пароходом, уйдут в море, заводы и фабрики замедлят появиться в этих краях, что будет с ними, живущими вдали от правосудия и центров умственной жизни?» [1, с. 349], – задает автор вопрос и не знает ответа.

Итак, традиционное общество зырян гармонично до тех пор, пока соблюдается связь человека с природой, что особым образом закрепляется в традициях, мистицизме народа и во всем его образе жизни. Промышленность, индустриальная культура несут разрушение природной среды и одновременно разрушение «картины мира» народа. Основание вселенской грусти К. Жакова в том, что современность отвергает традицию как феномен отжившего общества, не вписывающуюся в теорию прогрессивно-стадиального развития. В результате остается «...запутанное мировоззрение безграмотного человека, унаследовавшего от предков традиции, противоречащие принципам современной жизни» [1, с. 351]. Недаром с особой грустью в своей более поздней автобиографической книге, как бы полемизируя со сторонниками эволюционного подхода, Жаков использует их же понятие «неисторические народы».

Проникновение в традиционную жизнь зырян русской городской (индустриальной) культуры, по мнению К. Жакова, ставит очевидной и проблему культурного отставания Коми края: «Как несчастна, малокультурна зырянская среда. Интеллигенции у нас нет, чиновники или ограниченные люди, или карьеристы, от них кроме стеснений, не жди ничего», – восклицает К. Жаков в книге «Сквозь строй жизни» [2, с. 151]. Выход К. Жаков видит в том, чтобы или «расселить» зырян по лесам «ибо тесно им в селах», либо «начать издание русско-зырянской газеты, или организовать культурных работников из учащейся зырянской молодежи» [2, с. 151]. Вообще, К. Жаков страстно стремится конкретными делами помочь «новым»

народам преодолеть этот всеобъемлющий кризис: «Так и теперь не успокоюсь я, пока в философии не достигну своего земного предела, пока не устрою что-нибудь для инородцев России...» [2, с. 161].

Таким образом, по мысли К. Жакова, бедствием является тот факт, что приходит современность, и бедствие то, что традиционные народы не успевают за современностью, проявляя социальную и культурную пассивность. Это становится для ученого тягостным, неразрешимым противоречием, что удивительным образом перекликается с противоречивостью всей его жизни.

Самая трудно структурируемая часть рассуждений К. Жакова в автобиографическом романе, которая особенно интересует нас в рамках заявленной темы, относится к образу будущего коми народа и других «первобытных» народов. Чувство неразделимости личной судьбы и судьбы народа, которое переживает К. Жаков, создает нагромождение мыслей-переживаний: здесь все слито воедино – и объективность логической нити и субъективность лирических отступлений. Несомненно то, что для К. Жакова «новые», «первобытные народы», их традиционная культура самоценна, поскольку они, эти народы, знают «великую простоту законов природы», которую забывают цивилизованные народы. «Европейцы! – некогда скажу я перед смертью, – одумайтесь, не истребляйте патриархальных, незлобных, «неисторических» народов! Иначе – погибель сердцу земли!» [2, с. 150]. «Первобытные люди – источник жизни грядущей...» [2, с. 284]. «И первобытные народы узнают силу свою и противопоставят книжной учености тех, кто сидит над бумагами, не ими исписанными, живую мудрость и знание природы...» [2, с. 285]. И хотя в рассуждениях К. Жакова больше эмоций и интеллектуальных озарений, чем строгой доказательности, мысли о ценности традиционной культуры для современного общества так часто присутствуют в его произведениях, что можно говорить об этом как идейном постулате в его мировоззрении.

«Посыл в будущее» К. Жакова очень символичен и актуален сегодня. К. Жаков не мог предвидеть, что сама постановка вопроса о судьбе традиционных культур «неисторических» народов удивительно по-новому найдет отклик в постиндустриальном обществе. Постиндустриальная эпоха (постмодернизм), которая начала свое наступление в середине XX в., выдвинула на первый план множественные идентичности (этнические, культурные, религиозные), требование

толерантности ко всем культурам и уважения ко всякой самобытности. Сегодня, когда мир находится в глобальном экологическом кризисе, особенно ценным становится знание традиционное, в котором не потеряна связь с природой. Интерес к традиции буквально пронизывает культуру, науку, искусство, что способствует расцвету этнофутуризма в искусстве, стиля «фэнтези» в литературе (кстати, по мнению исследователей творчества К. Жакова, он уже применял этот стиль в своих философских сказках). Именно сейчас очень по-современному и даже провидчески звучит мысль К. Жакова, что в культуре «первобытных народов» – будущее человечества.

Согласно чешскому ученому-историку М. Хроху, современность приходит к народам в виде появления собственной интеллектуальной элиты (писатели, поэты, ученые), которая через осознание народной культуры формирует идеи идентичности для всей этнической группы [11]. П. Сорокин и К. Жаков – это еще и единичные, образованные представители коми народа, которые, привлекая внимание российской публики к его языку, культуре, традициям, так или иначе способствовали общественному осознанию культурной отличительности зырян, а значит, и самоидентификации самого народа.

Таким образом, и П. Сорокин, и К. Жаков выделяли проблему перехода коми-зырянского народа из традиционной стадии в современную. Русская индустриальная культура несла с собой новые веяния, и мир зырян менялся, привнося внутренний конфликт. Сорокин рассматривал этот конфликт в парадигме социологического эволюционизма, как неизбежный переходный этап, необходимый для вступления в индустриально развитый мир. В отличие от П. Сорокина, К. Жаков видел «первобытные народы» как целостные культуры, которые проигрывают цивилизованным народам в борьбе за будущее и сталкиваются с огромными вызовами в процессе трансформации традиционного общества в современность.

Разделяя так же, как и П. Сорокин, понимание неизбежности прихода новой социальной эры, К. Жаков ставил вопрос о духовном кризисе коми-зырян в процессе перехода от традиционного общества к современности, иными словами, о кризисе традиционной «картины мира», разрушении адаптационно-деятельностной модели этничности. В его творчестве современность воспринималась как опасная и разрушительная тенденция, приводящая к духовному кризису народа и к внутренне конфликтному осознанию будущего.

К. Жаков является тем представителем интеллигенции из народа, который пытается донести для внешнего мира (российского, в частности) ценность традиционной культуры коми-зырян, тем самым объективно осуществляя важную задачу формирования культурной идентичности, создания образа целостности и уникальности этой культуры. Он поставил проблему «перехода» как проблему не только экономической, но и ценностно-духовной адаптации коми-зырянского народа к глобальным процессам мирового развития. Трансформируясь в современные социально-политические практики, эта тема не потеряла актуальности до сих пор.

Своеобразным «посылом в будущее» об опасности исчезновения традиционных культур для духовной сферы всего человечества, К. Жаков предвосхитил тренд ревитализации традиционной культуры в постсовременности.

Литература

1. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Жаков К. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 314-351.
2. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 384 с.
3. Котылев А.Ю. Титаны переходной эпохи: сравнительно-культурологический анализ автобиографий К.Ф. Жакова и П.А. Сорокина // Историческое произведение как феномен культуры: Сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 108-168.
4. Котылев А.Ю. Два образа Коми края в произведениях К.Ф. Жакова и П.А. Сорокина // Наследие. 2012. № 2. С. 89-96.
5. Лурье С.В. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
6. Рубанов Б.Л. Философия лимитизма К.Ф. Жакова. К вопросу об истоках социологии П.А. Сорокина // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 109-118.
7. Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман: Пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.
8. Сорокин П.А. К вопросу об эволюции и прогрессе // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910 – 1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С.148-170.
9. Сорокин П.А. Современные зыряне // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910 – 1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 204-249.
10. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма. СПб.: Астерион, 2015. 160 с.

11. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Пер. с англ. М.: Праксис, 2002. С. 121-145.

3.4. Роль этнического бессознательного в творчестве поэтов Урало-Поволжья начала XX в.

Этническое бессознательное, как определяют специалисты, является частью бессознательного сегмента психики индивида, сближая с другими членами его культурной общины. Оно состоит из материала, который каждое новое поколение учится репрессировать в соответствии с требованиями преобладающих культурных образцов. В этническом бессознательном, по утверждению С.В. Лурье, «должны быть заложены механизмы, поддерживающие внутреннюю целостность этнической картины мира, подобно как индивидуальные защитные механизмы сохраняют целостность психики отдельного человека» [2, с. 279-281]. Защитные механизмы этноса направлены прежде всего на преодоление внешней угрозы. Для этого угроза должна быть маркирована и вписана в иерархию бытия. Точно так же в иерархию бытия (в ритуал, обряд, литературу) вписывается способ защиты от внешней угрозы. В произведениях национальных писателей с сильно выраженным этническим бессознательным в той или иной степени должна быть маркирована угроза для функционирования этноса и форма ее преодоления. При этом не столь важно, маркируется реальная или же только мифическая угроза, адекватны ли защитные действия, способны ли они в действительности устранить угрозы. Важнее сам факт маркировки и осознание того, что какие-то действия способны угрозу предотвратить [2, с. 288].

Модель работы специфических защитных механизмов русского этноса С.В. Лурье иллюстрирует на примере «Казачьей колыбельной песни» М. Лермонтова. Как известно, в казачьей среде с малых лет воспитывали будущих воинов, готовых защитить границы Российской империи. На фоне многолетней Кавказской войны в данном произведении М. Лермонтова моделированы действия будущего солдата русской армии. В первой строфе создается общая тревожность и опасность конкретизируется: «По камням струится Терек, / Плещет мутный

вал; / Злой чечен ползет на берег, / Точит свой кинжал». Далее указывается средство защиты от опасности и угроза психологически снимается: «Но отец твой старый воин; / Закален в бою; / Спи, малютка, будь спокоен, / Баюшки-баю». В конце песни стереотип поведения закрепляется и задается алгоритм действия: «Сам узнаешь, будет время, / Бранное житье; / Смело вденешь ногу в стремя / И возьмешь ружье».

В период интенсивного развития капиталистических отношений и формирования в сознании интеллигенции малочисленных народов Российской империи новой концепции этнической идентичности складывались определенные связанные представления о национальном бытии, которые выражались через философию, идеологию, художественную литературу и т.п. Следует отметить, что именно в эти годы коми поэт, прозаик и философ-мыслитель К. Жаков занялся разработкой своей философской концепции лимитизма. Он, как отмечают исследователи его творчества, вслед за Ницше одним из первых обратился к подсознательным творческим импульсам, идущим из вневременных глубин, как к источнику для создания новой культуры. Коми творец не только прорывался к тому бессознательному, что формировало его личность, но и «сознательно строил ее, свой духовный мир, истово мечтая, как и Ницше, стать провозвестником нового, гармоничного человека» [1, с. 39]. Но его мысли и идеи не доходили до основной массы коми народа (очевидно, идеология сама по себе, без особой формы внедрения в сознание и подсознание людей не имеет действенной силы), поэтому выработанная им национальная идеология оставалась нереализованной. В те годы в Коми крае не было национальной системы образования, не издавались книги и газеты на языках нерусских народов, подобно в Поволжье, что тоже сказалось весьма отрицательно на развитие культуры данных народов. К сожалению, гениальные творения и других художников слова коми народа (И. Куратова, П. Сорокина) также не могли вовремя доходить до своих единоплеменников и пробуждать в их сознании чувства этнической консолидации. Становясь гражданами мира, эти гениальные люди вольно или невольно отрывались от своих национальных корней, скитались по миру, страдали от тоски по родному краю. Очевидно, такая судьба более всего типична для жителей Великой Пармы и она не способствует организованному этническому единению. Но парадокс в том, что через определенное время эти трагические фигуры становятся яркими символами и этническими маркерами нации.

В Поволжье была иная ситуация. После издания произведения Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет» (1904) в татарском обществе резко актуализировалась проблема выработки национальной идеологии, направленной против *инкыйраз* (исчезновения нации). В те годы подобную необходимость осознала и чувашская творческая интеллигенция, которая реально занялась анализом и критикой действительности в плане общественно-национального обустройства, вырабатывала формулу национальной идеи (родной язык + национальная культура + образование) [4, с. 6-11]. Таким образом, народы Поволжья, прежде всего тюркские, подобно К. Жакову, разработали свои национальные идеологии, способствовавшие сохранению константных составляющих этносов. Главным их отличием было то, что поволжские творческие деятели смогли выработать модель работы специфических защитных механизмов своих этносов. Это наглядно можно показать на примере некоторых произведений Г. Тукая и К. Иванова (Кашкыра). В статье «Национальные чувства» (1906) Г. Тукай писал, что самой священной, самой первой обязанностью молодых татар является получение современного образования. Вот его поэтически изложенное определение слова «учение» в переводе В.С. Думаевой-Валиевой: «Учение – самое острое, самое нужное оружие для победы правды над ложью, света над тьмой, чистоты над пороком. Учение означает оторвать мысль от земли и направить ее в небо. Учение означает направить мысль от того, что всего ближе к тебе, в будущее. Учение означает: пройдя прошлое, предрекать будущее, светлое будущее. Учение означает посвятить сегодняшние дни будущим дням, обратить решение сегодняшних задач на решение будущих задач. Учение – это расставание с сегодняшними друзьями для будущих черных дней. Учение – это признание себя достойным для того, чтобы познать все и достичь всех целей и быть султаном над всем миром» [6, с. 84]. Все возникающие в данном слове значения, по мнению поэта, должны относиться к служению родному народу.

Цель издания книги-хрестоматии «Новый кыйраат» (1910) Г. Тукай определял так: «... Усилить в ребенке любовь к отцу и матери. Затем... пробудить любовь к родному языку и литературе... Иметь в виду научить думать о жизни и природе и любить их... заинтересовать детей трудом, научить их старанию, получать удовольствие в труде» [6, с. 219]. В предисловии хрестоматии под названием «Уроки национальной литературы в школе» (1911) Г. Тукай особо выделил ряд своих произведений,

которые позволяли бы воспитать детей в правильном направлении: быть добрыми и чуткими душой, любить лишь возвышенное и прекрасное. Из них поэт называет и стихотворения «Родной язык» (1909) и «Родной аул» (1909), которые усиливают «чувство любви к отцу с матерью», прививают детям «любовь к родному языку» и к татарской новой литературе [5, с. 49].

Модель работы специфических защитных механизмов татарского этноса начала XX в. можно проиллюстрировать на образце стихотворения Г. Тукая «Колыбельная песня» («Бишек жыруы», 1909) в переводе В. Тушновой [7, с. 199]. В первой строфе задается алгоритм действия татарского малыша в будущем, т.е. извещается о его предписанной всевышним судьбе: «Баю-баю-баю, сын, / В медресе поедет сын, / Все науки превзойдет, / Всех ученых будет сын». Учеба и есть главное средство защиты от опасности, поэтому к ней татарин должен готовиться с малых лет. Данная мысль поэта формировалась, следует полагать, именно под влиянием этнического бессознательного татарского народа, оно осознавалось Г. Тукаем еще в 1905-1906 гг. Во второй строфе стихотворения описывается общая тревога будущего образованного сына татарского народа: он не может заснуть по ночам, он плачет день-деньской. Третья и четвертая строфы направлены на рассеивание тревожности ребёнка. Колыбельная песня и народные сказки на родном языке, а также безмерная любовь отца и матери, несомненно, успокаивают тревожного малыша. Завершающие колыбельную песню слова обращены больше всего к воспитателям будущих поколений: «Спи, усни, бесценный мой, / Лучше всех ты, мой родной, / У меня на всей земле / Нету радости иной!». Вывод автора стихотворения таков: только получение широкого образования позволит татарскому народу сохранить свою этническую идентичность, но для этого требуется и сердечная любовь родителей к своим детям, которая рассеивала бы их тревоги и беспокойства. Эти моделирующие специфические защитные механизмы стихотворения Г. Тукая татарские школьники изучали в школе, тем самым они с детства готовились быть защитниками родного этноса.

Определить этническое бессознательное в творчестве чувашского классика К. Иванова (Кашкыра) невозможно без оппозиции «свой – чужой». Чувашский традиционный чужой мир находится, как правило, за рекою, оврагом (мостом), в лесу и т.д. В этом горизонтальном мире свой освоенный мир

противопоставляется чужому, а своя земля и вода (*сёр-шые*) – чужой земле (*ютӓ сёр*). Следовательно, *ютӓ сын* – это человек, проживающий на чужой земле и в чужом сообществе (этническом > конфессиональном > социальном). Словосочетание *сичё ют* выделяет чуждость, прежде всего, по крови (чувашское родство продолжалось до седьмого колена, а дальше оно переходило в *ютӓ* «чужое») [3, с. 30].

В XIV–XVIII вв. *ютӓ* обозначало людей с чужим языком, культурой и конфессией и лишь после укрепления в чувашском обществе православия словосочетание *сичё ют* по содержанию сдвинулось в сторону родственных противопоставлений (*тӓван* – *сичё ют*), при этом былые значения сохранились на уровне этнического бессознательного. Замечательно, что в поэме К. Иванова (Кашкыра) «Хальхи самана» (Наше время, 1908) слово *ют* означает не просто чужое пространство, но и пространство, заселенное людьми чужих этносов, прежде всего татарами и русскими. В балладе «Вдова» семеро братьев-чувашей воюют с врагами чувашского народа на территории *сичё ют* (на земле врагов чувашей). В трагедии «Шуйттан чури» (Раб дьявола, 1907) тоже идет война чувашей с их врагами. В поэме «Нарспи» символом *сичё ют* выступают *Тӓхтаман* и его родная деревня *Хушӓлка*. Первое слово (мужское имя) образовано от основы *тӓхта* «погоди», «остановись» и отрицательного причастия *ман* «не» > «неподождавшийся», «неостановившийся». Это – отрицательное качество человека из чужого (темного) мира (он на свадьбе показан в черном одеянии и на вороном коне). Черной является не только душа Тыхтамана, но и ее символизирующая птица (*хура кайӓк*), которая не поет и не щебечет, а просто пищит (*чӓйлатать*). Слово *Хушӓлка* на фоне темного мира злого мужа ассоциируется с лексемой *хушӓ* (пространство между светлым и темным мирами). Символичен тот факт, что д. Кош-Елга действительно находится к западу от с. Слакбаш (на стороне кладбищ, ухода солнца). Даже *Кантӓр варё* расположено на западной стороне родной деревни поэта. В поэме пространственная локализация и ориентация двух миров (своего и чужого) организованы на уровне мифологического бессознательного.

В образе *ютӓ* К. Иванова (Кашкыра) имеются не только мифологические и этноконфессиональные составляющие. Первые впечатления от реального выхода в чужой мир наложили на его концепты *тӓван* и *ютӓ* свои отпечатки и наслоения. По романтическому описанию Евгении Николаевны

(тети будущего поэта, бывшей воспитанницы Симбирской чувашской учительской школы – СЧУШ) подросток Кэстентин представлял данную школу как родной уголок, островок чувашского мира в чужом (иноэтническом) пространстве. После неудачной попытки поступить в чувашский «лицей» (туда в 1902 г. приема не было) любимая тетка устроила племянника в Белебеевское городское училище. Но ровно через год он ушел из данного училища в связи с плохими отношениями с одноклассниками (последние издевались над его чувашским акцентом и происхождением). В сердце двенадцатилетнего мальчика это оставило глубокую рану и обиду на оскорбительно-шовинистические выходки детей. Он полностью замкнулся, стал подозрительно относиться к людям не своего круга (горожанам, русским), одновременно осознал близость родных людей, их быта, культуры и языка. В иноязычной среде в душе Кэстентина пробуждались национальные чувства, молчаливое вынесение постоянных обид способствовало не только развитию терпеливости, но и выработке силы воли. Будущий поэт впервые наяву осознал важность приобретения знаний, которые могли быть основной формой защиты от унижающих его людей.

Итак, побывав в окружении иноязычных школьников и учителей, Кэстентин осознанно скорректировал сложившийся еще в детстве образ *юта*, древнейший его архетип. Не случайно в ряде произведений поэта имеются упоминания о войне между чувашами и *сичё ют* (чуждыми чувашам людьми). К последним относятся и образы ослепленных блеском золотых монет единоплеменников (Мигедер и его жена, старший брат и другие).

В 1905–1907 гг., когда чувашская идентичность поднялась на новый уровень самосознания, учителя-чуваша СЧУШ стали открыто высказывать против чиновничьего бюрократизма в школе, презрительного отношения к ним «Екатерины Чувашской», т.е. супруги И. Яковлева, приемной дочери Н. Ильминского. «Говорят, что жившие на верхних этажах подчинялись больше жене И.Я. Яковлева – Екатерине Алексеевне, не смея ей прекословить, – вспоминает Ф. Павлов, с 1908 по 1913 гг. пребывавший в СЧУШ. – Екатерина Алексеевна держалась немного в стороне от учителей-чувашей, недолюбливала их. Из-за этого у учителей-чувашей возникали различные помехи. Начала разлаживаться и школьная работа. Это не понравилось многим, подчас серьезно оскорбляло. Они протестовали и боролись, искали только повода для столкновения» [3, с. 33].

Одним из преданных Екатерине Алексеевне учителей был Д. Кочуров, который притеснял учащихся-чувашей и, как стало известно, заодно с Екатериной Алексеевной учинял препятствия учителям из чувашей. Перед святками 1906 г., как вспоминает Н. Шубоссинни, в их классе учитель Д. Кочуров произнес угрожающие слова: «Среди вас сделаю такую чистку, что не досчитаетесь половины класса». В те же дни М. Петров (Тинехпи) по секрету сообщил своему земляку Л. Прокопьеву (учитель был из д. Мунъялы, а ученик – из соседней д. Алгазино нынешнего Вурнарского района ЧР), что Д. Кочуров выступил на педагогическом совете с предложением отчислить из I класса СЧУШ десять учащихся. 10 января 1907 г. была подана петиция инспектору школы с требованием уволить учителя Д. Кочурова из числа преподавателей I класса по следующим причинам: «1. Презренное отношение к чувашам: а) насмешки, б) грубость и надменность, в) несправедливые оценки поведений и успехов по русскому языку и столярному ремеслу (везде русским предпочтение). 2. Неаккуратное отношение к урокам: <...> При этом объявляем, что мы с ним более заниматься не будем <...>». Подписались все ученики чувашского происхождения (34 ученика).

Объяснить такое поведение учеников лишь интригой или революционной агитацией отдельных лидеров невозможно. Хотя во второй петиции (от 5 марта 1907 г.) подписались ученики и русской национальности (их было четверо), но они уже через три дня отказались от протеста и просили их «защитить от воспитанников-чуваш», которые «принудили русских подписать заявление о бойкоте преподавателя Д.И. Кочурова». Из Казани (от инспектора Казанского учебного округа) пришла телеграмма следующего содержания: «Постановление совета утверждаю. Желающих подчиниться порядку примите обратно по прошению. Остальных распустить. В. Деревницкий». Ни один из «забастовщиков» (И.Я. Яковлев) не изъявил желаний подчиниться, кроме тех же учеников русского происхождения.

В действиях учеников-чувашей просматриваются цели, которые выплыли наружу из бессознательных глубин: они направлены на сохранение этнической целостности. Поведение учителя Д. Кочурова и бытовые выходки других ему подобных шовинистов способствовали формированию нового образа «чужой». Он у Кэстентина сложился, как уже было отмечено, еще во время учебы в Белебеевском городском училище, поэтому в бойкоте 1907 г. против учителя-шовиниста он

проявил наибольшую активность. Не менее активен был и Н. Шупоссинни, который наспех сочинил обличающее действия Д. Кочурова стихотворение (там он назван шпионом и сравнен с осой, насильно прилипающей к порядочным людям).

Итак, можно утверждать, что в главных героях поэмы чувашского поэта сфокусированы все исторические наслоения образов «свой» и «чужой», а также отражены происшедшие с автором события непосредственно перед зарождением поэмы. Такому гениальному творческому озарению К. Иванова (Кашкыра) способствовало его тяготение к коллективному (этническому) бессознательному. Этническое бессознательное направило творчество Г. Тукая прежде всего в сторону народного творчества и языка. А народ для Тукая – «это в основном татарское сельское население, необразованное в традиционно-“татарском” или современно-западном масштабе и неиспорченное. Именно в нем Тукай видел основу и гарант этнического и языкового “татаризма”» [8, с. 160-161]. Подобные черты можно наблюдать и в творческих поисках коми писателя К. Жакова.

Литература

1. Лисовская Г.К. Каллистрат Жаков и Фридрих Ницше // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир: Сборник статей. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2002. С. 33 – 40.
2. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004.
3. Родионов В.Г., Фёдоров Г.И., Мышкина А.Ф. и др. История чувашской литературы XX века. Часть I (1900-1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 432 с.
4. Тукай Г. Избранная проза. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992.
5. Тукай Г. Избранное. Перевод с татар. В.С. Думаевой-Валиевой. Казань: Магариф, 2008.
6. Тукай Г.М. Фаэтон весны: стихотворения, стихи для детей, сказки. М.: ООО «МАГИ «Из века в век». Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.
7. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

3.5. К вопросу об отношении К. Жакова к проблеме малочисленных народов: политика имперской унификации в отношении северного региона в XIX – начале XX века

Исследование отношения любого представителя дореволюционной России к проблемам малочисленных народов невозможно без изучения эпохи, места и времени его жизнедеятельности. Цель настоящей работы – рассмотреть отношение К.Ф. Жакова к проблеме малочисленных народов в условиях политики имперской унификации в XIX – начале XX вв., а также показать влияние идей ученого на развитие образования и культуры в Республике Коми в наше время. Территория и время исследования выбраны не случайно. К.Ф. Жаков – ученый-энциклопедист, этнограф, лингвист – внес значительный вклад в исследование проблем малочисленных народов Российской империи, в нашем случае – проблем народа коми. Являясь пропагандистом коми культуры, К.Ф. Жаков много внимания уделял знакомству читающей российской публики с жизнью, традициями и культурой северных малочисленных народов в целом и Коми края, в частности. Он выступал сторонником национального образования, и, в то же время верил в национально-государственное возрождение коми народа который в исследуемое время не имел своей государственности и входил в состав различных уездов и губерний Российской империи. Это – Яренский, Усть-Сысольский уезды Вологодской и Печорский уезд – Архангелогородской губерний. В XIX – начале XX вв. здесь шло активное освоение незаселенных пространств, наблюдался рост производительности труда и формировались различные экономические районы с различными типами крестьянских домохозяйств [2, с. 174-178]. Показателем бурного развития являлось и то, что население здесь постоянно возрастало. Так, прирост населения с 1866 по 1905 г. составил по Усть-сысольскому уезду – 30,5 %, Яренскому – 32%, Печорскому – 39% [1, с. 29]. Следует заметить, что тенденция роста населения и расширения территорий была характерна не только для северных губерний, но и для страны в целом. Это было связано как с «великими реформами» второй половины XIX в., так и с модернизационным

«сдвигом», который привел к развитию промышленности, торговли, гражданского общества и т.д.

К началу изучаемого периода Российская империя была населена народами, которые имели разный уровень политического и социально-экономического развития. Перед правительством страны стояла сложная задача по созданию эффективной системы управления территориями, которые отличались друг от друга по уровню развития, традициям, историческому опыту и др. Учитывать при построении системы управления особенности регионального развития было нереально. Поэтому был разработан комплекс принципов и управленческих решений по унификации регионов в рамках имперской политики управления. Это позволило, в определенной мере, избежать многовариативности региональных систем управления и ввести максимально однотипные элементы. Следовательно, имперскую унификацию можно рассматривать как генеральную линию внутренней политики, в рамках которой воздействие оказывалось на все стороны жизни уникальных по составу и содержанию регионов.

В настоящее время исследование имперской унификации управления в отношении ряда регионов Российской империи является актуальным [5]. Это связано не только с малоизученностью данного сюжета, но и с тем, что сегодня вопросы взаимоотношений общества и власти, проблемы управления, формирование гражданского общества – востребованы как никогда.

В XIX – начале XX вв. Коми край представлял уникальную территорию, где сложились специфические исторические районы, отличающиеся друг от друга богатыми историческими традициями. Самодержавие как форма правления вступала в противоречие с ними, пытаясь унифицировать как общие, так и частные вопросы управления и развития, не вступая и не допуская конфликтов. В ее основе лежала концепция «официальной народности», в соответствии с положениями которой мероприятия на территории Коми края приобрели в XIX – начале XX вв. комплексность и последовательность. Исходя из этого, мы выделили ряд критериев, которые имели одну общую цель, внятность идеологического обоснования проводимых мероприятий, последовательность и преемственность. При этом, в основе лежала региональная история, т.к. рассматривать историю Коми края только через призму истории народов,

населяющих его, было бы ошибочно. В предметном поле исследования изучаемый регион рассматривался как место взаимодействия имперских, национальных, социальных и культурологических проектов, а также поле деятельности личностей, в нашем случае – Каллистрата Жакова, которые рассматривались либо как строители, либо как разрушители империи.

В связи с тем, что региональная история открыта компаративистским методам, это позволяет выделить особенности политико-административного управления регионом, провести наблюдение за носителями идеологических ценностей как на межрегиональном, так и на имперском уровнях. Северный регион и Коми край имели свою специфику и, в конечном счете, здесь формировались смешанные «зоны фронтиров», создавались пограничные пространства, о которых подробно говорилось в трудах екатеринбургских исследователей [8].

Рассматривая Российскую империю как организацию большого геополитического пространства, можно заметить, что империя включала разные регионы, отличающиеся составом населения, разным уровнем развития и т.д. Если рассмотреть потенциал ее устойчивости, основанный на технологиях управления, которые гибко реагировали на экономические, политические и социокультурные вызовы времени, то будет понятно, почему «крах самодержавия» затянулся до второго десятилетия XX вв. Известно, что империю формируют «национальное ядро» и окружающие его «окраины». Они имеют разные статусы и зависят от имперской унификации. Коми край до 1917 г. не мог быть «ядром» территории, но, по мнению ряда историков, был связан с «внутренней Россией» историческими и национальными традициями.

В свою очередь, каждая территория, в том числе и изучаемая, повторяли конфигурацию «ядро» – «окраина» на более низком уровне. Местные власти в лице государственных служащих органов управления, суда, казначейства и др. не только выступали в качестве трансляторов указаний из губернского центра, но и проводили активную, относительно самостоятельную линию в рамках своих компетенций. В отчетах, поступающих от Усть-Сысольского и Яренского участковых земских начальников на имя вологодского губернатора, часто можно видеть примеры самостоятельного решения важных проблем. Например, дела о проведении благотворительных

мероприятий, создании культурно-просветительских обществ и др. [4, с. 516-524].

В начале изучаемого периода на территории Коми края наблюдались как отличительные признаки имперского центра, так и признаки, которые указывали на его «внутреннюю окраину». Это доказывается административным и экономическим освоением, введением общеимперских институтов управления, развитием сети транспорта и коммуникаций и др. Первыми здесь стали административное и экономическое освоение территории. Так, в 1830 – начале 1840 гг. в Коми крае была проведена реформа П.Д. Киселева, касавшаяся управления и административного устройства государственных крестьян, а земская, судебная, административная реформы 1864 г., унифицировали отношения между традиционными системами управления и центральной властью. Сохранение местных органов управления в лице крестьянского управления, административное деление, налаживание сотрудничества имперской власти с местными «нерусскими» элитами облегчали управление империи окраинами [7, с. 30].

Процессы унификации значительно ускорились во второй половине XIX в. с развитием системы коммуникаций. Это позволило реализовать проекты по экономическому освоению региона, включению территорий в сферы российского торгового капитала [6]. Ментальное присвоение шло через политику насаждения стандартов религиозной жизни, образования, культурной жизни общества, принятых в отношении русского «ядра» империи. Показательными в этом отношении являются массовое строительство в Коми крае в изучаемое время каменных храмов, а также миссионерская деятельность православной церкви в Большеземельской тундре [4, с. 541-551].

Оценивая результативность имперской унификации для Коми края, необходимо отметить следующее. Учитывая, что имперская политика ориентировалась на «поглощение» отдельных территорий, расширение «ядра» за счет «внутренних окраин», то к началу XX в. на изучаемой территории наблюдались определенные результаты. Они были не равнозначны. Наблюдались как успехи, так и провалы. Однако общий вывод можно сделать в пользу эффективности большинства мероприятий, направленных на тесное включение Коми края во все процессы, которые проходили в Российской империи в изучаемое время.

Значительная степень включенности Коми края в общероссийский контекст отразилась на процессах, которые проходили в крае во время геополитических преобразований второй половины XX в., которые обозначили направление и сущность процессов национально-государственного строительства. В изучаемое время в Коми крае наблюдалось конструирование местными элитами региональной идентичности, появлялись новые, интересные концепции национально развития, и даже намечались идеи национального суверенитета. Естественно, это противоречило целям и задачам имперской унификации в России, поэтому некоторые направления данной политики имели своей целью остановить процессы становления коми национального самосознания. В изучаемое время значительная часть имперских проблем концентрировалась вокруг этих отношений по поиску оптимального решения, например, возможности получения образования на родном языке, появление новых философских концепций, например, разработка К.Ф. Жаковым философского учения, получившего название «лимитизм».

Интересный пример реализации этой политической стратегии можно наблюдать в попытке Каллистрата Жакова продвинуть реформу национального образования. Жаков считал, что изучение родной культуры, истории родного народа является неотъемлемой частью просвещения. Он неоднократно подчеркивал, что «знание богатства своего края может породить творчество новых форм жизни... Знание своей местной родной почвы, ее богатств, родного языка – необходимое условие развития полезных членов государства». И далее: «Можно переменить место жительства, можно изменить свои привычки, вкусы, можно отказаться от родных, от друзей, но невозможно утратить то, что связано с родиной, что неразрывно связано с душой, что одно делает частью великого целого нации, народа, невыносимо отказаться от родного языка... ибо язык есть зеркало жизни и истории народа [3, с. 29]. Являясь патриотом своей «малой Родины», К.Ф. Жаков добивался открытия в Усть-Сысольске технического училища, издания газеты на родном языке, неоднократно подчеркивая необходимость образования для коми. Он требовал предоставления для коми большей самостоятельности, условий для государственного и культурного роста, для расширения влияния на соседние малочисленные народы. Именно у них К.Ф. Жаков видел

резервы для оздоровления культуры «уставших» народов Запада. Кроме этого, ученый мечтал о систематическом обследовании всех древних городищ и могильников Коми края, об этнографической коллекции, о словаре географических названий, он был одним из первых исследователей и популяризатором литературы коми народа. Он разработал методику изучения коми эпоса и одним из первых обратил внимание на произведения И.А. Куратова. К.Ф. Жаков считал «весьма желательным» послать для изучения финно-угорского языкознания нескольких молодых людей коми национальности, в Будапештский и Гельсингфорский университеты. Вся жизнь и творчество К.Ф. Жакова были посвящены служению коми народу. Он, без преувеличения, представляет собой значительное явление коми национальной и финно-угорской культуры.

В настоящее время наследие К.Ф. Жакова получило мировое признание. К сожалению, в нашей республике в настоящее время мы не можем похвастаться глубоким и систематическим изучением наследия нашего земляка. Настала пора заняться серьезной работой по изучению, систематизации и применению наследия К.Ф. Жакова. Природная и социально-динамическая уникальность нашей республики, ее культурная значимость в финно-угорском мире и многие другие факторы могут послужить базой для определения «исследовательской ниши» республиканской подсистемы образования. Известно, что идеи К.Ф. Жакова были в конце прошлого века положены в основу концепции национальной политики Республики Коми в области высшего профессионального образования. В первую очередь, это принципы регионализации отечественной системы образования и практика деятельности государственных органов власти и учебных заведений по планомерному воздействию на этот процесс. В конце XX в. приоритетными направлениями региональной системы образования в Республике Коми явились принципы, утвержденные в Законах РФ и РК «Об образовании», «О государственных языках Республики Коми». Кроме этого, были приняты концепции, утвержденные Министерством по делам национальностей: «Концепция развития коми национальной школы», «Концепция государственной национальной политики» и ряд положений, непосредственно касающихся развития высшего профессионального образования.

Все вышеперечисленные базовые нормативно-правовые документы определяли необходимость перехода от отраслевого к региональному развитию системы профессионального образования. Для Республики Коми эта задача должна была реализовываться через следующие направления:

- укрепление и развитие единого образовательного пространства РК и создание целостной эффективной системы образовательных учреждений;

- обеспечение соответствия направлений и специальностей в действующих учебных заведениях потребностям комплексного развития региона;

- разработка и внедрение в содержание профессионального образования национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов по всем направлениям и специальностям, осуществляемой и намечаемой подготовки кадров;

- повышение роли и влияния ВУЗов на общекультурное и социальное развитие народов республики.

Перед Сыктывкарским государственным университетом в конце XX в. ставилась задача реализации вышеперечисленных направлений, превращения его в центр образования, науки и культуры. Принятая в 1993 г. Ученым Советом СГУ программа «Университет как центр образования, наук и культуры» позволял говорить о его авангардной роли в организации исследований и подготовке кадров по программам комплексного развития Республики Коми.

Примером успешной реализации данной программы явилось открытие 4 февраля 1994 г. в стенах университета финно-угорского факультета. Основная задача факультета виделась в выполнении социального заказа республики на подготовку специалистов в области образования, науки, культуры. В перспективе планировалось перейти к подготовке специалистов более широкого профиля, включая специалистов в области управления, юриспруденции, экологии и так далее. Планировалось создать на факультете условия для развития национальной культуры и языка, сформировать идею престижности факультета у населения республики.

С этой целью к имеющимся на филологическом факультете двум кафедрам – коми и финно-угорского языкознания, коми литературы и фольклора (с выведением их на финно-угорский факультет) добавилась кафедра регионоведения, были созданы

две научные лаборатории. К 1996 г. было защищено 2 кандидатских и подготовлено 2 докторских диссертации, в 2,5 раза вырос конкурс на отделение «национальная филология» и «регионоведение». Однако продвижения не произошло. Сегодня пришла пора вновь обратиться к наследию К.Ф. Жакова и, в новых условиях, развернуть работу по позиционированию существующего Сыктывкарского Государственного университета им. П.А. Сорокина как национального.

Литература

1. Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX вв. Сыктывкар, 2012.
2. Гагиева А.К. Расширение пространства социальных и культурных взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII – первой половине XIX вв. Научно-методический журнал «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего». Выпуск 06(28) 2015. Т. 3. Пенза: ПензГТУ, 2015.
3. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар. Коми кн. изд-во, 1990. 464 с.
4. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2 т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.
5. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008. 288 с; Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в Российской империи (вторая половина XIX в.). М., 1998. 151 с.; и др.
6. Мацук М.А., Шаньгина В.В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи. Гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб: Изд. Дм. Буланин, 1999. 232 с.
8. Побережников И.В. Модель фронтальной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв.: сборник научн. статей. РАН, УРО, Институт истории и археологии. Екатеринбург, 2012.

4. Рецепция творческого наследия К. Жакова

4.1. Публикации К.Ф. Жакова в журнальной периодике (1901–1918 гг.)

Научное и творческое наследие К.Ф. Жакова привлекает в последние годы все большее внимание специалистов. Исследователями уже немало сделано в плане изучения его философской системы, научных трудов, публицистических материалов, а также значительного по своему объему художественного наследия. Итоги рассмотрения деятельности К.Ф. Жакова подведены в DVD-ROM «Наследие Каллистрата Жакова», подготовленном в 2006 г. сотрудниками Национальной библиотеки Республики Коми [8].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают издания, в которых ученый и писатель К.Ф. Жаков публиковал свои работы. Поскольку К.Ф. Жаков был не из тех авторов, которые пишут «в стол», надолго откладывая публикацию своих трудов, таких изданий оказалось немало. В основном это периодика, то есть газеты и журналы, а также приложения к ним. К.Ф. Жаков публиковался, по нашим наблюдениям, в 17 российских, региональных и корпоративных журналах и более чем в 20 газетах первых двух десятилетий XX в. Мы остановимся на изданиях К.Ф. Жакова в журнальной периодике.

Перечень журналов, в которых публиковались работы К.Ф. Жакова:

1. «В Киев!» (издательство журнала «Вестник знания». СПб., 1911).
2. «Вестник знания» (СПб., 1909, 1910, 1911).
3. «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (СПб., 1908, 1910).
4. «Вестник психологии» (СПб., 1904, 1907, 1910, 1911, 1918).

5. «Вопросы философии и психологии» (М., 1902).
6. «Живая старина» (СПб., 1901, 1903, 1908).
7. «Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания» (Усть-Сысольск, 1907, 1908, 1909).
8. «Защита животных» (СПб., 1907).
9. «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (Архангельск, 1911, 1913, 1915).
10. «Научное обозрение» (СПб., 1901, 1902, 1911).
11. «Нева» (газета-журнал) (СПб., 1909, 1910).
12. «Протоколы заседаний Русского общества нормальной и патологической психологии» (СПб., 1907, 1908).
13. «Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии» (СПб., 1909).
14. «Ясная поляна» (СПб., 1909).
15. Литературный альманах журнала «Вестник знания» (СПб., 1911).
16. Приложение к журналу «Вестник психологии» (СПб., 1912).
17. Приложение к журналу «Ясная поляна» (СПб., 1909).

Изданные в журнальной периодике труды ученого связаны в основном с научным Петербургом первых двух десятилетий ХХ в. и с петербургским периодом жизни К.Ф. Жакова: с его возвращением в 1899 г. из Киева в Санкт-Петербургский университет, с его работой на кафедре русского языка и литературы, подготовкой и защитой в 1902 г. диссертации о коми сказках, преподаванием в гимназиях и на общеобразовательных курсах, в Психоневрологическом институте [6, с. 316-317].

В это время он публикуется в ряде известных российских журналов, выходящих в Санкт-Петербурге. Среди них следует отметить ежемесячное научное издание «*Научное обозрение*», в котором помещались материалы по науке, философии, литературе и истории культуры [1. Т. 2, с. 737-738]. В нем в 1901-1902 и 1911 гг. были изданы работы К.Ф. Жакова фольклорно-этнографического характера (Языческое мирозерцание зырян. 1901. № 3, с. 68-84; Вотяки. 1902. № 11, с. 93-102; О методах изучения северного народного эпоса: изложение доклада. 1911. № 41, с. 12), а также программа его лекций на

съезде в Киеве в 1911 г. (К киевскому съезду: программа лекций К.Ф. Жакова. 1911. № 17, с. 527-528).

В другом петербургском ежемесячном иллюстрированном литературном и популярном научном журнале с приложениями для самообразования «*Вестник знания*» [1. Т. 1, с. 185] в 1909-1911 гг. публиковались его философские сочинения (Единение славян на почве науки и философии. 1909. № 5, с. 616-617; Критика монизма и метод бесконечно-малого в философии. 1910. № 1, с. 97-105; Принцип грядущего оптимизма: речь при открытии психологической секции в Психоневрологическом институте. 1910. № 7, с. 764-769) и сформулированные им положения теории лимитизма (Лимитизм: теория переменного и предела в гносеологии. 1911. № 5, с. 425-434).

Кроме того, здесь были помещены отдельные художественные произведения К.Ф. Жакова, вошедшие затем в литературные сборники (Ен и Омоль: [космогонический миф Севера]. 1910. № 6, с. 731-737; Тогай (самоедское предание). 1910. № 10, с. 1077-1085), и литературно-критические материалы (Поэзия Апполона и Диониса. 1911. № 17, с. 11). Примечательно, что статья «Поэзия Апполона и Диониса» издавалась неоднократно. В 1911-1912 гг. К.Ф. Жаков опубликовал ее также в издании «В Киев!» (СПб., 1911, с. 120-122) и в газетах «Северное утро» (1911. 25 авг.), «Вятская речь» (1911. 30 мая, 1 июня), «Забайкальская новь (Чита)» (1912. 14 июля). Его художественные произведения помещались также в *литературном альманахе журнала «Вестник знания»* (Царь Кор: [чердын. предание]. СПб., 1911. Вып. 2, с. 63-78).

К концу первого десятилетия XX в. художественные произведения К.Ф. Жакова разных жанров появлялись в петербургской газете-журнале «*Нева*» (Дарук-Паш: Рассказ. 1909. № 1. Стб. 115-122; Дорогое счастье: сцены. 1909. № 13. Стб. 1387-1398; Ей Морт Мили-Кили: сказка. 1909. № 21. Стб. 2175-2186; Придаш: очерк. 1909. № 9. Стб. 985-992; «Природа! С юных лет служу...». 1909. № 3. Стб. 309-310; Венулитто: сказка. 1910. № 9. Стб. 913-928). Это издание считалось еженедельным, политическим, литературно-научным и иллюстрированным газетой (журналом); оно именовало себя «газетой для всех и обо всем», в ней публиковались в основном романы, повести, рассказы, стихи [1. Т. 2, с. 429-430; 6, с. 600-601]. Свой рассказ «Карько: из деревенских воспоминаний» К.Ф. Жаков поместил даже в таком издании, как «*Защита животных*» (СПб., 1907), которое позиционировало себя в качестве Органа главного

правления Российского общества покровительства животным [1. Т. 1, с. 636].

В другом петербургском издании, в литературном журнале «*Ясная поляна*» [1. Т. 3, с. 677-678] и приложениях в нему за 1909 г. он помещал свои философско-литературно-критические очерки о романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Иван Карамазов: попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы». 1909. № 5, с. 25-32; № 6, с. 33-64), а также о Л. Андрееве и К. Гамсуне (Леонид Андреев и его произведения // Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных. 1909, с. III-XXXIV. № 3; Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Гамсун К. У врат царства. 1909, с. 5-18).

В 1908 г. началась профессорская деятельность К.Ф. Жакова на кафедре логики в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге, где он вплоть до революции читал лекции по логике, этике, философии, теории познания, был руководителем студенческих кружков, проводил семинары для всех желающих и пользовался большой популярностью среди студентов [7, с. 52-65]. О популярности К.Ф. Жакова среди студентов-неврологов свидетельствует, например, «бальный» выпуск газеты (от 2 февраля 1912 г.), в котором ему посвящены фельетоны, стихи, загадки, представлены цитаты из его лекций по философии [7, с. 62]. Известно, что до этого несколько лет он читал свои лекции и выступал с докладами на различных общеобразовательных курсах Санкт-Петербурга. Внимание К.Ф. Жакова к темам философии и психологии наложило отпечаток и на выбор изданий. В это время он публиковался в петербургских журналах определенной направленности: «*Вестник психологии*» (К вопросу о происхождении познания и интеллекта. 1904. № 8, с. 553-562; Происхождение познания и интеллекта. 1904. № 8, с. 619-620; О духе. 1907. Вып. 5, с. 196-202; Культурное значение объединения славян. 1910. Вып. 4, с. 386; Иван Карамазов: лекция. 1910. Вып. 4, с. 374; Эволюция, диссолюция, дегенерация с точки зрения лимитизма. 1910. Вып. 2, с. 199-200; Современное социально-экономическое положение зырян. 1910. Вып. 4, с. 386; Старик Филипп. 1911. Т. 8. Вып. 3) и в *приложении* к нему (История древней философии: программа курса, читаемого в Психоневрологическом институте на общеобразовательном факультете К.Ф. Жаковым. 1912. Вып. 1, с. 1-3), а также в журнале «*Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма*» [1. Т. 1, с. 222]. (О границах естествознания. 1908. Вып. 1, с. 18-26; Классифи-

кация наук, как метод философии: доклад. 1910. Вып. 5, с. 529; Н.И. Пирогов как философ и моралист: доклад. 1910, с. 432; см. также: Н.И. Пирогов как философ и моралист // Вестник психологии. 1918. Вып. 4, с. 532) и в приложении к данному изданию, которое называлось «*Протоколы заседаний Русского общества нормальной и патологической психологии*» [1. Т. 3, с. 687] (Попытка критической оценки позитивизма: тез. докл., 14 февр. 1906 г. 1907, с. 183-185; Гносеология в ряду других наук: тез. докл. от 9 нояб. 1904 г. 1908, с. 151-153; Об актуальном и субстанциональном понятии души: речь на годов. собр. 26 янв. 1905 г. 1908, с. 130-131; Попытка критической оценки позитивизма: тез. докл. 14 февр. 1908, с. 183-185; Происхождение познания и интеллекта: докл., 4 мая 1904 г. 1908, с. 137-139; Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого: тез. докл., 22 марта 1908. 1908, с. 163-166).

Лейтмотивом через так называемый петербургский период жизни и творчества К.Ф. Жакова проходят его почти ежегодные поездки на родину, на Север, с просветительскими, этнографическими, фольклористическими и лингвистическими целями. Эта деятельность нашла свое отражение в публикациях К.Ф. Жакова в журнале «*Живая старина*», который издавался Этнографическим отделением Императорского русского географического Общества в Санкт-Петербурге [1. Т. 1, с. 549]. Именно там вышла в свет в 1901 г. его известная научная работа «*Этнологический очерк зырян*» (Вып. 1, с. 3-36), а в 1908 г. – его «*Зырянские сказки*» с предисловием автора (Вып. 1, с. 1-20) и помещенный в том же номере журнала конспект сообщения К.Ф. Жакова о зырянах (1908. Вып. 1. с. 126-127).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают публикации К.Ф. Жакова в «*Журнале Усть-Сысольского уездного земского собрания*». В данном журнале, представляющем собой довольно объемный сборник, куда входили различные документы: доклады, сообщения, постановления и резолюции, в том числе и доклады управы с приложениями, в 1908-1910 гг. были опубликованы три доклада ученого, связанные с культурой и просвещением зырянского края.

Первый доклад К.Ф. Жакова «*О необходимости среднего учебного заведения для зырянского края*», подготовленный им в статусе магистранта Санкт-Петербургского университета, был помещен среди документов 38 очередной сессии 1907 г. Усть-Сысольского Уездного Земского собрания. Основные положения его доклада касались предложения о проведении реформы

среднего образования в зырянском крае: сложившаяся к тому времени система образования, по мнению К.Ф. Жакова, совершенно не отвечала потребностям населения, поэтому назрела потребность в открытии для просвещения молодых зырян в Усть-Сысольске среднего коммерческого семиклассного училища для мальчиков [3, с. 504-506]. По итогам его выступления, согласно опубликованным в журнале документам, были предложения пригласить К.Ф. Жакова в качестве преподавателя во вновь открывающуюся мужскую гимназию «как первого получившего образование из уроженцев зырянского края и могущего принести своему зырянскому населению посильную пользу» [3, с. 51]. Однако земское собрание, приняв доклад К.Ф. Жакова к сведению, это предложение «единогласно отклонило» [3, с. 51].

Два другие доклада К.Ф. Жакова, подготовленные им уже в статусе профессора Психоневрологического института, были посвящены изучению и развитию родного зырянского языка, как в начальных школах, так и в широком социокультурном пространстве, то есть изданием газеты на родном зырянском языке.

В своем докладе 1908 г. о введении преподавания зырянского языка в начальных классах К.Ф. Жаков отмечал, что «зыряне не умеют писать ни по-русски, по по-зырянски, по-зырянски не умеют потому, что их писать на родном языке не учат, а по-русски не умеют потому, что их неправильно учат» [2, с. 323]. Он считал, что «этот недуг может исцелить только школа, но не теперешняя, а будущая, которую еще нужно создать» [2, с. 323]. Однако уездное земское собрание, рассмотрев доклад профессора К.Ф. Жакова и ходатайство крестьян Пезмогской волости о введении преподавания зырянского языка в школах, а также резолюцию от 15 сентября 1908 г. Усть-Сысольского Уездного училищного Совета о ненужности преподавания зырянского языка в земских училищах, это ходатайство категорично отклонило [2, с. 75-76]. Как свидетельствуют документы, было постановлено: «так как зырянский язык в начальной школе употребляется только для облегчения преподавания на русском языке и обращение его в предмет обучения не вызывается необходимостью – признать предлагаемое г. Жаковым введение в курс начальной школы изучения зырянского языка нежелательным и совершенно излишним, предложить учащимся принять меры к поднятию успехов учащихся по русскому языку – пользоваться зырянским языком

только в случаях необходимости и притом в 1-й год преимущественно» [2, с. 76].

В другом своем докладе о выделении пособия на издание газеты на зырянском языке, подготовленном 11 августа 1909 г., К.Ф. Жаков рассуждал о выпуске национальной газеты для просвещения зырянского народа [4, с. 300-302]. Он считал своим нравственным долгом «ввиду важной и неотложной задачи просвещения коми народа» обратиться в Усть-Сысольское уездное земское собрание с просьбой ассигновать 1000 рублей на издание еженедельной газеты на зырянском языке, при этом К.Ф. Жаков брал на себя обязанность бесплатно писать для этой газеты и бесплатно же ее редактировать [4, с. 302]. Из документов известно, что 6 октября 1909 г. Усть-Сысольская Уездная управа приняла решение поддержать ходатайство профессора К.Ф. Жакова об издании газеты на зырянском языке и для зырян, которых, как отмечалось в журнальных документах, «насчитывается до 200 тысяч наличных душ» [4, с. 300]. Управа поддержала решение выделить 1000 рублей для издания газеты «хотя бы на первый раз», но с условием «в случае неосуществления издания газеты» обязать г. Жакова возратить эти деньги земству полностью [4, с. 300]. Тем не менее, на заседании 6 октября 1909 г. Уездного Земского собрания после прочтения доклада К.Ф. Жакова большинством голосов его ходатайство было отклонено [4, с. 17].

Однако К.Ф. Жаков не оставил своих идей. Впоследствии, руководствуясь научно-просветительскими интересами, он сотрудничал с возникшим в 1908 г. Архангельским Обществом Изучения Русского Севера, а с появлением у Общества своего издательского органа, «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера», К.Ф. Жаков опубликовал в нем несколько материалов. Два из них представляют собой научные доклады «Судьбы угро-финских племен в историческое и доисторическое время» (Доклад, сделанный 10 июля 1910 г. в Вятском техническом училище. 1911. № 17, с. 409-413; этот доклад был также опубликован в журнале: Научное обозрение. 1911. 9 окт. Стб. 1222-1223) и «О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности, к зырянскому языку, и историко-культурные выводы» (1913. № 15, с. 712-713).

Самым пространственным материалом из изданных в журнале Общества Изучения Русского Севера является его статья «Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности Зырянского края», опубликованная в 1915 г. (№ 3, с. 65-72). Размышляя в

ней о путях возрождения Русского Севера, свое основное внимание К.Ф. Жаков уделяет зырянскому краю, повторяя основные положения своих докладов, опубликованных в журнале Усть-Сысольского уездного земского собрания. Здесь он вновь пишет о современной школе на Севере, о «провинциализации школы» и «индивидуализации» школьной жизни, о необходимости зырянского языка в школьном образовании, о провинциальной печати, в которой, как он считает, заложен «великий фактор жизнотворчества» [5, с. 71].

Подводя некоторые итоги своим наблюдениям, необходимо отметить различные жанры публикаций К.Ф. Жакова в журнальной периодике. В основном это были доклады или тезисы научных и научно-популярных докладов, научные статьи, посвященные философии, психологии науки, методу познания, интеллекту, базовым положениям его теории лимитизма, тексты лекций и программы преподаваемых К.Ф. Жаковым в различных учебных заведениях предметов, а также его художественные произведения.

Дальнейшее исследование публикаций К.Ф. Жакова в журнальной и газетной периодике, на наш взгляд, открывает новые перспективы в изучении творческого наследия ученого. Примечательно, что К.Ф. Жаков, как правило, неоднократно перепечатывал или переиздавал свои научные доклады и художественные произведения, иногда почти одновременно. Очевидно, что он тяготел к более оперативному донесению своей информации и руководствовался просветительскими целями, желая распространить свои идеи и представления на как можно большее число читателей или слушателей. Что касается его литературных произведений, то зачастую один и тот же текст мог им быть вначале опубликован в журнальном или газетном варианте, а затем издавался в качестве отдельной книжки, впоследствии из газетных-журнальных публикаций и отдельных книжек им формировались новые сборники художественных произведений.

Думается, выявление этой фактологии позволило бы прояснить некоторые существующие пробелы в творческой биографии К.Ф. Жакова, реконструировать ее практически по дням и неделям, поскольку в газетах и журналах указываются, как правило, конкретные даты публикации текстов, что способствует уточнению времени создания того или иного произведения, а также детализации различных этапов авторского научного и художественного осмысления материалов.

Литература

1. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифорова М.М. Библиография периодических изданий России: 1901-1916: В 4-х тт. Т. 1. М., 1958; Т. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1960; Т. 4. М., 1961.
2. Жаков К.Ф. Доклад о введении преподавания зырянского языка в начальных школах // Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания. XXXIX очередной сессии 1908 г. Усть-Сысольск, 1909. С. 323.
3. Жаков К.Ф. Доклад о необходимости среднего учебного заведения для зырянского края // Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания. XXXVIII очередной сессии 1907 г. Усть-Сысольск, 1908. С. 504-506.
4. Жаков К.Ф. Доклад о пособии на издание газеты на зырянском языке // Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания. XL очередной сессии 1909 г. Усть-Сысольск, 1910. С. 300-302.
5. Жаков К.Ф. Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности Зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 3. С. 65-72.
6. Жеребцов И.Л. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Атлас республики Коми. М., 2001. С. 316-317.
7. Ломоносова М.В. Каллистрат Жаков – профессор Психоневрологического института // Наследие: научный журнал. № 2 (7). 2015. С. 52-65.
8. Наследие Каллистрата Жакова: DVD-ROM. Сыктывкар: Национальная библиотека Республики Коми, 2006.
9. Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959.

4.2. К.Ф. Жаков в Венгрии (что известно венграм о коми писателе и философе: информация о жизни и творчестве, переводы произведений)

По всей видимости, первым из венгров, кто упоминает К.Ф. Жакова в своих работах, был Миклош Жирай (Zsirai Miklós). В 1937 г. была издана его книга «Наша финно-угорская родня» (Finnugor rokonságunk; Переиздана в 1994 г.), являвшаяся первым и на долгие годы основным венгерским обобщающим трудом о финно-угорских народах, их языках, культуре, литературе, истории. Говоря о коми культуре и просвещении, М. Жирай

пишет следующее: «Целый ряд зырян окончил русские школы или какие-либо училища, и из них вышли учителя, священники, служащие. Многие из них пробились в первые ряды русской духовной аристократии: преподаватель гимназии Г.С. Лыткин получил европейскую известность из литературы по финно-угорскому языкознанию, этнографии, и истории, а К.Ф. Жаков был уважаемым профессором Петербургского психоневрологического института и Рижского университета. Никто из них не забыл о своем происхождении, и, несмотря на недоверие и препятствия со стороны русских властей, словом и делом старались содействовать повышению уровня культуры своего народа, поддержать в нем чувство собственного достоинства и веру в себя» [21, с. 221], [22].

Следующее подобного рода значительное издание о финно-угорских народах вышло в 1978 г.: Петер Хайду, Петер Домокош «Наши уральские родичи по языку» (Hajdú Péter, Domokos Péter. Uráli Nyelvrokonaik). В книге подробно рассматриваются история изучения уральских народов, вопросы прародины и праязыка финно-угров, их история, культура и литература. В главе о коми литературе наибольшее внимание уделено таким ее представителям, как И.А. Куратов, Г.С. Лыткин, К.Ф. Жаков, М.Н. Лебедев, В.А. Савин, В.Т. Чисталев, В.И. Лыткин. Касаясь К.Ф. Жакова, автор глав о финно-угорских литературах П. Домокош довольно подробно говорит о его жизненном пути, цитирует отрывок из автобиографической повести «Сквозь строй жизни», приводит некоторые названия научных трудов и художественных произведений, характеризует особенности творчества: «Однако что бы он ни писал, все пронизывают своеобразный, прерывистый из-за восклицаний стиль исповеди, беспокойство, постоянная возвышенность, и называемая лимитизмом пацифистская, окрашенная декадентством, пессимистическая философия» [16, с. 198].

Венгерский литературовед П. Домокош является тем, кто в своих исследованиях обращается к фигуре К.Ф. Жакова чаще других, и в Венгрии, и, скорее всего, вообще за пределами России. Так, в своей книге «Формирование литератур малых уральских народов» (A kisseb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985; Русский перевод – Йошкар-Ола, 1993.) он неоднократно в разном контексте упоминает коми писателя и философа. Например, его художественными произведениями, которые создавались на русском, иллюстрируются мысли о том, что творчество национальных писателей на русском языке также заслуживает пристального внимания. К К. Жакову П. Домокош

обращается и в разделе «Творческий путь некоторых выдающихся личностей, их роль в формировании характерных черт литературы». О нем также говорится в подглаве «О взаимосвязях уральских литератур» главы «Малые уральские и мировая литературы». Здесь К.Ф. Жаков упоминается как один из тех, кто еще в период до 1917 г. имел глубокие познания в финно-угорском языкознании и этнографии, по всей видимости, обладал серьезными знаниями о финнах, финской истории и просвещении, более других знал о венграх, писал о коми-пермяках и удмуртах, о хантах и манси [1; 5].

В статье «Зырянский энциклопедист. Каллистат Фалалеевич Жаков» П. Домокош снова высказывает свое убеждение в том, что представителями какой-либо национальной литературы могут быть не только авторы, пишущие на своем родном языке, и К.Ф. Жаков, несмотря на то, что не писал на коми – неотъемлемая часть коми литературы, без него она намного беднее. П. Домокош обрисовывает жизненный путь коми писателя и его творчество, останавливается на том, каким образом сам познакомился с именем К.Ф. Жакова, на своем видении его фигуры [8; 12].

Статья «Калевала у нас и у наших родственников по языку» (A Kalevala nálunk és nyelvrokonainknál) посвящена рассмотрению связей «Калевалы» с другими финно-угорскими эпосами, ее влиянии на них. Сопоставляя поэму К.Ф. Жакова «Биармия» и финский эпос, венгерский литературовед приходит к выводу, что коми писатель не мог создать свое произведение, не зная «Калевалы», – она повлияла на содержание, на стиль и атмосферу его самой значительной работы [11; 13].

О К.Ф. Жакове и «Биармии» в контексте других финно-угорских эпосов упоминается и в работе «Вновь о финно-угорских эпосах» (Ismét a finnugor eposzokról): говорится о переводе поэмы на коми язык, ее переиздании, захоронении К. Жакова на родине, изучении его наследия [10].

В статье «Истории литератур малых финно-угорских народов» (A kisebb finnugor népek irodalomtörténete) приводя свою периодизацию истории литератур родственных народов и говоря о первом этапе их становления, П. Домокош напоминает, что основатели национальных литератур являются в то же время и первыми учеными (этнографами, историками, лингвистами) своих народов и приводит в пример, наряду с И. Куратовым и Г. Лыткиным, имя К. Жакова [9, с. 41].

Среди прочих проблем, задач и возможностей, возникающих перед финно-угорским литературоведением, в статье «Задачи и

возможности в исследовании уральских литератур» (Tennivalók és lehetőségek az uráli irodalmak kutatásában) П. Домокош упоминает недоступность произведений финно-угорских авторов (в том числе и коми) для венгерских (и вообще западных) исследователей и приводит в пример творчество К.Ф. Жакова, а также пишет о разногласиях, возникающих с коми коллегами по поводу оценки его фигуры и творчества [6, с. 90-91; 17, с. 202-203].

Помимо П. Домокоша, к К.Ф. Жакову и его поэме «Биармия» обращается и Янош Пустаи (Pusztay János). В статье «Литература как залог выживания языка» (Az irodalom mint a nyelv megmaradásának biztosítéka) автор рассматривает «Калевалу» как один из элементов, способствовавших становлению финской нации и укреплению статуса финской культуры и финского языка, и на этом примере рассматривает стремление других финно-угорских народов к обнаружению или созданию собственных эпосов.

Петер Домокош совместно с Эриком Васои (Vászoly Erik) являются авторами статьи о К.Ф. Жакове в «Энциклопедии мировой литературы» (Világirodalmi lexikon), издаваемой в Будапеште в 1970-1996 гг. Это издание, включающее в себя 19 томов, 14971 страниц и более 70 тысяч заглавных слов, является самым монументальным трудом венгерского литературоведения и самой большой в мире литературной энциклопедией. Она включает в себя статьи о поэтах и писателях, статьи, посвященные произведениям, не имеющим авторов (напр., «Калевала», «Песнь о Нибелунгах» и др.), описания отдельных национальных литератур (русская литература, немецкая литература, финская литература и т.п.), литературных направлений (романизм, натурализм и др.), форм и жанров, наиболее известных и значительных литературных журналов (например, «Современник») и обществ, толкование литературоведческих терминов и понятий (аллитерация, метафора, сравнение и т.п.), а также содержит заглавные слова, относящиеся к философии и этнографии. Помимо статей о поэтах и писателях, в энциклопедию включены сведения о литературоведах, философах, лингвистах.

Наряду с классическими, европейскими и большими современными литературами и их представителями в энциклопедию вошли статьи о литературах менее известных, более экзотичных. Она включает в себя и материалы, посвященные литературам финно-угорских народов, в том числе

и коми. В XVIII томе энциклопедии (1995 г.) помещена статья о К.Ф. Жакове. В ней рассматривается жизненный путь и творчество коми писателя и философа, отмечаются особенности его произведений, указываются венгерские переводы, литература о нем, вышедшая в Венгрии [15].

Помимо К.Ф. Жакова, в энциклопедии представлены следующие коми поэты и писатели: И.М. Вавилин, А.Е. Ванеев, П.Г. Доронин, Н.М. Дяконов, С.И. Ермолин, И.В. Изьюров, И.А. Куратов, М.Н. Лебедев, Г.С. Лыткин, В.И. Лыткин, А.А. Лыюров, И.И. Пыстин, Н.П. Попов, В.А. Попов, С.А. Попов, А.П. Размыслов, Я.М. Рочев, В.А. Савин, И.Г. Торопов, Г.А. Федоров, Н.А. Фролов, В.Т. Чисталев, П.Ф. Шахов, П.А. Шеболкин, Ф.В. Щербаков, В.В. Юхнин, Г.А. Юшков. Также в энциклопедии имеются статьи, посвященные П.А. Сорокину, А.К. Микушеву и А.И. Туркину. Последний фигурирует в ней как автор нескольких публикаций, посвященные венгерско-коми литературным связям. Авторы статей, касающихся коми литературе – Э. Васои и П. Домокош.

Статья о К. Жакове вошла и в изданную П. Домокошем в 1990 г. «Финно-угорскую биографическую энциклопедию» [7, с. 342].

В 1996 г. в преддверии II Всемирного конгресса финно-угорских народов вышло издание «Мир финно-угорских народов» (A finnugorok világa).

В книгу вошли очерки об истории родственных народов, об уральской прародине, о венграх-исследователях уральских территорий, о сотрудничестве Венгрии с финно-угорскими регионами. Данное издание также включает в себя статистические данные о финно-уграх, важнейшие документы финно-угорского движения и перечень региональных законодательных актов, касающихся родственных народов. В книгу вошел именной указатель наиболее значительных представителей уральских народов, включающий даты жизни и род их деятельности. В списке фигурирует и имя К.Ф. Жакова с указанием – фольклорист, философ, писатель.

В 2000 г. под названием «Наши родственники по языку» (Nyelvrokopaink) вышло второе дополненное и расширенное издание этой книги. В новую редакцию были добавлены главы, посвященные описанию финно-угорских языков и литератур. Раздел, касающийся наиболее значимых представителей, был переработан, вошедшие в него имена получили более развернутые описания. Так, о К. Жакове, помимо дат жизни и того, что это – фольклорист, философ, писатель, говорится,

следующее: «Исследователь, видящий коми традиции и прошлое в финно-угорском контексте, одна из наиболее разносторонних фигур в истории коми культуры» [17, с. 494].

С целью популяризации знаний об уральских народах, их истории, культуре и литературе в 1998 г. была издана книга «Финно-угорский путеводитель» (Finnugor kalauz), авторами которой являются исследователи, находившиеся какое-то время непосредственно в среде описываемого ими народа. О коми пишет Атила Добо, в числе известных коми упоминает К.Ф. Жакова [4, с. 88].

В 2001 г. в г. Сольнок увидела свет книга под названием «Финно-угорское всемирное наследие. Справочник по хунгарологии для студентов» (Finnugor világörökség. Magyarságismereti vademecum diákok számára) Цель издания: показать, что финно-угорские народы дали миру, чем обогатили человечество, т.е. представить некоторые из достижений науки и искусства венгров, финнов, эстонцев и российских финно-угров и их авторов. В главе «Малые финно-угорские народы и мир» ее автор Марта Чепреги (Csepregi Márta), наряду с хантыйскими и мансийскими писателями Ю. Шесталовым и Е. Айпиным, эрзянским скульптором С. Эрзей, несколькими спортсменами из коми и удмуртов пишет и о коми П. Сорокине и К. Жакове, знакомит с их биографиями и творчеством [3, с. 191].

Имя К.Ф. Жакова встречается и на страницах венгероязычной Википедии. В статье, посвященной коми народу [23] в разделе «Коми культура», приводится список известных коми, включающий в себя 6 фамилий: Стефан Пермский, Иван Куратов, Питирим Сокрокин, Каллистрат Жаков, Василий Лыткин, Лидия Логинова. Для каждого дается краткая характеристика деятельности, то, чем знаменита данная личность, например, И. Куратов – наиболее значительный коми поэт XIX в., «коми Петёфи», В. Лыткин – финно-угровед, поэт, учился в Венгрии. О К. Жакове сообщается следующее: этнограф, вольнодумец, философ, умер в эмиграции.

К.Ф. Жаков, как один из представителей коми народа, имеющих мировую известность, (часто наряду с П. Сорокиным), упоминается и на других венгерских электронных ресурсах, где присутствует общее описание коми народа, коми культуры и литературы. Например, на сайте Общества Регули [24] можно прочесть: «Два коми ученых приобрели мировую известность: Каллистрат Жаков (1866–1926) – психолог, философ, писатель, энциклопедист, профессор нескольких российских универси-

тетов, автор «Биармии» – поэмы об истории коми народа, содержащей 6000 строк и созданной по примеру «Калевалы»; Питирим Сорокин (1889–1968) – фольклорист, философ, лидер национальной интеллигенции, в 1922 г. был вынужден эмигрировать, в США стал известным социологом, профессором».

Переводы

В 1975 г. в Будапеште выходит антология финно-угорских литератур «Медвежья песня» (Medveének: A keleti finnugor népek irodalmánk kistükré) В это издание входит перевод отрывков из автобиографической повести К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» (Részletek az „Egy emberöltön át” című önéletrajzi regényből). Для перевода на венгерский язык Эникё Сий (Szij Enikő) выбрала отрывки, повествующие о моменте рождения К. Жакова, о путешествии маленького Каллистрата с другом в Серегово и обратно, о поездке к удмуртам и мордве [19; 3, с. 33; 23]. Этот же перевод в 2004 г. вошел и в сборник текстов из финно-угорских литератур для чтецов прозы и поэзии (Dalom, dalom, hej! Régem, regem, haj! Szöveggyűjtemény vers- és prózamondóknak a rokon népek irodalmából) [21].

В 1984 г. была издана двухтомная антология «Финно-угорско–самодийские (уральские) предания и легенды» (Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák. I–II), в первый том которой входят коми произведения, в том числе и «Атаман Шыпича» (Sipitsa atamán) – литературная обработка К.Ф. Жакова предания об одноименном колдуне-разбойнике, жившем когда-то у устья Сысолы и убитом новгородскими ушкуйниками. Автор перевода Э. Сий. Помимо «Шыпичи», в сборник вошли также такие легенды и предания, как «Юрка», «Тунныр-Як», «Көртайка» (переработка М.Н. Лебедева), «Яг Морт» (переработка М.Н. Лебедева), «Как появилась земля», «Создание Луны и Солнца», «Когда на земле появились комары и слепни», «Шомуква» и др [20].

За исключением латышского переложения «Биармии» Яниса Райниса (1924 г.) вышеназванные публикации – по нашим данным, единственные переводы произведений К.Ф. Жакова как на финно-угорские, так и на другие иностранные языки, и, вообще, до переиздания творчества коми писателя и философа на родине в 1990-е гг. – единственные повторные публикации его наследия.

Литература

1. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993.
2. Ракин Н.А. Приложения к работе «„Калевала” на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода» // «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. Тарту: University of Tartu Press, 2014.
3. Csepregi Márta. A kisebb finnugor népek és a nagyvilág // Finnugor világörökség. Magyarságismereti vademecum diákok számára. Szerk. Páldi János. Szolnok, 2001. 190–195 L.
4. Dobó Attila. Komiföldi Betekintő // Finnugor Kalauz. Szerk. Csepregi Márta. Budapest: Panoráma, 1998. 81–89 L.
5. Domokos Péter. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985.
6. Domokos Péter. Tennivalók és lehetőségek az uráli irodalmak kutatásában // Náprijaz és Nyelvtudomány. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae: Sectio Ethnographica et Linguistica. XXIX–XXX. 1985–1986. 89–99.
7. Domokos Péter. Finnugor életrajzi lexikon. Budapest, 1990.
8. Domokos Péter. Egy zürjén polihisztor. Kallistrat Flajejevics Zsakovról // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. SUST–MSFOu. 215. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1993. 61–65. URL.
9. Domokos Péter. A kisebb finnugor népek irodalomtörténetei (Истории литератур малых финно-угорских народов) // Domokos Péter. Négy tanulmány (három ráadással). Budapesti Finnugor Füzetek 4. Budapest, 1996. 39–44 L.
10. Domokos Péter. Ismét a finnugor eposzokról // Magyarok térben és időben. Nemzetközi Hungarológiai Konferencia. Tatabányai-Esztergom. 1996. Május 28–31. Tata, 1999. 61–66 L.
11. Domokos Péter. A Kalevala nálunk és nyelvrokonainknál // Kortárs. 1999. №12. 105–109 L.
12. Domokos Péter. Egy zürjén polihisztor. Kallistrat Flajejevics Zsakov // Domokos Péter írásaiból. Urálistikai tanulmányok 11. Budapest, 2002. 117–120 L.
13. Domokos Péter. A Kalevala nálunk és nyelvrokonainknál // Domokos Péter írásaiból. Urálistikai tanulmányok 11. Budapest, 2002. 125–130 L.
14. Domokos Péter. Tennivalók és lehetőségek az uráli irodalmak kutatásában // Domokos Péter írásaiból. Urálistikai tanulmányok 11. Budapest, 2002. 199–208 L.
15. Domokos Péter, Vászoly Erik. Zsakov Kallistrat Flajejevics // Világirodalmi lexikon. XVIII. Budapest, 1995. 242 L.
16. Hajdú Péter, Domokos Péter. Urali Nyelvrokonaink. Budapest: Tankönyvkiadó, 1978.
17. Nanovszky György. Nyelvrokonaink. Budapest, 2000.

18. Rakin N. Hungarian – komi and komi – hungarian translations // XXXI. International Finno-Ugric Students' Conference. Pécsi Tudományegyetem. 15.–18.04.2015. Abstracts. Pécs, 2015. C. 82–83 L.
19. Zsakov Kallsztrát. Részletek az „Egy emberöltőn át” című önéletrajzi regényből. Ford. Szij Enikő // Medveének: A keleti finnugor népek irodalmánk kistükré. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975. 323–337 L.
20. Zsakov Kallsztrát. Sipitsa atamán. Ford. Szij Enikő // Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák. II. Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1984. 473–476 L.
21. Zsakov Kallsztrát. Részletek az „Egy emberöltőn át” című önéletrajzi regényből. Ford. Szij Enikő // Dalom, dalom, hej! Régem, regem, haj! Szöveggyűjtemény vers- és prózamondóknak a rokon népek irodalmából. Válog. és szerk. Nagy K., Fehérvári Gy. Budapest, 2004. 438–440 L.
22. Zsirai Miklós. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1994.
23. <https://hu.wikipedia.org/wiki/Komik> (дата обращения: 5.03.2018).
24. <http://www.regulvtarsasag.hu/nvelvrokonaink-14-testver/permiek-2/komik/> (дата обращения, 05.03.2018).

4.3. Концептуализация творчества К.Ф. Жакова в русскоязычном газетном дискурсе Республики Коми

Каллистрат Фалалеевич Жаков – значимая фигура в культуре Республики Коми. Широкому кругу читателей он стал известен не так давно, поэтому его наследие сейчас активно исследуется, а творчество находит отображение в новых видах искусства. Популяризации произведений и идей К.Ф. Жакова служат и республиканские СМИ, в том числе, газеты. Основной целью газетного дискурса является транслирование (или ретранслирование) информации различных типов, вследствие чего можно сделать вывод о том, что именно через СМИ современный человек получает сведения о действительности, а значит, дополняет свою языковую картину мира. Масс-медиа «благодаря своей посредствующей функции, не только отображает события реальной действительности, но и, интерпретируя их (через свойства медиаканалов, идеологические установки, культурную специфику), создает особую – публицистическую – картину мира» [13]. Посредством газетного дискурса в сознании современного человека формируется представление о

К.Ф. Жакове, его творчестве и биографии, иными словами, происходит концептуализация.

Отметим, что исследование концептуализации творчества К.Ф. Жакова является лишь частью нашего исследования, посвященного анализу концептосферы «коми национальная культура» в региональном русскоязычном газетном дискурсе. Концептосферу мы понимаем как когнитивный конструкт, охватывающий «все концепты, характеризующие тот или иной фрагмент действительности..., сложившиеся в том или ином социуме» [10, с. 198]. В концептосфере «коми национальная культура» мы выделяем когнитивную структуру-гипероним «коми писатели», внутри которой имеется когнитивная структура-гипоним «К.Ф. Жаков».

Будучи когнитивной единицей, а значит, не имеющей явной материальной оформленности, когнитивная структура-гипоним «К.Ф. Жаков» имеет разные варианты вербализаций, а именно: (*выдающийся / известный / коми-зырянский*) *коми ученый* [14, с. 4], *ученый-энциклопедист* [14, с. 4], *ученый-этнограф* [7, с. 11], *литературовед* [7, с. 11], *ученый-философ* [12, с. 21], (*коми / коми русский*) *писатель* [12, с. 21], *этнограф* [11, с. 8], *философ* [11, с. 8], *профессор философии* [14, с. 4], *фольклорист* [14, с. 8], *лингвист* [8, с. 6], *исследователь* [8, с. 6], *публицист* [6, с. 5], *чудаковатый джентльмен* [14, с. 4], *пармаса пророк / «пророк пармы»* [3, с. 7], *знаменитый / выдающийся земляк* [8, с. 6], *зырянский Фауст* [15, с. 5], *сын северных лесов* [14, с. 4], *сын далекой земли Пармы* [14, с. 4].

Как видно из приведенных примеров номинирования, К.Ф. Жаков, в первую очередь, представлен как ученый и писатель. Отметим, что особую поэтичность образу исследователя придают метафорические репрезентанты когнитивной структуры-гипонима «К.Ф. Жаков», однако, предположим, что указанные перифразы (*пармаса пророк / «пророк пармы», знаменитый / выдающийся земляк, зырянский Фауст, сын северных лесов, сын далекой земли Пармы*) являются контекстуальными и не имеют распространения в массовом русскоязычном сознании, за исключением наименования «зырянский Фауст», бытующего в научных текстах (см. [4]).

Опираясь на вышеупомянутые варианты вербализации когнитивной структуры-гипонима «К.Ф. Жаков», можно определить ряд дифференциальных когнитивных признаков (ДКП) исследуемой когнитивной структуры. Так, многочисленные упоминания научных и литературных трудов ученого, их цитирование и позиционирование К.Ф. Жакова на страницах

газет как исследователя и литератора позволяют нам выделить ДКП 'коми ученый', 'коми писатель'. Среди самых известных произведений К.Ф. Жакова часто называется эпическая поэма «Биармия», поэтому к неперемемному ДКП следует отнести автор поэмы «Биармия». Вышеупомянутые описательные обороты, а также такая краеведческая деятельность Жакова, как, например, намерение издавать газету на коми языке [7, с. 11] или создание в Усть-Сысольске отделения изучения Русского Севера [16, с. 7], дают нам основание для выделения дифференциальных когнитивных признаков 'патриот', 'коми'. Личность К.Ф. Жакова можно назвать известной, значимой и авторитетной, подтверждением чему служат публикации республиканских газет о предложении установить в Вильгорте сквер имени Жакова [3, с. 7] или включить его в список лиц, о которых напишут в региональном варианте серии книг «Жизнь замечательных людей» [1, с. 4]. В поддержку постулата о том, что К.Ф. Жаков является выдающимся писателем, служат отсылки к другим авторитетам: «О произведениях Жакова положительно отзывались Александр Блок, Валерий Брюсов, Алексей Горький и другие» [12, с. 21], а в ряде случаев Жаков сам выступает как авторитетный человек, даже в исключительно бытовых ситуациях: «Лодки связали вместе... вдруг кто-то ночью стащит?! Да еще недавно прочитала книжку Каллистрата Жакова «Сквозь строй жизни». Он эти места проплывал в конце 19-го века... и уже тогда, на пустынной реке, опасался воров» [18, с. 11]. Все это позволяет нам также выделить ДКП 'выдающийся' и 'авторитетный'. Более того, данные ДКП позволяют в газетном дискурсе поставить фигуру К.Ф. Жакова в один ряд с такими личностями, как П.А. Сорокин, В. Налимов, Стефан Пермский, В. Кандинский, П. Домокош, П. Чисталев, Л. Лыткин. Предположим, что построение подобного ассоциативного ряда в газетных текстах становится возможным при актуализации для каждого из имен (мы также рассматриваем их как когнитивные структуры-гипонимы концептосферы «коми национальная культура») таких дифференциальных когнитивных признаков, как 'коми' и 'выдающийся'. Вероятно, исключение составляет фигура журналиста Л. Лыткина, который оказывается связанным с К.Ф. Жаковым смежно: и благодаря путешествиям и исследованиям Л. Лыткина, удалось вернуть добрую славу К.Ф. Жакова на Коми земле [6, с. 5].

В республиканском газетном дискурсе можно встретить и описания внешнего облика К.Ф. Жакова, например, в материале Н. Печорской портрет Жакова во время презентации его поэмы

«Биармия» в Латвии рисуется как образ *«одиноко стоявшего бородатого человека в белых перчатках, одетого во фрак и обутого в ... сапоги... Жаков не признавал другой вид обуви. «Мне, сыну северных лесов, привычнее в сапогах», – говорил он»* [14, с. 4]. Данное наблюдение позволяет нам предположить, что когнитивная структура-гипоним «К.Ф. Жаков» имеет такой ДКП, как ‘чудаковатый’.

Определив базовые дифференциальные когнитивные признаки когнитивной структуры-гипонима, попытаемся определить ее наполнение, а именно, обозначить ключевые подструктурные элементы, входящие в состав когнитивной структуры-гипонима «К.Ф. Жаков». К элементам исследуемой когнитивной структуры-гипонима относятся единицы, отражающие его творческое наследие (в том числе, цитаты произведений), факты биографии, его родственные связи, узнаваемые атрибуты и проч., ассоциированные с К.Ф. Жаковым и упоминаемые в газетах Республики Коми. Мы классифицировали подструктурные элементы по нескольким условным группам:

Атрибуты Жакова: портрет девочки, сапоги, борода, мало-ухоженный.

Творчество Жакова: «Биармия», «Парма лов», певцы-сказители, Яур, Ош-пи, Ворморт, Оксор, Райда, Рында пöль, Яг Морт, первые записи о Пере-Богатыре, «Жаков о воспитании», «Сквозь строй жизни», «На Север, в поисках за Памом Бурмортом» (книга о Паме-сотнике), сказки, «Золотая сказка», «Сказка серебряная», сказка «Майбыр», «Под шум северного ветра», рукописный архив, лимитизм.

Биография Жакова: Давпон, Рига, дочь Райда, И.П. Бобракова, родословные земляческие чтения в Москве, фамилия Жаков.

Стоит отметить, что в рамках одной концептосферы «коми национальная культура» между ее составляющими имеется связь. В нашем исследовании когнитивная структура-гипоним «К.Ф. Жаков» выражает такую часть коми национальной культуры, как коми литература, однако, в газетном дискурсе мы находим отсылки и к другим разновидностям культуры. Так, упоминание того, что *«В 1992 году поэт Михаил Елькин перевел «Биармию» на коми язык»* [2, с.5] отсылает нас к коми языку. Анонсирование выставки художника-этнофутуриста Павла Микушева, которая *«посвящена Каллистрату Жакову и его поэме*

«Биармия», созданной на основе скандинавских саг и финно-угорских преданий» [9, с. 4], дает нам право обозначить точки соприкосновения коми литературы и коми авторского изобразительного искусства. Сразу четыре области культуры, а именно, коми литература, коми язык, коми национальное музыкальное творчество и коми театр актуализируются в публикации о комиязычной постановке Коми Республиканского национально-драматического театра «Парма лов», сюжет которой опирается на несколько глав поэмы «Биармия», а музыкальное сопровождение к которой написал М. Бурдин, руководитель ансамбля этномызыки «Зарни ань» [2, с. 5]. Следует также упомянуть о взаимосвязи коми литературы и коми мифологии: при перечислении подструктурных элементов, входящих в когнитивную структуру-гипоним «К.Ф. Жаков», можно обнаружить имя Перы-Богатыря, красавицы Райды, которые относятся к мифологическим персонажам народа коми (пермяков и зырян).

Стоит отметить, что при концептуализации творчества К.Ф. Жакова в сознании невозможно оставаться только в рамках концептосферы «коми национальная культура». При анализе газетного дискурса Республики Коми найдены неоднократные упоминания финского эпоса «Калевала» в связи с поэмой К.Ф. Жакова «Биармия», как это, например, представлено в тексте о спектакле «Парма лов» по мотивам глав поэмы: «*Парма лов*» – не первый «эпический» спектакль театра. Еще в 1993 г. был поставлен музыкальный спектакль «Куллерво» по сюжету из финского эпоса «Калевала»» [2, с. 5]. Таким образом, можно говорить о выходе за рамки концептосферы «коми национальная культура» и об актуализации более обширных областей знания. В нашем исследовании они называются концептуально-тематические области (КТО), а именно, когнитивные структуры, отражающие «различные сферы опыта человека, как элементов его картины мира. Иначе говоря, физическая, тематическая, функциональная и другая общность объектов, устанавливаемая человеком, способствует структурированию и группировке приобретаемых знаний по областям и сферам их получения и применения, а их языковая репрезентация приводит к формированию соответствующих концептуально-тематических областей в языковой картине мира» [5]. В случае с категоризацией таких когнитивных компонентов, как «Биармия» и «Калевала»» можно говорить о

концептуально-тематической области «эпос народов мира», объединяющей их в одну категорию. Иными словами, подструктурный элемент «Биармия», будучи компонентом когнитивной структуры-гипонима «К.Ф. Жаков», предоставляет доступ к КТО «эпос народов мира», то есть выводит сознание читателя за рамки концептосферы «коми национальная культура».

Итак, мы выяснили, что фигура К.Ф. Жакова в газетном дискурсе Республики Коми представляется, в первую очередь, как фигура выдающегося коми писателя и ученого, о чем говорят дифференциальный когнитивные признаки когнитивной структуры-гипонима «К.Ф. Жаков», а именно 'коми писатель', 'коми ученый', 'автор поэмы «Биармия», 'патриот', 'коми', 'выдающийся', 'авторитетный', 'чудаковатый'. Когнитивный анализ показал, что невозможно, изучая творчество К.Ф. Жакова, рассматривать его только как писателя, иными словами, оставаться в рамках одной области культуры – коми литературы – не рассматривая таких разновидностей культуры, как коми язык, коми театр», коми авторское изобразительное искусство, коми мифология, коми национальное музыкальное творчество, из чего можно сделать вывод о том, что творческое наследие К.Ф. Жакова является достоянием для коми культуры в целом. А актуализация КТО «эпос народов мира», не входящей в концептосферу «коми национальная культура», дает нам право говорить о взаимовлиянии К.Ф. Жакова и мировой культуры.

Литература

1. Артеев А. Достояние замечательных людей // Республика. 2015. 8 августа. С. 4.
2. Артеев А. Душа и краски легендарной Биармии // Республика. 2012. 24 января. С. 1.
3. Артеев А. Сквер имени Каллистрата Жакова // Республика. 2015. 10 октября. С. 7.
4. Белоконь С.И. Зырянский Фауст. URL: http://zyrians.foto11.com/belokon_zhakov-zyrian-faust (дата обращения: 7.05.2015).
5. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция. URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/250.pdf> (дата обращения: 12.12.2015).
6. Галоян Л. Ровесник коми радио // Красное знамя. 2011. 20 октября. С. 5.

7. Джавршян Г. Газета для зырян // Красное знамя Севера. 2014. 23 сентября. С. 11.
8. Джавршян Г. Мастер слова // Красное знамя Севера. 2014. 12 августа. С. 6.
9. Дяковская М. Микушев раскрасил «Биармию» // Красное знамя. 2011. 22 сентября. С. 4.
10. Лебедько М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер : Дис. ... доктора филол. наук. Владивосток, 2002. 363 с.
11. Муравьев В. Сквер Жакова обустроят в Выльгортe // Красное Знамя Севера. 2015. 17 марта. С. 8.
12. Народная азбука: от А до Я // Красное знамя. 2011. 16 июня. С. 21.
13. Нестерова Н.Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению. URL: http://yspu.org/images/4/46/Нестерова_статья.doc (дата обращения: 7/02.2016).
14. Печорская Н. Тайна «Мадонны» Жакова // Красное знамя. 2014. 27 марта. С. 4-5.
15. Сивкова А. Святыню отправили на реставрацию // Республика. 2009. 14 января. С. 1, 5.
16. Сова В. Вековой юбилей первого коми музея // Красное знамя. 2011. 9 апреля. С. 7.
17. Холопова Е. По реке // Красное знамя Севера. 2015. 28 июля. С. 11.

4.4. К вопросу изучения автобиографического романа К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» на уроках литературы

В соответствии с «Концепцией литературного образования в национальных школах России» изучение родной литературы на отделении финно-угорской филологии Республиканского лицея для одаренных сельских детей имеет целью: приобщение учащихся к нравственно-эстетическому опыту родного народа; формирование литературоведческих и эстетических знаний учащихся, навыков и умений, обеспечивающих освоение художественных ценностей и развитие творческих способностей. Изучение коми литературы в лицее состоит из двух этапов. Основной задачей первого этапа является формирование теоретико-литературных знаний и навыков самостоятельного анализа художественного текста, чем подготавливается

восприятие историко-литературного курса. Второй этап строится с учетом особенностей развития истории коми литературы. Программа предусматривает и изучение творчества К.Ф. Жакова. Основная установка направлена на то, чтобы познакомить учащихся с отдельными фактами биографии и творчеством писателя, пробудить интерес к его личности, сформировать понятие «автобиографическое произведение», с которым непосредственно связано понятие «образ рассказчика» в сопоставлении с «образом автора».

Изучение автобиографического романа К. Жакова «Сквозь строй жизни» опирается на его жанровую специфику. Именно жанр для читателя-школьника выполняет роль наиболее простой и удобной «маркировки» произведения, дает возможность настроиться на определенную волну восприятия. Считается, что общение читателя автобиографии и ее автора происходит более эмоционально и лично, чем при чтении произведений других эпических жанров, т.к. в данном случае создается иллюзия непосредственного соприкосновения с судьбой реально существующих людей в реально бывших обстоятельствах. С другой стороны, при изучении автобиографической прозы чаще всего допускается сведение смысла, содержания, сюжета произведения к поверхностному пересказу. Ученики при анализе нередко выходят за пределы текста, говорят больше о жизненных ассоциациях. Разговор о героях ведется не как о художественных образах, а как о живых людях: составляются формальные, оторванные от художественной ткани произведения характеристики героев, беседа о художественных особенностях текста подчас выглядит как необязательное добавление к основному материалу. Это происходит за счет того, что прием повествования от первого лица, на который ориентируется автобиографический текст, позволяет писателю реализовать установку на достоверность, привнести субъективное начало. «Я» рассказчика выступает не только как субъект речи, но и как объект самоописания и самоизображения. Таким образом, следуя событиям романа «Сквозь строй жизни», имеющим реальную основу, читатель-школьник имеет возможность охватить взором жизнь К. Жакова, ключевые ее моменты, начиная с рождения, первых детских впечатлений, учебы в уездном училище, учительской семинарии, работы на Холуницком заводе, обучения в реальном училище и т.д. [5]. Собственно поэтому роман и воспринимается учащимися как

источник «справок» для построения биографии писателя, но не как самостоятельное художественное произведение.

Основными формами и приемами, рекомендуемыми для изучения автобиографических произведений в школе, являются: 1) знакомство с фактами биографии писателя; 2) анализ композиционной организации текста; 3) наблюдение над лексикой и синтаксисом произведения для выявления голоса героя в авторском повествовании; 4) беседа о способах передачи автором внутреннего состояния героя. Также исследователями отмечается, что полноценное понимание структуры и внутренних законов художественного произведения невозможно без обращения к проблеме образа автора. Особенно важно это при разговоре о литературе автобиографической, где автор и герой максимально приближены друг к другу, но в большинстве случаев не идентичны. Н.А. Николина, говоря о максимальной близости автора к герою как о характерной особенности автобиографических произведений, подчеркивает, что «образ повествователя ... не просто одна из речевых масок автора, но и непосредственное самовыражение его как определенной языковой личности, обладающей конкретной биографией» [6, с. 112]. Самообъективируясь в тексте, субъект пристрастен к предмету изображения и склонен к его идеализации. Это согласуется с тезисом Л.Я. Гинзбург о том, что автор «произведений... автобиографического жанра всегда является своего рода положительным героем» [1, с. 210]. Он субъективен, утверждает справедливость высказываемых им оценок; его интенцией является исповедальность, т.е. изначальная установка на подлинность того, о чем повествуется. Автор наделяет героя своей биографией, судьбой и характером. Тем не менее эти две фигуры не всегда тождественны, хотя многие структурные особенности произведения создают видимость совпадения. К ним относятся форма повествования от первого лица и внешнее сходство автобиографического героя с автором. Но вернее будет сказать, что в автобиографическом герое автор не отражает зеркально, а скорее осмысляет свою биографию, не копирует реальность прямо, а творчески преобразует ее. От понимания того, что автор все знает, ему известно, что думают, чувствуют и переживают его герои, учащиеся должны прийти к пониманию того, как выражается в произведении авторская позиция.

Поскольку изучение романа К. Жакова «Сквозь строй жизни» идет в сопоставлении с биографией писателя, этому вопросу

посвящается вводный урок. После чтения романа следует обсудить с учащимися такие вопросы, как: есть ли в жанрах автобиографического характера вымысел, почему; как называют реальное лицо, послужившее основой для создания художественного образа; как перекликается биография писателя и его роман, что нового узнали школьники о жизни писателя из этого произведения; есть ли какая-либо связь между сюжетом романа и жизнью писателя, возможно ли сопоставить художественный текст с фактами автобиографии К. Жакова. Закончить эту часть урока можно рассуждениями о том, что такое автобиографический рассказ и какие еще произведения подобного жанра им известны. Последующий урок посвящается работе над характером главного героя. При этом выделяются следующие параметры: а) личностность автобиографического героя; б) степень его близости к автору, в связи с этим – особое отношение автора к своему герою; в) взаимоотношения автобиографического героя с другими персонажами; г) способы изображения героев. Учащиеся должны прийти к выводу о том, что в автобиографическом герое автор осмысливает свою биографию. Сам К. Жаков писал: «Биография есть главное сочинение писателя, – говорит мудрое изречение, поэтому я, рисуя свою жизнь, отношусь к себе как постороннему и пишу все то, что было, ведь цель моя – показать, что жить так, как я жил, очень трудно и не следует» [3, с. 156]. Исследователями отмечается, что автобиографический герой К. Жакова для автора-повествователя – не просто «другой», а «другой как третий», почти «чужой», в котором он с неудовольствием признает себя [7, с. 201]. В ходе чтения романа, учащиеся эмоционально и лично видят, как меняется, строится, становится жизнь Феофилакта Панюкова или, как его еще называет автор, – Гараморта, который стремится к знанию и к поиску истины [2, с. 15]: «Вычитал, что до солнца от земли сто миллионов верст и даже более. Я ударил себя по лбу от удивления... Я задумался, думал день, думал ночь. Забыл работу, рубанок; стамеска и долото выпали из моих рук» [3, с. 48], «Вот как, в науках сказано, что и водяных нет, и семинаристы никого не боятся... Да, видно мне надо учиться. Только пойму ли я все это, ведь уж много мне лет, пятнадцатый год!» [3, с. 63]. И если герой К. Жакова растет и меняется, постепенно проходит школу жизни, то – автор-повествователь занимает стационарную позицию. По сути, он лишен развития – сразу предстает перед нами на высшей точке своего знания жизни [7, с. 203]. Образ авторского «я» – это образ взрослого,

умудренного опытом жизни человека, который осмысливает пережитое [4, с. 23–32]: «Я бы погиб уже давно, как человек, легко увлекающийся, если бы проблемы науки и философии не отвлекали меня от жизни. И это не прописная мораль, а выводы из жизни моей» [3, с. 122], «До чего я всегда был мечтателем, и к жизни неспособен, ни к ремесленной, ни к чиновничьей!» [3, с. 125].

В ходе чтения произведения учащиеся должны понять, что авторская позиция в романе выражается не только косвенно: через систему персонажей, развитие сюжета, с помощью выразительных деталей, речевых характеристик персонажей и т.п., но и прямо: через лирические отступления от основного текста. Отступая от сюжетного повествования, К. Жаков использует «задержку» сюжета для субъектной оценки совершенных им поступков, в том числе для выражения авторского «я»: «Увы! Увы! Мне не суждено было быть священником среди народа моего, как не удалось мне быть ни учителем народным, ни писарем волостным! Я должен был искать в жизни иные пути. Мне нужно познать себя, утолить себя наукой и стать независимым проповедником истины и правды. О, как трудно найти самого себя!» [3, с. 171]. Во время работы также выявляются основные доминанты авторского сознания – это монологическое повествование и прямооценочная точка зрения. Монологичность подразумевает направленность повествования на внутренний мир автора-героя. Во-вторых, повествование в романе проникнуто авторефлексией, что характерно для любого автобиографического жанра. Воссоздавая свою биографию, писатель сопоставляет и переоценивает факты жизни, прослеживает духовную эволюцию своего героя. Прямо-оценочная точка зрения обнаруживается в том, что отношение повествователя к описываемым событиям пристрастно. Субъект сознания высказывает прямые суждения и оценки. Текст подчеркнуто эмоционален, что создает явное ощущение причастности создателя произведения к описываемым событиям. Роман характеризуется углубленным психологическим анализом, при этом не только в отношении познания героя, но и в определении отношения автора к миру.

В качестве итога изучения автобиографического произведения рекомендуется написание отзыва в аспекте жанрового своеобразия, сочинения-стилизации на темы «Моя автобиография», «Памятный день летних каникул», «Как мы играли» и др. Ученикам предлагается рассказать о значительном событии в их жизни. Рассмотрим сочинения учащихся:

Самое важное событие в моей жизни

1. Для меня важным событием стало путешествие в Европу. Тогда мне было 14 лет. Это были самые радостные дни в моей жизни. Особенно в тот день, когда нас с друзьями отпустили гулять по Парижу. Нас было пять человек: Даша, Андрей, Ира, Юля и я. Решили поехать в местечко Монмартр, посмотреть на знаменитый белый католический храм Сакре-Кёр. Никто из нас не ориентировался в карте. Только Андрей немного разобрался в ней. Мы поехали на метро, было очень страшно, но наше настроение было великолепное. Тем более Андрей, сам по себе веселый человек, все время подтрунивал над нами:

– Ну что, девчонки, страшно? А не боитесь потеряться в этом городе?

– Да, очень страшно... – ответила наша трусишка Ира.

– Но очень интересно, – добавила я.

За разговорами мы и не заметили, как добрались до места.

Я как сейчас помню свои впечатления от знаменитого храма Сакре-Кёр. Это очень красивый храм из белого камня. Внутри храм не менее прекрасен, чем снаружи, поэтому ее стоит посетить каждому.

Потом решили сходить в Люксембургский сад. Но мы очень долго искали дорогу. Можно сказать, что потеряли ее. Поднялась паника. Однако через некоторое время успокоились, начали спрашивать у прохожих. Я и Даша немного могли разговаривать на французском языке. Через некоторое время мы все-таки вышли из бесконечных улиц Парижа к Люксембургскому саду. Мы сидели на траве, разговаривали, смеялись. Вспоминали, какое интересное путешествие у нас получилось.

Как часто я вспоминаю этот день. Наверное, я его никогда не забуду. Надеюсь, что мой визит в Париж не последний и мне еще раз удастся получить новые впечатления.

2. Самое радостное событие, наверное, то, когда я родилась. Потому что мне, можно сказать, повезло в жизни. Иногда я думаю: «А если бы я не родилась? У меня тогда не было бы того, что у меня сейчас есть». Например, моих родителей, которые меня очень любят, и я их тоже люблю. Не было бы брата, который меня тоже очень любит. Конечно, мы ссоримся, но это бывает у всех. Поэтому я радуюсь тому, что я появилась на свет.

А самым печальным событием является тот день, когда не стало моей бабушки. Это самое печальное событие, которое произошло, когда мне было 4 годика. Я все еще помню ее, я очень люблю ее. Она была моим идеалом. Мне так ее не хватает. Прошло уже 13 лет с того момента, а я все еще чувствую ее нежные прикосновения. Очень сильно хочется попасть назад в детство, чтобы побыть рядом с ней.

Работы учащихся отличаются высокой степенью отчетливости впечатления. Ученики выбирают события и осмысливают их. В первом рассказе соблюдены все повествовательные законы жанра, даны краткие характеристики героев, сам рассказ ведется обстоятельно и подробно, есть экспозиция, завязка, кульминация и развязка, в финале вывод и итог события. Эмоции ученика находят разнообразное выражение: от прямого высказывания «как сейчас помню» до эмоций «я никогда не забуду», «надеюсь». Однако в тексте не встречается ситуация речевого конфликта. Но важно, что предметом и главным содержанием повествования становится событие, главным действующим лицом которого является сам ученик, описывается состояние рассказчика. И именно его состояние и становится сюжетом движения мысли и чувства. Вторая работа иного характера. Если в первом тексте жанрообразующую роль играет событие, то во втором ученик выстраивает композицию по принципу контраста, и сюжет, объединяющий текст воедино, – это сюжет мысли. Пишущий размышляет о главных событиях своей жизни.

В заключение отметим, что эффективность изучения жанровых особенностей автобиографической прозы в процессе анализа идейно-художественного своеобразия эпических произведений возрастает при изучении автобиографического произведения и попутного ознакомления с фактами биографии автора, нашедшими отражение в романе, так как это способствует целостному восприятию художественного мира автора.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. 922 с.
2. Демин В.Н. К.Ф. Жаков как явление финно-угорской культуры XX в. // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 8-20 (Труды

Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; Вып. 55).

3. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996. 381 с.
4. Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып.269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 23-32.
5. Маратканова С.С. Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: Кедра Митрей и К. Жаков: спец. 10.01.02. – Литература народов РФ (финно-угорская); дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / науч. рук. А.С. Измайлова-Зуева. [Электронный ресурс]. Саранск, 2006. URL: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/avtobiograficheskij-zhanr-v-permskih-literaturah-nachala-xx-veka-kedra-itrej-k.html> (дата обращения: 15.03.2016).
6. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
7. Созина Е.К. Авторское самосознание в автобиографическом романе К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс / В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар, 2008. С. 198-215.

4.5. Сказки К.Ф. Жакова как основа занятий по развитию миропонимания детей дошкольного и младшего школьного возрастов

В век глобализации и компьютерных технологий наблюдается глубокий кризис в духовной сфере. На первое место выходит получение удовольствий от потребления, и даже на государственном уровне звучат заявления о формировании грамотного потребителя.

Уже с раннего дошкольного возраста дети получают доступ к виртуальному пространству, от которого со временем вырабатывается зависимость. Обусловлена такая ситуация многими причинами, в частности, отсутствием внимания со стороны родителей и старших членов семьи: совместное чтение книг, развивающие игры, общение со сверстниками заменяет для ребенка интернет. Подобный образ жизни вызывает у ребенка впоследствии глубокие психологические проблемы: он испытывает одиночество, не сформированы навыки общения с реальными людьми.

Как показывает традиционный семейный и педагогический опыт, важным фактором формирования миропонимания ребенка на ранних этапах жизни становится сказка. О значимости сказки в формировании миропонимания ребенка писали такие известные педагоги, как В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский и др.

Наша цель – на примере сказок К.Ф. Жакова («Сказка серебряная», «Золотая сказка», «Гулень на небе») наглядно продемонстрировать возможности использования сказки в педагогической деятельности, а также предложить возможные варианты приемов проведения занятий.

Под формированием основ миропонимания у детей чаще всего понимается целенаправленный и организованный процесс поэтапного включения детей в познавательную деятельность, создающий условия для представления о мире, отношения к миру и к самому себе [4, с. 298-300].

Как отмечает И.Э. Куликовская, особенностью миропонимания дошкольника является наличие трех взаимообусловленных уровней: мифологическое миропонимание, философское миропонимание, научное миропонимание [3, с. 101]. Стоит также отметить, что детское миропонимание исключительно динамично.

Всем этим критериям отвечают литературные произведения К.Ф. Жакова. Так, сказки писателя отличаются динамичностью сюжета: события в них, как правило, разворачиваются стремительно. В сказке «Гулень на небе» человек живет на земле, ленив, бедствует, но после воззвания к высшим силам немедленно оказывается на небе: *«Раз он вышел в поле и говорит: «Великий Бог, мой Ен прекрасный, возьми меня на небо, на земле мне скучно». Ен услышал его и взял на небо».*

В сказках автор изображает большие пространства. Так, в «Сказке серебряной» парень отправляется в дорогу через дремучий лес, на его пути встречаются соблазны власти, славы и богатства. Эти человеческие соблазны автор определяет как неистинные ценности, повторяя фразу «все неподвижное», а значит мертвое:

«И деревья, и статуи, и люди, и кони – все медное, все неподвижное».

«И все серебро кругом: деревья, люди и кони, все белое, серебряное, неподвижное».

«И все кругом из золота: люди, кони, деревья, фонтаны, птицы и звери – все золотое, все, как жар горит, и все неподвижное».

В конце пути герой выходит из дремучего леса и встречается с «живым»:

«Мальчики живые играют, там мужики пашут и сеют, а бабы с песнями боронят». «Диво! Все живое тут, и как приятно оно, живое-то. Человек-то ведь красив!»

Для произведений Жакова характерен символизм, элементы мифологического и философского мышления: исключительно все герои на своем пути встречаются с персонажами тонких духовных миров, и каждый из них подает знак человеку, как ему действовать далее:

«– Старик, долго ли ты будешь держать в руке луну и Землю освещать по ночам?! – спросил человек.

– Долго еще, – ответил старик, – число лет еще не кончилось в мире.

Сказав, он подал знак человеку дальше идти» («Золотая сказка»).

Динамичность сюжета произведений и динамичность мышления детей дошкольного и младшего школьного возрастов обуславливают необходимость формирования построения интерактивной среды с использованием методов игровой, театральной и исследовательской деятельности, непосредственным привлечением детей участниками занятий.

Рассмотрим кратко несколько приемов и методов возможного построения занятий на основе сказок К.Ф. Жакова.

Кукольный театр

В произведении «Гулень на небе» присутствуют яркие конкретные образы героев и объектов сказочного пространства, которые легки в изготовлении в качестве декораций и кукол: небесная корова-радуга, речка, месяц, старушка, старичок, бык, Млечный Путь, Бог, человек.

Яркие кукольные образы привлекают и фиксируют внимание детей, являясь привычными и понятными, а производимые действия героев абсолютно авторитетными: наглядно обозначаются добро и зло, правда и неправда, формируются убеждения о необходимости трудиться: «работа дана всему миру на утешение...» [2, с. 384].

Сюжетно-ролевая игра

Главный герой произведения «Сказка серебряная» – деревенский парень, гордый и нелюдимый, ему надоело жить среди людей, в итоге он отправляется странствовать.

Встречаются ему на пути и богатство, и слава, и власть в виде материальных артефактов. Образы медного шара, серебряного мальчика с крылышками, золотой плитки не могут не привлечь внимание ребят во время занятия.

Ключевым моментом в этой игре является непосредственное участие детей в самой сказке. Через определенную роль дети «проживают» своими эмоциями и чувствами события, при этом формируется новый поведенческий опыт. Дети приходят к выводу, что истинное богатство в жизни – это простое человеческое счастье быть рядом с близкими людьми, жить на родине, на своей земле.

Прием «стоп-кадра»

В процессе чтения или просмотра мультфильма в какой-нибудь противоречивый момент развития сюжета чтение или показ приостанавливается, и детям дается возможность предложить свой вариант развития дальнейших событий, найти творческое решение проблемной ситуации в поиске ответов на вопрос: «Как бы ты поступил на месте героев в той или иной ситуации?» [1, с. 13-17]. В процессе диалога происходит взаимный обмен впечатлениями, чувствами, идеями, что способствует становлению взглядов, убеждений и личной позиции ребенка. Здесь важно то, что только при возникновении противоречий проблемная ситуация является мощным источником мотивации познавательной деятельности детей, активизирует их мышление, направляет на поиск неизвестного.

Квест-игра

На основе произведения К.Ф. Жакова «Золотая сказка» детям предлагается выполнить ряд заданий для того, чтобы пройти нелегкий путь: собрать пазл карты дороги героя. Каждый пазл достается путешественникам не просто так, а после выполнения определенных интеллектуальных заданий.

Подобная квест-игра призвана на основе самостоятельных действий участников по преодолению препятствий и выполнению интеллектуальных заданий самостоятельно осваивать новые знания, приобретать новые поведенческие навыки, находить нестандартные решения поставленных задач.

Музей одного произведения

Создание музея одного произведения позволяет сочетать эмоциональное и интеллектуальное воздействие на детей.

Предпочтительной формой работы данного музея являются

театрализованные экскурсии, во время которых дети через сказки знакомятся с поступками героев, их характерами, предметами сказочного мира, а также принимают непосредственное участие в мини-спектаклях.

Например, ребят в начале занятия встречает волшебник. Ведь именно волшебник способен творить чудеса, именно он знает о добре и зле больше всех на свете. Волшебник будет проводником в сказочный мир.

На практике, как правило, применяется комбинация из приведенных методов проведения занятий, тем более, что сами произведения содержат в себе необходимые наборы исходных элементов для построения интерактивных сред.

Таким образом, сказки К.Ф. Жакова, обладая динамичностью сюжета, мифологическим и философским сюжетами, могут быть использованы в построении интерактивных занятий с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Возможными приемами и методами построения занятий на основе сказок могут быть: кукольный театр, сюжетно-ролевая игра, квест-игра, музей одного произведения, стоп-кадр. Предпочтительным является сочетание данных приемов.

Литература

1. Абитова Г.Т. Формирование основ информационного мировоззрения детей дошкольного возраста средствами культуротворческих технологий // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 13-17.
2. Жаков К.Ф. Гулень на небе // Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 383-385.
3. Куликовская И.Э. Категориальное видение картины мира ребенком // Ребенок в мире культуры. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1998.
4. Полякова О.Ю. Сущность и содержание понятий «мировоззрение», «миропонимание» и их взаимодействие // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 3. С. 298-300.

5. Формирование традиций К. Жакова в коми литературе

5.1. К проблеме подключения произведений К. Жакова к национальной словесности (на примере литературной трансплантации рассказа «Атаман Шыпича»)*

В послереволюционные годы и на протяжении 1920-х гг. имя Каллистрата Жакова часто встречается в краевой печати, а сам он воспринимается пионером и участником национально-культурного возрождения коми народа, национальным писателем. Так, в очерке о его творчестве в книге с «говорящим» названием «Коми писатели» (1926), ставшей первым обобщающим трудом о коми литературе, К. Жаков фигурирует под коми псевдонимом Палалей Кальё [5, с. 27-29], а в некрологах писателя, опубликованных в местной прессе, отчетливо звучит понимание роли его научного и литературного творчества в пробуждении национального самопознания и самосознания народа. 3 июля 1925 г. газета «Югд туй» сообщает о смерти писателя в Риге и так характеризует покойного: «Собиратель нашего народного эпоса», «национальный поэт, много поработавший над воссозданием в литературе утерянного в силу русификации и христианизации края древнейшего языческого лица нашего народа» (заметка подписана Виталием Беляевым, назвавшимся учеником профессора) [1].

Не удивительно, что один из первых поэтических сборников на коми языке «Вой төв шувгём» (Шум северного ветра, 1921) был назван созвучно известной книге К. Жакова «Под шум северного ветра». К сожалению, включенные в сборник произведе-

---

* Работа выполнена при поддержке Программы УрО РАН «Традиции и новации в истории и культуре», проект №15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

дения не приобрели той популярности, которую заслуживали (достаточно привести здесь в пример великолепный перевод «Песни о Соколе» М. Горького, выполненный В. Чисталевым), далее не переиздавались, да и сам сборник был забыт как недостаточно революционный, в отличие от вышедшей в том же 1921 г. книги советской коми поэзии «Гӧрд пӧлян» (Красная дудочка). Между тем, в сборнике «Вой тӧв шувгӧм» отчетливо выразилась потребность в большой, превышающей стихотворение, форме, которую испытывала национальная поэзия с первых своих шагов. Кроме жанровой, включенные в сборник произведения обладают еще одним свойством начинающей национальной литературы – все они представляют собой ту или иную форму творческого переноса русского или русскоязычного литературного опыта на коми почву. Такова и поэма «Шыпича», подписанная псевдонимом В.И. Лыткина «Визь».

Поэма имеет жанроопределяющий, отсылающий читателя к фольклору, подзаголовок «Важ йӧзлӧн висьталӧм» (Рассказ древних коми). Действительно, первоисточником ее сюжета и образа героя является народное предание о могущественном зырянском туне (колдуне) Шыпиче, жившем когда-то возле устья Сысолы, но при создании поэмы В. Лыткин опирается отнюдь не на фольклорный текст, а уже существующие к тому времени литературные обработки народного произведения: «Зырянскую легенду о Паме Шыпиче» В. Налимова (опубл. в 1903 г. в журнале «Этнографическое обозрение») и рассказ К. Жакова «Атаман Шыпича» (опубл. отдельным изданием в 1910 г.). Предание о Шыпиче в интерпретации В. Налимова и К. Жакова имеет как ряд сходжений, так и различий. Текст В. Налимова включен в традицию этнографической литературы о нерусских народах для русского читателя. Его сочинение имеет целью познакомить русского читателя с преданием о колдуне Шыпиче как оригинальном произведении коми народной словесности, дать как можно более полное представление о герое и, если можно так сказать, его биографии, поэтому имеет собирательный характер: в его фабуле соединены несколько народных сюжетов о Шыпиче, а рассказ о герое предваряется объяснительной запиской автора: «Прежде чем приступить к изложению легенды о паме Шыпиче, я считаю необходимым пояснить значение слова «пам», а также сказать несколько слов о личности Шыпичи и отношении к нему зырян» [6, с. 120-124], – пишет он. Рассказ К. Жакова «Атаман Шыпича» – литературное произведение в чистом виде. Все объясняющие моменты вклю-

чены в художественное повествование, которое воспроизводит ключевой эпизод народных преданий о Шыпиче – рассказ о его кончине. Лыткин-Визь идет по пути Жакова. Он также сосредоточен лишь на завершающем этапе жизни героя и, что важнее, – повторяет образно-стилевой строй жаковского рассказа, местами приближаясь к нему настолько, насколько возможно при самом близком, парафразном виде перевода с одного языка на другой и переносе прозы в стихотворную речь. Подтвердим примером. И рассказ, и поэма начинаются с описания мрачных дум героя – могущественного туна-чародея Шыпичи:

«О чем шумит дремучий лес близ устья Сысолы? Зачем так воют ветры севера, раскидывая листья красной ольхи, белой березы и рябины, над ковром густых шуршащих трав? К чему белые волны гремят вершинами и немолчно ударяются о песчаный берег? Из-за чего бегут караваны серых облаков, беломохнатые стада высокого неба, спеша и толкая друг друга?» [3, с. 409] (К. Жаков).

Мыйла увган, пармай?	Чем ты взволнована, моя парма,
Керӧс йылӧ сувтӧмьд.	Высоко вознесшаяся, раскинувшаяся
Сыктыв пӧлӧн пуксьӧмьд.	По берегам Сысолы?
Мый тӧд колӧ, вой тӧлӧй?	Что тревожит тебя, северный ветер?
Мыйла нетшкан коръяссӧ	Зачем ты срываешь листья
Еджыд кыдзлысь, ловпулысь?	Белых берез, ольховых деревьев?
Кытчӧ бара кымӧръяс,	Куда устремились облака?
Зумыштчӧмӧн лӧбзянныд?	Куда вы летите, угрюмые?
Вылі-вылі енӧжті	(Здесь и далее перевод подстрочный
Мӧда-мӧдтӧ тойлалад [2, с. 7]	наш. – В. Л.)

(В. Лыткин)

Шыпиче подвластны стихии природы, послушны ветер и вода, но он безоружен перед властью рока и терзаем мыслью о невозможности знать свое будущее, написанное в книге великого Бога Ена:

«Сердце мое неспокойно, и ужасные сны снятся каждую ночь. Все снятся мне какие-то многовесельные огромные лодки и люди, одетые в кольчуги, вооруженные невиданными ружьями. Они плывут сюда, в широкое устье Сысолы, и грозят мне издали, блестя саблями в воздухе. Перед чем все это? Или это кровь играет моя? ... Или это Бог возвещает мне великое

бедствие и кажет грядущее в сновидениях? ... Сердце болит мое постоянно...» [3, с. 410] (К. Жаков).

Йѳктѳ менам съѳлѳмѳй,	Бьется мое сердце, сжимается,
Кѳсйѳ потны, топѳдѳѳ.	Хочет лопнуть-разорваться.
Узьны менѳ оз лѳдзны	Не дают мне заснуть
Мисьтѳм, пемыд вѳтъясѳй.	Тяжелые, темные мысли.
Ѳти тор пыр вѳтася.	Один и тот же сон вижу я.
Гыа Сыктыв ва кузя	По бурным волнам Сысолы
Рочьяс пыжѳн кывтѳны,	Плывут на лодках чужеземцы,
Шондѳ водзын югыялѳ	На солнце блестят
Налѳн гырысь пуртъясныс.	Их длинные ножи (мечи).
Мый водзын нѳ тайѳ ме	Перед чем мне снятся
Быд вой, быд вой вѳтася?	Каждую ночь эти сны?
Гашкѳ, Енсянь вѳт тайѳ?	Может, Ен хочет
Коркѳ сйѳ имитас?	Поведать мне правду?
Инѳ сѳдзи вир ворсѳ... [2, с.7]	Может, просто
	Кровь играет?

(В. Лыткин)

Отношениям текстов Жакова и Лыткина характерна гармония, совпадение объятности слова и смысла. В том и другом случае ярко эмоционально, чувственно запечатлены ритмы тревоги и ожидания конца. И все же поэма Лыткина является самостоятельным произведением с индивидуально-авторской интерпретацией народного сюжета.

У Жакова Шыпича – последний коми кудесник, последний тун, обладающий колдовскими способностями. Его жизнь приходит к концу, потому что завершается время, которое было отпущено тунам на земле. Поэтому не чувствует могущественный Шыпича обмана русоволосой Сизьюгѳтыр, опутавшей его шею волосами, а сердце – лукавыми словами; не слышит он слов ее заговорной песни, призывающей к нему смерть. Не успевший заговорить воду и смыть с себя нечистоту Сизьюгѳтыр, обессилевший Шыпича погибает от рук разбойных новгородцев, но не они являются истинной причиной его смерти. Ибо «невозможное не сбудется», – говорит вместе со своим героем К. Жаков. Миру более нет нужды в волшебниках и силе

волшебства, сменяемого силой железных мечей. Обратим внимание, что за добычей устремляются не одни новгородцы. Они нападают на Шыпичу в тот момент, когда его сыновей нет дома: они «далеко в лодках уплыли вверх по Вычегде, окаймленной желтыми песками, собирать ясак...» [3, с. 410-411]. Вместе с отцом погибают дочери Шыпичи: одна «с белыми волосами, голубоглазая Шондыныл» [3, с. 410], что значит «дочь солнца», и вторая – «с лицом бледным, как месяц в середине неба в зимнюю холодную ночь» [3, с. 410], – Тэлысьбан (букв. лунный лик). Обесчещенные, убиты и брошены на берегу родной Сысолы Шондыныл и Тэлысьбан, несшие миру свет Солнца и Луны. Так приходит конец одного света, чтобы дать место новому, хотя может быть и не лучшему из миров, в котором человек повелевает не ветром и водой, не деревьями и травами, а другим человеком. Жаков завершает свой рассказ картиной осиротевшей природы, язык которой становится не нужным и не понятным человеку: «Поют ветры печальные песни, шумят неумолчно реки севера..» [3, с. 413]. Летит навстречу сыновьям Шыпичи ворон, чтобы сообщить горькую весть: «Куру-кара, нет Шыпичи, нашего друга, погасли Шондыныл и Тэлысьбан!» [3, с. 413]. Но не слышат его дети колдуна Шыпичи, «плывут в лодках с богатым ясаком...» [3, с. 413]. И плачут недавно беседовавшие с Шыпичей «красные ольхи и белые березы над устьем темной Сысолы» [3, с. 413].

Таким образом, в сюжете о Шыпиче Жаков воспроизводит сценарий смены культур, смены цивилизаций. События, связанные с Шыпичей, помещены в далекое и завершенное прошлое народа, сам же Шыпича представляется типом, схожим с повествующим о нем автором – пережившим свое время кудесником, который не вмещается в рамки своей современности.

Сожаление о национальном прошлом питает и внутреннее напряжение поэмы В. Лыткина «Шыпича». Однако ее автор как бы аннулирует исключительную легендарность, вымышленность событий, рассказываемых в народе. Поэма имеет рамочную композицию и снабжена поэтическим эпилогом («Пом»), который переносит читателя в современное поэту время и пространство. Обнаруживается, что память о Шыпиче хранит не одно только предание, но живая земля украшает цветами место, где он жил и покоится:

Шуйга вылын му шõрын	Налево, посреди поля
Мича чветьяс бьдмõны –	Растут красивые цветы.
Гõрдõсь, виждõсь, еджьдõсь,	Красные, желтые, белые.
Вылõ юрсõ лэптõмась	Высоко устремились вверх
Еджьд, дука турунъяс.	Головы ароматных трав.
Сэни куйлõ Шыпича.	Там лежит Шыпича.
Куйлõ пыдын му пиын [2, с. 10].	Лежит глубоко в земле.

Как видим, былое существование Шыпичи имеет материальные подтверждения в эмпирическом мире – мире самого поэта. Степень достоверности давних, повествуемых преданием событий повышается также введением в текст топонимов, уточняющих место, где Шыпича похоронен:

Сыктыв керõсын	На горе близ Сысолы,
Прокор шор дорын	У Прохорова ручья,
Ыбъяс паськьдõсь,	Где поля привольные,
Сюяс мичаõсь...	Где хлеба пригожие...
Сыктыв карõ пода туй	Где пешая дорога ведет
Сыктывдінсянь мунõ сэт [2, с. 10].	Из Сыктывдина в Сыктывкар...

С места, где лежит под землей Шыпича, виден город в свежей зелени, с нарядными домами, белыми церквями:

Пуяс пõвсын тыдалõ	Посреди свежей зелени деревьев
Веж кор пытшкын Сыктыв кар.	Виден Сыктывкар.
Мича керкаяс.	Красивые дома.
Еджьд вичкояс.	Белые церкви.
Миян дона коми кар [2, с. 10].	Дорогой нам коми город.

Такая интеграция хронотопов предания и реального связана в поэме с модернизацией смысла сюжета о Шыпиче. Заметим, что Лыткин расходится с Жаковым в мотивировке смерти героя. У Жакова она предопределена роком, течением неостановимого времени, глобальным сценарием, который не зависит от самого Ена, т.к. тот – только хранитель книги, в которой все написано наперед. Причина смерти героя Лыткина вполне земная – это

предательство слуг, которые намеренно не наполнили чаны водой, чтобы в момент опасности Шыпича не мог воспользоваться ею и восстановить свои силы. В этом эпизоде Лыткин следует за вариантом Налимова, в котором поведение слуг объясняется тем, что они «были напуганы властью своего хозяина, его бессмертием и решили погубить его» [6, с. 123]. Вполне возможно, что поэт начала 1920-х гг. В. Лыткин попытался вложить в сюжет о Шыпиче классовое содержание. Вспомним, что и сам фольклор в это время подвергается осовремениванию на советский лад, а методика фольклорных исследований вынужденно опирается на партийную доктрину фольклора как искусства, изображающего борьбу классов. Однако на этом пути В. Лыткин не был так настойчив, как его современник М. Лебедев, который активно использовал народные сюжеты для выражения злободневных политических идей. Поразительно, но олитературенные К. Жаковым и В. Лыткиным варианты «Шыпичи» легко встраиваются в жизненный сценарий недалекого будущего авторов.

Было бы несправедливо умолчать еще один смысловой нюанс Лыткинской поэмы – реализацию в ней антиколониционной идеи, во многом спровоцированной характерным для 1920-х гг. пафосом национального самоутверждения. В тексте Лыткина нет указаний на то, что убийцами Шыпичи являются именно новгородцы. В дом туна для грабежа прибывают «рочьяс» (т.е. «чужие», «иноземцы», «русские»). Они не убивают дочерей Шыпичи: Шондіныл и Тёлысьбан становятся такой же добычей, трофеем, как и награбленное добро – дорогие меха и драгоценные металлы:

Эжва ньылыд кывтёны
Арся войын пыжаяс.
Эзысь-зарни чукъяснас
Дона куяс роч муё
Коми муысь нуёны.
Оти пыжын Шондіныл,
Тёлысьбанкөд пукалө
Сьёлөм вылас найёлөн
Арся войысь пемыдджык [2, с. 9].

Несколькими годами позже В. Лыткин был причислен к национал-шовинистическим слоям коми интеллигенции, которая неохотно замечала факты классовой борьбы в коми истории, полагая наличие в ней преимущественно противоречий национальных [8, с. 44]. Основанием для обвинения писателя и ученого в коми шовинизме в немалой степени послужила его литературно-творческая связь с К. Жаковым или, как пишет активный критик того времени И. Оботуров, навязывание читателю профессоров идеалистического толка, вроде Жакова [7].

Тем не менее, это «навязывание» местная интеллигенция осуществляла как в 1920-е, так и по возможности в 1930-е гг., когда печатать К. Жакова стало опасно. Необходимо лишь уточнить, что произведения писателя выходили в краевой печати не всегда с указанием его имени и исключительно на коми языке: в оригинальной авторской редакции у себя на родине К. Жаков появился лишь в перестроечные 1990-е гг. Наряду с переводом, подключение его творчества к национальной словесности в послереволюционные десятилетия шло в особой, характерной для начинающих литератур форм переноса готового литературного опыта, сходной с литературной трансплантацией, о которой пишет Д.С. Лихачев, анализируя формы «пересаживания» византийских памятников на русскую почву. Как указывает исследователь, трансплантация не является переносом механическим: «на новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты», продолжалась его «литературная история» и иногда в новых формах, «произведение в результате этого оказывалось в известной мере произведением местной, национальной литературы» [4, с. 21-22]. Нам представляется, что поэма В. Лыткина «Шыпича» как раз и является случаем такой литературной трансплантации, имевшей целью пополнить фонд начинающей словесности на коми языке за счет включения в ее состав произведений знаменитого земляка. В свою очередь, публикация К. Жакова на коми языке послужила своеобразным камуфляжем, отвлекавшим внимание советской критики от идеологически неблагонадежного первоисточника. Таким образом, хотя и в опосредованной форме, но произведения К. Жакова печатались в местных изданиях на коми языке, подтверждая на практике его статус национального писателя.

Литература

1. Беляев В. Каллистрат Фалалеевич Жаков. Некролог // Югид туй. 1925, 3 июля.
2. Визь. Шыпича. Важ йӧзлӧн висьталӧм // Вой тӧв шувгӧм. Сыктывкар: Наркомнацца коми нига лӧдзанӧн, 1921. С. 7-10.
3. Жаков К.Ф. Атаман Шыпича // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания. Сост., вступит. ст., комментарии А.И. Туркина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 409-413.
4. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
5. Лыткин В.И. Палалей Кальӧ // Коми гижысьяс. Лӧсьӧдис Илля Вась. М.: СССР-са йӧзьяслӧн нига лӧдзанӧн, 1926. С. 27-29
6. Налимов В.П. Зырянская легенда о Паме Шыпиче // Этнографическое обозрение. 1903, № 2. С. 120-124.
7. Оботуров И.И. За социалистическую культуру // Ленин туйӧд. 1930, № 9.
8. Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. Л.: Партийное изд-во, 1932. 180 с.

5.2. К.Ф. Жаков в судьбе и творчестве В.Т. Чисталева

Личность К. Жакова (1866-1926), его идеи и художественное творчество сыграли значимую роль в судьбе и творчестве коми писателей 1920–30-х гг., в особенности, его младшего современника В. Чисталева (1890-1939).

И К. Жаков, и В. Чисталев, вышедшие из среды коми крестьян, были вдохновлены и движимы одним желанием: добиться для родного народа полноценной, счастливой жизни.

Еще в 1908 г. В. Чисталева, 18-летнего юношу, который только что окончил второклассную учительскую школу с. Деревянск, получил место учителя в Пожегодской церковно-приходской школе и начал задумываться о преподавании на родном языке и о собственном литературном творчестве, привлекли искренний интерес К. Жакова к истории и культуре коми народа. В. Чисталев сочувственно отнесся к его идеям о введении в начальных школах коми языка в качестве предмета обучения [4, с. 322-324] и об издании газеты и литературы на коми языке [5, с. 300-302]. В автобиографическом очерке «Миян нэмӧ (Менам олӧм)»

(В наш век (Моя жизнь, 1927)) он писал: «Осенью 1908 г. профессор Жаков П.К., высказал значимую идею – издавать газету на коми языке. Попросил у земства 100 рублей денег для этого. Я в это время как раз был в Сыктывкаре. Шло заседание Земского Собрания. Оно отказало ему и, вдобавок, подняли на смех человека*. К вечеру того дня один служащий Земской Управы пришел домой и рассказал (я жил у него на квартире), смеясь, об обращении Жакова. Я стал спорить с ним. Там были также «городские» школьники, студенты городского училища (а я был человеком с «деревенским» образованием). Они все накинулись на меня и на коми язык... Нестерпимую боль испытало тогда мое молодое нежное сердце<...> Не мог я больше слушать такие мысли молодых людей, – убежал под кедр и плакал там... На следующий день я до вечера бродил по городу, надеясь встретить где-нибудь Жакова и высказать ему свои думы, – он ведь, наверно, один совсем, бедняга...» [14, с. 361]. Цитируя далее стихотворное обращение К. Жакова к образованной коми молодежи, – «Будите мысль, / будите жизнь, – / На труд разумный направляйте! / Будите мысль, будите жизнь / И лучший век вы подготовляйте!..»), – В. Чисталев признавался: «Я очень благодарен этим словам! всю мою молодость, весь мой разум и сердце мое водой весеннего половодья они наполнили-обмыли, не дали покрыться тиной, подарили надежду на дальнейшую жизнь» [14, с. 361].

Публикация этого признания в книге «Чисталев Тима Венхьлӧн гижӧдъяс. Муртӧса да муртӧстӧм лыддьӧгъяс» (Стихотворные и прозаические произведения Чисталева Тима Веня, 1928) послужила в дальнейшем, в 1930-е гг., одним из поводов для несправедливых обвинений и жестокой травли писателя на страницах периодической печати тех лет. Авторами этих публикаций влияние К. Жакова, творчество которого к концу 1920-х – началу 1930-х гг. уже оказалось под запретом, на коми

---

* В автобиографии В. Чисталева есть неточность: на самом деле доклад К. Жакова о выделении пособия на издание газеты на зырянском языке был прочитан осенью 1909 г., а не в 1908 г., как пишет Чисталев: Жаков тогда ходатайствовал в Уездную Земскую Управу о выделении 1000 руб. для этих целей. Земская Управа ходатайство Жакова поддержала [5, с. 300]. Не поддержано и отклонено было предложение К. Жакова о введении преподавания коми языка в школах в качестве предмета обучения, высказанное им в докладе Земскому Собранию в 1908 г. – дата, которую приводит Чисталев в автобиографии.

** Здесь и далее перевод подстрочный с языка коми мой – Е. Е.

писателей, и, в частности, на В. Чисталева, расценивалось как однозначно негативное. Писалось, что В. Чисталев заимствует у К. Жакова его приверженность «буржуазной идеологии» [10, с. 56], «индивидуализм», «упадочничество» [2, с. 8], «субъективно-идеалистическую и националистическую тину» [12, с. 21]. Кроме того, утверждалось, что первый том избранных произведений В. Чисталева 1928 г. полностью создавался под влиянием К. Жакова, и «жалобно-пессимистические мотивы, преобладающие в нем», являются прямым следствием этого воздействия [2, с. 8]. Особой критике в связи с именем К. Жакова в этот период подвергалась драма В. Чисталева на историческую тему «Изкар» (1925), созданная по мотивам прозаического произведения К. Жакова «Царь Кор (Чердынское предание)» (1911). Именно написание этой пьесы, а также стихотворения «Чужан мулы» (Родной земле, 1921) и рассказа «Трипан Вась» (1929) послужило в 1937 г. поводом для обвинения Тима Веня в буржуазном национализме, его ареста и объявления врагом народа.

В современном литературоведении, когда имена и творчество обоих писателей давно реабилитированы, когда остались в прошлом десятилетия забвения и отречения, вместе с переоценкой деятельности и творчества К. Жакова с новых позиций расценивается и характер его влияния на В. Чисталева. Так, литературоведом В.А. Латышевой в ее работах «Романтическое в повести, рассказе и драме коми на сюжет предания» и «К. Жаковлӧн да Тима Венӧлӧн кыпӧд (романтической) гижӧд тӧчӧм» (Создание романтического произведения К. Жаковым и В. Чисталевым) проведен подробный сравнительный анализ произведений К. Жакова «Царь Кор» и В. Чисталева «Изкар»; доказано не только положительное влияние романтизма жаковского произведения на произведение В. Чисталева, его образности, языка, стиля – «заимствование торжественного, как весеннее половодье, настроения, включение его в собственное произведение, проявление уважения к чувствам героев и рассказчика» [7, с. 81], но также и созвучие творчества писателей, их духовная близость.

Критика же 1930-х гг., будучи неправой во многих своих утверждениях и оценках, была права в одном: В. Чисталев действительно относился к К. Жакову, как к своему учителю [10, с. 60]. При всем различии творческой манеры двух писателей в их произведениях есть много общего. Сама личность К. Жакова-писателя, принципы его художественного творчества

и даже техника письма оказали заметное воздействие на В. Чисталева, и «следы» этого воздействия можно обнаружить не только в драме «Изкар». Отголоски жаковских идей звучат в стихотворных и прозаических произведениях коми писателя, перекликаются их мотивы и образы, словно, как пишет В.А. Латышева, «мастерство К. Жакова будоражило Тима Веня» [8, с. 71], вдохновляло на создание собственных оригинальных произведений.

Так, при изучении данного вопроса внимание привлекает соотношение типов стихосложения в творчестве двух поэтов. Исследователь литературы Ю.Б. Орлицкий при анализе цикла эпических стихотворений К. Жакова «Песни и думы Пама Бур-Морта» (1905) пишет об уникальности для русской поэзии начала XX в. этого произведения, написанного свободным стихом, и относит К. Жакова к числу первых авторов оригинального русского верлибра [11, с. 28-29]. Новаторство, поиск новых художественных форм в литературе свойственны и для творчества В. Чисталева, расцвет которого пришелся уже на советский период развития коми литературы. Поэт искал и стремился сам выработать формы коми стиха, наиболее приближенные к стиху народному, и, вместе с тем, способные выразить новую послереволюционную действительность. Многие его эксперименты были настолько удачны, что вызывали восхищение поэтов-современников, называвших их находками органичных, исконно коми литературных форм [13, с. 277].

Наиболее предпочтительными литературными формами для В. Чисталева были белый безрифменный и свободный стих, которые, кроме ориентации на стих коми народной поэзии, создавались поэтом также и под влиянием русской поэзии начала XX в. и творчества К. Жакова. Так, столь любимый В. Чисталевым белый стих генетически может восходить к белому стиху песен Вөрморта из рассказа К. Жакова «Царь Кор», «Биармии» (1916), «Песен молодого северянина» из «Тетради неизвестного поэта» (1905), который, в свою очередь, родственен калевальскому стиху и стиху его русских переводов, 4-стопному хорею без рифмы*. Возможно, именно ритмы «Калевалы» в произведениях К. Жакова (особенно в рассказе

---

* Подробнее о межтекстуальных связях карело-финского эпоса «Калевала» и творчества К. Жакова – в статьях Латышевой В.А. «Романтическое в повести, рассказе и драме коми на сюжет предания», Ведерниковой О.В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект».

«Царь Кор», наиболее ощутимо повлиявшем на творчество В. Чисталева) привлекли внимание коми поэта к произведению родственного финского народа, оказав стимулирующее воздействие на его собственное творчество. В дальнейшем по мотивам рун карело-финского эпоса он создал свои оригинальные лирические стихотворения «Руна (мойд) лоӧм йылысь» (О сотворении руны (сказки), 1923) и «Каньтеле лоӧм йылысь» (О сотворении кантеле, 1923), которые, в то же время перекликаются и с мотивами жаковских произведений. Так, схож у К. Жакова и В. Чисталева мотив рождения песни (сказки) среди родной природы. Для сравнения: первые строки второго стиха «Биармии» К. Жакова начинаются словами: «Лес мой древний, лес священный, / Дай мне песен величавых!» [3, с. 28]. В стихотворении В. Чисталева «Руна (мойд лоӧм йылысь)» ему близки строки: «Может, в синеватой ягоде чернике / Выросла я у лесной тропинки, / Собрал меня путник. / Может, донная вода лесного озера / Была мне колыбелью, / Дичь лесная убаюкивала меня. / Может, тихонько лес... / Рассказы мои в эхо / Лунный луч собирал» [14, с. 192].

Родственным для В. Чисталева оказался и пантеистический характер жаковского творчества, в котором природа «пронизана духовным началом» [9, с. 352]. Для самого В. Чисталева, как и для К. Жакова, свойственно «ощущение природы как живого существа, способного жить особой чуткой жизнью» [1, с. 135]. Отсюда, словно отголосок жаковского мироощущения, одухотворенность природы, окружающего мира, вселенной в его творчестве, и как следствие, использование художественного приема полной персонификации в таких произведениях, как стихотворение «Кӧнкӧ, веж турун пӧвс...» (Где-то там, среди зеленых трав..., 1917), рассказ «Трипан Вась» (1929), где природа родной земли предстает в образе человека.

Вместе с тем, природа для В. Чисталева часто является и воплощением вечности, бессмертия. Ярким примером такого восприятия окружающего мира является одно из самых прекрасных, взволнованных, эмоциональных стихотворений В. Чисталева «Ывлывыв» (Природа, 1923). Перекликаясь с некоторыми частями эпических стихотворений К. Жакова «Песни и думы Пама Бур-Морта», оно словно подхватывает настроение жаковского произведения, его восхищение величием Природы, окружающего мира, восторг поэта перед чудом земной красоты, перед многоцветием открывшегося перед ним Мироздания [1, с. 132].

Как и «Песни...» К. Жакова, «Ывлывы» В. Чисталева написано свободным стихом, и во многом схоже с ним. Произведения обоих писателей – это гимн, «своеобразный апофеоз Природе, Человеку, Вселенной» [1, с. 133]. Слова восхищения, выраженные в произведении К. Жакова Памом Бур-Мортом, – «Природа мать и учительница моя! / Я ей дивлюсь, ей поверяю тайны мои!» [6, с. 149] – эхом отдаются в строках чисталевского стихотворения: «Ен югьд ывлабй! / Морт вочтөг артмөмторйой! / Пыдөстөм помтөмой, дортөмой, / Некытчө, нинөмө төртөмой, / Некутшөм нимөн шусьытөмой!» [14, с. 189] (Божественный свет природа! / Нерукотворная! / Бездонная, бесконечная, бескрайняя, / Никуда, ни во что не вмещающаяся, / Никаким именем не называемая!) Вместе с восхищением, преклонением перед совершенством природы, вещества, материи в произведении К. Жакова также звучат мысли о ее непостижимости, непознаваемости разумом человека:

Материя! Кто поймет тебя,
Где кончаются и начинаются твои чудеса,
Кто различит все разнообразие красок твоих,
Перечислит аккорды звуков
И гармонии линий в прозрачных кристаллах?<...>
[6, с. 149, 150].

Вместе с тем, в произведении К. Жакова утверждается идея о бедности, ограниченности человеческого языка – «невинного лепета детей» ее, неспособного в полной мере выразить величие окружающего мира:

Мать поэзии и всего великого!
Если в тысячу раз увеличить человеческое красноречие,
Оно не выразит и миллионной доли красок твоих<...>
[6, с. 150].

Таковы и мотивы стихотворения В. Чисталева. Осознание бедности, косности человеческого языка, его бессилия перед возвышенностью, бесконечностью, красотой природы становится настоящей трагедией его лирического героя:

– Ок тэ, морт кывйой-сёрний!
Ок тэ, коньөрй мортй!
Кывйон ёмой нё кёсьян тэ
Висьтавын ен югяд ывлаыс йылысь?!
Шы төлөн ёмой нё кёсьян тэ
сывнысё сы йылысь?
Сійё мичлун йылысь, сійё помтём
олём йылысь,
Сійё ыджда – мера йылысь?
[14, с. 189].

– Эх ты, слово человеческое!
Эх ты, жалкий человек!
Разве словами хочешь ты
Рассказать о божественной природе?!
Разве звуком хочешь ты спеть о ней?
О ее красоте, о ее бесконечной жизни,
О безмерности ее?

Не вмещает величия природы и сердце лирического героя: он, поэт, чувствует себя лишь ничтожно малой частицей Вселенной, не умеющей рассказать о ее красоте, ее бесконечности и неизмеримости, частицей, не смеющей даже прикоснуться к природе человеческими словами: «Ог, ог лысьт ме, ичётиктор тэнад, / Муыввса лов кутысь, шыасьны. / Сёмын нё шемёсён коля тэ водзын сулалан / Ме, тэнё аддзысь и кылысь, кывтём пемёс моз» [14, с. 189] (Нет, не смею я, малая частица твоя, / Земное создание, ничего сказать. / Лишь, изумленный, останусь стоять пред тобой / Я, тебя видящий и слышащий, как бессловесная тварь). Схожее чувство онемения, «невыраженного восторга и удивления» перед величием природы, бессилия выразить словами свой восторг – в песнях Пама Бур-Морта К. Жакова:

Какой-то огонь сжигает сердце мне.
Нет ни слова у меня, ни красок,
И я не могу зажечь сердца людей
Огнем, посланным мне Тобою<...>
Неужели не будет дано мне слово,
Чтобы мог я перелить
Из души моей в другие сердца –
Мечты, до дна волнующие душу мою.
[6, с. 150-151].

Одновременно с общими тенденциями развития русской литературы начала XX в. свое воздействие на формирование Чисталева-писателя, в 1920-е гг. активно занимавшегося поисками новых художественных форм, оказала не только

поэзия К. Жакова, но также и его проза, несущая на себе отпечаток влияния поэтической, стиховой традиции. Отличительной чертой жаковской прозы исследователи считают лиричность, эмоциональность, полиструктурность, метризованность некоторых фрагментов [11, с. 32-33], синтетичность [9, с. 376]. Лирический, эмоциональный, личностный характер оригинального творчества В. Чисталева сблизил его прозу с прозой К. Жакова. Находясь под воздействием поэзии, лирики, проза обоих писателей призвана раскрывать в первую очередь чувства, глубокие душевные переживания автора и его героя. Такая проза зачастую отличается не только своим характером, но также и структурой, близкой поэтической.

Так же, как и К. Жаков, В. Чисталев включал в свою прозу различные элементы стиха, писал стихотворения в прозе, ритмизировал прозаический текст, соединял стихотворное и прозаическое начала в пределах одного произведения с целью создать новую синтетическую литературную форму и раскрыть новые возможности для их развития; в 1920-е гг. В. Чисталев стал первым в коми литературе автором метризованной прозы. Так, к «стихотворениям в прозе», подобно жаковской миниатюре «Звуки природы» из сборника «Из жизни и фантазии» (1907), можно отнести ранние произведения В. Чисталева «Во гӱгӱр кытшовтӱм» (пӱтка сьылӱм шыӱн) (Времена года (голосами поющих птиц, 1919), «Кӱнкӱ ылын, вӱр ты дорын» (Где-то далеко, у лесного озера, 1923), «Ылі йӱз мусянь ас чужан му йылысь» (С далекой чужбины о родной земле, 1923), «Арся лунӱ» (Осенним днем, 1923). Большой долей метризованности обладают произведения «Поводдя вежсигӱн» (При перемене погоды, 1921), «Гожӱм пом» (Конец лета, 1922), «Тулыс воӱм» (Наступление весны, 1921). Примером монтажа стиха и прозы в одном произведении, лирических вставок в прозаический текст является рассказ В. Чисталева «Трипан Вась» (1929).

Таким образом, становится очевидным, что идеи К. Жакова, его творчество действительно оказали существенное влияние на формирование творчества В. Чисталева в 1920-е гг., что доказывается выявлением множества прямых и косвенных связей между двумя писателями-современниками. Стиль жаковских произведений, их структурные особенности, система образов и мотивов стали одним из тех источников, что питали художественное творчество В. Чисталева, а значит, в его лице и коми литературу 1920–30-х гг.

Литература

1. Демин В.Н. К.Ф. Жаков как явление коми культуры XX века // Демин В.Н. На небе звезда. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 288 с.
2. Доронин М.П. (Шыладорса Миш). Водзкыв пыдди // Тима Вень. Олѳм вояс. Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1936. 3-9 л. б.
3. Жаков К.Ф. Биармия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 312 с.
4. Жаков К.Ф. Докладъ въ Устьысольское Земское Собрание о введеніи въ начальныхъ школахъ зырянскаго языка, какъ предмета обученія // Журналы Устьысольскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія чрезвычайнаго созыва 2 августа и XXXIX очередной сессіи 1908 года съ приложениями. Устьысольскъ, 1909. С. 322-324.
5. Жаков К.Ф. Докладъ въ Устьысольское Земское Собрание о пособіи на изданіе газеты на зырянскомъ языкѣ, 6 октября 1909 года // Журналы Устьысольскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія XL очередной сессіи и чрезвычайныхъ сессій 4 февраля и 16 октября 1909 года. Устьысольскъ, 1910. С. 300-302.
6. Жаков К.Ф. На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом. Санкт-Петербург: Типография Училища Глухонемых, 1905. 167 с.
7. Латышева В.А. К. Жаковлѳн да Тима Веньлѳн кыпыд (романтической) гижѳд тѣѳм // Латышева В.А. Певец зырянскаго края (творчество К.Ф. Жакова): Пособие для учителей. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 69-81.
8. Латышева В.А. Романтическое в повести, рассказе и драме коми на сюжет преданія (Из творчества М. Лебедева, К. Жакова и В. Чисталева) // Латышева В.А. Певец зырянскаго края (творчество К.Ф. Жакова): Пособие для учителей. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 56-68.
9. Лимеров П.Ф., Созина Е.К. Художественный мир К.Ф. Жакова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 349-398.
10. Оботуров И. Пролетариат ыджыд идеясланъ туйяс вылын (Тима Вень литература творческой уджалѳм 25 во тырѳм кузя) // Ударник. 1933. № 9-12. 53-66 л. б.
11. Орлицкий Ю.Б. Стихи и проза К.Ф. Жакова в контексте художественных поисков русской культуры начала XX века // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 28-34. (Труды Института языка, литературы и истории Коми научнаго центра УрО Российской академии наук; Вып. 55).
12. Попов А. (Ольѳк Ондрей). Шуйгавыв вультаризаторъяслы паныд // Ударник. 1932. № 11-12. 19-24 л. б.
13. Савин В.А. (Нѣбдинса Виттор). Мусюр сайын: прозаа гижѳдъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 368 л. б.
14. Чисталев В.Т. Ния. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2010. 592 с.

5.3. Особенности художественного осмысления действительности К.Ф. Жаковым и новейшая коми проза*

В сложный период, когда современное общество переосмысливает исторический опыт, бывшее в забвении творческое наследие К. Жакова становится духовно близкой средой, что питает традиции культуры и во многом определяет своеобразие художественного осмысления драматического времени новейшей коми прозой**. Как в творчестве известного писателя и философа, так и в коми прозе конца XX – начала XXI вв. нашел воплощение дух эпохи порубежья, когда художнику весьма непросто воссоздать реальную картину мира: эсхатологические ощущения соединяются со стремлением переосмыслить прошлое, выразить возвышенно – романтическое видение истории народа (произведения Г. Юшкова, И. Торопова, В. Тимина, Е. Рочева, Н. Куратовой, А. Ульянова, А. Попова и др.)***

Также весьма значимым в исследовании связи творческого наследия К.Ф. Жакова с социокультурной практикой современности представляется феномен близости в художественном осмыслении действительности К.Ф. Жакову отдельного писателя. При сходстве в восприятии времени, непростого, насыщенного неразрешимыми противоречиями и катаклизмами, К.Ф. Жаковым и новейшей коми литературой, имеет место и родство эстетического характера между двумя писателями: художественный опыт крупнейшего художника слова, составляющий классическое наследие, обнаруживает типологическую близость с творчеством современного автора – А.И. Вурдова.

Коми писатель Алексей Иванович Вурдов, 1956 года рождения, работающий в основном в прозе, подобно К. Жакову, поступив учиться в высшее учебное заведение, большую часть жизни провел вдали от Коми, в других регионах России, однако в начале 2000-х гг. будучи в зрелом возрасте, ощутил необходи-

---

* Работа выполнена в рамках проекта Комплексной программы УрО РАН 18-6-6-25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)».

** Об этом подробнее: [9, с. 103-109]; [10, с. 430-447]; [11, с. 488-499].

*** О художественном опыте коми литературы данного периода подробнее: [8, с. 112-124].

мость в том, чтобы вернуться в отчий дом, в родное село Кослан Удорского района Республики Коми и обратиться к перу*. Им издано 5 книг; в основном он работает в малых формах прозы.

При том, что К. Жаков стремится к достоверному воссозданию аспектов истории и культуры родного народа, им движет ощущаемая им необходимость в осмыслении мировоззренческих основ бытия, познании особенностей менталитета немногочисленного народа коми, его духовного мира. Прозаик А.И. Вурдов, представляющий коми прозу конца XX – начала XXI в., обращаясь в предисловии к своей книге малой прозы «Сир войт» (Капелька смолы, 2007) к читателю, пишет: «Чайта, олӧм дорӧ коми мортлӧн аслыспӧлӧс философия...» (Думаю, в отношении к жизни у коми своя философия...) (Здесь и далее перевод подстрочный наш. – Т. К.) [2, с. 5]. А в послесловии к книге «Ирвинские сны» (2008) писатель конкретизирует данную мысль: «Самобытная культура, традиции, уклад жизни коми-зырян – это не только этнографический материал, все это имеет свой философский смысл»** [4, с.142]. Подобно К. Жакову, который в своем творчестве*** стремится выявить философские основы противоречивых исканий современников, рожденных непростым временем порубежья, в частности, наиболее выразительную форму это нашло в его романе «Сквозь строй жизни» (1914), А. Вурдов в одноактном драматическом произведении «Кыдзи лӧсявны збыльторлы?» (Как соответствовать реальности?, 2015), которую он сам охарактеризовал как «олӧм-вылӧмлӧн философия йылысь ӧти юкӧна пьеса (одноактная пьеса о философии жития)», пытается сформулировать важнейшие вопросы, имеющие онтологический характер и являющиеся крайне важными для современника. Подобные раздумья – в основе литературно-художественных творений великого К.Ф. Жакова и многих произведений современного коми прозаика.

Думается, с К. Жаковым современного коми прозаика А. Вурдова сближают смыслообразующие основы творчества.

---

* Находим необходимым остановить внимание и на таком значимом событии жизни писателя: в июне 2014 г. А.И. Вурдов отправился на юго-восток Украины, вступив в ряды ополченцев. На войне он получил осколочное ранение и контузию.

** А. Вурдов пишет не только на коми, но и на русском языке.

*** В частности, наиболее выразительную форму это нашло в его романе «Сквозь строй жизни» (1914). Подробнее об этом: [7, с. 23-32].

Как и К. Жаков, горькое признание которого «Я хочу помочь зырянам, но не имею никаких средств на это» [5, с., 152-153] звучит в исповедальном монологе, формирующем художественную ткань его романа «Сквозь строй жизни», А. Вурдов испытывает острую необходимость выразить сыновние чувства по отношению к родному народу коми. Именно с данным обстоятельством, на наш взгляд, коррелирует настойчивая необходимость ваять возвышенный образ родного народа в воссоздании его истории, характера, исследовании духовного опыта, что нашло воплощение как в творчестве К. Жакова, так и в произведениях А. Вурдова.

Малые формы прозы А. Вурдова с творчеством К. Жакова роднит и то обстоятельство, что так же, как и в произведениях К. Жакова, известного исследователя фольклора и этнографии финно-угорских народов, в опытах А. Вурдова отношение автора, исходящее изнутри, трепетное и глубоко личное, что дано прочувствовать рецепиенту, сродни и интересу исследователя к истории и культуре родного народа. Художественная ткань малой прозы и К. Жакова, и А. Вурдова сформирована таким образом, что правда жизни открывается в средоточии различных ее аспектов: социальных, этнографических, психологических и других. Внимание авторов приковано к народу коми как феномену социально-историческому, этническому, психологическому; писатели в художественном исследовании стремятся выявить черты самобытности родного народа, что находят проявление в его истории и культуре. Так, К. Жаковым и А. Вурдовым воссозданы особенности традиционной промысловой культуры коми – охоты, рыболовства –, специфики хозяйствования, семейно-брачных отношений, достоверно изображены и картины повседневной жизни, детали быта (рассказы К.Ф. Жакова «Страничка из жизни северной деревни», 1910; «Из жизни охотников на Вишере», 1911; А. Вурдова «Радлёмдз – дас кык верст» – До Радлёма – двенадцать верст, 2007; «Лумпа туй» – Дорога Лумпы, 2005; «Вунлытём аддзысьлём» – Незабываемая встреча, 2007 и др.). Неспроста при том, что значительная часть малой прозы К. Жакова отнесена к жанру очерка, для многих опытов А. Вурдова также характерны черты данного жанра («Педёр Онтиплон кыв» – Слово Педёр Онтипа, 2007; «Кутш ёль» – Орлиный ручей, 2007 и др.). Писатели внимательны не только к аспектам материальной, но и духовной культуры. Так, в художественные тексты внесён опыт устно-поэтического творчества народа. Известным исследователем коми фольклора и литературы

А. Микушевым справедливо отмечено, что в ряде произведений К. Жакова «... последовательно воспроизводится коми фольклорный источник ...» («Атаман Шыпича», 1910) [14, с. 6]. А. Вурдовым создан цикл малых прозаических форм – коротких рассказов, имеющих основой устное творчество народа и получивших название «Кывтöны-катöны (удораса сёрни-басни)» (Плывут по течению – поднимаются против течения (удорские разговоры – побасенки), 2007). В стремлении к воссозданию целостной картины авторы обращают особое внимание и на некоторые достаточно специфические аспекты истории и культуры коми. Так, К. Жаков освещает особенности уклада жизни старообрядцев (рассказы «Дарья Родионовна», 1908; «На Щугоре (из жизни печорских староверов)», 1910). В период, когда современное общество в целом и каждый в отдельности ощущают необходимость в том, чтобы выявить и осмыслить духовные корни, А. Вурдов воссоздает страницы истории и культуры удорских коми, к которым сам относится – в частности, изображает процессы переселения русских старообрядцев на Удору, их адаптации (рассказ «Тайна о ските», 2008). Таким образом, можно утверждать, авторы стремятся к изображению картины, убедительной в воссоздании реалий жизни (в этом также нашла выражение одна из форм служения родному народу). На наш взгляд, именно установка авторов (сродни исследовательской) воссоздать объективный многоаспектный облик народа коми, имеющая аксиологическую, мировоззренческую основу, сообщает концептуальность данным опытам малой прозы и К. Жакова, и А. Вурдова.

Близость в художественном осмыслении жизни А. Вурдова к великому К. Жакову и в том, что мышление писателей находит органичное выражение и в жанре сказки. Да, по наблюдениям исследователей, «... литературная сказка неизменно активизируется в периоды значительных историко-культурных переломов, когда меняется духовная ориентация общества, когда осуществляется переход от разрушающейся старой концепции личности к еще не сформировавшейся новой...» [12, с. 43]. Но, думается, не только социокультурными факторами обусловлена близость сказок К. Жакова и А. Вурдова: корни их родства более глубокие. На наш взгляд, сказки К. Жакова являются претекстом сказок А. Вурдова. Думается, слова жены К. Жакова Глафиры Никаноровны, характеризующие поэму К. Жакова «Биармия» (1916) в письме к М. Горькому и утверждающую, что «... тут только художественная правда, простота, страстная любовь к Северу и жаркие мечты уйти из мира неправды, лицемерия,

грубого эгоизма и т.п. в мир светлого вымысла», можно отнести и к сказкам крупнейшего писателя («Бегство северных богов», 1911; «Ен и Омоль», 1913; «Гулень на небе», 1911 и др.) Некая светлая глубина роднит сказки великого К. Жакова и современного прозаика А. Вурдова: при стремлении авторов воссоздать давно минувшее как царство гармонии и благополучия ощутимо тяготение писателей к тому, чтобы выявить глубинные, мировоззренческие основы духовного опыта народа (следует отметить, неспроста в заглавиях сказок А. Вурдова «Зарни ныв» (Золотая девушка, 2007) и «Эзысь сир войт» (Серебряная капелька смолы, 2007) – скрытые аллюзии к известным произведениям К. Жакова – «Золотая сказка» (1911) и «Сказка серебряная» (1911): интенции авторов – родственны). Именно с данным обстоятельством коррелирует особая роль «субъектной организации» (термин Б. Кормана) повествования.

Имеющим международную известность социологом П. Сорокиным, уроженцем Коми, изгнанным из советской России в 1922 г. и ставшим основателем факультета социологии в Гарварде, было вполне справедливо отмечено, что для произведений К. Жакова характерно «... сожаление о прошлом, идеализация этого прошлого» [15, с. 64]. Следует отметить, пассеизм, во многом характеризующий мировоззренческие установки К. Жакова, близок умонастроениям современного общества. В данном случае пассеизм выражен в том, что авторы находят необходимым реанимировать фольклорный жанр – сказку –, уходящий из культуры народа, а также в том, что воссозданные в литературных сказках художественные картины имеют основой далекое прошлое коми (так, в произведении А. Вурдова «Зарни ныв» (Золотая девушка, 2007) – свидетельства представлений языческого характера, когда природа и человек составляют единое целое).

Воссоздавая аспекты культуры народа коми, К. Жаков и современный коми прозаик А. Вурдов близки и в особенностях конструирования художественного образа героя. Особенности характерообразования К. Жакова и А. Вурдова в том, что образы крупных героев наполнены специфической энергией художественного обобщения: несмотря на наличие специфических, индивидуализированных черт, они являют характер народа. Думается, особенности характерообразования и Көрмй Митя, главного героя произведения А. Вурдова, получившего особое место в новейшей коми литературе – рассказа «Сизим лун Көрмй Митълон» (Семь дней Көрмй Митя» (2007) – связаны с традициями К. Жакова. Подобно особенностям создания

образов героев, характерных для творческой манеры К. Жакова, А. Вурдов в данном рассказе создает крупный характер. Как и характеры многих героев К. Жакова (героя поэмы «Биармия» (1916) Комиморт*; главного героя рассказа «Нялай» (1911) и др.), характер Көрмөй Митя являет закрепившееся в веках, накопленное народом: подобная структура образа словно собирает духовный опыт народа, особенности его культуры.

Следует отметить, в воссоздании психологии крестьянина, особенностей его мировоззрения и образа жизни данное произведение А. Вурдова близко и знаменитому рассказу коми писателя первой трети XX века В.Т. Чисталева «Трипан Вась» (Василий Трифионович, 1929). Однако если В. Чисталеву важно было воссоздать характер крестьянина, верного усвоенным веками навыкам деятельности и образу жизни, А. Вурдов, подобно К. Жакову, охвачен желанием утвердить возвышенную мысль о великом прошлом народа коми. Данные художники слова в формировании нарративной ткани стремятся к достижению эффекта особой значимости характера. Изображая реалии будней, писатели строят повествовательные конструкции таким образом, что описание даже незначительных деталей насыщено неким смыслом «вековечности»: рецепиенту дано прочувствовать, что за действиями, поступками героя – его отношением к миру – многовековой опыт семьи, рода, наконец, всего народа. Думается, данный художественный феномен достаточно точно характеризуем словами Д.С. Лихачева о стремлении авторов «...найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, «невещественное» в вещественном ...» [13, с. 232].

На наш взгляд, следует остановить внимание еще на одной специфической особенности повествования. Нарратор организует его таким образом, что описание события, изображение действия, воссоздание вещно-предметного мира насыщается значением более глубоким: читателю дано прочувствовать, разглядеть и духовную составляющую жизни (сконцентрированный в образе жизни и во внутреннем состоянии героя – его мыслях и чувствах – духовный опыт

---

* Немаловажно, что особенности характерообразования героев поэмы К. Жакова «Биармия» и данного произведения А. Вурдова коррелируют и с концептуальной основой произведений: так же, как известное произведение К. Жакова, вышеназванный рассказ современного коми прозаика утверждает мысль о прошлом народа коми как царстве благополучия и совершенства, жизнь которого основана на законах добра и чести.

народа). Так, не что иное, как широта души, могучая сила духа воплощены в танце Нялая, главного героя рассказа К. Жакова «Нялай», человека неординарного, одаренного. Данная сцена насыщается метафорическим значением: «Сначала он тихо, плавно делал удары ногой, мощными руками упираясь в бока. Звуки гармоники крепчали, и Нялай быстрее двигался, пускаясь вприсядку. Вдохновляемый общим вниманием и многообещающим видом пляшущего великана, Терешка играл все бойчее и увереннее, а страстные звуки опьяняли Нялая, возбуждали его...

Разгоряченный и уже неистовый, он колесом прокатился сквозь толпу, опрокидывая людей. Толпа росла; как шум моря, ропот тысячеустой толпы повторял одно: «Нялай пляшет! Нялай пляшет!»

Наконец, Нялай остановился и, соблюдая такт гармоники, разломал изгородь мужика Петра, сорвал столбы с крыльца дяди Ивана, затем, размахивая в бешеной пляске руками, ударил рыжего мерина по толстому заду, и мерин присел и фыркнул от неожиданности: Нялай, как вихрь, понесся дальше, невзначай поколотил троих мужиков и двух баб, которые тут же закричали свирельным голосом, и в заключение взял огромный камень, лежавший близ колодца мужика Габова, и бросил его через амбары. Камень, свистя и жужжа, перелетел через двухскатную крышу, упал в огород тетки Дарьи и глубоко ушел в землю. Нялай же, потрясая воздух громким криком «Я вам!» и угрожая небу и земле кулаками, как Атилла, прошел среди затихшей толпы к свату Степану, напился до полусмерти, избил полицейских, пытавшихся его схватить, и после этого спал три дня и три ночи.

Он был вне установлений жизни и ее законов, не вмещающаяся ни в какие нормы» [6]. Не случайно и то, что К.Ф. Жаков обращается к гиперболе в изображении данного героя: находясь в толпе, Нялай возвышается над своими односельчанами, обладая недюжинной силой, он в танце хватает столб, швыряет огромный камень, да так, что он зарывается глубоко в землю. После неистового танца Нялай, подобно сказочному богатырю, спит три дня и три ночи. Ритм действий Нялая, составляющих его танец, сродни разгулу природной стихии. Данные свойства образа Нялая также «выдают» обобщенный характер героя: в его образе, возвышенном, по-своему величественном, находит воплощение характер целого народа.

А в рассказе А. Вурдова «Сизим лун Көрмөй Митьлөн» описание основной достопримечательности охотничьей избышки – большой печи – не только представляет образчик материальной культуры народа, но и открывает нечто, органично связанное с традиционным образом жизни и духовными основами, выработанными веками: «Но медыджыд эмбурыс, коді синтö гажöдiс вөр керкаын, сулалiс пыранiнсянь кык воськов ылнаын – паськыд мегыр вома пöжасян пач. Майбыр, эз быд кыйсьысь вермы ошйысьны татшöм пачөн. А Көрмөй Мить тэчлiс сийöс куим во сайын на. Öнiдз шог эз тöд ни пусигөн, ни сөй дозмук öжигайтiгөн, ни нянь пöжалiгөн, ни котасьöм паськөм косьтiгөн, ни кöдзыд тöвся войястö узьлiгөн. Да и кос веськöдны, кокъястö шонтыны кымалöмьяс бөрти пач бокин куйлöмөн – некутшöм мöд бурдöдчан оз ков, медым дзоньвидзалун не воштыны» (Но самое значимое имущество, что радовало глаз в лесной избышке, стояло в двух шагах от входа – с широким дугообразным ртом большая печка, предназначенная для выпекания. Небось не каждый охотник может похвастаться такой печкой. А Көрмөй Мить сложил ее еще три года назад. До сих пор не знал горя ни при приготовлении еды, ни при обжигании глиняной посуды, ни при выпечке хлеба, ни при просушивании промокшей одежды, ни тогда, когда спал в холодные зимние ночи. Да и поясницу выпрямить, согреть ноги после того, как застудишься, лежа рядом с печкой – никакого другого лекарства не надо, чтобы здоровье не потерять). В представлении автора традиционный образ жизни народа имеет незыблемую духовную основу, коррелирующую с принципами здравого смысла, практической необходимости. Семантика данного нарратива вызывает у рецепиента своеобразный комплекс переживаний.

Специфика художественного осмысления придает особые эстетические свойства малой прозе и К. Жакова, и А. Вурдова*. Семантическая сгущенность граничит, с одной стороны, с символизацией: художники ощущают необходимость в создании своеобразного памятника родному народу, возвеличивающего его историю и культуру. На наш взгляд, в осмыслении особенностей художественного мышления К. Жакова и современного коми прозаика А. Вурдова важно иметь в виду, что

---

* Следует отметить, данные особенности, имеющие эстетическое воздействие, часто не поддаются вербальному описанию и порой интуитивно, на уровне чувств, воспринимаются рецепиентом.

«практически большая часть произведений реалистического и романтического направлений в искусстве, жанры водевиля, оперетты, все массовое искусство находятся на этих ступенях художественно-эстетической содержательности – обладают художественной образностью того или иного уровня, но лишены высшей ступени художественного символизма. Он характерен только для высокого искусства любого вида, в том числе и сакрально-культурных произведений высокого художественного качества. Именно такие произведения, как правило, составляют фонд мировой художественной классики, то есть являются эстетически актуальными для человечества в достаточно широких хронологическом и пространственном диапазонах» [1, с. 89]. На наш взгляд, с данными особенностями художественного осмысления жизни авторами – К. Жаковым и А. Вурдовым – коррелирует и тяготение к формированию крупного образа, и статичность семантических аспектов образа. Следует отметить, природа художественной ткани подобного образа очень не проста: наряду с указанными особенностями смысловых аспектов, ней живет и светлая энергия, возвеличивающая духовный опыт народа, и глубокая сила любви к родному народу*.

Данные художественные особенности придают глубину опытам малой прозы К. Жакова и А. Вурдова.

Итак, при сходстве в переживании жизни К. Жаковым и новейшей коми прозой имеет место близкое родство с творческим наследием крупнейшего художника слова современного прозаика А. Вурдова: в тяготении к глубинному, философскому осмыслению конструирование образов специфической – обобщающей – семантики, смысловая насыщенность повествования. В основе данного художественного явления – особенности мироотношения авторов, их напряженное стремление выразить глубокие чувства по отношению к родному народу, что коррелирует со спецификой художественной природы опытов их малой прозы.

---

* Думается, в освещении особенностей мироотношения К. Жакова и А. Вурдова немаловажно и то, что «Концепция художественного символа как сущностного посредника между материальным миром и сферой духовного бытия стоит в центре внимания романтической эстетики» [16, с. 96-97].

Литература

1. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81-91.
2. Вурдов А.И. Водзкыв (Предисловие) // Сир войт (Капля смолы). Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. 5 с.
3. Вурдов А.И. «Сизим лун Көрмөй Мительён» (Семь дней Көрмөй Митя) // Сир войт (Капля смолы). Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. С. 6-28.
4. Вурдов А.И. Послесловие // Ирвинские сны. Сыктывкар: ООО Издательство «Кола», 2008. 142 с.
5. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. СПб.: Изд. И.К.Борисова, 1914. ч. III. 154 с.
6. Жаков К.Ф. Нялай // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. С. 147-156.
7. Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып.269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 23-32.
8. Кузнецова Т. Л. Осмысливая пережитое ... (некоторые тенденции развития современной прозы) // Арт. 2000. № 2. С. 112-124.
9. Кузнецова Т.Л. Отношения героя с миром в творчестве К. Жакова и коми прозе конца XX – начала XXI века // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. №1. С. 103-109.
10. Кузнецова Т.Л. Творчество К.Ф. Жакова и коми проза конца XX – начала XXI в.: отношения героя с миром // Вопросы уралоистики. 2009. СПб: Наука, 2009. С. 430-447.
11. Кузнецова Т.Л. Традиции К.Ф. Жакова в новейшей коми прозе // Традиции и инновации в истории и культуре / (Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН; отв. ред-ры А.П. Деревянко, В.А. Тишков). Москва, 2015. С. 488-499 .
12. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х годов). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 184 с.
13. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Изд-во Алетейя, 1997. 508 с.
14. Микушев А.К. К.Ф. Жаков и фольклор // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып.269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 6-11.
15. Сорокин П.А. Грезы севера (К.Ф. Жаков. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом; В хвойных лесах; Из жизни и фантазии; Очерки

- из жизни рабочих и крестьян на Севере). // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 59-64.
16. Спирина Э.М. Символ как понятие философской антропологии // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 96-97.

5.4. Мироощущение К.Ф. Жакова в контексте современной коми поэзии*

«Слишком рано родился я для «новых» народов и слишком поздно для «старых»» [6, с. 197] – в этом глубоком откровении героя автобиографического романа К.Ф. Жакова заключена, пожалуй, одна из ключевых причин драматичности судьбы уникального коми писателя, философа, ученого рубежа XIX–XX вв. Одиночество, непонимание, непризнание со стороны современников сопровождали К. Жакова на протяжении всей его жизни, и, более того, на протяжении многих лет после его смерти представление о личности и деятельности известного интеллигента-мыслителя претерпело в силу сложившихся исторических и социо-культурных обстоятельств серьезные идеологические искажения [2, с. 84-92; 19, с. 34; 18, с. 120 и др.]. Лишь на рубеже 1980–90-х наступает этап объективного осмысления жизни и творчества К. Жакова [7, с. 26]; и в наши дни ученые продолжают постигать феномен неординарной личности, предвосхитившей свое рождение на многие годы вперед. Действительно, близость мировоззрения писателя рубежа прошлых веков художественно-эстетическим тенденциям современной коми литературы, сознанию и духовно-нравственным поискам нашего современника отмечается не одним литературоведом [13, с. 63; 15; 14, с. 39; 9; 3], в частности, Т.Л. Кузнецовой подробно исследованы интертекстуальные связи между литературным творчеством К.Ф. Жакова и современной коми прозой: «в сложный период, когда общество решительно разрушает связи с советским прошлым, бывшее в

---

* Работа выполнена в рамках проекта Комплексной программы УрО РАН 18-6-6-25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)».

забвении творческое наследие Каллистрата Жакова становится духовно близкой средой» [10, с. 262].

Характеризуя коми литературу конца 1980-х – начала 90-х гг., В.Н. Демин отмечает, что она «вновь обретает национально-философские контуры, проявляющиеся прежде всего в том, что в центре внимания оказываются, как и в 20-е гг., проблемы национального бытия <...>, интерес поэзии к судьбам деятелей коми культуры – И. Куратова, Г. Лыткина, К. Жакова, В. Лыткина, В. Чисталева» [5, с. 15]. Действительно, рубеж 1980–90-х и далее 2000-е гг. становятся знаковым, переломным периодом для коми поэзии: новая плеяда авторов (Г. Бутырева, Е. Козлов, М. Елькин, А. Лужиков, Н. Обрезкова, А. Ельцова и др.) подвергает сомнениям ценностные универсалии писателей предыдущего поколения, «вырабатывая» новые формы художественного постижения действительности, зачастую восходящие к традициям коми поэзии начала XX в. Мы не найдем в современной коми поэзии стихотворений, посвященных К. Жакову, как И. Куратову или В. Чисталеву, его личность обнаруживает себя прежде всего на уровне мироощущения многих современных коми поэтов – их чувствах, эмоциях, переживаниях, взглядах на окружающий мир, на уровне отдельных поэтических образов, стилистической манеры и эстетических предпочтениях в художественном творчестве. Герои К. Жакова, сконцентрировав в себе архетипические черты коми национального характера [4, с. 136], а также духовные переживания интеллигента-мечтателя, искателя-философа спустя практически вековой период, принимая ту или иную ипостась, в том или ином аспекте вновь обретают воплощение в образе лирического героя коми поэтов, заявивших о себе в конце 80-х гг. XX в.

Общеизвестно, что с ломкой прежней системы ценностных ориентаций на смену восприятия мира и себя в нем как «космоса» – нечто упорядоченного, стабильного, выверенного логикой, опытом, сложившимися традициями – приходит состояние «хаоса», что в свою очередь порождает потребность в его преодолении, поиск путей выхода из т.н. «кризисной» ситуации. Так, коми поэты 1960-х – сер. 80-х гг. (В. Тимин, В. Попов, Г. Юшков, А. Ванев, А. Мишарина и др.) – представители четко оформленной жизненной позиции: осознавая «свою высокую миссию в нравственном воспитании человека, в воспитании высокой культуры чувств» [1, с. 191], они

являются трансляторами оптимистического, экстравертного, одухотворенного мироощущения: их стихи, как правило, отличает ярко выраженный жизнеутверждающий пафос, или чувство гордости, стабильности и уверенности в завтрашнем дне; их герой целостен и гармоничен в чувстве единства со своим временем, поколением, народом, самоутвержден через национальное и родовое начало. Поэзия этого периода развивает мысль о самоценности жизни на земле, о человеке как об абсолютном творце собственной судьбы, утверждает незабываемые нравственные ценности, воспевает жизнь и человека в их лучших качествах, выражает активную гражданскую позицию, поэтизирует жизнь и культуру родного народа. Лирический герой этого периода имеет четкое представление, зачем и для чего живет, он динамичен, энергичен, живет настоящим и устремлен в будущее.

«От молодого дерзającego оптимизма оно заметно эволюционирует в сторону разочарования, тупика, одиночества» [11, с. 16] – характеристика В.А. Латышевой изменений, происходящих в мироощущении К.Ф. Жакова, выразительно передает и тенденции развития самой коми поэзии. Осмысление знаковых для XX в. внешних драм – пережитых страной и отдельным человеком революций, войн, репрессий – в творчестве поэтов нового поколения уступает место осмыслению «драм» внутренних, общественно значимое теряет приоритет над личностным. Начиная с конца 1980-х гг., коми поэзия являет образец выразительного воплощения переживаний личности переходного периода с присущими ей чувствами усталости, маргинальности, духовного одиночества, утраты основ и ориентиров; она исполнена лирико-исповедальным пафосом героя – странника, который переживает разнообразные пограничные состояния в непрерывном поиске социального и духовного предназначения. При глубоком осознании незабываемых нравственных и этических основ человеческого бытия, сосредоточенных для него, как правило, в мудрости рода и знаниях предков, герой современной коми лирики пытается выработать качественно новое – метафизическое – понимание жизни.

Одиноким, чуждым многим странник, движимый как внутренним импульсом к познанию, так и суровыми объективными жизненными обстоятельствами, герой К.Ф. Жакова утверждает, что «человек должен стремиться понять смысл своего

присутствия на земле <...> соединить духовный, «невидимый» и реальный, «видимый» миры, чтобы обратившись к богу, выполнить свое предназначение» [8, с. 248].

Подобно герою К. Жакова, герой постсоветской коми лирики также находится в состоянии некой дезориентированности, неприкаянности, неопределенности, он переполнен чувством неудовлетворенности собой и собственной жизнью, сподвигающей на поиск того, что позволит обрести ощущение внутреннего комфорта: «*Мый и корся, мый и колö? / Сьöкыд висьöм кодъ жö олöм...*» (Что же я ищу, что же нужно мне? / Жизнь подобна тяжелой болезни...)* – с горечью вопрошает лирический герой М. Елькина («*Луннас зэрö. Войнас йизьö*» – Днем дождит. Ночью покрывается льдом). Состояние утраты основ и ориентиров современником выразительно переданы М. Елькиным в неединожды встречаемом образе дырявой лодки («*Олам – быттьö кытам розя пыжён, / Кытчöдз воам – некодй оз тöд*» – Живем, словно плывем в дырявой лодке, / Куда вынесет – никто не знает, ст. «*Эзысь шайт моз югöрьяссö койис*» – Рассыпал лучи, подобные золотым монетам), А. Лужиковым – в образе обессилевшей, безжизненной, окаменевшей, замершей земли («*Есенин*»), Н. Обрезковой – метанием лирической героини в лодке между двух берегов реки («*Вуджöd менö, пыжанöй, мöдлапöлас...*» – Перевези меня, лодочка, на другой берег). «...Нельзя без почвы жить диким северянам» [6, с. 73] – утверждает К. Жаков, размышляя о роли в жизни северных народов родного языка, Бога и рода, лирика же современных авторов в условиях урбанизации и глобализации привносит предчувствие утраты этнических традиций, что формирует глубоко трагичные – апокалиптические – мотивы.

«Сильные люди в моих повестях странствуют по земле и ищут смысла жизни» – размышляет К. Жаков [6, с. 109]. Образ странника, покидающего малую родину в стремлении к самореализации и плутающего в перипетиях собственной судьбы, – один из ключевых в современной коми лирике (Е. Козлов «*Ме локта гортö...*» – Я еду домой, «*Морт олöм*» – Жизнь человека; А. Лужиков «*Пипилисты сөкöl*» – Фенист ясный сокол, «*Тöдтöм муын, йöзын...*» – На чужбине, среди

---

* Здесь и далее, за исключением отдельных случаев, перевод подстрочный, наш. – М. А.

чужих; А. Ельцова «*Ме муні гортё*» – Я шла домой, «*А туйыс котёртё пыр сувтлытёг*» – Дорога все бежит и не кончается, «*Шуда колян, чужанін*» – Прощай, малая родина; Н. Обрезкова «*Гортёй, гортанёй, лайкыд потанёй*» – Дом мой родной, дорогой, колыбель моя нежная и мн. др.). Физическое странствие лирического героя в творчестве современных коми поэтов также прежде всего подразумевает духовный процесс, возникающий в результате потребности в самоопределении, самопознании, в желании понять смысл жизни: «*Олёмсё кыдз гёгөрвоны? / Леонардоён мёй лоны?*» – Как жизнь понять? Стать Леонардо да Винчи? (А. Лужиков «*Мыйла нюмдёма Джоконда?*» – Почему улыбнулась Джоконда?). Покидая отчий дом, герой современной коми лирики, подобно герою К. Жакова, обрекает самого себя на состояние вечных поисков, на постоянное проживание подобной ловушке разнообразных пограничных состояний, или состояний между мечтой, сном и реальностью, между приземленным, бытовым, будничным и сакрально-священным, возвышенным, божественным, между городской и сельской культурой, между цивилизацией и природой, между несовершенной, обмельчавшей жизнью современников и периодом жизни далеких могучих предков, национальных героев, разумно организованного общества и многим другим.

Поэты рубежа XX–XXI вв., пусть не в столь глобальном ракурсе, как К. Жаков, но развивают идею очерствления человеческого сердца, мысль об измельчании человеческой души, которая находится под воздействием искусственно созданной – городской – среды: «*<...>збыль мёй ёдбётём карса олём / пёртас сёлёмсё кёдзыд изйё?*» – неужели действительно суматоха городской жизни / обратит сердце в холодный камень? (А. Лужиков). Тяга к естественно природному, нравственно чистому, высоко духовному генетически передается у коми из поколения в поколения; равно как для героя К. Жакова, так и для героя современной коми лирики свойственно проживание состояние пассаизма, что выражается не только в тяге к периоду детства, проведенного в деревне, в тесном единстве с природой, но и к периоду далеких предков родного народа, культурных героев, ведающих законы мироздания, живущих в интуитивном согласии с окружающим миром. И здесь, и там, выражая мысль словами В.А. Латышевой, «мир природы, деревни, земли <...> –

элегическое воспоминание, мечта недостижимая, прошлое невозвратное»; и здесь, и там малая родина и город – это «контраст потерянного рая и адской действительности» [12, с. 31]. Отъезд из села не только вызывает чувство глубокой вины и ответственности за совершенный поступок, но и осознается как некий рубеж, полностью перевернувший жизнь лирического героя, как личная катастрофа, сыгравшая едва ли не судьбоносную и далеко не положительную роль на всей его последующей жизни (А. Лужиков «*Сэк югыд вѳліс войыс-луныс...*» – В те времена светлее были день и ночь...; Н. Обрезкова «*Рака тѳлысьын лымйыд уна на...*» – В марте много еще снега ... и мн. др.).

Осознание иллюзорности идеалов прежней ценностной системы, разочарование в организации современного общества в свою очередь мотивируют героя коми поэзии расширять вектор поисков в само- и миропознании – выходить за рамки рационально, эмпирически постигаемого, уходить в мир мечтаний и фантазий, обретать опору в ирреальном. Так, поиск смысла жизни в лирике М. Елькина выходит за границы привычного для человека счастья, за рамки того, в чем обычно привык обретать радость жизни его предшественник-поэт – за рамками достатка, семьи, любви, детей, социально направленной деятельности (М. Елькин «*Со и коли луныс. Бара лемдіс*» – Вот и прошел день. Опять смеркалось). Все громче начинает звучать мысль о судьбе, роке, предопределенности, столь чуждой для поэтов предшествующего поколения; лирический герой конца 1980-х и далее 2000-х гг. в некотором роде перестает быть творцом собственной судьбы: он находится под воздействием либо психологических барьеров, либо мистических сил, либо природных стихий, либо определенных стечений обстоятельств, препятствующих его желаниям и устремлениям, полноценной, гармоничной жизни (М. Елькин «*Горѳдла кѳ сыланкывсѳ тайѳс...*» – Если запою я эту песню..., «*Шогсьѳм*» – Тоска; Е. Козлов «*Ѳзьялѳны кодзувьяс и кусѳны...*» – Загораются звезды и гаснут... и др.).

«Отчего не сказка вся наша действительность?» – сожалеет герой К.Ф. Жакова [6, с. 29], и герой современной коми поэзии также выражает особые эстетические чувства: сказочное, загадочное для него, как и для жаковского героя, – одна из форм красоты, возможность оторваться от обыденности, невзрачности повседневной жизни, раздвинуть границы возможного для

человека, прикоснуться к идеальному. Герой решительно отвергает ценностную систему коллег-предшественников в их утверждении общественно полезного, выбирая роль идеалиста, искателя-романтика: *«Мен мусаджык энэжын шлывьэялысь тури, / А кабырö пыста оз ков»* – Мне милее журавль, парящий в небе, / А синица в руках не нужна (М. Елькин *«Збыль – арлыдтö артавны сэки оз сулав...»*) – По правде – не стоит считать года...); *«Мый сэтшöм кысканаыс сэни, энэж йирас, / Кор мортлөн чужаныныс, оланыныс му»* – Что манящего такого там, в глубинах неба, / Когда родина для человека – земля (М. Елькин); *«Кöть и ачым муна пемыд вөрöд, / лолöй лэбö югыд энэж шөрöд»* – Хоть иду я сам дремучим лесом, / Но душа парит в миру небесном (А. Лужиков; пер. Елены Исаевой).

Подобно тому, как К. Жаков стремится «уйти из мира неправды, лицемерия, произвола, грубого эгоизма и т.п. в мир светлого вымысла» [цит. по: 18, с. 121], поэты конца XX в. склонны к созданию в своих стихах атмосферы таинственности и загадочности, их отличает попытка уловить вокруг себя присутствие чего-то потустороннего, запредельного. Так, герой А. Лужилова, прогуливаясь в лесу, ощущает присутствие душ древних охотников (*«Важся кыйсьысьяслөн лов»*); природа в лирике Е. Козлова переполнена завораживающими, мистическими звуками: *«и сöмын здукъяс кежлö жугавлывлö лöнь, / Вой улö лэбачьяс кор мөдлапöлö вуджöны. / Но ме ог аддзы найöс, сöмын кылö мен, / кыдз найö шöпкөдчöны сьöd пуяслөн / вуджöрын... / и бара лöнь»* – и только на мгновение прерывается тишина, / Когда птицы к ночи перелетают на другой берег. / Но я не вижу их, и только слышно мне, / как шепчутся они / в тени деревьев... и снова тишина... (*«Войлань»* – К ночи). Как отмечает А.М. Семяшкин, Е. Козлов привносит в коми поэзию образ зазеркалья как «способность души лирического героя воспарить, подняться над обыденностью, проникнуть иновидением за грань нашей реальности, дабы прозреть» [20, с. 75].

Наиболее выразительно мечта, фантазия, вера в существование иных, как правило, лучших миров и измерений зазвучала в творчестве коми поэтесс: осмысление параллельных земному пространств, стремление раздвинуть рамки плотной, полной сопротивления земной реальности, преобразовать ее в подвижную, легко трансформируемую материю отличает стихотворения Г. Бутыревой, Н. Павловой,

Е. Афанасьевой, Л. Ануфриевой, глубоко мифопоэтична, полна интуитивных предчувствий и откровений лирика Н. Обрезковой [16]. Герою(не) современной коми лирики, подобно герою-мечтателю К. Жакова, «тесно в действительности...Условия жизни кажутся им «узким горлышком бутылки»» [21, с. 48]. Он(а) преодолевает несовершенство, не-пластичность современной ему(ей) реальности желанием воссоздать, реабилитировать языческое прошлое родного народа: *«Вежа кыддзыд менам лолё / Вужъясис да сзні олём. / Чайтан, сѳісіны – и кулі! / Гаръя-коръя на быд тулыс. / Бертісны, но ичѳт вужтор / Выльысь вежа пусѳ чужтас / Коми вираыслѳн лолын. / Таѳ эскѳм и ола...»* – Священная береза в мою душу / Пустила корни и живет в ней. / Кажется, вырубил топором – и пришел конец! / Но покрывается листьями и почками еще каждую весну. / Выкорчевали, но корешок / Заново рождает священное дерево / В душе коми человека. / Живу верой в это... (Е. Козлов *«Степансянь Памаѳдз»* – От Стефана к Паме).

В современной коми поэзии мы также обнаруживаем и тот пласт мировоззрения К.Ф. Жакова, в котором он предстает как искатель Гармонии, сосредоточенной для него в синтезе всех наук, философий, религий, в интеграции полного страстей и пороков земного и божественного – небесного – начал, в едином союзе законов человека, природы и Бога. Такие черты мировоззрения писателя-философа, восходящие в основе к восточному мирообразу, как пантеистичность, созерцательность, медитативность, вдохновенно-возвышенное удивление перед разумностью мироздания, мысли о реинкарнации, ощущение взаимосвязи всего сущего, неразрывности темного и светлого, созидательного и разрушительного мы находим в лирике Г. Бутыревой. В стихах поэтессы отражен процесс духовной интеграции с окружающим миром, в них – выражение доверия и уважения любой форме жизни; мир воспринимается автором как единое неделимое целое, в котором все имеет свой смысл и предназначение [17]: *«<...> где ты теперь, в каких измерениях?! / И кто ты теперь? (или может быть, – что?..) / Звезда ли / над старым Таллином, / форель ли / в морском заливе, / или черемуховый куст, вдруг пробившийся / у сельской ограды? / или все-таки – / человек?! / Есть ли надежда / потом / свидеться нам, / не разминувшись в пространствах, / здесь живущим пока, / неведомых? / Есть ли надежда / потом / узнать нам друг друга»; «<...>В теплых*

веснушках звезд / огромная ночь, – / огромная ночь, – / как чья-то распахнутая душа. / Я перестая быть: / все – ночь, / все – душа»; «<...> и чей-то взгляд, / и чье-то дыхание, / и чьи-то ритмы сердца, – / и вокруг, / и надо мной, / и во мне»; «Боюсь предела. / Не предательства. / Не смерти. / Не возмездия. / Боюсь предела». Подобно Паму Бур-Морту, героиня Г. Бутыревой восторгается перед чудом земной красоты во всем ее многообразии; увлеченная процессом познания уникальности планеты Земля, сосредоточенной в людях, культурах, природе, она фиксирует причудливые формы вызываемых ею ассоциаций: «Мудзлытӧг ветлӧдла Му вывті, / мудзлытӧг видзӧда сы вылӧ, / мудзлытӧг кывза сійӧс, / и мудзлытӧг шензя, / мый и меным усьюма шуд / овны тайӧ Му вылас (Морӧс тырнас лолалӧ...))» – Без усталости хожу по Земле, / без усталости изучаю ее, / без усталости слушаю ее, / И без усталости удивляюсь, / что и мне выпало счастье / жить на этой Земле (Полной грудью дышит...)

Несмотря на тягу к запредельному, на заманчивость и соблазнительность ирреального мира, герой современной коми лирики, подобно герою К. Жакова, далек от мысли отрицания земной жизни, бегства от нее. Несмотря на глубокие внутренние противоречия и непростые жизненные обстоятельства, он преодолевает свои пессимистические устремления, выражает стойкое им сопротивление (М. Елькин «Вай садьмы жӧ, лолӧй, да радлы...» – Пробудись же, душа, и радуйся...»; Л. Втюрина «Лабич вылын» – На крыльце; Павлова Н. «Ас вывсьыд бустӧ вай, кустӧм лов, пыркнит да / Веськӧдчы, паськӧдчы енвевтув ыркыдас» – Встряхни пыль с себя, погасшая душа, встрепенись и / Выпрямись, развернись в прохладе поднебесья и др.). Как отмечает В.А. Латышева, «энергичная натура К. Жакова» сопротивлялась декадансу. Жаков стремится свободиться от отчаяния, уйти от него» [11, с. 22]. Мысли К. Жакова о преодолении собственной природы, о борьбе с самим собой, стихийным началом своего характера, подверженной инстинктам и страстям личностью, а также с внешними обстоятельствами мы находим и в творчестве современных коми поэтов, отчаянно сопротивляющихся собственному «декадансу». Лирический герой современной коми поэзии открыто говорит о всех своих слабостях и недостатках, он терзаем острыми противоречиями, мыслями о собственном будущем и будущем родного народа, зачастую сломлен, но все

равно при этом движим вперед: «...колö лыны / вынаён да ёнён. / Еджыд юсьён медым воны / олöмыслён помö» – нужно быть сильным и крепким. / Чтобы белым лебедем достичь конца жизни (А. Лужиков «Еджыд юсь» – Белый лебедь); «Вывті-вывті дзескыд овлö / лёккöд орччён сöстём ловлы. / Но вот колö, / овыны колö / восьса / сьёлöмён да лолён» – Очень-очень бывает тесно бывает / рядом со злом светлой душе. / Но все равно нужно, / жить нужно / с открытым сердцем и душой (А. Лужиков «Олöм, олöм – абу мойдöм...» – Жизнь, жизнь – не сказки сказывание). Выражение уважения к жизни, принятие ее как универсальной ценностной категории, утверждение ее непреходящей значимости и в творчестве исполненных драматических переживаний современных коми поэтов позволяет говорить об особой морально-нравственной стойкости и силе духа народа коми.

Таким образом, мироощущение уникального коми писателя-философа рубежа XIX–XX вв. органично вписывается в структуру лирических переживаний героя современной коми поэзии. Образ цельной, активной, инициативной личности, сформированный поэтами 1960–80-х гг., сменяет герой нового формата – фрагментарно переживающий «не оформленную» постсоветскую действительность романтик-идеалист, искатель-философ, мечтатель, углубленный в самопознание и познание мира. Коми поэзия конца XX века, подобно творчеству К.Ф. Жакова, расширяет границы постигаемого человеком жизненного пространства: современность осмысливается поэтами сквозь призму древних, традиционных представлений о мире, а физически осязаемый (земной) мир – через контакт, взаимосвязь с параллельно-потусторонним (интуитивные откровения лирического героя, постижение природы снов, жизни после физической смерти и мн. др.). Безусловно, проблема выявления связей между художественным наследием К. Жакова и творчеством современных коми поэтов находится лишь на начальной стадии осмысления и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Ванеев А.Е., Демин В.Н. Поэзия // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар, 1980. Т. 3. С. 12-24.
2. Ванеев А.Е., Лыткин В.И., Мартынов В.И. Коми литература второй половины XIX – начала XX вв. // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т.2. С. 73-101.

3. Горинова Н.В. Традиции В.Чисталева и К.Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» (Поэма о молельнях) // Финно-угроведение. 2011. № 1. С. 12-23.
4. Демин В.Н. К.Ф. Жаков как явление коми культуры XX века // Демин В.Н. На небе звезда. Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар, 1995. С. 126-148.
5. Демин В.Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург, 1997. 314 с.
6. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996. 384 с.
7. Жеребцов И.Л. К.Ф. Жаков в оценках советских исследователей // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 21-27 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55).
8. Ковалева Е.Д. Проблема соотношения религии и культуры в философии лимитизма К.Ф. Жакова // Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012. С. 248-249.
9. Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып. 269: Демин В.Н., Кузнецова Т.Л., Лисовская Г.К., Микушев А.К. Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 23-32.
10. Кузнецова Т.Л. Творчество К. Жакова и коми проза конца XX – начала XXI вв.: постижение времени периода порубежья // Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012. С. 258-263.
11. Латышева В.А. Каллистрат Жаков // Латышева В.А. Классики и современники. Статьи о литературе. Сыктывкар, 2005. С. 15-26.
12. Латышева В.А. Сходство средств создания художественного образа у А. Куприна и К. Жакова // Латышева В.А. Классики и современники. Статьи о литературе. Сыктывкар, 2005. С. 27-32.
13. Лисовская Г.К. Новеллистика К.Ф. Жакова // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. С. 57-64 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55).
14. Лисовская Г.К. Каллистрат Жаков и Фридрих Ницше // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир: сборник статей. Сыктывкар, 2002. С. 33-40.
15. Лыткина Л.В. Современная коми-зырянская проза // Чужан кыв. 1997. № 1. С. 3-4.
16. Малева А.В. Феномен иррационального в лирике коми поэтов // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное: Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21-22 ноября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. С. 163-168.

17. Малева А.В. Поэтическая медитация Галины Бутыревой: «восточное» мировосприятие лирической героини // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8. С. 111-114.
18. Мартынов В.И. Становление коми литературы. Идеино-эстетический аспект. М., 1988. 232 с.
19. Микушев А.К. На таежных просторах. М., 1986. 304 с.
20. Семяшкин А.М. Образы музыки и зазеркалья в поэзии Евгения Козлова // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сборник статей. Сыктывкар, 2002. С. 72-78.
21. Шкляев А.Г. К.Ф. Жаков и первые удмуртские писатели: типология творческих поисков // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. с. 43-49 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55).

5.5. Традиции К. Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» (Поэма о Храмах)*

Современная коми литература обнаруживает глубокие интертекстуальные связи с творчеством К. Жакова, выявляя и актуализируя эстетические возможности его художественных принципов при воссоздании духовных проблем современного общества, раскрытии мировосприятия современника, его характера и жизненных установок. Одним из многих примеров развития жаковских традиций в современной литературе коми является драма О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» (Поэма о Храмах, 1991). Отдаленность от культурно-исторического контекста художественных произведений К. Жакова не мешает автору современности творчески осваивать эстетические достижения писателя, в пьесе находят отражение многообразные аспекты литературных связей современной культуры с искусством начала XX в., становясь ярким свидетельством подлинной творческой учебы современного драматурга у великого предшественника.

Некоторую общность пьесы О. Уляшева с жаковскими текстами можно обнаружить уже во вступительном слове

---

* Публикация подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН 18-6-6-25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)» (2018-2020).

рассказчика к разворачиваемому сюжету «Поэмы о Храмах»: «Кор ичѳт на вѳлі да гѳгѳрволі на тѳвлысь сьылѳмсѳ, ёльяслысь варгѳмсѳ, пуяслысь шѳпкѳдчѳмсѳ, кывлі ме изьяслысь сѳрни... Уна вермасны висьтавны ройсьялѳм изьяс» (Когда совсем еще маленьким был и понимал пение ветра, болтовню лесных речушек, шепот деревьев, слышал я разговор камней... Многие могут рассказать замшелые камни) (здесь и далее перевод подстрочный наш. – Н.Г.) [10, с. 68]. Приведенный пример явно перекликается с финальной частью чердынского предания К. Жакова «Царь Кор»: «Так пел певец, и слова его сохранились в темных пармах, в светлых борах, в пении птиц, шепоте лесов. От них узнал я старое преданье о царе Коре» [2, с. 455]. Как можно убедиться, слова рассказчика драмы О. Уляшева практически вторят словам рассказчика К. Жакова, что выявляет связь между указанными произведениями не столько на лексическом уровне, сколько ментальном – рассказчики обоих произведений в своем стремлении одухотворить природные явления выявляют свою приверженность религии анимизма, сюжеты обоих анализируемых текстов раскрываются сквозь призму языческих представлений. В отношении писателя начала XX в. исследователи не раз отмечали, что К. Жаков в своих произведениях открывает мировоззрение язычника. Так, В.А. Латышева утверждает, что пейзажные зарисовки в прозе К. Жакова одухотворены – одухотворены леса, ручьи, облака, солнце, вода – так, «как это было свойственно сознанию язычника!» [6, с. 142]. В.Н. Демин, анализируя поэзию мыслителя, выявляет стремление автора «реставрировать облик древнего коми», воспроизвести «то мироощущение и миропонимание, когда человек и природа жили в согласьи и когда верования человека были просты и естественны» [1, с. 33, 34]. О. Уляшев, осмысливая в драме «Енколаяс йылысь поэма» восприятие мира язычником, во многом опирается на художественные достижения своего предшественника. Это касается не только наличия в произведениях О. Уляшева и К. Жакова рассказчика-язычника, но и в художественной обработке ими фольклорного материала, которые авторы активно используют при написании своих текстов.

Так, драма «Енколаяс йылысь поэма» освещает историческое прошлое народа коми, воссоздавая время крещения зырян в XIV в. и отображая миссионерскую деятельность святителя и крестителя народа коми Стефана Пермского.

Однако, основу пьесы составляют не документальные источники, освещающие эти события, но фольклорные предания коми о Перымса Степане, которые отражают не столько реальное прошлое, сколько восприятие связанных с христианизацией Коми края событий народным сознанием. Как утверждают исследователи, «Образ Степана Пермского в народных представлениях, с одной стороны, сохранил важные для христиан черты, а с другой – приобрел черты, позволяющие включить его в контекст традиционных воззрений и рассказов о тóдысь (колдунах)» [11, с. 346]. Ученые подчеркивают, что «наиболее обширный круг сюжетов» о святителе связан именно с колдовским эпосом: «В текстах данного типа образ Степана Пермского является зеркальным отражением образов тунов «колдунов», в особенности печорского Кыски и Тунныръяка... Фольклорный Степан Пермский побеждает тунов не божьим словом, а сугубо колдовскими приемами... Образ реальной исторической личности трансформируется в представлениях коми-зырян в образ сильного колдуна, побеждающего локальных тунов и тóдысь с помощью магии и хитрости» [11, с. 348]. Перымса Степан, каким видел его народ коми в прошлом, на тот момент обладающий языческим сознанием, наделен чертами, далекими от христианских добродетелей, фольклорному Степану присущи не только способности колдуна, но и озлобленность, жестокость, безжалостность, мстительность, расчетливость. О. Уляшев, работая над фольклорным образом Степана, сохраняет в его характере перечисленные исследователями черты колдуна Степана Пермского. Он лишь «психологизирует» его характер, наполняя действия и поступки героя энергией, эмоциями.

Пьеса «Енколаяс йылысь поэма», таким образом, подвергает переосмыслению и переоценке идеалы православия, выявляя негативные стороны характера святого, которого веками прославляла церковь. Стефан Пермский, личность масштабная, внесшая значительный вклад в развитие национальной культуры, личность, с которой начинается новая веха в истории коми народа, в пьесе осуждается. Драма подчеркивает разрушительные аспекты процесса христианизации в Коми крае: миссионерская деятельность Степана среди зырян привела к расколу племен древних коми, переселению народа в отдаленные леса... Идеология Степана содействовала разрушению прежнего патриархального уклада жизни, прежней

системы ценностей, прежнего мировоззрения. Колониальная политика Московского княжества, представителем которого был святитель, привела народ коми к потере независимости.

Выявленный в драме «Енколаяс йылысь поэма» аспект сродни творческим установкам К. Жакова, в произведениях которого зачастую звучит мысль о трагических последствиях ломки традиционных патриархальных устоев жизни коми крестьянства. По словам А.Ю. Котылева, «Писатель в своем творчестве вступает в конфликт с новоевропейской культурной реальностью, которая вторгается в ареал проживания его этноса, навязывая ему свое видение мира, свой образ жизни» [3, с. 124-125]. Г.К. Лисовская в работе «Новеллистика К.Ф. Жакова» раскрывает глубокие связи произведений великого мыслителя с философией Ницше, обнаруживая общее для обоих философов в идеях об идеальном человеке. Исследователь утверждает: «Стремлением к идеальному человеку, свободному от пороков цивилизации, объясняется мечта Ницше о сверхчеловеке, а Жакова – о богочеловеке. Когда Ницше пишет о том, что «люди измельчали и мельчают еще больше», что «много лжи у маленьких людей» [9, с. 145, 149], то это созвучно сетованиям К. Жакова на слабость, лживость, никчемность цивилизованных народов (рассказы «Тогай», «Беженада-Вирси-Урго»)» [8, с. 18]. По мысли К. Жакова, приобщение коми народа к цивилизации способствует потере им своих национальных черт, своей уникальности и самобытности, что в целом ведет к духовному обнищанию нации. Драма О. Уляшева, воссоздавая переломный момент в истории коми народа, выявляет сложившиеся в коми литературе начала XX в. воззрения о негативных последствиях принятия зырян ценностных установок других народностей, о возможном вырождении коми народа как нации. Пьесу «Енколаяс йылысь поэма» с творчеством К. Жакова также сближают переживания автора о судьбе своего народа. Герой писателя начала XX в., по мнению Т.Л. Кузнецовой, испытывает внутреннюю драму, которая «выражает непростой, полный открытий и трагических разочарований, процесс ломки крестьянского мировоззрения под воздействием цивилизации и культуры» [4, с. 31]. Драма О. Уляшева, раскрывающая деятельность святителя в Коми крае сквозь призму языческого сознания, вызывает в читателе и зрителе боль за поруганную родину, за осквернение святыни, за народ, на долю которого выпало столько страданий.

Пьеса «Поэма о храмах» устремлена на раскрепощение духовных сил, дремлющих в народе, она приводит зрителя к размышлению, осмыслению положения народа коми в современном мире, к желанию действовать во имя сохранения народа как нации. Неудовлетворенность настоящим обуславливает обращение автора к прошлому зырян, к идеализации и романтизации патриархальной дохристианской эпохи коми народа. По мысли драматурга, общественное устройство коми во времена язычества являло собой идеал цельного бытия, пример гармоничного развития общества, которое впоследствии было нарушено русскими колонизаторами. В связи с этим вызывает интерес характер главного героя драмы – колдуна Кыски, который в пьесе, в противоположность Степану Пермскому, получает исключительно положительную оценку. В драме он показан не только как колдун, обладающий особыми познаниями и властью над природными явлениями, но и как человек, наделенный интеллектом, уважительно относящийся к односельчанам. Из диалогов персонажей драмы мы узнаем, как Кыска, применяя свой дар колдуна, помогает Веру вылечить охотничью собаку, односельчанке – найти потерявшуюся в тайге корову. Влюбившись в Велянь, которая не отвечает ему взаимностью, Кыска не прибегает к магии, чтобы заставить девушку полюбить себя. Все его поступки характеризуют его как глубоко нравственную личность, свидетельствуют о его открытости и желании помочь своим соплеменникам. Его поведение, отношение к односельчанам, выявляют в туне Кыске – не христианине – вполне христианские качества. Ему не надо быть приверженцем православия, постигать суть этой религии, обращаясь к помощи священнослужителей, посещать церковь, выполнять установленные церковью обряды – он и без всего этого выступает олицетворением важнейшей заповеди христианства – «возлюби ближнего своего». С Кыской, как носителем народного сознания, можно соотнести народ коми в прошлом. Не все коми, конечно, обладали колдовскими способностями, но основными характеристиками их были добропорядочность, сердечность, отзывчивость. О. Уляшев, изображая характер колдуна Кыски, концентрирует внимание именно на этих качествах его характера, на нравственных ориентирах коми в прошлом. В этом проявляется вера драматурга в цельность характера коми в прошлом, в его способность созидать и сохранять гармоничные отношения с людьми, с миром.

Необходимо отметить, что фольклорный образ туна Кыски в драме О. Уляшева трансформируется и претерпевает значительные изменения. Предание устного народного творчества раскрывает достаточно негативные стороны характера туна Кыски – нетерпимость, властность, жестокость, герой фольклорных преданий подвержен злобе, раздражительности. Кыска, согласно фольклорным произведениям, действительно обладал колдовским даром, но в них не упоминается, что он всячески помогал своим соплеменникам. Создавая пьесу «Енколаяс йылысь поэма», О. Уляшев подвергает литературной обработке образ народного героя, привнося в его характер положительные черты – высокую нравственность, чистоту помыслов, добросердечность, справедливость, благородство, бескорыстие. Кыска как персонаж драматургического произведения в противовес святителю Степану во многом симпатичен автору и зрителю. Кыска в пьесе – результат творческого поиска и художественное воплощение субъективных переживаний драматурга. О. Уляшев, облагораживая героя, возвышая его над святыми православной церкви, представляет свою концепцию личности, которую волнует народная судьба и которая способна пойти на защиту прав и свободы представителей своего народа.

Романтизация и поэтизация исторического прошлого коми народа характерна также и для творчества К. Жакова. Романтический пафос наиболее ощутим в его поэме «Биармия», которая, по словам В.А. Латышевой, «овеяна романтическим ощущением автора, в ней все возвышено и прекрасно: природа, персонажи, благородные обычаи народа, очеловеченные звери Пармы, добрые кудесники и песнопевцы...» [7, с. 265].

Т.Л. Кузнецова также подчеркивает усиление в поэме «Биармия» романтического пафоса, «основанного на акцентации исключительно положительных качеств характеров героев (поэмы)» [5, с. 259]. Драма О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма», как мы можем убедиться, выявляет приверженность традициям К. Жакова в романтизации истории своего народа, в идеализации героев коми преданий, в возвышении и облагораживании языческого мировосприятия.

Обращение К. Жакова к истории коми, по мнению В.Н. Демина, явилось следствием поиска путей выхода из глубоких социальных и духовных проблем 1900-х гг.: «Поэма «Биармия» создавалась в годы величайшего кризиса XX в. – мировой войны, в канун революционных катаклизмов, кризиса прежних

ценностей. В ней отразились мечты коми крестьянства о справедливом государственном устройстве, о жизни в согласии и добрососедстве, о гармонии взаимоотношения человека и природы. Духовно-философские, национальные и нравственные проблемы коми крестьянства начала XX в. нашли преломление в этом вершинном произведении коми писателя». Решение нравственных и социальных проблем современности К. Жаков предлагает искать в истории и народной мудрости, призывая «преобразовать современную жизнь опытом и истории и философии, обращением к народной этике и эстетике как к высшему проявлению человеческой мудрости, способности усовершенствовать мир, привести его к согласию и единению» [1, с. 36-37, 42].

Обращение О. Уляшева к преданию коми о времени христианизации, скорее всего, обусловлено также кризисным состоянием общества, но уже 1990-х гг., сходством переходного периода с временем крещения Коми края: ситуация перехода народа коми от одной веры к другой, оказавшая влияние не только на социальный уклад коми, но прежде всего на сознание зырян, позволяет отразить кризисное состояние современности, утрату обществом прежней системы ценностей, некоторых устоев, нравственных ориентиров. Исследование драматургом переломных моментов истории народа коми связано с его поиском решения духовных и социальных проблем современности. Языческое прошлое коми для О. Уляшева – воплощение гармоничного состояния общества, а народ в нем – олицетворение сплоченности, единства. Людей характеризуют дружеское участие, отзывчивость, взаимопонимание. Устои жизни строятся на гармоничных отношениях друг с другом, с одной стороны, и с языческими богами, с природой – с другой. С приходом Перымса Степана прежний уклад рушится, взаимопонимание уходит – новая религия вносит в жизнь коми разлад: брат идет на брата, дочь против отца... Но коми стремятся сохранить прежний уклад жизни, с оружием в руках отстаивать свои верования, свои интересы, свои традиции, свою самобытную культуру. Драма «Енколаяс йылысь поэма», изображая дохристианское прошлое коми, находит в нем более гармоничные и светлые стороны, утраченные современным обществом, современным народом коми – свое единство, сплоченность, стремление отстаивать свои идеалы.

Рассмотренные нами тенденции развития жаковских традиций в современной коми драме представляют собой лишь некоторую часть исследования поставленной в работе проблемы. Многие аспекты, связывающие творчество мыслителя с драмой О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма», еще не выявлены, их еще предстоит изучить. Однако, воздействие К. Жакова на художественное сознание драматурга очевидно. Прежде всего, в произведениях писателей наблюдаются идейно-тематические параллели. О. Уляшева волнуют темы, интересовавшие писателя начала XX в., прежде всего, – тема народа коми. Драматург, как и его предшественник, романтизирует языческое прошлое своего народа, представляя его идеальным и призывая ориентироваться на него как на пример общества, в котором отношения человека с миром гармоничны и согласованы.

Литература

1. Демин В.Н. Поэзия К.Ф. Жакова // Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К., Кузнецова Т.Л. Творчество К.Ф. Жакова. Серия препринтов «Научные доклады». Коми НЦ УрО АН СССР, 1991. Вып. 269. С. 32-42.
2. Жаков К. Царь Кор // Жаков К. Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. С. 439-455.
3. Котылев А.Ю. Особенности процесса формирования личностной этнопространственной идентичности на Северо-Западе России в XX в. (К.Ф. Жаков и Б.В. Шергин) // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс / В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. С. 121-129.
4. Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К., Кузнецова Т.Л. Творчество К.Ф. Жакова. Серия препринтов «Научные доклады». Коми НЦ УрО АН СССР, 1991. Вып. 269. С. 23-32.
5. Кузнецова Т.Л. Творчество К. Жакова и коми проза XX – начала XXI в.: постижение времени периода порубежья // Филологические исследования на рубеже XX-XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19-21 октября 2001 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. (Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). С. 258-263.
6. Латышева В.А. Пейзаж родины в произведениях К. Жакова // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь

уджъяс (В этой песне коми жизнь): Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. С. 141-149.

7. Латышева В.А. Поэма К.Ф. Жакова «Биармия»: художественное своеобразие // Филологические исследования на рубеже XX-XXI в.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19-21 октября 2001 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. (Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). С. 263-268.
8. Лисовская Г. Новеллистика К.Ф. Жакова // Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К., Кузнецова Т.Л. Творчество К.Ф. Жакова. Серия препринтов «Научные доклады». Коми НЦ УрО АН СССР, 1991. Вып. 269. С. 11-23.
9. Ницше Ф. Так говорит Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Интербук, 1990.
10. Уляшев О.И. Енколаяс йылысь поэма // Уляшев О.И. Орд ордым. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2006. 68-98 л.б.
11. Уляшев О.И. Степан Пермскӧй // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. М.: Издательство ДИК, 1999. С. 346-348.

6. Наследие К. Жакова в фондах и музеях

6.1. История формирования фонда К. Жакова в Литературном музее И.А. Куратова (к 150-летию со дня рождения коми писателя и ученого К.Ф. Жакова)

В Литературном музее И.А. Куратова в зале «Коми литература первой трети XX в.» первый раздел экспозиции посвящен выдающемуся коми писателю и оригинальному философу К.Ф. Жакову. Большая часть экспонатов раздела была собрана в конце 1980-х, в начале 1990-х гг.

История формирования фонда К. Жакова в музее начиналась в 1973 г. Тогда в музей поступили несколько ксерокопий книг К. Жакова, чуть позднее – его фотопортрет. Они были собраны первым заведующим литературно-мемориальным музеем И.А. Куратова Т.А. Чисталевой. Во второй половине 1970-х гг. фотопортрет К. Жакова был представлен на выставке, рассказывающей о становлении коми литературы в начале XX в. Как известно, начиная с 30-х гг. прошлого века за Жаковым закрепилась репутация буржуазного националиста и белоэмигранта. По этой причине партийные чиновники, посещая выставку, не раз указывали сотрудникам музея на то, что экспонирование снимка такого человека – вещь недопустимая.

Но уже в это время коми ученые, писатели и критики А.К. Микушев, В.А. Латышева, И.В. Изъюров, С.А. Попов и А.С. Забоев давали положительную оценку творчеству К. Жакова. Более всех хотела возратить имя Жакова на родину его внучка Любовь Вадимовна Жакова, самодеятельная художница из Ярославля и светлой души человек.

Любовь Вадимовна еще до начала «перестройки» не раз бывала в музее. Рассказывая о своем деде, убежденно говорила о том, что Жаков, находясь вдали от родины, никогда

не забывал о ней и умер с мыслью о возвращении в родной Коми край.

В конце 1980-х гг. в связи с демократическими преобразованиями в обществе и благодаря исследовательским трудам коми ученых и внуки знаменитого нашего земляка было возвращено имя К.Ф. Жакова.

В этот же период общественность республики готовилась к празднованию памятной даты – 125-летия со дня рождения К.Ф. Жакова. Музей в связи с подготовкой выставки «Возвращенное имя», посвященной Жакову, приступил к активному сбору материалов архива нашего земляка.

Отправной точкой для сбора экспонатов стал г. Ярославль, где проживала Любовь Вадимовна Жакова. Туда мы и выехали весной 1990 г., совместно с научным сотрудником Л.Д. Ильчуковой. Из рассказов Любовь Вадимовны мы знали о том, что ей удалось собрать материалы о деде в разных архивах Ленинграда и Прибалтики. К этому же времени у нее сложились прекрасные отношения с детьми второй семьи Жакова в Риге, те подарили Любовь Вадимовне семейные фотографии.

В свою очередь Любовь Вадимовна любезно согласилась передать на временное хранение подлинные фотографии своего деда, его друзей по Петербургу и Прибалтике, рисунки с изображением тех мест, где жил К.Ф. Жаков, а также свои исследовательские статьи о Жакове «С родиной в сердце», «К. Жаков не был эмигрантом» и краткую биографию своего отца – сына К. Жакова Вадима.

Затем автор данного исследования в мае 1991 г. выявила ценные документы в ЦГА Республики Коми (ныне – Национальный архив РК): воспоминания о профессоре К.Ф. Жакове его товарища по Тотемской учительской семинарии Ф. Шошина, воспоминания Ф.В. Попова как о преподавателе на общеобразовательных курсах А.С. Черняева в Санкт-Петербурге, воспоминания И. Мошегова, воспоминания А.К. Янсона о последних годах жизни К.Ф. Жакова, а также копии писем Августу Карловичу Янсону от Жакова; доклад К.Ф. Жакова «К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии», изданный в типографии императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в 1908 г., дневник А.А. Цембера с воспоминаниями о встречах с Жаковым в Усть-Сысольске в 1909 г. Все эти воспоминания ценны тем, что в них авторы описывают нравственные качества К.Ф. Жакова, его отношение

к переменам в России; говорят о его творческом потенциале и научных интересах, философии лимитизма, бесконечной любви к родной земле и коми народу. И каждый из авторов воспоминаний подчеркивал огромное значение личности ученого и писателя для науки и культуры коми народа. Вот как пишет о физических и духовных способностях К.Ф. Жакова Ф. Шошин: «На уроках гимнастики он приводит в ужас учителей этого предмета всевозможными головокружными трюками: так и казалось порой, что он сломит себе шею. Нельзя было без страха смотреть, когда К.Ф. взберется на верхний брус гимнастического городка и, встав здесь на голову, помахивает в воздухе ногами... Не меньшие успехи оказывал К.Ф. и в тяжелой атлетике: упражнения с гириями были его любимым развлечением... Наряду с этим К.Ф. был искусный пловец. Словом, не было, кажется, ни одного вида спорта, где бы будущий ученый не достиг виртуозности... Какое редкое и счастливое сочетание физической силы с гениальностью духа! И как горько и обидно, что гигантские силы этого богатыря были преждевременно сломлены выпавшим на его долю тернистым жизненным путем, который так живо описан им в его увлекательной автобиографии "Сквозь строй жизни"» [1].

Из воспоминаний Ф.В. Попова: «Помню, как на одной из лекций, К.Ф. отвлекся от своего курсового предмета от темы данной лекции и незаметно для себя перешел в рассуждение «о правде и справедливости». Это были тогда модные слова, но за 4 года своего учения я только однажды слышал их от К.Ф., и с открытой кафедры, вероятно, он коснулся их только потому, что слова эти сильно и глубоко задевали...

Много Вам, ребята, придется испытать в жизни горьких уроков правды и справедливости. Если Вы их будете уважать не на словах, а на самом деле, то Вы везде и всюду будете гонимы, и двери жизни для Вас будут закрыты. На правде и справедливости карьеры Вы не сделаете...» [1].

Нужно сознаться – умел Жаков заражать людей беспредельной любовью к истине, науке и искусству... Память об этом замечательном человеке долго будет жить в сердцах его многочисленных учеников, и особенно его земляков – коми, которые пользовались всегда его искренней любовью и покровительством, а многие – постоянным гостеприимством. Не менее трогательными и проникновенными из этих документов являются воспоминания краеведа, ответственного секретаря

Псковского археологического общества, директора Псковского государственного областного музея А.К. Янсона. Вот некоторые выдержки из них: «С Каллистратом Фалалеевичем Жаковым, тогда еще только скромным приват-доцентом университета, я познакомился на вечере у В.В. Батнера, редактора в свое время весьма распространенного журнала «Вестник знания», не помню, в 1912 году или же годом позже... В разговоре со свежим человеком К.Ф. всегда оживлялся и обильно сыпал направо и налево блестящими искрами своих мыслей... Его интерес обнимал почти весь круг наук... В Пскове в 1918 году собрал небольшой кружок своих прежних учеников и отчасти занимался преподаванием в местных школах. Жилось ему необычайно трудно, мучил голод, холод и застарелая болезнь в желудке, которая в конце концов так и свела в могилу. Он писал свою (как казалось) лебединую песню «Светлые сказки земли» – изложение истории философии в популярной, беллетристической форме... К.Ф. был популяризатор «божьей милостью», типы его философов дышат глубокой исторической и художественной правдой... Мне кажется, что К.Ф. не должен умереть никогда в истории русской литературы и просвещения как первый популяризатор философии... Зимой 1918–1919 гг. К.Ф. усердно работал над «Светлыми сказками земли», трудом более беллетристическим, чем научным. При чтении написанного мы нередко обменивались мыслями о литературе и искусстве. Новую литературу К.Ф. почти не знал, но зато до страсти обожал классиков. Сервантес, Шекспир, Гете, Пушкин, Гоголь были для него ежедневной пищей» [1].

Последний раз Август Карлович с Жаковым встретился 24 мая 1919 г. О многом побеседовали, в частности, о будущем интеллигенции и об индивидуальных особенностях личности. На следующий день Псков был занят эстонцами, в августе вернулась Красная армия, но к этому времени К.Ф. в Пскове уже не было – он уехал в Прибалтику на родину своей супруги. Август Карлович завершает свои воспоминания следующими словами: «К.Ф. был человек мыслящий, его каждое слово дышало мыслью, изящной и философски точной, не книжной и позаимствованной, но своей, выстраданной. Был он человеком необыкновенно искренним и правдивым, а также на редкость даровитым. Эти качества позволяли ему быть скромным в общественной жизни, «не вылезать», как это нужно бездарности; в нем нуждались, его выдвигали, а не наоборот» [1]. В

настоящее время копии воспоминаний хранятся в фондах Литературного музея И.А. Куратова.

Получили также целый пакет документов из Эстонского государственного архива, это в основном копии докладных записок К.Ф. Жакова ректору Юрьевского (ныне Тартуского) университета. Все они рассказывают о непростой жизни ученого в Эстонии в 1919–1921 гг.

Кроме этого, на обращения музея откликнулись архивы Санкт-Петербурга и Вологды. Среди материалов, полученных из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, имеются документы, рассказывающие об экспедиции по исследованию Печорского края в 1908–1909 гг.; документы, рассказывающие об учебе Жакова в Тотемской учительской семинарии.

В фонды музея поступили также документы из архива Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Как известно, психоневрологический институт, где по приглашению академика Бехтерева Жаков работал с 1908 по 1917 гг., всегда считался в России вольным институтом. В одном из секретных документов из особого журнала Совета Министров от 2 июля 1914 г. говорится о том, что на квартире заведующего студенческими делами института профессора Жакова систематически собирается учащая молодежь из разных учебных заведений столицы якобы для чтения научных лекций, но на деле – для обсуждения политического свойства вопросов.

В следующем документе из Министерства внутренних дел попечителю Санкт-Петербургского учебного округа сказано о том, что из числа профессоров психоневрологического института особенно выделяются своим левым направлением профессор социологии Де-Роберти, Тарле и заведующий студентами Жаков.

К. Жаков с просветительской и научной деятельностью выезжал не только в родной Коми край Вологодской губернии, но и в другие уезды и губернии России. Любопытные материалы о деятельности Жакова (копии документов) получили из Вологодского областного архива. В заметке «К приезду профессора Жакова», опубликованной в газете «Вологодский листок» от 6 августа 1913 г., сказано о том, что Жаков совершил поездку в Мезенский уезд с целью изучения самоедского языка, фольклора, составления словаря и грамматики этого языка.

Кроме этого, в Народных домах Мезенского уезда Жаков читал лекции. В заметке говорится: «В уездных городах Архангельской губернии лекции читались впервые. Дети срывали там цветные афиши, которых ранее никогда не видели, а мужички полагали, что К.Ф. Жаков будет им играть на гармонике в Народном доме, потому что они слышали, как в квартире он играл на этом инструменте. Во время лекции простолюдины, стоя у окна и не решаясь войти в Народный дом, громогласно выражали свое согласие или несогласие с теми или иными положениями профессора. После лекции в Мезени вся аудитория благодарил К.Ф. Жакова, а капитан, начальник роты, сказал: «Мы слушали вас, профессор, как певца». На обратном пути профессор читал публичные лекции в Устюге и Вятке и был огорчен тем, что мелководье и некоторые другие причины помешали ему побывать в Усть-Сысольске, у родных ему зырян».

Коллекцию ценных материалов музею передала дочка К. Жакова Райда из Риги. Среди них – брошюры с философскими текстами лекций К. Жакова на латышском языке, изданные в Риге в 1924 и 1926-е гг.; журнал «Основы лимитизма» за 1924 г. с поэмой Жакова «Биармия» на латышском языке в переводе Я. Райниса, портрет неизвестного художника с названием «Мадонна», фотографии и т.д. Все эти экспонаты в начале 1990-х гг. из Латвии привезли журналист Л.А. Лыткин и доктор филологических наук В.Н. Демин.

Поистине бесценными в экспозиции являются рукопись поэмы Жакова «Биармия» и его автобиографический роман «Сквозь строй жизни», изданный в Санкт-Петербурге в 1912–1914-е гг. Рукопись поэмы в 1928 г., возвращаясь из научной командировки в Финляндии и Венгрии, привез поэт и будущий ученый-лингвист В.И. Лыткин. Книгу «Сквозь строй жизни» в 1995 г. подарил музею литературовед, кандидат филологических наук В.И. Мартынов, он приобрел ее в 1970-е гг. в одном из букинистических магазинов Ленинграда. В фондах музея хранятся материалы о перезахоронении праха К.Ф. Жакова на городском кладбище в Сыктывкаре. Их музею в 1990 г. передали заместитель председателя Сыктывкарского горисполкома А.А. Ануфриев и поэт А.Е. Ванеев. Они же перевезли прах Жакова из Риги на родину.

Одним из уникальных документов в экспозиции является письмо жены сына К. Жакова Вадима Нины Александровны Л.В.

Жаковой от 15 декабря 1962 г. Оно заслуживает особого внимания, поэтому привожу достаточно большой отрывок из письма: «Дорогая Любочка!...Ваше письмо очень взволновало меня и тронуло своим желанием видеть во мне близкого человека... Отвечу на Ваш первый вопрос. В год знакомства моего с вашим отцом Вадимом Каллистратовичем (декабрь 1927 г.) Каллистрата Фалалеевича уже не было в живых. Вся переписка, все труды его бережно хранились у Глафиры Никаноровны. Последние годы (со слов дочери) Глафира Никаноровна писала мемуары, озаглавленные «Моим детям», но увидеть и прочесть их я не смогла, т.к. в 1937 г. была в высылке. Вернувшись из высылки из Средней Азии, где я прожила 10 лет (вначале в Ташкенте, затем с 1942 г. в Самарканде), я застала Ленинградскую квартиру пустой, заселенной чужими людьми...

Глафира Никаноровна скончалась в декабре 1941 г., а дочь ее Евгения Каллистратовна умерла на Алтае в 1944 г., куда эвакуировалась в конце 1942 г., сын ее, Шурик, погиб в партизанском отряде под Москвой... С вашим отцом Вадимом Каллистратовичем мы прожили 8 лет (мы обвенчались в 1929 г.). Я осталась одна, т.к. детей у меня не было. В Ленинград мне вернуться не разрешили, и я связала свою судьбу с моими двумя сестрами в Свердловске, которые вырвались из блокады и осели на Урале...

О судьбе Вашего отца Вадима Каллистратовича все эти годы я ничего не знала. Но я никогда не верила, что он погиб, не верю и до сих пор... Вот его основные вехи: работал в Конструкторском бюро завода «Электросила». Затем в институте Гражданского воздушного флота... Осенью 1936 г., оставаясь доцентом института ГВФ, он взял интересную тему в Научно-исследовательском Артиллерийском институте, которая стала его докторской. Она легла в основу изобретения, которой заинтересовалась Москва, и он сказал мне: «Понимаешь, я придумал штуку – «чайник». Только вот крышка еще не совсем подходит. Сделаю – мне орден дадут». Но потом все сорвалось, и он ушел, и с ним ушло все, что было жизнью и счастьем...

Да, самого основного не написала. 27 октября 1937 г. Вадим Каллистратович был арестован и 5 декабря 1937 г. выслан в Дальневосточный лагерь без права переписки. А я, как все ленинградские жены того времени, выслана из Ленинграда без права выезда «до особого распоряжения». Членов семей

изменников Родины (ЧСИР) выселяли из Москвы и Ленинграда, а квартиры их заселяли люди другой половины общества» [1].

Все материалы, хранящиеся в фондах музея и представленные в экспозиции, достоверно отражают жизнь, судьбу и деятельность нашего выдающегося земляка К.Ф. Жакова.

Литература

1. Национальный музей Республики Коми (НМРК): КП-9677 (МК-317); КП-9681 (МК-314); НВ-4205 (МКНВ-234); НВ-4206 (МКНВ-232); НВ-4207 (МКНВ-233); НВ-4209 (МКНВ-230); НВ-4210 (231).

6.2. Личный фонд К.Ф. Жакова в Музее истории просвещения Коми края

В Музее истории просвещения Коми края на протяжении свыше 30 лет формируются личные фонды деятелей науки, культуры, образования. На их основе с 1995 г. издаются аннотированные и иллюстрированные каталоги, в которых размещается систематизированная информация с характеристикой экспонатов, расположенных по рубрикам (письменные, изобразительные, вещественные источники). На сегодняшний день осуществлен выпуск 25 книг.

Многие коллекции находятся в стадии атрибутирования. К ним относятся и материалы, связанные с личностью уроженца Зырянского края, писателя, педагога, ученого-философа, лингвиста, литературоведа, фольклориста, этнографа, статистика Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926). В музее насчитывается около 700 единиц хранения, отражающих жизнь и творчество К.Ф. Жакова. Часть их размещается в его личном фонде, другая – в сопредельных фондах, главным образом в коллекциях коми ученых, докторов филологических наук Веры Алексеевны Латышевой, Анатолия Константиновича Микушева (1926-1993), Адольфа Ивановича Туркина (1936-1996) – первых исследователей жаковского наследия.

В постоянной экспозиции музея представлен моноблок, посвященный К.Ф. Жакову, демонстрируется его живописный портрет, принадлежащий кисти народного художника России Энгельса Васильевича Козлова (1926-2007). Кроме того, к юбилейным датам ученого формируются специальные выставки.

В сентябре 1996 г. открылась выставка «А.И. Туркин – исследователь творчества К.Ф. Жакова (1866-1926)». Она была посвящена 130-летию зырянского ученого и памяти исследователя его творчества – А.И. Туркина, незадолго до этого ушедшего из жизни. В 2005 г. выставка «Зыряне в Петербурге» экспонировалась не только в Музее истории просвещения Коми края, но и в Представительстве Республики Коми в Санкт-Петербурге. В экспозиции демонстрировались материалы о творчестве К.Ф. Жакова, П.А. Сорокина, А.С. Сидорова, А.К. Микушева, А.И. Туркина и других известных деятелей, чья творческая судьба была связана с северной столицей. В 2006 г. в музее была открыта выставка «Эпос народа коми. Фольклорные исследования коми народа», посвященная 140-летию К.Ф. Жакова и 80-летию А.К. Микушева. В 2016 г. оформлена экспозиция «Учитель, воспитай ученика...». В ее основу легли материалы, отражающие взаимоотношения двух крупных ученых – Каллистрата Фалалеевича и его подопечного, ученого-социолога Питирима Александровича Сорокина (1889-1968).

Материалы о К.Ф. Жакове регулярно экспонируются и на других тематических музейных выставках.

Личный фонд ученого стал формироваться практически с момента создания Музея истории просвещения Коми края (основан в 1982 г.). Первые экспонаты поступили от наследников доктора филологических наук Алексея Семеновича Сидорова (1892-1953). Это были журналы 1920-х гг. «Коми му», в которых многократно упоминалось имя К.Ф. Жакова. Несколько прижизненных публикаций ученого подарил музею Э.В. Козлов. Начиная с 1985 г. поступали материалы также от А.К. Микушева.

В 1996 г. родственники А.И. Туркина передали в музей свыше 11 тысяч единиц хранения, в которых были представлены также материалы, связанные с К.Ф. Жаковым: фотографии, труды – оригиналы и копии. Подлинники работ своего земляка А.И. Туркин собрал позднее, а на начальном этапе своих исследований он их выявлял в библиотеках, архивах, переписывал тексты от руки, а затем перепечатывал на пишущей машинке. Позднее, когда это стало технически возможным, изготавливал ксерокопии. Благодаря настойчивости, энергии, целеустремленности, А.И. Туркину удалось собрать достаточно полную коллекцию публикаций К.Ф. Жакова, которая сегодня хранится в Музее истории просвещения Коми края.

Большую ценность представляет эпистолярное наследие, хранящееся в музее. Это обширная переписка В.А. Латышевой, А.К. Микушева, А.И. Туркина, связанная с изучением творчества К.Ф. Жакова. Ученые обращались с письмами в различные учреждения, организации, к частным лицам, по крупицам выявляя биографические данные крупнейшего коми писателя и ученого. Они старались найти тех людей, кто знал К.Ф. Жакова, потому что в официальных источниках сведений о нем содержалось мало. В те годы информация о зырянском ученом являлась закрытой. Многие детали биографии не были известны даже его потомкам. Ученые практически шли вслепую, скорее полагаясь на свой багаж знаний и научную интуицию.

Одним из первых изучением наследия К.Ф. Жакова занялся А.К. Микушев, когда в 1950-е гг. собирал материал для своей кандидатской диссертации.

По признанию Анатолия Константиновича, он понял его не сразу. Напротив, подпал под «обаяние» грозных ярлыков тех лет – эмигрант, идеалист-фидеист, реакционер, буржуазный мракобес.

В 1959 г. А.К. Микушев обратился за помощью к латышской фольклористке Алме Анцелане, которая своим письмом от 7 октября сообщила адреса для поиска сведений об опальном ученом [16]. В письме от 6 сентября 1961 г. А. Анцелане пересказала поэму К. Жакова «Биармия» в переводе Я. Райниса [6]. А.К. Микушев изучал и некоторые другие источники (в том числе в музее и архиве Сыктывкара), однако этих материалов было явно недостаточно для объективной оценки творчества К.Ф. Жакова.

А.К. Микушев в своей работе «Коми литература и народная поэзия» (1961) писал: «Жаков... прибежал к фольклору из националистических побуждений. Его повести насыщены фольклором, но везде его смысл искажен в угоду тому, чтобы воспеть первобытного дикаря, бывшее величие коми, будто бы утраченное с приходом русских» [5, с. 13-14].

Поворот начался в середине 1960-х гг., когда в качестве члена «жаковской комиссии» А.К. Микушев по заданию Председателя комиссии секретаря Коми Обкома КПСС Н.Н. Рочева досконально изучил прибалтийский период жизни и творчества К.Ф. Жакова, нашел его учеников и даже могилу (забытую и брошенную без памятного знака, даже намек на него) на Покровском кладбище в Риге, отыскал уникальнейшие документы и окончательно убедился, что К.Ф. Жаков был

передовым человек своего времени. Разумеется, выводы Анатолия Константиновича комиссия тогда не приняла и, более того, обвинила в том, что он не выполнил важное партийное задание.

Позднее дочь К.Ф. Жакова Райда Каллистратовна писала в своем письме от 4 февраля 1992 г. А.И. Туркину, что с 1940 г. никто не писал о ее отце, боялись: «Первый, кто написал в журнале «Карогс» («Знамя», Латвия – М.Б.) в 1969 г. – это Микушев...» [7].

В 1960-е гг. А.И. Туркин, В.А. Латышева, а затем и А.К. Микушев завязали переписку с внучкой К.Ф. Жакова Любовь Вадимовной Жаковой (1923-2005), которая в те годы жила в Вологде (позднее обосновалась в Ярославле). Из всех жаковских родственников именно она, пожалуй, принимала наиболее активное участие в воссоздании доброго имени своего деда, охотно отвечала на многочисленные письма исследователей, помогала им в поисках материалов, сама писала статьи. В письме от 14 февраля 1968 г. Л.В. Жакова рассказала о своей семье: бабушка Глафира Никоноровна (жена К.Ф. Жакова) умерла от голода в Ленинграде в 1942 г., отец (сын К.Ф. Жакова) Вадим погиб в 1937 г., его сестра Евгения умерла в эвакуации в 1943 г., а ее муж и сын погибли на фронте. В квартире Жакова в Ленинграде (ул. Пионерская 35, кв. 29) в те годы жил племянник Глафиры Никоноровны Николай Николаевич Николаевский. Рукописи Жакова были сожжены в блокаду [11]. В очередном письме (12 мая 1968 г.) Л.В. Жакова сообщила о своих делах по поиску работ деда, процитировала отрывок из воспоминаний директора Вологодского областного музея Ф.П. Куропатникова, знавшего К.Ф. Жакова, которые ей удалось записать [12].

Ученые увлеченно работали над восстановлением научного наследия К.Ф. Жакова, делились своими размышлениями, находками с Л.В. Жаковой, а позднее и встречались с ней.

В поисках информации о К.Ф. Жакове, его архива, исследователи обращались и к другим адресатам. Профессор В.И. Лыткин вспоминал о своей поездке в Ригу в 1926 г. с целью выявления научного наследия К.Ф. Жакова, о встречах с одной из жен Жакова Марией Заринь. Он писал в письме В.А. Латышевой 24 апреля 1968 г.: *«Имя Жакова надо вновь поднимать. В философии пусть он был идеалистом. Но у него было много рассказов о жизни коми народа, реалистических рассказов о жизни трудового народа. Если как ученый и философ К.Ф. Жаков не стоит высоко, его надо поднять как беллетриста,*

бытописателя, коми краеведа. Жаков не собирался эмигрировать, он поехал в Псков в 1918 г. читать лекции и попал в плен Юденича. Затем читал лекции по философии и коми языку в Тартуском университете. Из университета изгнали и он уехал в Ригу, где жил до своей смерти (1926 г.) Много его рассказов и сказок можно перевести на коми яз. Посылаю фотографию. Ее мне дала в 1926 г. его жена (вторая жена, латышка)» [13].

Профессор Ленинградского государственного университета Я.А. Назаренко высказал в своем письме от 11 мая 1968 г. предположение, что архив Жакова находится в Ленинграде. Рассказал о встрече с бывшей женой Жакова – Глафирой Никоноровной и об общении с Каллистратом Фалалеевичем в 1912-1915 гг. [14].

Л.В. Жакова в письме от 4 июля 1968 г. предлагала рассматривать К.Ф. Жакова как философа-демократа, писала о необходимости найти его работу «Социализм в свете науки» [9]. В конце 1968 г. Любовь Вадимовна приняла участие в конференции по историографии и источниковедению, которая проходила в Вологде, выступила с сообщением по изучению философских взглядов К.Ф. Жакова. 28 декабря она сообщила, что на конференции присутствовали сыктывкарцы И.В. Давыдов (КГПИ), Я.Н. Безносиков (Коми филиал АН СССР). В книге последнего «Культурная революция в Коми АССР» Жаков характеризовался отрицательно [1, с. 40-41, 49, 104]. Любовь Вадимовна радовалась, что во время бесед с автором ей удалось поколебать его взгляды на К.Ф. Жакова [8].

В 1980-е гг. Любовь Вадимовна начинает проявлять беспокойство по поводу разрушающегося Покровского кладбища в Риге. Об этом она писала разным адресатам, проблему обсуждала также с А.К. Микушевым. Ученые и представители общественности ходатайствовали о перезахоронении праха К.Ф. Жакова в Сыктывкаре. Заместитель председателя горисполкома г. Сыктывкара А. Ануфриев письмом от 4 августа 1989 г. обратился с этой просьбой к дочери ученого Райде Каллистратовне Жаковой [9].

С 1990 г. прах К.Ф. Жакова покоится на Центральном кладбище г. Сыктывкара. Автор памятника – народный художник России, трижды лауреат Государственной премии Республики Коми Владислав Никанорович Мамченко (1929-2006).

Внучка хлопотала о публикациях произведений Каллистрата Фалалеевича на его родине, высказывала это пожелание коми

ученым. А.И. Туркин и А.К. Микушев в конце 1980-х гг. подготовили рукописи К.Ф. Жакова к изданию. В 1990 г. вышла книга Каллистрата Жакова «Под шум северного ветра» [12], подготовленная к изданию А.И. Туркиным. Она включала развернутый биографический очерк о К.Ф. Жакове, научные комментарии. В музее хранится рукопись этой книги (578 листов), в которую включен не вошедший в издание рассказ «Визябож».

В 1990 г. в Москве планировалось издание книги Каллистрата Жакова «Из жизни и фантазии: повести и рассказы». Составителем, автором вступительной статьи, примечаний был А.К. Микушев. Объем рукописи составлял 603 листа, включал произведения «На север в поисках за Памом Бурмортом», «Из жизни и фантазии», «Под шум северного ветра», «Очерки из жизни рабочих и крестьян». Предполагалось, что книга выйдет в издательстве «Современник» (Москва). Однако рукопись была возвращена «за невозможностью публикации в связи с изменениями на рынке бумаги и с изменениями конъюнктуры рынка художественной литературы», хранится в музее [10].

Уже после смерти профессора Микушева в Коми книжном издательстве вышла в свет книга Каллистрата Жакова «Биармия» (1993), составление, комментарии, предисловие которой принадлежали Анатолию Константиновичу [3, с. 5-25].

В 1996 г. реализован еще один публикаторский проект А.К. Микушева – книга Каллистрата Жакова «Сквозь строй жизни» (1996). Анатолий Константинович вновь выступил составителем, автором примечаний, вступительной статьи [4, с. 4-18].

В музее хранится номер «Известий Архангельского Общества изучения Русского Севера» (1914. № 18), в котором была опубликована рецензия на трехтомник «Сквозь строй жизни» К.Ф. Жакова, вышедший в Петербурге в 1912-1914 гг. В ней, в частности, отмечается: «...Кроме проповеди эволюционной религии, К.Ф. Жаков преследует еще одну великую цель в жизни и в своей автобиографии – облегчить участь северных братьев... Его автобиография – исповедь души, исповедь убеждений и часто горькая жалоба на современников, не понимающих его...» [17, с. 579-583].

Материалы из фондов Музея истории просвещения Коми края, отражающие жизнь и творчество К.Ф. Жакова и связанные с изучением его наследия, являются важными историческими и культурологическими источниками. Они используются в образовательном процессе, выставочной деятельности, изучаются исследователями.

Литература

1. Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР / отв. ред. Л.Н. Жеребцов. М., 1968.
2. Жаков К. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990.
3. Микушев А.К. Коми «Калевала». Об одном неизвестном финно-угорском литературном эпосе и его создателе Каллистрате Жакове // Жаков К. Биармия. Сыктывкар, 1993.
4. Микушев А.К. О Каллистрате Жакове // Жаков К. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996.
5. Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар, 1961.
6. Музей истории просвещения Коми края (далее МИПКК). ОФ-2265.
7. МИПКК. ОФ-11527.
8. МИПКК. ОФ-11551.
9. МИПКК. ОФ-11524.
10. МИПКК. ОФ-7019.
11. Там же. ОФ-11558.
12. Там же. ОФ-11553.
13. Там же. ОФ-11561.
14. Там же. ОФ-11564.
15. Там же. ОФ-11571.
16. МИПКК). ОФ-2624.
17. Поведская А. Рец. на кн.: «Сквозь строй жизни» К.Ф. Жакова // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 18.

6.3. История формирования коллекции К.Ф. Жакова в Национальной библиотеке Республики Коми

Национальная библиотека Республики Коми – одно из крупнейших книгохранилищ Северо-Западного региона России, в фондах которого сосредоточено более 2,5 миллионов единиц хранения. Она также располагает уникальным собранием краеведческих документов.

Фонд краеведческой и национальной литературы является универсальным, в нем представлены все виды печатной продукции, аудиовизуальные и электронные документы на коми и русском языках. Раритетной частью являются такие коллекции, как «Книжные автографы (книги с дарственными надписями

авторов, составителей, редакторов»), «Редкие и ценные краеведческие издания конца XIX – начала XX веков» и др. Именно они придают неповторимый облик краеведческому книжному собранию и являются предметом гордости библиотеки.

Жемчужиной собрания является также коллекция, отражающая наследие профессора, философа, писателя, фольклориста, этнографа Каллистрата Фалалеевича Жакова.

Особую ценность представляют прижизненные издания ученого. Изучив инвентарные книги, мы выяснили, что первые 23 работы К.Ф. Жакова поступили в главную библиотеку республики в 1957 г. Они были собраны из разных фондодержателей города Сыктывкара, о чем свидетельствуют библиотечные штампы: «Библиотека научно-исследовательского института и музея», «Коми областной музей, г. Усть-Сысольск», «Педагогический музей и библиотека. г. Усть-Сысольск», «Библиотека Усть-Сысольского земства».

Долгое время К.Ф. Жаков считался «буржуазным националистом», однако уже в 70–80-е гг. XX в. сотрудники Коми республиканской библиотеки имени В.И. Ленина выявляли и приобретали как отдельные издания его трудов, так и публикации из периодических изданий. В эти годы были докомплектованы «Сквозь строй жизни. Т. 1» (СПб., 1912), «Этнологический очерк зырян» [7, с. 3-36], «Языческое мирозерцание зырян» [8, с. 68-85] и др.

В 1984 г. справочно-библиографическим отделом библиотеки было выпущено издание «Исследователи Коми края», в котором уже было отражено имя Каллистрата Жакова и небольшой список литературы о нем [9, с. 29-30].

С 90-х гг. XX в. сотрудники отдела краеведения еще более активно стали выявлять и собирать сведения об ученом. Однако столкнулись с тем, что большинство работ К. Жакова отсутствовали не только в Национальной библиотеке, но и в других крупных фондодержателях Республики Коми.

Учась, и позже читая лекции, занимаясь научной и исследовательской работой, К. Жаков объездил не только всю Россию, но и многие страны мира, поэтому места изданий книг и публикаций охватывали многие города. Работы ученого оказались разбросанными в различных фондах страны и зарубежья, что являлось основным препятствием для заинтересованных исследователей его наследия. В связи с этим мы обратились к коллегам из других библиотек с просьбой помочь восстановить репертуар трудов К.Ф. Жакова.

11 марта 1994 г. из Латвийской Национальной библиотеки (г. Рига) нам поступили 8 копий трудов К. Жакова. Все они были изданы в Латвии. Среди них «Лимитизм: Единство наук, философий и религий» (Рига, 1929), «Гимны» (Рига, 1926), «Поэзия земли» (Рига, 1927), «Учение о душе: (лекция, читанная в г. Юрьев в Учительском ин-те)» (Рига, 1917), «Как создаются философские системы» (Рига, 1923), а также 4 издания на латышском языке.

В 2000 г. в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) были приобретены около 15 копий прижизненных изданий К. Жакова: «Зырянские сказки» (СПб., 1908), «Мудрый Пам: легенда Крайнего Севера» (СПб., 1910), «Основы эволюционной теории познания (лимитизм)» (СПб., 1912), «Принципы эволюции в гносеологии» (СПб., 1906), «О воспитании» (Юрьев, 1916), «Улетин – Елена» (Архангельск, 1910) и др. Из Архангельской областной библиотеки поступили копии трудов «Джак и Качаморт: сев. Сказка». На Щугоре: из жизни печор. староверов» (Архангельск, 1910) и «О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности, к зырянскому языку, и историко-культурные выводы» [3, с. 712-713].

В Вологодской областной библиотеке мы приобрели работы «Понятие предела в математике (с точки зрения логики)» (СПб. 1905), «Ен и Омоль» (космогонический миф Севера) (1910), в Кировской областной библиотеке – малоизвестную поэму К.Ф. Жакова «У ксифодонов. (Лиликара): геологическая поэма». По нашим данным, этот труд был напечатан только в газете «Вятская речь» в 1910 г. (15, 16 июля).

Приобретая эти труды, мы пришли к мысли о создании электронной коллекции трудов К.Ф. Жакова и библиографии о нем, что позволило бы обеспечить научному обществу оперативный доступ к максимально полной информации об ученом из фондов ведущих российских библиотек. И в 2006 г., к 140-летию со дня рождения ученого, сотрудниками краевого отдела была создана электронная библиотека «Наследие К.Ф. Жакова», которая до сих пор востребована нашими читателями.

Преимущество электронной библиотеки в том, что она содержит полные тексты трудов не только из Национальной библиотеки. Была проведена оцифровка уникальных рукописей и трудов К.Ф. Жакова из фондов Национального музея Республики Коми, Национального архива Республики Коми, Музея просвещения при Сыктывкарском государственном университете, музея К.Ф. Жакова при средней школе № 24 г. Сыктывкара.

Основной раздел диска «Труды» включает полные тексты опубликованных работ (преимущественно прижизненных изданий), рукописей, архивных документов, возможность оцифровки которых была предоставлена составителям. В целом оцифровано 95 работ, в т.ч. – 35 рукописей, что составляет 4250 электронных страниц.

Известно, что К.Ф. Жаков создал большое число рукописных работ, которые в настоящее время хранятся в архивах, библиотеках и музеях Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Республики Коми, Эстонии, Латвии.

Особое место в нашей коллекции занимает рукописное наследие К. Жакова, обладателем которого Национальная библиотека Республики Коми стала в 2005 г. Эти рукописи, несомненно, представляют ценность для исследователей жизни и творчества профессора. Они, как и многие другие, долгие годы считались утерянными, поскольку практически вся жизнь ученого прошла «на колесах». Последний период своей жизни ученый, как известно, провел в Латвии. Именно там и нашелся этот архив "Зырянского Ломоносова".

В редкий фонд поступило 32 работы. 16 из них являются распечатанными на машинке копиями лекций ученого. Другие 16 – автографы. Каждая из папок подписана собственноручно К. Жаковым. Работы датируются в основном 1924-1925 гг., последняя из этих работ написана за 4 месяца до смерти ученого. Темы разные: это и задачи культуры, мировые женские типы, смерть и бессмертие, судьба, лимитивная философия, бытие Божье, пути к самопознанию, страдания человека, таинства жизни и т.д. Очевидно, что в последний период творчества К. Жакова интересовали философские проблемы.

Позднее по заказу Национальной библиотеки Республики Коми сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН была проведена большая работа по подготовке этих рукописей к публикации (расшифровка рукописей и научный комментарий). В результате в 2012 г. была издана книга «Утверждение истины»: (рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми) [6].

Книга также содержит обстоятельный очерк о жизни и деятельности К.Ф. Жакова, его научном и литературном творчестве; статью об истории приобретения рукописей, характеристике выраженных в них мировоззренческих идей К.Ф. Жакова и их литературном своеобразии; биографическую

хронику и библиографию литературных и научных работ К.Ф. Жакова. Издание выпущено тиражом 550 экз.

В коллекции К.Ф. Жакова также представлены труды, которые были переизданы уже в наше время. Это «Биармия» [1], «Сквозь строй жизни» [5], «Под шум северного ветра» [4]. На коми язык была переведена и издана основная философская работа К.Ф. Жакова «Лимитизм» [2].

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день коллекция К.Ф. Жакова насчитывает более 100 единиц хранения. В нее входят 43 названия книг ученого, в т.ч. 20 прижизненных изданий (оригиналы), 32 рукописи, ксерокопии трудов из сборников и периодических изданий. Очень надеемся, что формирование коллекции будет продолжаться. Все документы отражены как в карточных, так и электронных каталогах библиотеки, с некоторыми трудами ученого можно познакомиться на портале, в разделе «Национальная электронная библиотека».

Литература

1. Жаков К.Ф. Биармия: коми лит. эпос. Сыктывкар, 1993. 312 с.; Сыктывкар, 2013.
2. Жаков К.Ф. Лимитизмъ: тóданбур, мóвпаланбур да эскóм óтувтóм / комиóдисны: Н. Красильникова да мукóдъяс. Сыктывкар, [2003] 11 л.б.
3. Жаков К.Ф. О соотношении японского и самоедского языков к угрофинским, в частности, к зырянскому языку, и историко-культурные выводы // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 15.
4. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. 460 с.
5. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996. 384 с.
6. Жаков К.Ф. Утверждение истины: (Рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми. Сыктывкар, 2012. 542 с.
7. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Живая старина (СПб). 1901. Вып. 1.
8. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение (СПб). 1901. № 3.
9. Исследователи Коми края: рек. указ. лит. / сост.: Аксенова А.Г. и др. Сыктывкар, 1984. 96 с.

6. Приложения

1. Российские потомки Каллистрата Жакова

Каллистрат Жаков был женат несколько раз. От жены Глафиры Никаноровны Николаевской у него был сын Вадим и дочь Евгения. От эстонки Алиды Приеды – дочери Райда и Елена. После развода с эстонкой Алидой в 1921 г. Жаков последние пять лет жизни провел в Латвии. Здесь он женился на секретаре Общества лимитистов – латышке Марии Заринь. Детей в этом браке у него не было.

* Несколько лет назад я познакомился с правнуком Каллистрата Жакова – жителем Вологды Захаром Львовичем Жаковым. Его мать – Любовь Вадимовна (1923-2005) была единственной дочерью Вадима Каллистратовича, и внучкой К.Ф. Жакова. Она жила в Ярославле. Любовь Вадимовна вышла замуж за Льва

Андреевича (год рождения – 1923), который, видимо, из уважения к Жакову взял фамилию жены. Лев Андреевич был профессором и доктором биологических наук. В семье Любви Вадимовны и Льва Андреевича было четверо детей: Арсений (1950), Михаил (1952), Захар (1955) и Евдокия (1959). У них у всех есть дети, а у Захара, Михаила и Евдокии уже есть и внуки. У Захара Львовича трое детей, внук и внучка. У Арсения (музыкант, и уже на пенсии) – три сына, но внуков пока нет. У Михаила (математик-программист) – пятеро детей, два внука и внучка. У Евдокии (преподает музыку в Угличе) – один сын, внук и внучка.

---

* Фото автора статьи. На снимке: Захар и Михаил Жаковы около могилы прадеда. Сыктывкар. 19 мая 2016 г.

Наверное, самый молодой на сегодня праправнук Каллистрата Жакова – это внук Михаила Львовича – Андрей Иванович Жаков. Всего от Вадима сейчас более двадцати потомков. Причем, как уточнил Захар Львович, все они носят фамилию Жакова.

Как рассказал Захар Львович, серьезно изучением жизни прадеда занималась его мать Любовь Вадимовна. Перед смертью она передала часть материалов в Сыктывкар, а часть архива осталась в Вологде.

– Кое-что хранится у меня, но разобраться в архиве руки не доходят, – пояснил Захар Львович. – Хотя тема интересная, но не совсем по моей специальности: по профессии я – геолог. Но с возрастом начинаешь осознавать себя звеном в длинной цепи поколений, и интерес к родословной просыпается. Насколько я знаю, у Каллистрата было несколько жен, и две из них оставили потомков. В Петербурге – Глафира Никаноровна родила сына Вадима и дочь Евгению. В Прибалтике Алида Приеде – дочерей Елену и Райду. У одной из них, точно не помню у кого из них, также была дочь Райда. Я видел ее мельком еще в советские годы. И у нее тогда было уже двое деток, правнуков Каллистрата. Но про латвийских родственников я мало знаю, с ними не общаемся. У Евгении Каллистратовны был муж, но он погиб в войну, остались ли у них дети – не знаю. Сын Евгении Каллистратовны, а значит внук Каллистрата – Анатолий Степанович Лунин – погиб в 1944 г. на фронте. Попал в плен, потом бежал и стал партизаном. Сама Евгения Каллистратовна и прабабушка – Глафира Никаноровна – умерли от голода во время блокады Ленинграда.

История семьи Любви Вадимовны и Льва Андреевича показана в документальном фильме «Во имя жизни и любви» (Леннаучфильм, 1984, режиссер – А. Каневский). Из анотации к фильму: Это история любви доктора биологических наук, профессора Ярославского университета Льва Жакова и художницы Любви Жаковой. Они полюбили друг друга еще в школе. А потом была война. И пять лет переписки. Любовь пережила блокаду. Лев вернулся с фронта. И они жили долго и счастливо. Фильм, построенный на их переписке, полной размышлений о жизни, смерти, верности, становится рассказом о вечной загадке любви, которая никогда не будет разгадана.

Вот что Захар Львович рассказал о себе: «Я всю жизнь проработал геологом. Первые десять лет в территориальной

полевой геологии, потом четверть века в автодоре на камеральных работах. От природы патологически неграмотен, то есть говорю вроде нормально, а как писать, так двух слов без ошибок не напишу. А всякие там точки и запятые – это уж точно выше моих сил. И вроде и хочется иногда чего-нибудь написать, но с годами какой-то комплекс выработался, да и навыков нет и времени. Иногда подумая: «ну начну и я писать, а кто читать будет? Писателей много, а читателей нет. Моя мама литературным творчеством тоже не занималась, а представлялась обычно как художник или домохозяйка. В зависимости от ситуации. Попутно занималась изучением литературного и философского наследия деда и еще какими-то философско-педагогическими исследованиями. Вообще профессиональных писателей в роду только сам Каллистрат и моя дочь Ольга. Она писатель-фантаст, живет в Болгарии. Пишет под собственным именем Ольга Жакова или под псевдонимом Лев Жаков».

Мне удалось побеседовать и с Ольгой Жаковой (праправнучка К. Жакова). Вот что она рассказала: «Боюсь, в моей творческой биографии нет определенного единства. Я писала и стихи, и прозу, и статьи, и фантастику. Но в целом, конечно, предпочитаю фантастику. Под именем Ольга Жакова опубликованы некоторые стихи, миниатюры, сказки, эссе, статьи. Как Лев Жаков я начала издаваться с 2004 г., вышло около двух десятков рассказов в разных журналах, антологиях и сборниках и несколько романов. Каллистратом я заинтересовалась довольно рано – еще в школе. Мне очень нравилось, что у меня такой интересный предок – разносторонний ученый, философ, писатель. Но каких-то конкретных материалов о нем у меня не было, знаю я общие вехи биографии и самые известные его достижения. Когда вышла его книга «Биармия», я прочитала ее с большим удовольствием, она во многом определила мой интерес к фольклору и мифологии в последующие годы. Но я даже не знала, что Каллистрат был признан одним из первых российских фантастов, так что этот факт никак не повлиял на мое творчество».

2. Из литературно-критического наследия К. Жакова

Для Жакова, как и для многих его современников – поэтов, прозаиков, философов, богословов, этнографов – обращение к литературно-критическому осмыслению новейших явлений словесности было не просто обычным делом, но едва ли не обязательной составляющей творческой активности. Достаточно вспомнить великого социолога Питирима Сорокина, в творчестве которого критические статьи и пассажи занимают значительное место.

Основные критические статьи писателя-философа: Иван Карамазов. Попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы» (Ясная Поляна. 1909. № 5. С. 25-32; № 6. С. 33-64), Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества (Гамсун К. У врат царства. Спб., 1909. с. 5-18. (Приложение к журналу «Ясная Поляна». 1909. № 6), Леонид Андреев и его произведения (Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных. Спб., 1909. С. III-XXXIV. (Приложение к журналу «Ясная Поляна». 1909. № 3), Поэзия Аполлона и Диониса (В Киев! Спб., 1911. С. 110-122), Женские типы Чехова (Мстинская волна. 1912. 1, 5, 8, 12, 15, 19, 22, 26 января), Предисловие (Моисей Скороходов. Песня первая. Стихи. Пг., 1916).

Как видим, большинство статей написаны в 1909 г., однако с докладами о русских писателях в связи с поставленными в их произведениях проблемами Жаков делал до конца жизни, отчеты о чем печатались в периодике России и Латвии.

Будучи в первую очередь мыслителем, Жаков выбирает для рассмотрения произведения писателей, чье творчество особенно волновало его современников: Достоевского, Леонида Андреева, Чехова. В этот ряд попал и норвежский классик Кнут Гамсун, в начале XX в. чрезвычайно популярный в России: например, Александр Блок называл Гамсуна «утонченным поэтом железных ночей, северных закатов, звенящих колокольчиков, проникшим в тайны природы». А Сорокин писал: «Мотивы творчества Гамсуна обусловлены... свойствами нашей эпохи. Отсюда же становится понятным и его успех; он обусловлен тем, что мотивы творчества Гамсуна всецело соответствуют нашей эпохе, ее материальной и психической культуре, поэтому мы их и понимаем; они имелись у нас самих, они нам родные, а Гамсун их облек в плач и кровь – как же не

любить нам его!.. Поэтому же Гамсун и важен для нас, как художник нашей эпохи, более резко, чем кто бы то ни было, выразивший ее характерные черты и тенденции...».

Однако Жаков не только ученый-аналитик, но и поэт: он неоднократно подчеркивает, что Гамсун – прежде всего лирик. И особый интерес к природе, общий у Гамсуна с Жаковым – не единственная причина интереса коми писателя к норвежскому классику. Автор «Биармии» постоянно ищет и находит общее в себе и в авторе «Пана» и «Виктории»: это их общая укорененность на исполненном высокой поэзии Севере, который, по убеждению Жакова, понятие не столько географическое, сколько нравственное; это и близость главных героев большинства гамсуновских книг с личностью начинающего философа и поэта Ивара Карено, кандидата философии, тоже прокладывающего себе путь в недоброжелательной профессиональной среде (особенно это касается героя мало известной в России драматической трилогии Гамсуна, в качестве предисловия к которой и написана предлагаемая статья).

На первый взгляд, в методе критики Жакова нет ничего необычного: он пересказывает произведения писателей, обращая особое внимание на их господствующие идеи. Однако для нас сегодня особенно интересно не это, а авторская рефлексия Жакова, сказавшаяся в его описаниях и выводах, позволяющая много сказать о том, что думал и чувствовал молодой Каллистрат Фалалеевич в далеком от дома (от их общего с Гамсуном Севера!) Санкт-Петербурге в конце 1900 – начале 1910-х.

Юрий Орлицкий

Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества

*...Студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу!..*

М.Ю. Лермонтов

В стране, где скалы возвышаются над скалами; где дремучие боры причудливо расположились по горам, пересекаемые

ущелиями и пропастями, где реки богаты водопадами, а берег моря украшен фиордами, – в такой стране должна была развиваться поэзия сказки, поэзия чудес природы, великих одиноких личностей, поэзия любви к красотам Мира, доходящей до религиозного экстаза, противоречий героев с толпой, кончающихся трагедией, гибелью сверхчеловека.

Долгие зимние ночи, озаренные ярко блещущими звездами севера и таинственным полярным сиянием, бурная весна, короткое лето с белыми ночами – все это вместе взятое, при упрямстве и прямолинейности северных характеров – дало любопытную литературу, все более и более привлекающую внимание остальной Европы.

В стране чудес и загадок речи действующих лиц кратки, чувства могучи, поступки стихийны и разумом не мотивированы. В маленьких городах Норвегии развита высокая общественная жизнь со всеми выгодами культуры, а вместе с теми со всеми недостатками коллективизма, с партийной борьбой, не разбирающей средств, с недоверием к отдельной личности, не могущей или не wanting слиться с обществом. Оригинальные люди, осмеливающиеся думать по-своему, противопоставившие себя общественной среде, становятся там бесконечно одинокими и погибают скорее, чем в больших городах Европы. Им нет места в родной стране, нет работы и жизни в родном городе: непризнанные в своем отечестве, герои бегут из него и ищут «берегов отчизны дальней» или спасаются в таинственных норвежских лесах. Там, в этих полных невысказанных грез лесах, в их чарующей тиши обитают боги и богини древней Эллады, под бичом истории и материальной культуры скрывшиеся в леса, ставшие более суровыми и еще более величавыми...

Поэзию севера и психологию его героев рисует пред нами оригинальнейший северный писатель Кнут Гамсун (род. в Норвегии в 1860 г.), величайший импрессионист по манере изображения, пессимист-индивидуалист по основным мотивам своего творчества, поэт по волнующим его чувствам и бесконечной любви к природе, писатель нашего времени по глубокой, бездонной тоске души.

Вот «Пан» перед нами, сразу завоевавший горячие и восторженные симпатии нашего общества. «Нимфы» окружают «Пана». «В последнее время я все думал и думал о вечном дне северного лета. Я сижу здесь и думаю о нем и о хижине, где я жил и о лесе за хижинкой, и собираюсь написать кое-что, чтобы

скоротать время и для своего собственного удовольствия»... Лейтенант Глан поселился в северной Норвегии, в лесной хижине недалеко от моря. Его душа – душа древнего, светлого Пана, и на пороховнице его образ этого забытого людьми бога, Глан близок природе: он безгранично любил и понимал ее, и природа его понимала. «Моим единственным другом», – говорит лейтенант Глан – «был лес и великое уединение... Я нашел звездчатку и тысячелистник в поле, прилетели зяблики и синицы, я знал всех птиц». Он был счастлив в своем лесу, в нежном общении с природой, не зная людей с их повседневными тревогами, с их жестокими предрассудками. «Часто вечером, когда я возвращался с охоты в свою хижину, уютное ощущение быть у себя дома разливалось по всему моему телу, вызывало приятную внутреннюю дрожь, и я начинал болтать с Эзопом (собакой) о том, как нам хорошо»... Не только облака, солнце, небо, леса и море говорили и жили душа в душу с Паном, но и камни были в дружбе с ним. «Около моей хижины, – говорит он, – стоял камень, высокий, серый камень. У него было выражение дружеского расположения ко мне; казалось, он смотрел на меня, когда я проходил мимо него, и узнавал меня. Я охотно направлял свой путь мимо этого камня. Когда я утром выходил из дому, точно я оставлял там доброго друга, который будет дожидаться моего возвращения».

Все велико в природе, и камень выражает законы ее столь же, как и всякий атом. Нет в природе ни малого, ни ничтожного, ибо во всем – вечные законы, управляющие Вселенной. Глубокое понимание природы и нужная любовь к ней, доходящая до обожествления и вместе с тем очеловечения ее, делают Кнута Гамсуна несомненным и последовательным пантеистом.

Все прекрасно среди природы, но вот Пан идет к людям и люди идут к нему, и жизнь его изменяется. Душа его будет отравлена любовью и ревностью, оригинальные черты его будут предметом смеха и болтовни; прямота его характера сочтется за грубость; его внутренняя сила – зверством («У вас звериные глаза», – скажут ему); своеобразная жизнь его подвергнется преследованию... В поэме «Пан» мы вновь встречаемся с вечной проблемой борьбы индивидуума с обществом, вновь видим неизбежную гибель личности и проникаемся пессимизмом, который роковым образом сопровождает всякое столкновение оригинального с общим...

Пан пошел к людям. Зачем? – на это нет ответа. «Зачем от мирных нег и дружбы простодушной вступил он в этот свет, завистливый и душный для сердца вольного и пламенных страстей?» Философ скажет: «Так начался закат Заратустры».

А в жизни совершается это так просто.

«Я вышел из лесу и увидал пред собою двух людей; они гуляли; я к ним приблизился, одной из них оказалась Эдварда; я узнал ее и поклонился; ее сопровождал доктор... Я пригласил их к себе в хижину, они обещали как-нибудь зайти. И вот наступил вечер. Я пришел домой и развел огонь, жарил птицу и поужинал. Завтра опять будет день», – так просто и мирно рассказывает Пан начало своей гибели: но его следующий день не был так счастлив и безмятежен, как дни до людей и без людей. Пришла Эдварда, и они, разговаривая, «открывали друг пред другом сердце». «Эдварда смотрела на меня, и я на нее, и я почувствовал в это мгновение, как что-то шевельнулось в моем сердце», – признается лесной человек, и мир его жизни отлетел от него. Берлогу Пана посетила любовь. Обычно и просто зажглась она в его сердце. На него обратила внимание «высокая, стройная, с блестящими глазами» девушка, глядела ему в глаза на прогулках, являлась к нему в хижину с волшебным словом «я вас люблю», слушала его речи о деревьях, о камнях, о птицах, о звездах, о червяках – о всем том, что понимал и любил Пан, среди чего он счастлив был. «У нас, – говорит Пан, – много было мест для свиданий: у мельницы, на дороге, да даже у меня в хижине; она приходила, куда я хотел. «Здравствуй!» – кричала она всегда первая, и я отвечал: «здравствуй!»

Отшельник Глан заинтересовал прихотливую дочь торговца Макка. Женщина любопытна и ищет таинственного, но беда, если тайна исчезнет, если очарование неизвестности сменится ясным знанием души героя: тогда он более не существует, и ничто не привяжет к нему капризную женскую душу. Кнут Гамсун сходясь со своим старшим соотечественником Ибсеном в признании загадочности женской природы, полной мимолетных настроений, противоречивых душевных переживаний и неожиданных порывов, является по отношению к женщине большим скептиком и иначе, чем Ибсен, оценивает сущность женской души и ее место в жизни. Его женские образы проникнуты недоверчивостью к женским силам. Женщины Кнута Гамсуна или не самостоятельны (как Виктория), или не

моральны (Элиза Карено), или эксцентричны и эгоистичны, какова Эдварда в поэме «Пан».

Какого характера была любовь Эдварды к лейтенанту Глану? «Знаете, что моя подруга говорит о ней? – начала она, – у тебя звериный взгляд, когда ты глядишь на нее, она совсем теряет рассудок и испытывает такое ощущение, как будто ты прикасаешься к ней». Его сила и оригинальность инстинктивно ее притягивают, практически отвращают и все отношения ее к Пану носят причудливый, зигзагообразный характер. То в ней торжествует стихийная, влекущая сила, и она бесконечно нежна к своему возлюбленному, безумно емка в выражении своих чувств, то рассудок и воспитанные общественной средой понятия доказывают Эдварде, до какой степени этот человек не подходит к обществу, как он не создан для обычной, буржуазно счастливой семейной жизни. Ясное утро любви быстро затуманивается, и Глан начинает чувствовать себя одиноким среди людей. «Сiju я здесь один-одишоенек, – говорит он, – на камне, и единственный человек, который мог бы меня извлечь отсюда, оставляет меня преспокойно сидеть». Глубокое различие вкусов, привычек, взглядов омрачает любовь Эдварды и Глана. Глан начинает сердиться, он раздражается, и его раздражение выливается в совершенно непринятые формы. Он разбивает стакан, бросает в воду башмак Эдварды и дает любимой девушке новые доказательства своей непригодности к общественной жизни. Трагедия при таком положении вещей становится неизбежной. «Никогда ничего подобного не видала я!» – укоризненно восклицает Эдварда на его странные выходки.

Оригинальная личность никогда не бывает понятна людям. Они не простят странностей, они жестоки к не знающему приличия света. Лесной человек был наивен и не знал людей, хотя ему и казалось, что он знает; его чувства были глубоки, а это не нужно для жизни; выражения чувств у него однообразны; а любовь прихотлива и требовательна. Он необычен в своих привычках и вкусах, а для семейной жизни нужно понятное и общепринятое. Выходит, что Пан не может быть счастлив с любимой девушкой, ибо он слишком глубок и однообразен для любви и слишком необычен, слишком своеобразен для семейной жизни. Доктор и барон были для него серьезными соперниками: один был разнообразнее и образованнее, другой – богач и украшен титулом. О, любовь на севере! Впрочем, она такая же и на юге. Сын звезд или сын леса должен быть один;

или монахом, или непризнанным ученым, или неизвестным философом, или жить среди зверей и птиц, трав и цветов. Пан захотел человеческого счастья, семьи, любви, он почувствовал нужду в людях и люди отравили его душу. Удивительные противоречия жизни! Глан не понимал той простой истины, что любить его искренно и просто могла только самая ограниченная, первобытная женщина, близкая к природе, как например Ева, жена кузнеца; он, кому понятны были речи скал, ручьев лесов и гор, хотел любви культурной Эдварды, но это невозможно: культурная, красивая и интересная Эдварда сделает более блестящую партию, тем более желательную, что родители ее посредством брака дочери с высокопоставленным лицом желают поднять свое значение и положение в обществе! Глан же, глубоко понимавший природу, не мог предусмотреть этих житейских соображений, не мог уяснить себе характер Эдварды и смешивал женщину нашего времени с женщиной грядущего, которая, очистившись в горниле страданий, кроткая и твердая, чуткая к истине, должна придти на смену капризным, нервным, мечущимся в разные стороны дочерям современности; она должна явиться в грядущем если только моральное одичание человечества на почве безверия в мудрость бытия, в ценности жизни, в бессмертие психического не остановит этого шествия.

Итак, Пан одинок и несчастен в любви. Его разлюбили или сделали вид, что разлюбили, и чем дальше, тем хуже шли его дела. Душа Пана не вынесла этого. Потрясенный, он покидает родину, свой лес, и хочет все горести, обиды и воспоминания оставить по сю сторону океана. Он уезжает в Индию. Из записок неизвестного автора мы узнаем, что Пан был застрелен на охоте, потому что этого он хотел. Смерть его была неизбежна. Он в Индии получил письмо от одной высокопоставленной дамы из Европы (вероятно, от Эдварды, вышедшей за барона). Она просит его быть другом ее дома; но ее письмо вызвало в Глане взрыв отчаяния, ее предложение его возмутило; он непрерывно после того пил и устроил так, что его застрелили. Прямой, глубоко чувствующий лесной человек не мог ни забыть Эдварду, ни согласиться стать другом дома, и смерть явилась естественным заключением чувств человека, который «принадлежал лесам и одиночеству».

Человек одиноким может быть не только в лесу, но и в больших каменных городах не только среди людей, но и среди господствующих модных мыслей. В своей драматической

трилогии («У врат царства», «Драма жизни» и «Закаты») автор раскрывает перед нами новые виды трагедии. Герой, осмелившийся думать по-своему, создавшей свою философскую систему, не угодил ни профессору Гиллингу, который считал себя последним словом науки, ни прессе, которая имела в виду (как и всегда это бывает) не истину вообще, а цветную истину, окрашенную партийными стремлениями. Да, Ивар Карено, кандидат философии, одинок; его бездарный товарищ уже доктор философии, а он не только не признаваем обществом ученых, но глубоко не понят, обманут и опозорен в собственной семье! Жена его уехала с журналистом Бондесеном. Все имущество Ивара Карено распродано с аукциона. Самостоятельный мыслитель остался одинок и беден, без надежд и упований на кого бы то ни было. Он был «У врат царства», но не вошел в него, ибо не хотел быть значительным холопом, а предпочел быть нищим господином.

В чем трагическая вина Карено, героя «У врат царства»?

– В том, что он думает по-своему. Разве этого не достаточно? Он в долгах, но он молод и силен, он пишет книгу, в которую влагает всю душу и ждет от нее новой жизни. «В тот день, когда я кончу свою книгу, у нас будут деньги; это ясно, вопрос только времени. Ах, эта опись имущества!» – с наивной досадливостью восклицает Карено. Но иначе думает профессор Гиллинг. Он задерживает печатание книги, требуя исправления ее, т.е. изменения основной мысли, изменения самой точки зрения молодого мыслителя. Кто же этот профессор, которому дана «власть вязать и разрешать» мысль человеческую? «Критикует Гегеля, поет гимны женскому вопросу, защищает всеобщее, равное и тайное избирательное право, Стюарта Милля. Он весь тут! Либерален, в серой шляпе, без грубых ошибок... Он считает себя на основании своих книг выше всего... Копаются во всевозможных книгах и говорят: смотрите, все это замечательно; отсюда можно почерпнуть здравый смысл? А когда окончите с одной книгой, то говорит: где же следующая книга, из которой я мог бы почерпнуть немного здравого смысла? и читает следующую». Так аттестует его Ервен, ученик Гиллинга, исковерканный своим учителем, презирующий мысль и ученость, за то получивший степень доктора. И дальше Ервен прибавляет: «В общем, все профессора – самые допотопные люди на свете. Узнают, если кто из молодых стремится к другому, чем он, и обладает достаточным количеством

благородного упорства, чтобы этого добиться, они сейчас же являются к нему, сначала с парочкой добрых советов, потом начинают уговаривать отказаться от своего намерения, затем оказывают противодействие и наконец применяют силу. Будь осторожен, Карено, ты рассердил одного из достойных уважения холопов».

Итак, Карено не мог напечатать своей книги и не мог рассчитывать на сколько-нибудь справедливое отношение к нему авторитетных «ученых», этих книжников, стерегущих врата царства, которые сами не входят туда и хотящим войти препятствуют. В этом трагическая вина Ивара Карено. Его жизнь и история – общее явление в Мире. Вражду и преследование авторитетами каждого несогласного с ними история часто записывала на своих страницах. Это безнравственное отношение «ученых» к мысли, эта близорукость судей науки, за выслугою лет оказавшихся в курульных креслах, их педантизм, нетерпимость, боязнь признать за новою мыслью научность и силу, их недоверие и брюзгливая подозрительность к не испытанным путям и широким горизонтам, эти средневековые традиции, дошедшие до нашего времени, являются одной из великих причин пессимизма, нравственного одиночества, гибели молодых дарований, бессилия умственного и морального. Авгуры от науки издревле думали, что только пройденные ими пути обеспечивают шествие науки вперед и только солидарные до мелочей с ними их верные ученики и последователи достойны «лона отчего» в науке.

Малое количество великих людей среди представителей казенной науки доказывает обратное. Гоббс, Огюст Конт, Герберт Спенсер, Стюарт Милль, Дюринг и т.д. и т.д. – сколько великих деятелей ума были непричастны к «академической учености», между тем как мало не гонимых, которые бросили бы векам «мысль плодovitую», оставили бы «гением начатый труд». Эта самая идея лежит в основании трилогии Кнута Гамсуна, и великая общечело-веческая идея эта представлена здесь в образах, которые глубоко оригинальны. В энергичных художественных масках, в недоговоренном слове, в чуть-чуть нарисованной картине, в таинственном намеке, северный художник дает нам черты жизни и быта в Норвегии, изображает и чарующую северную природу, и подобных ей героев, сильных, прямолинейных, которые с решительною волей соединяют наивность и нежность. Кнут Гамсун преимущественно поэт, все

картины которого озарены таинственным и нежным, северным светом. Пред нами Карено, упрямый, углубленный в свои мысли, верящий в свои силы, не считающий жертв на пути к идейной цели, ибо он происходил из немногочисленного, но «гордого и упрямого племени», стремящегося к своей независимости...

Отвергнутый всеми и покинутый женой, он в «Драме жизни» является репетитором у богатого Отермана и здесь в башне сидит над своим сочинением. «Наши глаза видят все предметы выпуклыми; я попробую видеть плоскости. Это возможно. Я научусь большему, я исследую все и все запомню. Стекла и свет, говорю я; стекла и свет! я возлагаю на это некоторую надежду. Быть может, мне удастся при помощи оптического обмана несколько расширить мое земное познание. Это, может быть, удастся. Я проясню свой мозг светом, приведу себя в состояние некоторого рода ясновидения... (взволнованно) О, о, как бы я желал доискаться до сути... Я попробую всевозможные способы... Я ходил долго по своей комнате и выплакивал, выдумывал это... Фрекен Терсита, Гете отдавал предпочтение тем, кто неправильно шел своим собственным путем пред теми, кто правильно шел по чужому пути... Я знаю, что знают люди, но я хочу знать больше». При могучей жажде знания, готовый во что бы то ни стало расширить круг человеческого видения, признавая, что знание есть самоцель и высшее благо жизни, Карено в своем ненасытном стремлении исследовать, размышлять, творить не останавливается даже из-за того, что знание относительно, что истина в своем абсолютном значении непознаваема. Он говорит: «А так как нет ничего совершенно абсолютного, то я сажаю с превеликим удовольствием «химеру» на трон, приказываю ей существовать, как факту, снабжаю ее значением, возлагаю на нее корону».

Чем же кончается эта затея Карено – создать новую философскую систему? – Башня, где он работал, сгорает и рукопись в ней. Снова философ терпит неудачу.

Эта драма обставлена символическими образами. В горах нашли белый мрамор, который с ума сводил Отермана. Его странная дочь Терезита умирает от выстрела пистолета, который был в руках справедливости Тю, какого-то загадочного существа. Пьеса полна ужаса и бед, полна каких-то таинственных странных влияний, но тем не менее вызывает живое, реальное настроение печали, столь характерное для

нашего времени. В самом конце пьесы мы видим Карено в отчаянии от обрушившихся несчастий: железный человек сломлен, протестующий своевольный дух начинает смиряться; он принимает все совершившееся, как «кару небесную за грех» и глубоко склоняет свою упрямую голову пред «Мудрою Немезидой». А дальше начинается грустный «Закат» Ивара Карено. Постепенно, шаг за шагом мучаясь сомнениями и колебаниями, твердый и непреклонный Карено уступает обстоятельствам и изменяет убеждениям юности. Чего не достигли бедность и неудача, то было достигнуто славою, богатством и старостью. Слава Мира сего уловляет умы и смягчает строптивых!

Элина Карено, разбившая навсегда личную жизнь Ивара, снова захотела жить под одной кровлей с ним, ибо Карено к пятидесяти годам стал знаменитым мыслителем. Она теперь богата, получив наследство от своих родителей. Бондесен, влиятельный журналист, друг Элины Карено, стал благодетелем к Ивару и увеличивает его славу своей газетой, делает его, незаметно для него самого, орудием политической партии.

Долгие колебания Ивара – остаться ли с этими людьми в богатой обстановке и славе, или примкнуть к партии тех, которые исповедуют его юношеские идеалы, кончились закатом личности, ставшей орудием честолюбивых людей. «Так начался закат Заратустры!». Таре, восторженный ученик Карено, представитель партии молодых напоминает ему, что он писал в юности, господин Карено, мы хотели бы просить вас быть твердым. Вам теперь за пятьдесят лет, у вас седые волосы; но все-таки держитесь твердо – вы дали бы великий пример нашему народу!». Таре увеличивает страдания и сомнения Карено, когда напоминает ему его смелые юношеские мысли. «Чему должна быть отдана молодость? тому, чтобы почитать старость?» почему? это учение – измышление самой старости, ставшей бессильной. Когда старость не может больше выдержать жизненной борьбы, разве она уходит и прячется? нет, она забирается на самые высокие престолы и заставляет молодежь оказывать ей почести и уважение. И если молодые слушаются, старые сидят там наверху, на своих высотах как большие костлявые птицы, и от удовольствия трясут головами над послушной молодежью. Слушайте меня вы, молодые, подложите пороху под эту старость, очистите престолы и займите их сами, ибо ваша честь и власть навеки».

«К пятидесяти годам человек психически и физически стареет. Он уже тяжело дышит, если ему пришлось завязать шнурки своих башмаков; он уже нуждается в отдыхе, если кропает книжку». Карено изумляется своим юношеским мыслям, он не хочет слушать Таре. «Нет, говорите он, это было поспешно написано... я с тех пор стал зрелым человеком. Неужели я, действительно, все это написал? – Да, но двадцать лет тому назад».

Философия смелой и сильной личности, что видим мы у Шопенгауэра и у Ницше, уже не под силу старику Ивару Карено. Сама природа клонит его к закату и к измене юности; он будет работать для молодежи не как живой пример и учитель, а «в качестве министра культуры» и, вступив в мирную «гавань», он обращается к приветствующей его толпе с новым своим исповеданием: «Я никогда вас не покину; ибо мне хорошо среди вас, ваша точка зрения становится моей... вы указываете мне путь к тихому закату. Отныне ваша вера – моя вера. И я хочу ее высоко держать и защищать и вести к победе». Он «сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал». Карено примирился с безнравственной женой, примирился с Бондесеном, признал его дочь своей, примирился даже с толпой; он назвал «гаванью» лживую, лицемерную, но комфортабельную и внешне уютную жизнь, на которую променял поднебесье орла, и уверяет всех, что спокоен и счастлив. Но сколько грусти, когда будущий министр, надев халат после шумных оваций толпы, за чайным столом в своей красивой гостиной рассказывает маленькой Сари сказку: «Был человек, который ни перед чем не хотел склоняться!...». Хочется плакать, глядя на «счастливого» Ивара Карено.

Оба произведения: и «Пан» и «У врат царства» – проникнуты индивидуализмом и вместе с тем пессимизмом. Кнут Гамсун любит Ницше и Шопенгауэра и, нужно предполагать, ими зачитывался. Он любит сильную автономную личность, молодость и бодрость. Но он знает, что сильная личность преследуется обществом (как лейтенант Глан), или подкупается славой, или сама, наконец, утомленная, клонит голову пред соблазнами Мира. Нет сильной и моральной личности! Нет сильной и счастливой личности! Если сильный человек не подчинится судьбе, то, сохранив свою моральную ценность, не увидит счастья. Ему нет места в жизни, нет радостей ее, у него нет семьи. Как Ницше, сильный человек должен сказать: «Моя невеста – бесконечность, на ней женюсь я».

Эта же идея проникает его вдохновенное произведение, «крепкое и сильное, как вино», в котором «целое королевство, маленький шумный мир настроений, голосов и образов», над которыми высится таинственная, из бездонных глубин жизни идущая, властительница – любовь, «твердая, как несокрушимая скала, которая горит неугасаемым пламенем до самой смерти, ибо она вечна».

В «Виктории» снова видим мы, что человек счастлив, когда он на лоне природы, среди птичьих гнезд и лесных друзей – сосен и елей, среди раковин близ прозрачной реки, на уединенной мельнице своего отца или в пещере беседует с великанами. Тогда сказка жизни мила и светла, таинственно прекрасна и полна великих, не израненных жизнью героев. Как любит наш автор природу и сказку ее, сказку Вселенной, еще не омраченной ни позитивизмом, ни модами, ни предрассудками, ни заботами, ни славолубием, когда сердце человека еще не обмануто, душа не искалечена ревностью, изменой, бессильной борьбой!

«Сын мельника шел и думал. Он был крепкий малый четырнадцати лет, загорелый на солнце и ветру, полный разных идей. Когда он вырастет, он будет рабочим на спичечной фабрике. Это было бы так восхитительно опасно, пальцы у него могли бы оказаться в сере, и никто не решился бы здороваться с ним. Его страшное ремесло внушало бы его товарищам большое уважение к нему».

Так начинается эта поэма языком бодрым, живительным, полным силы лесов, гор и великих рек. Как вы начали читать, вам уже не расстаться с книгой. Сначала вас увлекает бодрая сказка жизни, сына мельника, его отроческая, причудливая фантазия, потом понемногу вы будете испытывать печаль, и все больше и больше... Ваше сердце стонет, и вы быстро читаете роман... Когда вы его прочтете, вы рассердитесь на автора... Слишком уж много грусти, неутешная печаль в его книге. Через два-три дня, поуспокоившись, вы будете думать, отчего наша жизнь не первая только глава поэмы «Виктория»? Где старые мечты человечества, которые хотел воспроизвести Жан-Жак Руссо и за ним сантименталисты и романтики? Сантиментализм и романтизм разрушаются под ударами современного волонтеризма, учения о сверхчеловеке, философии одиночества и незнания (Соллипсизм). Обесцветилась жизнь, погибли пышные цветы веселья и радости, и печаль овладела миром. Умерла Виктория, краса и цветок жизни, под напором жизненных

законов истории и жизни... И нет целесообразности в Мире, утрачена старая вера новыми писателями. Бесконечно жаль жизнерадостного, искреннего талантливого Иоганнеса! потому ли он так страдал, имея славу, талант, что слишком оригинален и не подходит к обыденной жизни, и один ли он несчастен или все проникнуто мировой грустью? Грустно... Да, в конце концов, в романе «Виктория» все несчастны. Причина этого коллективного страдания здесь очевидна более, чем в поэме «Пан» или в драме «У врат царства». В тех произведениях причина мировая, психическая. Люди не принимают все оригинальное и самобытное, гонят все, не согласное с ними. Партийность – нечто трудно устранимое в истории общества... В последнем же произведении, в «Виктории», причина страданий героя и героини явно в устранимых социальных условиях, в предубеждении, что дети должны быть принесены в жертву материальному состоянию родителей, во взгляде, что общество состоит из высших и низших.

«Пока были детьми (сын мельника Иоганнес и Виктория, дочь владельца усадьбы), они понимали друг друга, и ничто их не отделяло. Что говорите, чем интересуется сын мельника, то понятно «дочери замка».

«Они входят в пещеру. Он показывает ей на один камень и говорит:

- На этом камне сидел великан.
- Ой, не говори больше, не рассказывай мне ничего. И тебе не было страшно?
- Нет.
- Ведь ты говорил, что у него только один глаз; но ведь это только у троллей один глаз?

Иоганнес задумывается.

- У него два глаза, но на один он слеп».

Так разговаривают дети о великане, пока оба не испугались образов своей фантазии и не вышли из пещеры. Ни родители, ни тщеславие, ни различие положений, ни мировоззрение, никакие социальные условия не стояли между ними. И были счастливы Виктория и Иоганнес...

Но вот они выросли, и взгляды на мир должны были разойтись; оба они сказали, что он – сын простого мельника, что она – дочь человека, имеющего связи с аристократами города... И счастье улетело... Но судьба благоприятствовала. Великий талант Иоганнеса сделал его известным писателем. Известность тоже аристократизм. Случайность социального

положения была уравновешена личными дарованиями. Казалось, счастье и взаимное понимание снова делаются возможными. Но известность еще не есть богатство, знаменитость еще не власть, и удар судьбы обрушился на доверившихся ей Иоганнеса и Виктории.

– Господи, да разве вы не понимаете сами, что папа никогда не согласился бы? Зачем заставляете вы меня говорить это? Вы хорошо понимаете сами, вы видите, что из этого никогда ничего не вышло бы. Разве я не права? Так говорит любящая Виктория влюбленному в нее Иоганнесу, и великое несчастье было результатом этого, потому что «любовь – ветерок, проносящийся над розами, нет, электрическая искра в крови. Любовь – адская музыка, заставляющая плясать даже сердце старика. И любовь стала первоисточником Мира и владычицей его. Но все ее пути усыпаны цветами и залиты кровью. Цветами и кровью».

Почему Иоганнес, ставший знаменитым, перешагнувшим общественную преграду, любящий Викторию, в него влюбленную, почему он так счастлив? Потому что все имение отца Виктории «запущено, заборы повалились, леса повyrублены, поля не возделаны; если правда все то, что рассказывают, то надо только удивляться той несоразмерно громадной сумме, за которую застрахован дом... Вообще здесь в замке привыкли к крупным суммам... «Ну, да денежки зятя опять восстановят бывшее великолепие».

Старик, отец Виктории, хотел поправить свои финансовые дела при помощи брака красивой Виктории с лейтенантом Отто, отец которого имел большое политическое значение. Вот тот злой рок, который умертвил Викторию и опустошил душу Иоганнеса, сделавши его одиноким; но наш поэт верит в правду, («мне отмщение и Аз воздам»)... Лейтенант Отто, жених, был застрелен на охоте, а отец Виктории сгорел во время пожара замка, зажженного им самим.

Был момент в конце романа, когда еще доля счастья была возможна, но у героя не хватило величия духа, чтобы до конца терпеть, не рассердившись ни на кого... ибо в конце концов люди не властны над своими мыслями, желаниями. Был один момент, но он прошел, и Виктория умерла со словами любви к Иоганнесу.

«Когда я буду отлетать от земли, то я до последней минуты буду благодарить Вас и мысленно называть Ваше имя во время всего пути... Благодарю вас за каждый день и каждый час. Больше я не могу – Ваша Виктория».

«Внесли лампу и мне стало светлее. Я лежала в забытьи и опять была далеко от земли. Слава Богу, это было не так ужасно, как в тот раз, – я слышала музыку, а главное, не было темно. Я так благодарна. Но больше у меня нет сил писать. Прощай, любовь моя»...

Так звучали в последний раз нежные струны богатой чувствами души Виктории. Больше этих звуков... нет... арфа сломана, и цветок жизни увял, и невообразимая грусть овладевает душой читателя. Может быть, наша жизнь – самая печальная мелодия мировой души, хочется сказать по окончании «Истории одной любви», которая показывает все шипы и уколы этого нежного цветка, таинственного чувства – любви.

Великие люди для нашего Льва Николаевича Толстого ничто, история идет по неизвестным нам путям. Но Кнута Гамсуна занимают именно сильные люди (как и Ибсена). Только второго интересуют люди моральной идеи: пасторы, проповедники, борцы правды, а первого – литераторы (Иоганнесъ), философы (Ивар Карено), изобретатели, каков герой интересной повести из жизни Северной Норвегии. Эти герои Гамсуна большею частью неудачны в жизни, также и в любви, как будто женщина идет только за победителем.

Наш автор постоянно ищет выхода из коллизии личности и общества, ищет людей сильных и оригинальных, которые, однако, умеют сойтись с обществом и быть полезным его деятелем.

Таков Роландес (герой «Сумасброда»). Этот телеграфист в Северной Норвегии, любитель природы, и изобретатель рыбьего клея. Чтобы получить четыреста талеров, необходимых ему для опубликования своего изобретения, объявляет себя вором, укравшим у торговца Макка двести талеров, потому что последний для поддержания своего реноме, как богатый человек, обещал четыреста талеров тому, кто придет и скажет, что он украл. Когда же нашелся настоящий вор, телеграфист уезжает на прибрежный остров, где и живет на лоне природы, прикидываясь сумасшедшим, когда приплывали люди к острову. Между тем телеграммы его уже были посланы всем фирмам об изобретении. Через месяц он получил телеграммы, что его изобретение покупается за огромную сумму. Макк, постигший все это, видя в сумасбродном телеграфисте замечательного человека и боясь его конкуренции в рыбном деле, решается перестроить свою фабрику по предложению Роландеса и берет

его заведующим этой фабрикой. Итак, герой выплыл на поверхность жизни после тяжких испытаний, благодаря своему изобретательному уму.

Женские типы, как и в других произведениях, отличаются некоторой «таинственностью»: то они любят упорно и безрассудно, когда уже видят к ним равнодушие, то не знаешь, что они чувствуют, на что решатся. Так Элиза, дочь Макка, отказавшая в руке Роландесу, когда он был простым телеграфистом и, странно державшаяся все время до самого момента обручения с капитаном прибрежного парохода Хенриксеном, вдруг объявляет, что она не может быть женою последнего и ласково гладит по руке Роландеса, у которого закружилась голова от радости. Что же подействовало на Элизу Макк? – слава ли изобретателя, ревность ли к юмфру Фон Лоос, которая безнадежно любила телеграфиста и жаждала быть его женой, а, может быть, старая любовь к «Сумасброду» проснулась в непонятной Элизе. Женскую душу понять невозможно, и Кнут Гамсун рисует ее всегда неуловимой, капризной, нелогичной. Взволнованная отношением к ней Роландеса на балу, Элиза Макк с крупными слезами на сияющем лице подходит к своему жениху капитану Хенриксену и коротко заявляет: «Я не могу», и столь же кратко отвергнутый жених отвечает «хорошо». Герои Кнута Гамсуна вообще не многословны и с полуслова понимают, в чем дело.

По прочтении произведений нашего автора думается, что герои его далеко не все плод фантазии писателя; между ними встречаются лица, по-видимому, действительного мира, наблюдаемая автором в Северной Норвегии или Христиании. Одни и те же лица повторяются даже с сохранением имен, а не только характеров и особенностей в различных произведениях. Так, торговец Макк встречается и в поэме «Пан», и в повести «Сумасброд». Даже мелкие внешние признаки повторяются. «И старый Макк был также доволен и на нем был надет даже тот орден, который ему пожаловал король во время своего путешествия по побережью Финмаркена», это в «Сумасброде»; тоже и в «Пане». «Мой дедушка консул Макк получил эту застежку из собственных рук Карла Иоганна, говорил г-н Макк и показывал пальцем на свою бриллиантовую застежку».

Люди нравственного долга, проповедники морали не занимают Кнута Гамсуна и эти образы у него не яркие, не значительные; автор отводит им в жизни второстепенное

значение. Так например, священник в «Сумасброде», идеально настроенный, деятельно хлопочущий о добродетели, ничего не достигает своей работой и часто оказывается даже в смешных положениях. В эту силу ницшеанец-поэт мало верит и представляет живую противоположность Ибсену, который наделил своего Бранта сверхчеловеческими чертами.

В литературе XIX века наблюдается за все время два противоположные течения. Одно совершенствует и развивает уже установившуюся литературную традицию, и свято охраняет богатое литературное наследие начала века; другое – имеет в прошлом только случайных или мало значительных предшественников; он ищет новых путей в искусстве, стремится к созданию иных форм, иных образов. На протяжении XIX века однако можно насчитать уже немало имени очень крупных, которые идут влево от традиции и провозглашают абсолютную свободу творчества. Это так называемые модернисты: Моррис, Тениссон, Уитман, Оскар Уайльд, Бодлэр, Сюлли-Прюдом, Метерлинк, Верхарн, Гауптман, Ведекинд, Пшибышевский и т.д. и т. д. Их всех соединяет абсолютная свобода творчества, жажда новых откровений, импрессионизм изображения, новизна языка, любовь к таинственному и неизведанному, страстное поклонение природе, и «рядом с восторженными вспышками» у них у всех по выражению Бальмонта, «так много самой большой тоски».

Индивидуализм со времени философии Ницше становится главным мотивом произведений современных писателей.

Кнут Гамсун – один из ярких и наиболее своеобразных представителей модернизма. Его индивидуализм прежде всего бросается в глаза. Сильные личности, оригинальные люди страдают, но они горды, не клонят своей головы перед обстоятельствами и людьми. «Пан» предпочел быть застреленным, чем идти на компромисс, на сделку со своим сильным и глубоким чувством. Ивар Карено только на закате дней изменяет себе и то после больших колебаний. Иоганнес предпочел остаться одиноким, чем молить о взаимной любви Викторию. Герой «Голода» беден, но высоко о себе думает и полагает, что он на многое способен, выбирает самые значительные темы для своих сочинений, – о «будущем преступлении», или о «философском сознании» в трех томах.

Но все сильные духом несчастны и одиноки. Социальный пессимизм — вторая черта творчества нашего автора. Эти

сильные люди не приспособлены к жизни. Они одиноки в своих чувствах и мыслях. Эти характеры, гордые, непреклонные, выше всего ставящие свое я – одинокие и могучие – родные братья Заратустры, Раскольникова, Ивана Карамазова. И в этом отношении Кнут Гамсун именно приближается к Ницше и Достоевскому и, несомненно, находится под влиянием этих авторов. Общество рисуется холодным, равнодушным к братьям узко партийными. Пролетарий герой «Голода», ничего не найдя в великолепной Христиании, уезжает оттуда простым юнгой, смотря на светлые окна роскошных домов столицы Норвегии. Но эти пролетарии горды и упрямы. Они напишут о «будущем преступлении». Они некогда повлияют на ход культуры; они не побоятся опровергнуть «Софизмы» Канта. Пока их мало, они одиноки.

Все эти герои действуют в северном климате, там, где короткое лето и долгая зима, где таинственна природа, причудливы горы, сумрачны леса и светлы фиорды; где характеры железные, где сказки представляют самые темные стороны жизни (напр. описание чумы в Северной Норвегии в «Драме жизни»).

Женщины Кнута Гамсуна несамостоятельны, неопределенны, непонятны, и вместе с тем несчастны. Эдварда выйдете замуж без любви за барона, Виктория умирает, Фрекен Терезита убита пулей из рук «справедливости». Элиза Карено была игрушкой в руках страсти и легко меняется в лучшие годы своей жизни.

Кисть художника все это рисует символично, при помощи анализа, мгновенных сумрачных скоро переходящих настроений, ибо, по выражению Оскара Уайльда «теперь живопись и поэзия преимущественно желают служить посредниками по воспроизведению моментальных положений жизни и видов природы». («Эстетический манифест»).

Как все вообще модернисты, Кнута Гамсун является не только певцом природы, но и певцом любви. Природа и любовь – две стихии, которые всегда прекрасны, если прозаический, утилитарный ум человека не трогает первой, не рубит пышных лесов для фабричных труб не наполняет чадом живительный воздух не мутит нефтью и грязью прозрачной, обильной чистой водой реки. Любовь прекрасна, когда она подобна природе, когда она крепка, могуча и сладостна и не омрачена людскими предрассудками, ложными взглядами, лицемерными правилами.

Любовь у героев и героинь норвежского писателя вспыхивает мгновенно, как искра, часто пламенем охватывает всю душу и доводит до гибели, как например, было с лейтенантом Гланом в «Пане», с Иоганнесом в «Истории одной любви» и др. Могучая любовь при столкновении с житейскими условиями, переходит в страдание, часто кончается смертью героев. Любовь занимает доминирующее положение в их жизни, и ради нее приносятся в жертву все соображения о будущем, все выгоды, все дела. Так, герой «Сиесты», раз только увидав девушку, не может расстаться с ее образом и, спустя четыре года после этой случайной встречи, увидев лицо своей «царицы Савской» в окне вагона, близ которого он неожиданно оказался, забывает дело, за которым он приехал, забывает о господине, который его ожидал для важного делового разговора, и без пальто с одной только дорожной сумкой вскакивает в поезд, несущий незнакомку, и едет неизвестно куда, в смутной надежде познакомиться с прекрасной «царицей Савской». Бедная девушка, служанка в другом рассказе, внезапно полюбив одного из посетителей ресторана, где она служила, лишается из-за него места, отдает ему последние деньги и при этом едва знает его имя, решительно не имеет никаких надежд не только на взаимность, но даже на простое внимание.

Любовь прекрасна и таинственна; она вся освещена мистическим светом, она, как судьба, и бороться с любовью бессмысленно.

В признании господствующего начала любви, в культе любви и пола Кнут Гамсун также всецело принадлежал к модернистам; но любовь в его произведениях есть духовное начало, глубокое, таинственное и роковое, и он совершенно далек от певцов плоти, как Оскар Уайльд, Уитман, Пшибышевский и др.

Кнут Гамсун – лирик по преимуществу и лирик своеобразный.

Жизнь и природа рисуются сквозь призму рефлексии и воспоминаний в отрывках то с радостью, то с болью.

Все же возникает перед нами мирная картина жизни на севере. Перед нашими взорами проходит жизнь сильного народа, склонного к индивидуализму и экзальтации, согласного идти на подвиг не боящегося быть одиноким. Эта сила духа гармонирует с суровой природою, но этот сильный народ способен на тонкие, нежные чувства, и это вторит светлой весне севера, грустной осени, белым ночами звонким песням водопадов и ручьев в сумрачных борах зеленым цветочкам,

встречающимся на ясных полянах возле дороги, ведущей на скалы.

Таков оригинальный сильный талант глубоко и напряженно творящего Кнута Гамсуна.

Но он еще не сказал своего последнего слова.

Есть признаки, дающие думать, что он – одна из первых ласточек грядущей великой поэзии (еще не иссякшего в своей энергии) севера, ибо, по-видимому, приходит пора, когда на арену истории выступают новые народы и новые расы; они засияют своим оригинальным светом к тому времени, когда одряхлевшая Европа с наклоненной головой встретит свой закат, примирившись с судьбою.

К. Жаков

ISBN 978-5-906394-41-5

Научное издание

К.Ф. ЖАКОВ:
ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА

Коллективная монография

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка, литературы и истории
Коми НЦ Уральского отделения РАН.

Компьютерная верстка – Сысуева В.В.

Подписано в печать 10.04.2018.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 19,31.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ № 025/2018.

Отпечатано в ООО «Типография «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, т. (8212) 21-48-36